

Семь искусств 9/2015

Журнал
Редактор Евгений Беркович

СЕМЬ ИСКУССТВ

Наука

Культура

Словесность

9/2015

Журнал

**«Семь искусств»
№ 9 (66) 2015**

Редактор и составитель
Евгений Беркович

Художник
Дорота Белас

Семь искусств
Ганновер 2015

Журнал «Семь искусств» № 9 (66) /2015 — Ганновер:
Семь искусств. 2015. — 356 с., 19,1 а.л.

«Семь свободных искусств – основа воспитания, которое надлежит
давать не для практической пользы, но потому, что оно достойно
свободнорожденного человека и само по себе прекрасно».
Аристотель. "Политика".

Семь искусств
Ганновер 2015

Оглавление

<i>Евгений Беркович</i> Томас Манн глазами математика	5
<i>Анатолий Сонин</i> Восприятие теории относительности в советской философской литературе в 1920-1930-е годы	27
<i>Василий Демидович</i> Интервью с Благовестом Сендовым	56
<i>Анатолий Добрович</i> Два эссе о Мандельштаме	106
<i>Игорь Мандель</i> Двумерность трех культур	113
<i>Сергей Чевычелов</i> Перед покоем (В поисках клиники Стравинского)	144
<i>Фридрих Горенштейн</i> Читая книгу Мины Полянской...	162
<i>Елена Кушнерова</i> Mission: impossible. Конкурс пианистов имени Паломы О'Ши (Paloma O'Shea) в Сантандере	165
<i>Борис Тененбаум</i> Проблемы правления при несогласии управляемых. Главы из новой книги «Израильские войны»	175
<i>Валерий Пахомов</i> Интернат. Мемуаразмы — мемуары и размышления	183
<i>Дина Ратнер</i> Мы ли выбираем себя. Предисловие Виктора Кагана	208
<i>Виктор Каган</i> Рыцари особого назначения	223
<i>Азарий Мессерер</i> Русские корни великого американского писателя	238
<i>Вера Кузьмина</i> Девочка рисует. Стихи	248
<i>Генрих Тумаринсон</i> Как ноги ссорятся. Стихи для детей	253
<i>Александр Танков</i> Ниневия	264
<i>Мина Полянская</i> Портрет человека в капроновой шляпе	268

<i>Елена Матусевич</i>	
Зимний визит. Рассказы	273
<i>Виктория Жукова</i>	
Про Ривку. История первая	280
<i>Александр Бабушкин</i>	
Проспект энгузиастов. Рассказы	285
<i>Ян Пробштейн</i>	
Прекрасное пленяет навсегда. Джон Китс (1795-1821)	
Предисловие и перевод Яна Пробштейна	299
<i>Давид Шемокмедели</i>	
Три рассказа. Перевод Владимира Саршивили	305
<i>Юл Бердичевский</i>	
Иерусалим. Лето. Кинофестиваль	316
<i>Дина и Сергей Баймухаметовы</i>	
Зеленый мир	325
<i>Игорь Ефимов</i>	
Закат Америки. Саркома благих намерений	336

Евгений Беркович

ТОМАС МАНН

ГЛАЗАМИ МАТЕМАТИКА

(продолжение. Начало в № 7/2015)

Часть третья. Мистика чисел

«Поперек номера 34»

Томас Манн не скрывал, что с суеверным трепетом относился к некоторым датам. Он родился в 1875 году, в середине десятилетия, и считал, что главные события его жизни тоже происходят в годы, оканчивающиеся на пятерку. В «Очерке моей жизни», говоря о предстоящей 11 февраля 1930 года серебряной свадьбе, он писал:

«День празднования знаменательной годовщины нашего союза уже совсем близок. Он приходится на год, в цифровом своем выражении заканчивающийся числом, знаменательным для всего моего бытия; в зените некоего десятилетия появился я на свет; между серединами десятилетий прошли пятьдесят лет моей жизни, женился я на середине десятилетия, спустя полгода после того, как оно перевалило за половину. Моя приверженность математической ясности согласна с этой расстановкой, как и с тем, что мои дети появились на свет и свершают свой жизненный путь в трех созвучно — хороводных, парами расположенных сочетаниях: девочка — мальчик, мальчик — девочка, девочка — мальчик. Я полагаю, что умру в 1945 году, в возрасте моей матери» (IX, 143).

К счастью, в своем прогнозе писатель ошибся, судьба подарила ему еще десять плодотворных лет, а нам, его читателям, среди прочих его поздних сочинений, выдающийся роман «Доктор Фаустус». И все же предсказание оказалось отчасти верным: Томас Манн скончался «в зените некоего десятилетия» — 12 августа 1955 года. Не зря в большом эссе «История „Доктора Фаустуса“. Роман одного романа»^[1], написанном в 1949 году, через два года после выхода в свет самого романа, он объяснил: «Исполнение пророчеств, <...> — дело мудреное; подчас они сбываются не буквально, а на какой-то символический лад» (IX, 290).

Числом-символом для писателя, без сомнения, являлась семерка. В седьмой главе «Волшебной горы» автор признается в своей симпатии: «для сторонников десятичной системы это не достаточно круглое число и все же хорошее, по-своему удобное число, можно сказать — некое мифически-живописное временное тело, более приятное для души, чем, например, сухая шестерка» (IV, 515).

Это число фигурирует во многих народных сказках, мифах, легендах. В романах Томаса Манна число *семь* нередко определяет структуру произведения и дает повод для забавных, иногда ложно глубокомысленных, а иногда остроумных и неожиданных литературно-числовых игр, позволяющих по-новому взглянуть на авторский замысел.

Томас Манн

Первое наблюдение очевидно: «*Волшебная гора*» состоит из семи глав. Но этого мало, некоторые исследователи идут дальше и подсчитывают число подразделов, на которые поделены главы, ища и здесь заветную семерку. На первый взгляд, здесь их ждет неудача, ведь всего в романе пятьдесят один подраздел. Но настойчивость и смекалка и здесь находят выход. В диссертации Гертруды Каст, защищенной в Боннском университете в 1928 году ^[2], предлагается внимательно присмотреться к названиям подглав «*Волшебной горы*». Тогда мы заметим, что в седьмой главе есть три подраздела, имеющие одинаковое имя: «*Мингер Пеперкорн*». Один подраздел называется именно так, второй имеет примечание в скобках: «*Продолжение*». И, наконец, третий называется «*Мингер Пеперкорн (Окончание)*». Другими словами, эти три фрагмента представляют собой расчлененный на три части один большой подраздел. И тогда общее число подразделов «*Волшебной горы*» становится равным заветному числу 49, т. е. «семижды семь». То-

мас Манн и здесь не изменил своей привязанности к *«мифически-животному временному телу»*, как он называет число семь в этом романе.

Сведение числа подразделов к 49, безусловно, остроумно, но не стопроцентно убедительно, так как упомянутые три подраздела с именем *«Мингер Пеперкорн»* идут не подряд, а разбиваются подразделом совсем с другим именем.

К слову, имя этого подраздела *«Vingt et un»* означает французскую игру «двадцать одно», или «очко». Соответствующее немецкое название этой игры «семнадцать и четыре», но Томас Манн определенно не случайно выбрал французское имя игры, где фигурирует число, составленное из трех семерок.

Чтобы обнаружить число семь в *«Волшебной горе»*, нет необходимости в таких хитроумных построениях. И без того семерка встречается в романе буквально на каждом шагу.

Уже во *«Вступлении»* автор рассуждает, сколько времени ему потребуется, чтобы создать историю главного героя:

«Семи дней недели на нее не хватит, не хватит и семи месяцев. Самое лучшее - и не стараться уяснить себе заранее, сколько именно пройдет земного времени, пока она будет держать его в своих тенетах. Семи лет, даст бог, все же не понадобится» (III, 8).

Здесь неявно обыгрываются те семь лет, которые провел в высокогорном санатории герой романа. Правда, роман потребовал больше времени. В *«Очерке моей жизни»* Томас Манн признается:

«Итак, осенью 1924 года, после бесчисленных перерывов и помех, вышел в свет роман, не семь, а в общей сложности двенадцать лет подряд державший меня в плену своих чар...» (IX, 131).

Полистаем роман. В возрасте семи лет у Ганса с его дедом состоялся важный для последующего содержания романа разговор о семи поколениях предков, крестившихся в одной серебряной купели, хранившейся в шкафу как семейная реликвия. На обратной стороне подставки к купели *«были выведены пунктиром и разнообразными шрифтами имена всех тех, кто, в ходе времени, являлись владельцами этой тарелки. Их было уже семь»* (III, 34).

В столовой санатория, куда спустился Ганс Касторп на свой первый завтрак, *«стояло семь столов в продольном направлении»* (III, 61).

Когда Ганс поинтересовался у своего родственника, сколько минут нужно держать градусник во рту, *«Иоахим поднял семь пальцев»* (III, 93). Эти семь минут, нужные для правильного измерения температуры, дали затем повод Иоахиму сделать философское замечание о времени, которое в горах течет по своим законам:

«Да, когда за ним следишь, за временем, оно идет очень медленно. И я ничего не имею против того, чтобы мерить температуру четыре раза в день. Тут только и замечаешь, какая, в суц-

ности, разница - одна минута и целых семь, при том, что семь дней недели проносятся здесь просто мгновенно» (III, 93-94).

Пойдем дальше. Семь недель провел Ганс в санатории, пока ему не сделали рентгеновское просвечивание (III, 305).

Каждые семь дней, всегда по воскресеньям, *«после обеда в вестибюле неукоснительно раздают почту»* (III, 333). Раз столкнувшись на задаче писем с прекрасной мадам Шоша, Ганс Касторп с нетерпением ожидал *«через семь дней возвращения того же часа»*. И здесь семерка служит характеристикой субъективного восприятия времени, ибо *«ждать — значит обгонять, значит чувствовать время и настоящее не как дар, а как препятствие, значит, отвергая их самостоятельную ценность, упразднить их, духовно как бы через них перемахнуть»* (III, 333).

Но не только к промежуткам времени имеет отношение любимая Томасом Манном семерка. В *«Волшебной горе»* она обозначает и важные пространственные объекты, например, номера комнат, в которых проживают герои романа. Мадам Шоша обитала в комнате 7, а Ганс Касторп въехал сразу в номер 34, собираясь пожить в нем недели три, а прожил долгих семь (!) лет. Второй подраздел первой главы романа так и называется: *«Номер 34»*.

Число 34 встречается и в других произведениях Томаса Манна, из которых нужно упомянуть, прежде всего, *«Доктора Фаустуса»*, где это число олицетворяет знаменитый магический квадрат — символ таинственной связи музыки и математики. С волшебной семеркой это число связано суммой его цифр.

Номер 34 фигурирует в сцене спиритического сеанса, которая, на мой взгляд, осталась непонятой очень многим читателями русского перевода романа *«Волшебная гора»*. Напомню, что после вызова духа поэта Холберга *«Ганс Касторп, касаясь пальцем правой руки бокала и подперев щеку кулаком левой, сказал, что хотел бы узнать, сколько же времени он в целом пробудет здесь, вместо трех недель, намеченных вначале»*. На этот вопрос дух *«ответил что-то странное, как будто не имевшее к вопросу никакого отношения, и даже невразумительное. Он набрал сначала слово «иди», потом «поперек» — что уж было ни с чем не сообразно, и еще что-то относительно комнаты Ганса Касторпа, так что весь этот лаконичный ответ сводился к тому, чтобы вопрошающий прошел свою комнату поперек. Поперек? Поперек номера 34? Что это значит?»* (IV, 457).

Настойчивый вопрос *«что это значит?»* так и остался в русском переводе без ответа и без комментария. А он здесь, на мой взгляд, необходим. Дело в том, что Томас Манн использовал каламбур, работающий только в немецком языке и начисто пропавший в русском. Наречие *«quer»* по-немецки означает *«поперек»*, а существительное *«Quersumme»* переводится как *«сумма цифр некоторого числа»*. Поэтому догадливый немецкий читатель без труда узнает в выражении *«поперек номера 34»* не что иное, как *«сумму цифр числа 34»*, т. е. все то же число семь. Дух Холберга ока-

зался прав, в последнем подразделе седьмой главы Томас Манн прямо указывает срок пребывания Ганса в «Бергтофе»:

«Семь лет провел Ганс Касторп у живших здесь наверху... За всеми семью столами посидел он в столовой, за каждым около года» (IV, 515).

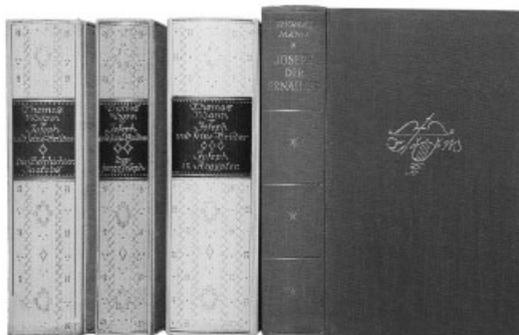
«Мистика чисел»

Семерка определяет структуру и других романов Томаса Манна. Начнем с тетралогии *«Иосиф и его братья»*.

Каждый из четырех романов, образующих тетралогию, тоже включает ровно семь разделов. Не делается исключения даже для самого короткого романа *«Юный Иосиф»*. То, что это не случайность, отмечает сам Томас Манн в упомянутом эссе *«История „Доктора Фаустуса“*: *«Я придумывал названия глав четвертого тома, занимался разбивкой текста на семь частей или „книг“...» (IX, 208).*

Немецкий филолог Оскар Зайдлин (Oscar Seidlin, урожденный Коплович, 1911-1984), эмигрировавший в 1933 году в Швейцарию, а в 1938 году - в США, попытался обосновать такое утверждение: главы романов об Иосифе, имеющие порядковый номер сорок девять (семижды семь), несут в себе более важную информацию, чем другие, в них происходят события, определяющие поворотные моменты сюжета.

Томас Манн главы в каждом разделе не нумеровал, не желая, видно, лишать таких читателей, как Зайдлин, удовольствия от маленьких открытий. Проверим гипотезу о сорок девятой главе тетралогии об Иосифе.

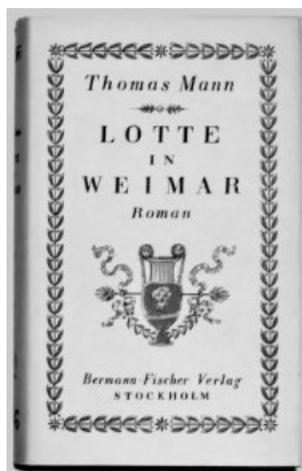
Четыре романа тетралогии "Иосиф и его братья"

В романе *«Былое Иакова»* сорок девятая глава называется *«Роды»*. В ней рассказывается о рождении главного героя тетралогии — Иосифа. Здесь, пожалуй, с Зайдлиным можно согласиться. Второй роман — *«Юный Иосиф»* — слишком короток, в нем всего тридцать глав, так что он в этой

игре не участвует. В третьей части тетралогии — *«Иосиф в Египте»* — сорок девятая глава называется *«Лицо отца»* и повествует о безуспешной попытке Мут-эм-энет, жены египетского вельможи Потифара, соблазнить юного Иосифа. Обвиненный в покушении на изнасилование госпожи, Иосиф снова попадает в «яму», из которой его извлекли в начале книги. Именно отсюда начнется возвышение героя до правителя всего Египта. Тут гипотеза Зайдлина тоже работает.

Сорок девятая глава заключительной, четвертой части тетралогии — *«Иосиф-кормилец»* - называется *«Их семьдесят»* и, на первый взгляд, ломает схему Зайдлина: в главе нет важных событий, зато ведется философский разговор о значении числа семьдесят и об особенностях счета в библейские времена, когда *«количество это определялось не счетом, а чувством числа, внутренним ощущением: тут царила точность лунного света, которая, как мы знаем, не подобает нашему веку, но в тот век была вполне оправданна и принималась за истину. Семьдесят было число народов мира, означенных на скрижалях господних, и что таково, следовательно, число тех, кто вышел из чресел патриарха, — это не нуждалось в ясной, как дневной свет, проверке»*^[3].

Однако Зайдлин находит мостик из главы *«Их семьдесят»* в ту, которая содержит важнейший для всей книги рассказ о семи тучных и семи тощих коровах. Та глава называется *«Семь или пять»* и имеет номер семнадцать, т. е. семь плюс десять. В то время, как сорок девятая глава имеет в названии число семьдесят, т. е. семь раз по десять^[4].

Роман «Лотта в Веймаре»

Бросим теперь взгляд на структуру другого романа Томаса Манна — *«Лотта в Веймаре»*, вышедшего в свет в 1939 году. Этот роман состоит из девяти глав, причем автор не стал ломать голову над их названи-

ями - каждая глава именуется порядковым числительным: глава первая, глава вторая и так далее до главы девятой (II, 759). В русском переводе эти названия неотличимы, и особая роль седьмой главы читателю не видна. Чтобы увидеть особенность этой главы, нужно открыть немецкий оригинал романа. В нем тоже главы называются порядковыми числительными: «Erstes Kapitel», «Zweites Kapitel», «Drittes Kapitel» и так далее. И только одна глава имеет в названии определенный артикль: «Das Siebente Kapitel».

Для немецкого глаза и уха отсутствие или наличие определенного артикля придает слову совершенно различные смысловые оттенки. Здесь автор дает понять читателю, что седьмая глава особенная. Она не только самая большая в романе, в ней впервые Гёте появляется «вживую», как действующее лицо, а не как предмет обсуждения другими лицами. Жаль, что в русском переводе это авторское указание пропало, переводчица Наталия Ман и редакторы собрания сочинений решили не обращать внимание читателя на такие тонкости, хотя для автора романа выделение седьмой главы было важно.

Могила Шарлотты Буф (Кестнер) — прототипа Лотты
— в Ганновере на Садовом кладбище

Наибольший простор для игр с магическими числами дает, конечно, важнейший роман позднего Томаса Манна «Доктор Фаустус». Начнем, как принято, со структуры романа. Он делится на части, которым автор не дал никакого названия, они просто пронумерованы римскими цифрами. Правда, в тексте эти части называются главами. В начале главы XIV Серенус Цейтблом, от лица которого ведется повествование, признается:

«Мистика чисел не моя сфера, и то, что Адриан с давних пор был молчаливо, но явно склонен к ней, всегда меня огорчало» (V, 145).

Если считать, что Цейтблом — это образ Томаса Манна, а для такого мнения есть много оснований, то в этом высказывании явно слышится лукавство. Томас Манн был не менее Леверкюна склонен к мистике чисел, в чем мы еще раз убедимся, рассмотрев структуру «Доктора Фаустуса».

Зная о трепетном отношении автора романа к числу *семь*, мы могли бы предположить, что последняя глава романа, а всего их около полусотни, имеет номер «семижды семь», т. е. 49. Но, к нашему разочарованию, это не так, роман кончается главой XLVII, т. е. 47. Значит, наше предположение ошибочно? Не будем спешить, лучше внимательно полистаем роман еще раз, начиная с первой главы. Вот мелькают главы с номерами десять, двадцать, тридцать... С этого момента будем листать чуть помедленнее. Далее идут главы 31, 32, 33, 34... Стоп! После главы 34 идет вовсе не тридцать пятая глава. Вместо нее в тексте стоит «XXXIV продолжение», а за ней идет «XXXIV окончание». И только потом появляется глава XXXV. Другими словами, роман состоит все-таки из сорока девяти глав, наши ожидания оправдались, только автор зачем-то выделил из всех главу под номером 34, повторив ее номер трижды. Все встало на свои места, и центральная по смыслу глава, описывающая встречу Леверкюна с чертом, располагается точно в середине романа: ее номер двадцать пять, перед ней и после нее ровно по двадцать четыре главы.

Не случайно эта выделенная из всех глава, повторенная трижды, имеет тот самый мистический номер 34, уже встречавшийся нам в «*Волшебной горе*». Цифры числа 34, взятые сами по себе, тоже символичны. Тройка («триища») олицетворяет светлое, святое, небесное, а четверка («четыре стороны света») — темное, земное, мистическое, например, магический квадрат...

Некоторые исследователи, помня, что в школе Леверкюн сидел «*над уравнениями второй степени*», играют вторыми степенями цифр 3 и 4, образующими таинственный номер 34^[5]. Квадрат числа 4, т. е. 16, задает количество ячеек в магическом квадрате, о котором мы поговорим ниже, квадрат тройки, т. е. 9, указывает на число кругов ада у Данте, что в романе о черте вполне уместно. Сумма квадратов тройки и четверки равна 25, т. е. номеру центральной главы романа, где герой встречается с князем тьмы. Кроме того, равенство $3^2 + 4^2 = 5^2$ напоминает о Пифагоре, чье имя уже встречалось в романе. Наконец, разность квадратов четверки и тройки возвращает нас к волшебной семерке, т.е. сумме цифр загадочного числа 34, гуляющего у Томаса Манна из романа в роман.

Но не только сумма цифр числа 34 «*приятна для души*», не менее популярно в числовой магии и их произведение — число 12, дюжина. В «*Докторе Фаустусе*» главное изобретение Леверкюна — двенадцатизвучие, или додекафония. Это техника музыкальной композиции в действительности предложена Арнольдом Шёнбергом, не упомянутым в романе, что вызвало нешуточный скандал. Чувствовавший себя обворованным и обманутым Шёнберг заявил по этому поводу протест, написал несколько открытых писем в американские газеты. Чтобы снять с себя обвинения в плагиате, Томас Манн вынужден был в эпилоге добавить слова об истинном авторе:

«Нелишне уведомить читателя, что манера музыкальной композиции, о которой говорится в главе XXII, так называемая

двенадцатизвуковая, или серийная, техника в действительности является духовной собственностью современного композитора и теоретика Арнольда Шенберга и в некоей идеальной связи соотнесена мною с личностью вымышленного музыканта — трагическим героем моего романа. Да и вообще многими своими подробностями музыкально-теоретические разделы этой книги обязаны учению Шенберга о гармонии» (V, 659).

В немецком оригинале, говоря о «современном композиторе и теоретике», Манн употребил неопределенный артикль, незаметный в русском переводе и имеющий смысл слова «один». Для Шёнберга такая приписка была равносильна пощечине. Он немедленно откликнулся в печати следующими словами:

«Он (Томас Манн) только усугубил свою вину в желании меня умалить: он меня называет одним (!) современным композитором и теоретиком. Конечно, через два или три поколения все будут знать, кто из нас двоих современник другого» (V, 694).

Прошло немало времени, пока конфликт между писателем и композитором был улажен.

Занятно, что за год до выхода в свет «Доктора Фаустуса» Томас Манн вспомнил число 34 совсем по другому поводу. В 1946 году отмечалось семидесятилетие Бруно Вальтера, дирижера и композитора, давнего друга писателя. Поздравляя юбиляра, Томас Манн сетует на несовершенство английского языка: «Дорогой друг, это досадно. Только что мы после строгого испытательного срока длиной в 34 года договорились в дальнейшем обращаться друг к другу на "ты", а теперь я должен писать тебе письмо по случаю дня рождения, в котором это прекрасное начинание вообще не проявляется, так как на этом проклятом сверхцивилизованном английском даже к своей собаке обращаются "you"»^[6].

Я уже обращал внимание читателя на то, что «строгий испытательный срок» не мог длиться 34 года и был, по крайней мере, на два года короче^[7]. Знакомство Кати и Томаса с Бруно Вальтером началось при «смешных обстоятельствах»: по дороге в школу Клаус Манн дергал Гретель Вальтер за волосы. Та пожаловалась отцу, и Бруно позвонил Кате Манн. В своих «Ненаписанных воспоминаниях» она начинает этот эпизод со слов «Мы были соседями по Герцогпарку» (Katia, 54).

В Герцогпарке Манны жили в двух местах: с 1910 по январь 1914 - в большой квартире на Мауэркирхерштрассе, 13, а с января 1914 по февраль 1933 - в роскошной собственной вилле на Пошингерштрассе, 1. Дом Вальтеров стоял на той же Мауэркирхерштрассе и имел номер 30. В книге воспоминаний «Тема и вариации» Бруно упоминает, что Манны жили в конце «короткой Пошингерштрассе, непосредственно на берегу Изара»^[8]. В этот роскошный дом Томас Манн переехал с детьми в начале января 1914

года. В письме брату Генриху от 7 января Томас сообщает: «*Я ведь с детьми перебрался в наш дом — без Кати, отчего, конечно, половина удовольствия полетела к чертям*» (Manns, 154).

Катя в это время лечилась на высокогорном курорте в Швейцарии и вернулась домой только 12 мая 1914 года^[9]. Таким образом, звонок Бруно Вальтера Кате Манн, с чего началось знакомство, не мог произойти ранее лета 1914 года, а с учетом школьных каникул, скорее всего, случился осенью того года. Так что до семидесятилетия Бруно, отмечавшегося в сентябре 1946 года, прошло не более тридцати двух лет, а не тридцать четыре, как сказал в поздравлении Томас Манн.

Весьма вероятно, что эта ошибка связана с тем, что писатель в это время заканчивал «*Доктора Фаустуса*», в котором число 34 играет не менее важную роль, чем в «*Волшебной горе*», ведь оно лежит в основе магического квадрата, ставшего символом романа о немецком композиторе Левекюне.

«Господин тайный советник»

Как мы уже говорили, Томас Манн не сделал своего героя математиком, а выбрал для него музыку, обосновав это тем, что Левекюну она «*всегда представлялась магическим слиянием богословия и математики, интереснейшей из наук*» (V, 171-172).

Такой выбор писателя понятен, ведь в музыке он ориентировался значительно лучше, чем в непонятной науке о числах, фигурах и отношениях. Это и немудрено: хотя Томас Манн не имел профессионального музыкального образования, у него всю жизнь были талантливые музыкальные наставники и консультанты.

Любовь к музыке передалась Томасу от матери, Юлии да Сильва-Брунс, которая неплохо играла на фортепьяно и охотно пела песни на музыку Моцарта, Шуберта, Брамса и Шумана. В Любеке юноша учился игре на скрипке, посещал оперные спектакли. Но настоящее погружение в музыкальный мир ожидало Томаса Манна в Мюнхене, куда он переехал после окончания реальной гимназии в 1894 году. Наибольшее влияние на развитие музыкальных вкусов будущего нобелевского лауреата оказали тогда братья Эренберги, старший Пауль (1876-1949) и младший Карл (1878-1962).

В уже цитированной автобиографии «*Очерк моей жизни*», Томас Манн запутался в возрасте братьев и ошибочно назвал Карла старшим:

«Карл, старший, музыкант по профессии и композитор, в настоящее время — профессор Кельнской консерватории. Когда я позировал его брату для портрета, он в своей столь характерной манере изумительно плавно и благозвучно играл нам "Тристана". Я тоже немного пикировал на скрипке, и мы вместе исполняли сочиненные им "трио"» (IX, 103)^[10].

Следующим музыкальным наставником Томаса стал Бруно Вальтер (1876-1962), знаменитый дирижер и пианист. Он был соседом Маннов не только по Герцогпарку в Мюнхене, но и во время их жизни в Калифорнии. Катя вспоминала: *«Каждый раз, когда он заново разучивал какую-то работу, оперу, симфонию, концерт, он был полностью этим переполнен. Он целиком отдавался новой вещи, и она становилась для него чем-то выдающимся. Он хвалил ее, любил, удивлялся ей, восхищался. И если он к нам приходил, то часами играл ее на фортепьяно, подпевал, объяснял нам действие или указывал на особенные красоты произведения ...»* (Katia, 55-56).

Пауль и Карл Эренберги

Принимаясь в 1943 году за «музыкальный роман», Томас Манн надеялся, что именно Бруно Вальтер станет его главным консультантом и помощником. В письме другу-дирижеру от 6 мая 1943 года писатель сообщает (пока еще на «Вь», на «ты») они перейдут спустя три года):

«Сейчас мне чудится нечто совсем другое, нечто довольно жуткое и стоящее близко к теологически-демонологическому, роман об одном патологически-незаконном вдохновении, герой которого в остальном должен быть обычным музыкантом (композитором). Я хочу рискнуть, - вижу, однако, что мне придется при случае просить Вас о совете и профессиональной информации, например, что должно входить в обязательный курс обучения творческого музыканта. Это же очень индивидуально и речь не обязательно должна идти о консерватории?»^[11].

Томас Манн приводит пример композитора Хуго Вольфа, который не окончил консерваторию. Как и знаменитый Стравинский, для которого учение о гармонии было в высшей степени скучным, а контрапункт, напротив,

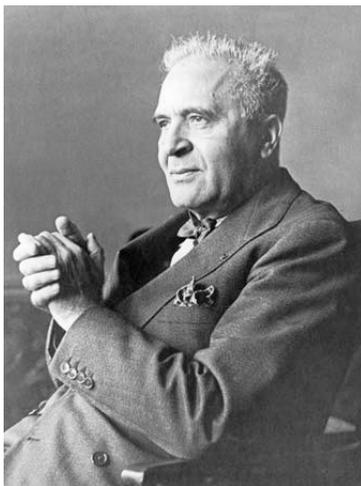
оказался очень заманчивым. В конце письма автор, приступающий к роману «о немецком композиторе», спрашивает музыканта-профессионала:

«Должен ли я основательно прочитать какое-нибудь руководство по композиции? Нет ли у Вас такого? Впрочем, я хочу спросить совета у Шёнберга» ^[12].

Надо отдать должное интуиции писателя — еще задолго до того, как он с помощью Теодора Адорно узнал об открытии венского композитора, ставшем основой музыкальной части романа, имя Арнольда Шёнберга соскользнуло с его пера.

Бруно Вальтер в ответном письме от 31 мая 1943 года с восторгом поддержал замысел друга:

«И теперь Вы будете писать роман о музыканте! Давным-давно Вы были обязаны это сделать, обязаны себе, нам и, прежде всего, музыке. Она же Ваша муза и в то же время находилась в чужих объятьях, как Оттилия у Эдуарда» ^[13] *в сходном положении»* ^[14].

Бруно Вальтер

Далее в этом письме Вальтер обещает помочь Томасу и сразу дает пару дельных советов:

«В конце июня мы приезжаем в Беверли Хиллс — будем жить опять по адресу 1709 Чеве Чейс Драйв, Беверли Хиллс — и я готов буду ответить на Ваши вопросы по существу. А сегодня только вот что: интерпретирующий музыкант нуждается в консерваторском образовании; композитора, вообще говоря, можно себе представить без школы с ее «предметами» — но

невозможно представить без наставлений уважаемого мастера. Возможно, Вам будет полезно почитать «Автобиографию» Берлиоза — она даст много нужных импульсов. Малер учился в Венской консерватории — некоторые преподаватели восхищались им, в дирекции высмеивали его, некоторые ученические удостоились высокой похвалы, первая самостоятельная работа была с возмущением отвергнута»^[15].

Отвечая на вопрос Томаса Манна о руководстве по композиции, знаменитый дирижер снова вспомнил имя венского композитора:

«Какое-либо „Руководство по композиции“ мне неизвестно. Возможно, Вас заинтересует „Учение о гармонии“ Шёнберга, а также „Руководство по инструментовке“ Берлиоза. Однако, как уже сказано, давайте об этом поговорим при встрече»^[16].

Томас Манн очень серьезно отнесся к советам Вальтера. Его письмо он держал среди рабочих материалов к новому роману. Слова о наставнике для начинающего композитора, о судьбе первых работ Густава Малера, об «Автобиографии» и «Руководстве по инструментовке» Берлиоза были подчеркнуты Манном или выделены им пометками на полях письма. Советы Бруно Вальтера на ранней стадии подготовки романа «Доктор Фаустус» повлияли, в частности, на то, что в романе немецкая музыка противопоставляется именно французской, а не итальянской, как было задумано Томасом Манном поначалу. В благодарность за поддержку автор упомянул в романе друга-дирижера — «Космическая симфония» Левверкюна исполнялись в Веймаре «под управлением ритмически наиболее чуткого и точного Бруно Вальтера» (V, 502).

Однако сотрудничество писателя и дирижера в работе над «Доктором Фаустусом» не получило продолжения. Спустя несколько лет Томас Манн понял причину. Уж очень был привержен классике «добросердечный Вальтер», категорически не принимавший никаких модернистских экспериментов в музыке XX века. В дневнике от 30 сентября 1947 года Томас Манн назвал взгляды своего давнего друга «ребячески реакционными»^[17]. Писателю был нужен другой консультант, с более современным и с более широким философским взглядом на музыку. В «Истории „Доктора Фаустуса“: Роман одного романа» автор так описывает свое состояние летом 1943 года:

«Я чувствовал, что мне нужна помощь извне, нужен какой-то советчик, какой-то руководитель, с одной стороны, компетентный в музыке, а с другой стороны, посвященный в задачи моей эпопеи и способный со знанием дела дополнять мое воображение своим; я с тем большей готовностью принял бы такую помощь, что музыка, поскольку роман трактует о ней (ибо, кроме того, он еще, надо сказать, подходит к ней чисто практически — но

это уже особая статья), была здесь только передним планом, только частным случаем, только парадигмой более общего, только средством, чтобы показать положение искусства как такового, культуры, больше того - человека и человеческого гения в нашу глубоко критическую эпоху. Роман о музыке? Да. Но он был задуман как роман о культуре и о целой эпохе, и я готов был, ничтоже сумняся, принять любую помощь в реальной конкретизации этого переднего плана и средства» (IX, 226-227).

Желание писателя довольно быстро исполнилось:

«Помощник, советчик, участливый руководитель нашелся — и притом как нельзя более подходящий и по своим недюжинным специальным знаниям, и по своим духовным достоинствам» (IX, 227).

Теодор Адорно

В начале июля 1943 года, всего месяц с небольшим после письма Бруно Вальтера, Томас познакомился с Теодором Адорно, жившим во времена американской эмиграции в районе Сан-Франциско, как и Манна, Шёнберги и многие другие немецкие изгнанники. Адорно предложил писателю свою еще не опубликованную рукопись о творческих находках композитора Шёнберга, о его школе, о двенадцатитоновой технике. Через шесть лет рукопись станет первой частью книги *«Философия новой музыки»*^[18].

Работа молодого философа и теоретика музыки (Теодор Адорно был на 28 лет моложе Томаса) потрясла писателя. Он вспоминал:

«Здесь в самом деле было нечто „ценное“. Я нашел артистически-социологическую критику ситуации, очень прогрессивную, тонкую и глубокую, поразительно близкую идее моего произве-

дения, „опус“, в котором я жил и которому служил. Я сказал себе: „Это тот, кого я ищу“» (IX, 227).

В оригинале у Томаса Манна сказано более эмоционально: «*Это мой человек*» («Das ist mein Mann»). Писатель был в восторге. Мысли Адорно существенно обогатили роман Томаса Манна. Автор и не скрывает этого:

«Описание серийной музыки и критика ее в том виде, как они даны в диалоге XXII главы «Фаустуса», основаны целиком на анализах Адорно; на них же основаны и некоторые замечания о музыкальном языке Бетховена, встречающиеся уже в начале книги в разглагольствованиях Кречмара, замечания, стало быть, о том призрачном отношении между гением и нормой, которое закрепляет смерть» (IX, 229).

Растроганный писатель в дарственной надписи на печатном экземпляре «Фаустуса» многозначительно назвал Адорно «*действительным тайным советником*» (IX, 356).

По своему обыкновению, Томас Манн отблагодарил «помощника, советчика и участливого руководителя» еще и тем, что упомянул в тексте романа фамилию его отца:

«Среди поэтических словесных эквивалентов, которыми передана тема ариетты в ее первоначальной и более полной, окончательной форме, я, чтобы скрытно выразить свою благодарность Адорно, выгравировал фамилию его отца — „Визенгрунд“» (IX, 231).

Сделано это тонко, нужные слова автор вставил в описание ритмики бетховенской сонаты:

«После начального до он, прежде чем перейти к ре, вбирает в себя до-диез, так что теперь пришлось бы скандировать уже не „синь-небес“ или „будь здоров“, а „о, ты синь-небес!“, „будь здоров, мой друг!“, „зелендольный луг!“, и нет на свете свершения трогательнее, утешительнее, чем это печально-вспроизводящее до-диез» (V, 74).

Читатель русского перевода мог бы эту скрытную благодарность и не заметить, но, к счастью, примечание переводчика к странице 74 поясняет:

«Дольный луг (по-немецки — Wiesengrund, Визенгрунд) — одно из словосочетаний, воспроизводящих ритм анализируемого Кречмаром мотива из сонаты Бетховена, приведено автором в честь эмигрировавшего в Америку австрийского музыковеда Адорно Визенгрунда» (V, 667).

К слову, в этом примечании к «Доктору Фаустусу» в собрании сочинений Томаса Манна неверно указан год рождения Адорно: нужно было написать 1903, а не 1909.

Здесь не место подробно говорить о многогранном влиянии Теодора Адорно на автора романа *«Доктор Фаустус»*. Мы ограничимся только вопросами, так или иначе связанными с математикой.

В первой трети XX века сальериевский вопрос о возможности поверить алгеброй гармонию вновь стал актуальным, в такую возможность поверили многие музыканты и теоретики музыки. Да и успехи математики давали такому оптимизму основания. Уже упоминая «программа Гильберта» по внедрению аксиоматического метода во все разделы математики, а также физики и биологии, сулила скорую формализацию всей науки, когда доказательство или опровержение того или иного факта станет чисто алгоритмической задачей преобразования символов. Предполагалось, что процесс доказательства можно будет потом поручить машине.

Однако оптимизм сторонников аксиоматического подхода продержался недолго. «Программа Гильберта» оказалась нереализуемой. Это показал в 1931 году австрийский логик и математик Курт Гёдель, доказавший свои знаменитые «теоремы о неполноте». Оказалось, что возможности аксиоматического метода не безграничны: даже арифметику натуральных чисел невозможно формализовать полностью, ибо в формализованной арифметике существуют предложения, которые оказываются неразрешимыми, т.е. их нельзя ни доказать, ни опровергнуть. И это верно для любой достаточно богатой формальной системы, построенной на некотором наборе аксиом. Полностью формализовать человеческое знание оказалось невозможно.

Гуманитарии ликовали! Скепсис в отношении возможностей математики в их сферах деятельности получил с теоремами Гёделя серьезное подкрепление. Для Теодора Адорно результат Гёделя подтверждал невозможность *«разрешить магическую сущность музыки человеческим рассудком»* [19], о чем он неоднократно писал в статьях и книгах. Например, в *«Диалектике просвещения»*, написанной совместно с Максом Хоркхаймером, философы протестуют против абсолютизации формальных методов науки:

«Мифологизирующим отождествлением идей с числами в последних сочинениях Платона выражается пафос всякого демифологизирования: число стало каноном Просвещения» [20].

И далее они пишут об опасности сведения мышления к чистой логике:

«Редукция мышления к математическому аппарату включает в себя применение принудительных санкций по отношению к миру в качестве его собственного мерила. То, что кажется триумфом субъективной рациональности, подчинение всего сущего логическому формализму, покупается ценой покорного подчинения разуму непосредственно данному» (Хоркхаймер-Адорно, 42).

Ошибку современной цивилизации авторы *«Диалектики просвещения»* видят в следующем:

«Природа, как до, так и после квантовой теории, является тем, чему надлежит быть постигнутым математическим образом; что тому противится, все неразложимое и иррациональное подвергается травле со стороны математических теорем. Путем предупреждающей идентификации до конца промышленного математизированного мира с истиной Просвещение надеется обезопасить себя от рецидива мифа. Им учреждается единство мышления и математики. Тем самым последняя, так сказать, спускается с цепи, превращается в абсолютную инстанцию» (Хоркхаймер-Адорно, 40).

Упрощение объекта исследования, изучение модели вместо оригинала, что является обычным в научной практике, вызывает у Хоркхаймера и Адорно решительный протест:

«У Галилея математизация природы идеализирует ее саму с помощью математики нового времени, а говоря языком современной математики, природа становится математическим многообразием. <...> Математический метод становится как бы ритуалом мысли. Несмотря на свою аксиоматическую самоограниченность, он учреждает себя в качестве необходимого и объективного: им мышление превращается в вещь, инструмент, по его же собственной терминологии» (Хоркхаймер-Адорно, 41).

Критикуя математизацию науки, авторы «Диалектики просвещения» повторяют доводы Шопенгауэра о математике как игре:

«Наука, в ее неопозитивистской интерпретации, становится эстетизмом, системой сменных знаков, свободных от какой бы то ни было интенции, системе трансцендентной: игрой, каковой математики уже с очень давних пор гордо провозгласили свое дело» (Хоркхаймер-Адорно, 32).

Почему именно в Вене появилась додекафония? Ведь неслучайно композиторскую школу, сложившуюся вокруг Арнольда Шёнберга, называют нововенской. Адорно дает объяснение этому факту:

«Вряд ли случайность, что разные виды математической техники в музыке, подобно логическому позитивизму, возникли в Вене. Склонность к числовым играм столь же характерна для венской интеллигенции, как и шахматная игра в кафе. У нее есть социальные причины. Если интеллектуальные производительные силы достигли в Австрии уровня высококоразвитой капиталистической техники, то материальные от них отставали. Но ведь как раз поэтому масштабные вычисления стали излюбленной грезой венского интеллектуала. Если он хотел участвовать в процессе материального производства, ему приходилось искать себе работу на заводе в Германской империи. Если же он

оставался дома, то становился врачом, юристом или предавался числовым играм как фантазмам о больших деньгах» (Адорно, 122).

Взгляды на математику «господина тайного советника» были близки и Томасу Манну. Он внимательно, с карандашом в руках проработал рукопись Адорно, соображения молодого философа о соотношениях логического и мифического нашли отражение в важном разговоре героев «*Доктора Фаустуса*» — Леверкюн и Цейтблом спорят о мечте Адриана «*подчинить магическую стихию музыки человеческому разуму*». Серенус возражает другу:

«Ты хочешь поймать меня на моих гуманистических идеалах, — ответил я. — Человеческий разум! А у самого, извини, «конstellация» с языка не сходит, хоть слово это уместнее в астрологии. Рациональность, к которой ты призываешь, очень смахивает на суеверие — на веру в неуловимо демоническое, находящую пищу в азартных играх, карточных гаданьях, жеребьевке, толковании примет. Перефразируя твои слова, я сказал бы, что твоя система скорее способна подчинить магии человеческий разум».

Ответ композитора был короток:

«То, что называется мудростью, посвященностью, — заметил он, — вера в звезды, в числа, пожалуй, и означает слияние разума с магией» (V, 253).

Адорно первый отметил близость двенадцатитоновой методики Шёнберга и магических суеверий. В рукописи «*Философии новой музыки*», переданной Томасу Манну в начале работы над «*Доктором Фаустусом*» утверждается:

«Числовые игры двенадцатитоновой техники и непреложность ее законов напоминают астрологию, и нельзя считать просто капризом, что многие адепты додекафонии предавались астрологии» (Адорно, 127).

Не случайно Томас Манн, рассказывая историю создания романа, вспомнил магический квадрат, символизирующий в романе именно это «*слияние разума с магией*»:

«Та рукопись, что он мне тогда прислал, сразу же насторожившая меня своей «подходящестью» — она поразительно соответствовала сфере моего романа — была посвящена в основном Шёнбергу, его школе и его двенадцатитоновой технике. Не оставляя никаких сомнений в проникновенном понимании автором всей значительности Шёнберга, эта статья вместе с тем подвергает глубокой и дальновидной критике его систему: в предельно лаконичном, даже лапидарном стиле, напоминающем

Нищие и еще больше — Карла Крауса, она объясняет ту фатальную неизбежность, с которой объективно необходимое прояснение музыки в силу столь же объективных причин, действующих как бы без ведома композитора, снова возвращает музыку к ее темным мифологическим истокам. Можно ли было найти лучшее соответствие моему миру «магического квадрата»?» (IX, 229).

Что же представляет собой этот таинственный магический квадрат, ставший символом мира автора?

«Магический квадрат»

В романе «Доктор Фаустус» магический квадрат появляется в XII главе при описании студенческой комнаты Адриана Левверкюна в городе Галле:

«Над пианино кнопками была прикреплена арифметическая гравюра, купленная им в лавке какого-то старьевщика: так называемый магический квадрат, вроде того, что наряду с песочными часами, циркулем, весами, многогранником и другими символами изображен на Дюреровской «Меланхолии». Как и там, он был поделен на шестнадцать полей, пронумерованных арабскими цифрами, так что «1» приходилось на правое нижнее поле, а «16» — на левое верхнее; волшебство — или курьез — состояло здесь в том, что эти цифры, как бы их ни складывали, сверху вниз, поперек или по диагонали, в сумме неизменно давали тридцать четыре» (V, 122).

16	3	2	13
5	10	11	8
9	6	7	12
4	15	14	1

И переехав в другой город, Адриан не расставался с этой картинкой:

«Все четыре с половиной года, проведенных им в Лейпциге, Адриан прожил в одной и той же двухкомнатной квартире на

Петерсштрассе, неподалеку от Collegium Beatae Virginis, где снова повесил над пианино магический квадрат» (V, 235).

Связь магического квадрата с двенадцатитоновой системой композиции явно обозначена в XXII главе романа, в которой Леверкюн объясняет другу Серенусу основы додекафонии. Сразу понявший суть Цейтблом нашел короткую формулу для услышанного:

«Магический квадрат, — сказал я. — И ты надеешься, что всё это услышат?» (V, 251).

Знарок творчества Томаса Манна и один из лучших его переводчиков — Соломон Апт — так раскрывает роль магического квадрата в структуре романа:

«Все линии романа связаны воедино по принципу контрапункта. То есть роман о композиторе построен как музыкальная композиция. Роман комментирует сам себя. Самым существенным его автокомментарием представляется нам упоминание «магического квадрата» — и как детали гравюры Дюрера «Меланхолия» (1514), и как такового. <...> Эта математическая закономерность теоретически пока не объяснена. Так вот, развязка у всех тематических линий романа одна и та же, как сумма цифр по вертикалям, горизонталям и диагоналям магического квадрата»^[21].

Великий немецкий художник Альбрехт Дюрер (Albrecht Dürer, 1471-1528) изобразил магический квадрат на гравюре «Меланхолия», созданной в 1514 году. Этот год можно прочесть в нижнем ряду квадрата: два средних поля содержат как раз числа 15 и 14, вместе образующие нужный год. Но это еще не все! Гравюра создавалась в дни траура по скончавшейся недавно любимой матери художника. Правда, исследователи называют две различные даты смерти: одни говорят о шестнадцатом мая, другие называют семнадцатое. Но в любом случае эта траурная дата запечатлена на магическом квадрате. Дату 16 мая можно прочесть в первых двух числах левого столбца: 16 и 5 как раз и определяют число и месяц. Более замысловато находится дата 17 мая. Она представлена в двух средних столбцах квадрата. Числа верхней строки 3 и 2 в сумме дают номер месяца. А число 17 есть сумма по диагоналям расположенного в центре квадрата 2×2 : $10 + 7 = 6 + 11$.

Числа 4 и 1 в углах нижнего ряда представляют собой зашифрованные инициалы художника: 4-я буква алфавита есть «Д», 1-я буква — «А».

Подчеркнем еще раз, что «волшебная сумма» строк, столбцов и диагоналей квадрата есть знакомое нам число 34, несколько раз «всплывавшее» не только в «Докторе Фаустусе» (единственная глава, разделенная на три части, имеет этот номер), но и в «Волшебной горе» — вспомним хотя бы номер комнаты Ганса Касторпа и пророчество во время спиритического сеанса.

Перечислив несколько способов сложения чисел — «сверху вниз, поперек или по диагонали» — Томас Манн далеко не исчерпал все возможности этой забавной математической игрушки. Может быть, он не все эти возможности и знал. Отметим несколько других способов, как получить число 34, складывая числа из магического квадрата.

Во-первых, четыре числа в углах квадрата в сумме дают 34. Во-вторых, сумма чисел каждого из четырех квадратов 2×2 , прижатых к углам магического квадрата, равна все тому же числу 34. В-третьих, каждый из четырех квадратов 3×3 , вписанных в исходный магический квадрат, обладает таким свойством: если из такого квадрата вырезать средний ряд и средний столбец, то оставшиеся четыре числа в сумме дают точно 34. В-четвертых, четыре числа, стоящие в центре магического квадрата, тоже в сумме дают 34.

Вообще, этот маленький математический объект из шестнадцати первых натуральных чисел содержит в себе множество удивительных свойств. Даже нацисты, рассматривая магический квадрат Дюрера, увидели в нем отблески своей идеологии: если вписать в квадрат свастику, то четыре числа у ее концов тоже дают в сумме 34. И этим далеко не исчерпываются возможные комбинации чисел, дающих в сумме 34.

(продолжение следует)

Примечания

[1] В оригинале эссе называется «Die Entstehung RUs Doktor Faustus», что можно перевести торжественнее: «Становление (зарождение) „Доктора Фаустуса“». Соломон Апт выбрал более нейтральное название «История „Доктора Фаустуса“».

[2] Kast Gertrud. Romantische und kritische Kunst. Stilistische Untersuchungen an Werken von Richarda Huch und Thomas Mann. Diss. Phil. Bonn 1928.

[3] Манн Томас. Иосиф и его братья. Иосиф-кормилец. В: *Манн Томас. Собрание сочинений* в восьми томах. Том 5. ТЕРРА-Книжный клуб, М. 2009, стр. 362.

[4] Seidlin Oscar. Klassische und MoRUrne Klassiker: Goethe, Brentano, Eichendorff, Gerhart Hauptmann, Thomas Mann. VanRUnehoeck & Ruprecht, Göttingen 1972, S. 105.

[5] См., например, *Puschmann Rosemarie. Magische Quadrat und Melancholie* in Thomas Manns „Doktor Faustus“. AMPAL Verlag, Bielefeld 1983, S. 14.

[6] *Mann Thomas. An Bruno Walter zum siebzigsten Geburtstag*. In: Mann Thomas. Werke in dreizehn BänRU. S. Fischer Verlag, Frankfurt a. M. 1960-1974. Band 10, S. 507.

[7] *Беркович Евгений. Томас Манн в свете нашего опыта. «Иностранная литература»*, №9 2011.

[8] Walter Bruno. Thema und Variationen. S.Fischer Verlag, Frankfurt a. M. 1960, S. 272.

[9] *Bürgin Hans, Mayer Hans-Otto*. Thomas Mann. Eine Chronik seines Lebens. Fischer Taschenbuch Verlag, Frankfurt a.M. 1974, S. 44.

[10] Об этой оговорке Томаса Манна более подробно рассказано в моей статье *Беркович Евгений*. Работа над ошибками. Заметки на полях автобиографии Томаса Манна. «Вопросы литературы», №1 2012, с. 118-180.

[11] Briefe Thomas Mann an Bruno Walter. Blätter RUr Thomas-Mann-Gesellschaft, Band 9, Zürich 1969, S. 25.

[12] Там же.

[13] Оттилия и Эдуард — герои романа Иоганна Вольфганга Гёте *«Избирательное сродство»*.

[14] Briefe Thomas Mann an Bruno Walter. Blätter RUr Thomas-Mann-Gesellschaft, Band 9, Zürich 1969, S. 26.

[15] Там же.

[16] Там же.

[17] Mann Thomas. Tagebücher 28.5.1946 — 31.12.1948, herausgegeben von Inge Jens. S. Fischer Verlag, Frankfurt am Main 1989, S. 164. В дальнейшем ссылки на эту книгу будут даваться в круглых скобках с указанием слов «Tagebücher 1946-1948» и номера страницы.

[18] *Adorno Theodor W.* Philosophie RUr neuen Musik. J.C.B. Mohr (Paul Siebeck), Tübingen 1949.

[19] Адорно Теодор. Философия новой музыки. Пер. с нем. Перевод Б. Скуратова. Вступительная статья К. Чухрукидзе. Логос, Москва 2001, с. 125. В дальнейшем ссылки на эту книгу будут даваться в круглых скобках с указанием слова Адорно и номера страницы.

[20] Хоркхаймер Макс, Адорно Теодор. Диалектика просвещения. Философские фрагменты. Перевод с немецкого М. Кузнецова. "Медиум", "Ювента", Москва - Санкт-Петербург 1997, стр. 21. В дальнейшем ссылки на эту книгу будут даваться в круглых скобках с указанием слов Хоркхаймер-Адорно и номера страницы.

[21] Алп Соломон. Достоинство духа. В книге *Манн Томас*. Путь на Волшебную гору. Вагриус, М. 2008.

Анатолий Сонин
ВОСПРИЯТИЕ
ТЕОРИИ ОТНОСИТЕЛЬНОСТИ
в советской философской литературе
в 1920-1930-е годы^[1]

1.

После революции в советской философии сформировались два направления — «механисты» и «диалектики». Они вели острые дискуссии по проблемам философии естествознания, поскольку тогда они являлись актуальными в связи с большими планами развития промышленности, электрификации и создания современной науки. Без этого невозможно было догнать и перегнать буржуазный Запад.

Естественно, что в их дискуссиях большое место занимала теория относительности. Заметим сразу, что здесь мы встречаемся с самым разным отношением к этой теории. Довольно многочисленная группа философов отвергала идеи физической относительности на научных и философских основаниях. Она рассматривала точку зрения Эйнштейна как шаг назад в эволюции новой физики и вообще научного мировоззрения. Вторая группа стремилась включить теорию относительности в философскую систему марксистского материализма. Третья принимала научный базис идей Эйнштейна и подчёркивала полную совместимость теории относительности с научной и философской системой диалектического материализма.

Механисты и их лидер А.К. Тимирязев (сын великого дарвиниста К.А. Тимирязева) были хорошо знакомы с классической физикой. Сам Тимирязев был профессором физического факультета МГУ и работал в области молекулярной физики. Однако основные его работы были посвящены философским проблемам естествознания и прежде всего физики.

Механисты призывали строить диалектическую философию на естественнонаучной основе, главным образом, на физическом фундаменте. А поскольку в основе всех физических явлений лежит движение, то и физический фундамент должен быть механическим. Поэтому эта группа собиралась строить диалектическую философию естествознания на базе классической физики, в основе которой лежала механика. Естественно, что она не могла принять теорию относительности с её новым взглядом на движение, пространство и время. В то же время Тимирязев в своих работах

очень популярно излагал теорию относительности и, таким образом, вольно или невольно способствовал её пропаганде.

Ещё до революции [1] он критиковал теорию относительности за умозрительность. Так же он рассматривал её и в 1920-е годы. В рецензии [2] на книгу А. Эйнштейна «О специальной и всеобщей теории относительности» (общедоступное изложение), вышедшую в русском переводе, Тимирязев подчёркивал, что относительность времени и масштаба при движении в специальной теории относительности являются только допущениями. «Есть ли необходимость, вынуждающая нас безоговорочно согласиться с этими допущениями, с которыми здравый рассудок не может, по крайней мере, сразу согласиться?» — задавал он риторический вопрос. И отвечал: «На это мы можем решительно ответить: нет! Все выводы из теории Эйнштейна, согласующиеся с действительностью, могут быть получены и часто получаются гораздо более простым способом при помощи теорий, не заключающих в себе решительно ничего непонятного — ничего сколько-нибудь похожего на те требования, какие предъявляются теорией Эйнштейна» [2. С. 72]. И тут же делал из этого философские выводы — если время и размеры предметов зависят от скорости движения, «то значит объективно вне нас существующего пространства и времени нет!» [Там же].

Рассматривая общую теорию относительности, Тимирязев утверждал: «Далее для той же цели мы должны подобрать определённое искажение реальной геометрии и приписать ей реальное существование. Из этого делают вывод: любая геометрия эвклидова или неэвклидова есть чистый продукт разума, не зависящий от опыта» [Там же].

И в заключение своей рецензии Тимирязев дал такую оценку теории Эйнштейна: «Ошибка здесь в том, что, приписав произвольное допущение Эйнштейна, мы потом должны подыскивать такие новые допущения, которые не дали бы нам возможности разойтись с фактами. Забыв при этом, что мы это вынуждены делать потому, что мы сделали произвольно первый шаг. И вот об этом своеобразном процессе подлаживания под действительность: шаг назад и шаг вперёд, — громогласно объявляют: сознание диктует свои законы!» [2. С. 73].

«Умозрительность» теории относительности, по мнению Тимирязева, подтверждается тогда, когда «мы вступаем на нездоровую почву так называемых "умственных экспериментов", т. е. таких предположений, которые неосуществимы, "умственные эксперименты" хороши для иллюстрации хода мыслей в сложных вопросах, но беда, когда на них основываются, как на реальных опытах! Тогда мы неизбежно вступаем в область, где всё заброзировано от опыта, и, лишившись своей верной опоры, физик неминуемо должен скатиться в область идеалистической философии, т. е. туда, где ему, прежде всего, придётся расстаться со всей своей наукой!» [3. С. 67-68].

Свою позицию по отношению к теории относительности Тимирязев подробно изложил в большой работе в двух частях: «Теория относитель-

ности А. Эйнштейна и диалектический материализм» [4] и «Принцип относительности Эйнштейна и диалектический материализм». [5].

Работа начинается с утверждения, что в научной литературе всё чаще появляются статьи, содержащие возражения против теории относительности. В этих статьях, изданных в Германии, «намечаются пути к решению задач, поставленных этой «революционной теорией, при этом оказывается, что нет никакой необходимости принимать многочисленные парадоксальные и в то же время недоказуемые с физической точки зрения гипотезы, которыми изобилует теория Эйнштейна» [4. С. 142]. Что это за пути, Тимирязев не сообщил, указав только, что проверка формулы Эйнштейна, выражающей зависимость массы электрона от его скорости, якобы показала, что эта формула неверна. Правда, Тимирязев добавляет, что Зоммерфельд, проводивший эти опыты, подтвердил формулу Эйнштейна, но, похоже, Тимирязев этому не верит.

Что же касается трёх классических предсказаний теории относительности, то, по мнению Тимирязева, они «оказались очень и очень далёкими от сколько-нибудь серьёзной опытной проверки» [4. С. 142-143].

Далее Тимирязев рассказывает о двух главных основных постулатах специальной теории относительности — принципе относительности и принципе постоянства скорости света. Первый, говорит Тимирязев, открыл Галилей. Что же касается второго, то «*опытов, доказывающих постоянство скорости света, никто нигде и никогда не производил!*» (разрядка Тимирязева) [4. С. 145]. По его мнению, опыт Майкельсона не позволяет говорить о постоянстве скорости света, поскольку свет там проходил одинаковые расстояния за одинаковое время. Поэтому Тимирязев делает вывод, что «теория относительности пока что искусно забронирована от опыта, недоступна практической опытной проверке» [4. С. 149]. И тут же упоминает об опытах Дейтона Миллера, якобы опровергающих опыты Майкельсона.

Затем Тимирязев переходит к эфиру. По его мнению, эфир есть. «Волны света и радиотелеграфа движутся в эфире, говорит физик, не допускающий возможности существования волн без существования того, что волнуется», — пишет он [4. С. 152].

Во второй части статьи Тимирязев рассуждает об измерении времени и сокращении масштабов в движущихся системах координат. Он обсуждает пример из работы С.Ю. Семковского (см. ниже), где тот показывает, что первый наблюдатель сокращается «не сам в себе», а с точки зрения стороннего второго наблюдателя, тогда как тот сам тоже не сокращается «сам в себе», а только с точки зрения первого наблюдателя. Эти сокращения Семковский называет «перспективными» по аналогии с изменением видимых размеров предметов по мере их удаления. Эту ситуацию, справедливую с точки зрения теории относительности, Тимирязев комментирует так: «хитросплетения Эйнштейна насчёт различных координатных осей и часов — это одно дело, а тот реальный действительный мир, который изучают не только физики и

химики, но и кузнецы, и молотобойцы, — совсем другое дело. Пусть там, на бумаге, испещрённой формулами, выходит, что кто-то где-то сокращается, или у кого-то часы пошли медленнее: всё это мне только кажется благодаря какой-то перспективе. А, ведь, должен же быть способ узнать, как на самом деле кто-нибудь или что-нибудь сократился, или какие часы отстают и какие нет. Пусть существует великолепный принцип Эйнштейна, но существует же и настоящая наука» [5. С. 96].

Этот абзац показывает, что на самом деле Тимирязев, воспитанный на классической физике, не понимал и не принимал новые взгляды на пространство, время и движение.

Особенно чётко это проявилось, когда Тимирязев рассматривал некоторые положения общей теории относительности. Он утверждал, что и по Эйнштейну системы Птолемея и Коперника равноправны! Тимирязев пишет: «движение Земли и Солнца среди звёзд — это реальности, это — пусть несовершенное — отражение абсолютной истины. Эйнштейн же хочет нас отбросить к временам до Коперника и сделать неясным то, что стало ясным Копернику!» [5. С. 103].

Далее Тимирязев рассмотрел экспериментальные доказательства справедливости теории относительности. О зависимости массы электронов от скорости мы уже говорили. Астрономические наблюдения искривления лучей света гравитационным полем Солнца Тимирязев считает не убедительными. Смещение перигелия Меркурия, по Тимирязеву, хорошо описывается формулой Герберера, но на самом деле эта формула и формула Эйнштейна даёт для смещения $42''$, тогда как по последним данным оно всего $34''$. Смещения спектра в красную сторону вследствие тяготения, по Тимирязеву, просто не существует.

В заключение Тимирязев обсуждает вопрос об отношении теории относительности к диалектическому материализму. Он пишет: «Мы имеем ряд произвольно подобранных декретов, касающихся геометрии и некоторой части физики, которые навязываются природе. А для того, чтобы сохранить внешние выражения открытых раньше нормальным путём научного исследования законов природы, мы подбираем надлежащим образом другую часть законов природы, например, изменения длины, масштабов и хода часов так, чтобы всё сохранилось по-прежнему. Секрет успеха такого «революционного» метода заключается в том, что в отдельности все эти «положения» и декреты проверить при современном состоянии науки и техники нельзя. В тех же немногих случаях, где теория стремилась указать на новые факты — она дала осечку.

Даёт ли всё это вместе взятое основание считать теорию относительности революцией в науке и торжество диалектического материализма, — предоставляем судить читателю» [5. С. 114].

Естественно, что Тимирязев приветствовал и широко пропагандировал результаты новых интерференционных экспериментов (типа опытов Майкельсона – Морли), якобы подтверждающих влияние движения Земли

на скорость света и, следовательно, опровергающих принцип относительности. Эти опыты были проведены в 1921-1925 гг. Дейтоном Миллером. Тимирязев опубликовал переводы его статей [6-8] в журналах «Под знаменем марксизма» и «Воинствующий материалист».

В своих комментариях к этим статьям Тимирязев подчёркивал принципиальную важность результатов Дейтона Миллера. «Вся специальная теория относительности, — писал он, — перестала существовать, так как она построена на преобразованиях Лоренца—Эйнштейна, эти преобразования опирались на принцип постоянства скорости света, а этот принцип теперь опровергнут 9000 тщательнейших измерений!» [9].

Тимирязев рассказал об опровержении теории относительности даже в газете «Известия» [10]. Подробно описав саму постановку опытов Дейтона Миллера, он посетовал на то, что это «эпохальное достижение» было принято весьма сдержанно, хотя её результаты опровергают теорию относительности. Многие специалисты подозревают наличие в этих опытах систематической ошибки. Но Тимирязев объясняет это следующим образом: «Всем известно, что теорией относительности весьма охотно пользуются для борьбы с материализмом. Отсюда ясно, что если рухнет теория, то рушатся сами собой и все толки об опровержении материализма, а это в эпоху революций крайне невыгодно для капиталистического мира; поэтому вовсе не входит в его интересы распространять какие-либо сведения о том, что почва у тех, кто опровергает "зловредный материализм", ушла уже из под ног» [10].

На эту статью Тимирязева ответил академик А.Ф. Иоффе, причём тоже в общественно-политической газете «Правда» [11]. Он подробно описал все предсказания теории относительности и показал, что все они блестяще подтвердились. Иоффе проанализировал ошибки, которые могли повлиять на результаты опытов Дейтона Миллера, причём подтвердил их возможность своими наблюдениями в лаборатории, где эти опыты проводились. Специально, как ответ Тимирязеву, Иоффе остановился и на философских аспектах теории относительности. «Теорию относительности у нас иногда рассматривают в связи с вопросом о материализме и идеализме, — писал он. — Казалось бы очевидным, что теория, описывающая материальные явления и физические процессы в материи, не может противоречить материалистическому миропониманию, если только она стремится возможно лучше описать свойства материи... Теория относительности в данное время есть наилучшее описание наблюдаемых в природе свойств вещества и единственное, не встречающее ни одного противоречия в известных до сих пор явлениях. Поэтому, я бы сказал, что при данном состоянии нашего знания теория относительности — наилучшее основание для материалистического мировоззрения» [11].

На статью Тимирязеву отреагировал и известный популяризатор науки Я. Перельман [12]. В газете «Вечерняя Москва» он рассказал об опытах Миллера (так у Перельмана) и о шуме, который подняли по этому поводу

в американской прессе антиэйнштейнианцы. «Торжество их было непродолжительным, — писал Перельман. — Видные знатоки предмета (Эддингтон в Англии, проф. Я.И. Френкель у нас) с самого начала предостерегали от увлечения, указывая на сомнительные пункты в толковании выполненного опыта. И они оказались правы. На съезде германских физиков в Брауншвейге (в феврале 1920 г.) проф. Томашек доложил о произведённом им проверке опыта Миллера на горе Юнгфрау, на высоте, вдвое выше той, на которой работал Миллер, и при обстановке, исключаяющей всякие сомнения в доброкачественности результатов. Никакого влияния движения Земли на скорость света замечено не было... *Словом, атака на теорию относительности блестяще отбита, и едва ли когда-нибудь будет повторена*» [12].

Но Тимирязев продолжал пропагандировать опыты Дейтона Миллера. Он рассказал о них на V съезде русских физиков, проходившем в Москве в декабре 1926 года [13]. В отчёте о Съезде, подписанном аббревиатурой Г.Е. и опубликованном в журнале «Под знаменем марксизма» [14], об этом докладе говорится: «Доклад т. А.К. Тимирязева с его известной точкой зрения на опыты Дейтона Миллера встретил весьма сильное и, кажется, веское возражение со стороны А.Ф. Иоффе. Последний указал на большую грубость и научную несостоятельность опытов Дейтона Миллера, не соблюдавшего, по словам очевидца А.Ф. Иоффе, элементарных правил научного экспериментирования. Приведём здесь всего лишь одну мысль А.Ф. Иоффе, который говорил, что если сейчас опыты Дейтона Миллера дают результаты, согласные с теорией, то обстановка опыта настолько несовершенна, что ничего не было бы удивительного, если бы эти опыты дали результаты в несколько раз превосходящие теоретические данные. В настоящее время известный физик-экспериментатор Милликен заново производит опыты Дейтона Миллера по всем правилам научной техники. Нужно ждать результатов его опытов» [14. С. 141].

Ответ Тимирязева не заставил себя долго ждать [15]. В своей статье он, как мог, защищал результаты Дейтона Миллера и не преминул опять поставить под сомнение наблюдения по искривлению луча света и смещению спектра в поле тяготения. Здесь Тимирязев сослался на авторитет известного астронома Фесенко, который высказал сомнения по поводу достоверности этих наблюдений.

Б.М. Гессен и В.П. Егоршин (как нетрудно было догадаться, они были авторами статьи [14]), ответили Тимирязеву в том же журнале [16]. Эти философы безоговорочно поддерживали теорию относительности (см. ниже). Они прежде всего заметили, что журнал «Под знаменем марксизма» не место для ведения полемики по специальным вопросам физики, однако Тимирязев, отрицая теорию относительности, не опубликовал ни одной статьи в физических журналах. Поэтому они обсуждали только методологические установки Тимирязева, которые и привели его к отрицанию теории относительности. Гессен и Егоршин подчеркнули, что Тимирязев стоит на позициях механического материализма и поэтому всё, что не укладывается в

его рамки (в том числе и теория относительности), по его мнению, является идеализмом, махизмом и т.п. По Тимирязеву, «или материализм — и тогда никакой теории относительности, или теория относительности будет доказана, и тогда махизм торжествует победу» [16. С. 194]. И авторы напоминают Тимирязеву положение классиков о том, что «с каждым, составляющим эпоху, открытием, материализм должен изменять свою форму». Если в настоящее время теория Эйнштейна ещё не является строго доказанной экспериментально, то марксистская методология должна ждать окончательного разрешения физического вопроса физическими методами, обрубая всякую руку, пытающуюся использовать этот вопрос (как до, так и после экспериментального подтверждения) против махистской, фикционистской и всякой другой идеалистической философии» [16. С. 194] — подводят итог Гессен и Егоршин.

С критикой опытов Дейтона Миллера выступали ведущие физики О.Д. Хвольсон [17], А.Ф. Иоффе [11], С.И. Вавилов [18]. Все они сходились в том, что эти опыты по своей постановке некорректны и ничего не доказывают. При этом старейший русский физик Хвольсон счёл необходимым ответить Тимирязеву на его обвинения теории относительности в антиматериализме: «Странная мысль об антиматериалистической основе теории относительности всецело принадлежит только одному проф. А.К. Тимирязеву, который уже давно и настойчиво её проповедует, не находя сторонников в немногочисленном кругу истинных знатоков этой теории» [17. С. 1230].

Пропагандировал Тимирязев и другие сочинения, опровергающие теорию относительности. Так, под его редакцией вышла книга Ф. Ленарда «О принципе относительности, эфире, тяготении» (критика теории относительности)^[3]. В то же время о только что вышедшей брошюре Эйнштейна «Эфир и теория относительности» Тимирязев писал: «Должен откровенно сознаться: большего «научного черносотенства» в жизни своей не читал в специальной литературе» [19].

Наиболее ясно позиция Тимирязева по отношению к методологическим аспектам теории относительности проявилась в его докладе на заседании Коммунистической академии в 1925 году. Доклад назывался «Теория относительности Эйнштейна и махизм» [20]. В этом докладе Тимирязев поставил цель «показать, что для выполнения своей работы Эйнштейну необходимо была вполне определенная теория познания, которая более близка к теории познания Маха» [20. С. 229].

Для Эйнштейна, писал Тимирязев, причиной любого физического явления «есть факт, наблюдаемый на опыте». Но такой «факт» должен быть непосредственно ощущаем. «Это есть то, что с точки зрения Маха называется "элемент", или что, по существу, есть "ощущение"», — делает вывод Тимирязев [20. С. 237]. А отсюда следует, что для Эйнштейна «факты» лишь «комплексы ощущений». Дальше Тимирязев приписывает Эйнштейну и во все странное утверждение — якобы «по Эйнштейну, система пространства и времени — это есть результат наших измерений, которые каждый наблю-

датель производит своими масштабами и своими часами» [20. С. 249]. Напомнив, что при сличении масштабов и часов кардинальную роль играет постоянство скорости света, Тимирязев тут же заявляет, что в этом он серьёзно сомневается. «В заключение, — пишет Тимирязев, — я должен сказать, что подобного рода философия, которая положена в основу теории относительности, является помехой для настоящей исследовательской работы естествознания, которая состоит всё-таки — по-старому — в изучении того, что есть» [20. С. 252].

Этот доклад подвергся резкой критике [21]. А.А. Богданов согласился с Тимирязевым, «что Эйнштейн в основах своей теории — махист» [21. С. 358]. Но, — говорит Богданов, — теория относительности «вызвала колоссальное движение, массовую работу научной мысли, дала огромный стимул развитию физики» [21. С. 363]. И кроме того, в последнее время подтвердилось явление, предсказанное теорией относительности — красное смещение спектра в поле тяготения Солнца. Закончил Богданов так: «Всякий научный комплекс сложен, и наука шаг за шагом идёт по всё более полному и точному познанию. Если и с теорией относительности у нас окажется, что не всё так, то мы сделаем только шаг вперёд... Во всяком случае, в истории физики это большой прогресс, а не реакционный шаг, как выходит в изложении Аркадия Клементовича (так в тексте) Тимирязева» [21. С. 363].

В.А. Базаров, наоборот, считает, что «теоретико-познавательные утверждения Эйнштейна представляют собой *элементарные предпосылки всякой научной теории*, одинаково обязательные и для махиста и для материалиста. С теми специфическими особенностями махизма, которые отличают этот последний от материализма, — т.е. с теорией "элементов" и постулатов "чистого описания" — теория познания Эйнштейна, как она изложена докладчиком, не имеет ничего общего» [21, с. 365].

О.Ю. Шмидт начал своё выступление с того, что прямо заявил, что «идеология какого-то живущего в Берлине профессора нас не интересует...», но важно объективное значение его физического учения» [21. С. 365]. И здесь он совершенно не согласен с Тимирязевым. По мнению Шмидта, споры о теории относительности возникли, во-первых, из-за неудачного названия (его сразу подхватили философы-релятивисты), во-вторых, из-за того, что эту теорию оккупировали формалисты-математики. Шмидт считает, что независимо от всего, Эйнштейна надо «использовать, отвоевать у буржуазной науки то, что у неё есть ценного» [21. С. 368]. Шмидта поддержали В.Ф. Каган и Я.М. Шатуновский.

В своём заключительном слове Тимирязев с критикой не согласился. Он опять защищал свои тезисы об абсолютном пространстве и об эфире.

Со временем Тимирязев от критики теории относительности дошёл до широких обобщений, обвинив всю современную физику в идеа-

лизме [22, 23]. «Физический идеализм» стал на многие годы объектом критики со стороны советских философов и философствующих физиков.

Вслед за Тимирязевым за теорию относительности взялся другой механист физик И.Е. Орлов. В своей работе [24] он сопоставляет основные положения классической физики, которую он считает правильной, с основными положениями теории относительности. Он пришёл к выводу, что «математическая сторона специальной теории относительности не противоречит классической физике, но физическая интерпретация теории, какую развивает Эйнштейн, является для классической физики неприемлемой» [24. С. 60]. Главную атаку Орлов ведёт на постулат о постоянстве скорости света: «Основная посылка Эйнштейна — инвариантность (постоянство) относительной скорости света для всякой инерциальной системы — решительно противоречит духу классической физики... Такое воззрение классическая физика может принять только как фиктивный математический приём для описания фактов, но ни в коем случае не может в нём видеть окончательного реального закона распространения света» [24. С. 61]. По мнению Орлова классическая физика не знает истинного закона распространения света и «не может поставить крест на истинном законе распространения света и сказать — *ignogabimus* (никогда не узнаем) А только в этом случае можно было встать на точку зрения Эйнштейна» [24. С. 65].

Кроме того, «классическая физика не может признать допущения четырёхмерного мира — всякое сведение физических зависимостей к геометрическим равносильно превращению обусловленных зависимостей в безусловные; природа в опыте нигде не даёт безусловных зависимостей, повсюду мы должны искать условий и вставлять промежуточные причинные звенья» [24. С. 65].

Переходя к обсуждению общей теории относительности, Орлов заявляет, что классическая физика, признавая аналогию между тяжестью и ускорением, решительно отвергает их полную эквивалентность. Реальные гравитационные поля, пишет Орлов, образуются массами, в то время как в ускоренных системах возникает фиктивная тяжесть.

В заключение Орлов считает, что все опыты и наблюдения, согласующиеся с теорией относительности, нельзя считать доказательствами справедливости этой теории, потому, что во всех этих экспериментах используются «ньютоновские привилегированные оси координат». Поэтому, считает Орлов, результаты этих опытов и наблюдений говорят об ассимиляции теории Эйнштейна классической физикой, поскольку все полученные в теории относительности предсказания могут быть истолкованы с позиций классической физики. Другие же предсказания проверить пока невозможно, так как они в корне противоречат классической физике. Это, например, «парадокс близнецов».

«Итак, мы видим, — пишет Орлов, — что вовсе не относительность движения создает пропасть между классической физикой и теорией Эйнштейна, но общий философский релятивизм последней: относительность

всякой реальности ... Основная черта релятивизма заключается в том, что математические приёмы, удобные для разрешения тех или иных задач из области теоретической физики, превращаются им в абсолютные законы природы — своего рода математический фетишизм» [24. С. 75].

Философскую оценку теории относительности Орлов развил в специальной работе «Задачи диалектического материализма в физике» [25]. «В развитии своей теории, — пишет он, — Эйнштейн применяет к делу своё понимание причинности. Он повсюду стремится наиболее общим образом описать явление, не заботясь об их объяснении. Гипотезы, к которым прибегает Эйнштейн, носят абстрактно-математический характер; реальные свойства вещества заменяются формальными свойствами некоторых систем. Эйнштейн стремится выводить явления из нескольких абстрактных постулатов, приспособлявая для этой цели грандиозный математический аппарат. Таким образом, очевидно, что Эйнштейн продолжает дело Маха и символистов» [25. С. 13]. В связи со сказанным Орлов видит задачу диалектического материализма по отношению к теории относительности в том, что «основные посылки Эйнштейна должны быть обработаны ножом логического анализа, который и выяснит их происхождение от условных соглашений математиков-символистов и таким образом вскроет идеалистическую природу метода Эйнштейна» [25. С. 14].

Ещё один представитель механистов З.А. Цейтлин хотя и критиковал теорию относительности, но и пытался согласовать её с диалектическим материализмом [26]. Он считал, что опыты Майкельсона — «это великая победа механической картины мира и, следовательно, диалектического материализма, который полагает, что все явления природы — это движение материи» [26. С. 106]. Для того чтобы объяснить эти опыты, писал Цейтлин, было предложено два пути — материалистический путь Лоренца—Фицджеральда (реальное сокращение длины тела, зависимость времени и массы от скорости) и идеалистический путь Эйнштейна (относительное сокращение длины тела, относительная зависимость времени и массы от скорости).

«Внимательный читатель, полагаю, давно заметил, — писал Цейтлин, — в чём схоластическая основа метода Эйнштейна:

1. Он не понимает, что эфир, т. е. абсолютное пространство, именно «привилегированная система» как мир «вне нашего сознания».

2. Он усвоил только первую часть принципа относительности Декарта. Согласно Декарту, ни один из наблюдателей не вправе себя считать в покое, а каждый должен полагать, что как он, так и сосед движутся — иначе каждый рискует попасть в анекдот Вольтера с клопами.

3. Пользуясь тем, что всякий школьник знает «или, по крайней мере, думает, что знает», что такое постоянство скорости света в пустоте, А. Эйнштейн фактически исходя из лоренцевского эфира, даёт идеалистическую интерпретацию теории, в чём каждый может убедиться, внимательно

проследив *эйнштейновский вывод трансформации Лоренца*. Но так как школьники страшно пугаются формул, то обычно за этими формулами не замечают действительности.

Подводя итог, скажем: *специальная теория относительности Эйнштейна — схоластическо-идеалистическая интерпретация теории Лоренца — Фицджеральда, как таковая, должна быть отвергнута* [26. С. 120-121].

Совсем иначе Цейтлин подходил к общей теории относительности. Он писал: «Как указано выше, специальная теория относительности Эйнштейна покоится на двух постулатах:

1. Принцип чистой относительности движения (модальности).
2. Принцип постоянства скорости света в абсолютной пустоте.

В общей теории относительности Эйнштейн отказался от второго постулата, т. е. от постоянства скорости света и от абсолютной пустоты.

Это даёт возможность без лишних рассуждений немедленно же формулировать тезис об отношении общей теории относительности к материализму: *так как схоластический (идеалистический) элемент учения Эйнштейна заключался во втором постулате, то с его устранением — это учение надо считать вполне согласующимся с принципами материализма, в том именно, что оно формально принимает первую часть, а фактически, как будет показано ниже, принимает и вторую часть диалектического постулата Декарта: движение одновременно и модально и реально* [26. С. 132].

И в заключение Цейтлин сформулировал *«тезисы об отношении теории относительности к диалектическому материализму»*:

1. Основа диалектического материализма: а) в понятии единой реально протяженной материи (субстанции) — пространства как физического тела, б) в понятии движения как модальности и реальности (качества).

2. Постольку, поскольку «Специальная теория относительности» в интерпретации Эйнштейна отвергает первое понятие, хотя частично признаёт второе, — она является противоречащей диалектическому материализму.

3. Постольку, поскольку «Общая теория относительности» признаёт первое понятие и фактически второе (формально лишь отвергая реальность движения), — она находится в полном согласии с принципами диалектического материализма.

4. В интересах диалектического материализма желательно, чтобы дальнейшая эволюция Эйнштейна пошла по направлению формального (*de jure!*) признания реальности движения и этим уничтожила возможность схоластического использования авторитета этого мыслителя.

5. Независимо от этого теория Эйнштейна должна рассматриваться как важнейший шаг на пути научного исследования природы пространства (материи и движения), подобно тому, как закон тяготения Ньютона, несмотря на мистико-идеалистическое его истолкование, рассматривался

мыслителями как важное орудие познания и привел к созданию «небесной механики» [26. С. 131].

Естественно, что эта работа Цейтлина не понравилась Тимирязеву. В своей статье [5] он предъявил Цейтлину целый ряд претензий. Главная касается трактовки опытов Майкельсона. Тимирязев пишет, что эти опыты не нарушают первый постулат теории (см. выше), как об этом говорил Цейтлин. «Мне совершенно непонятно, почему тов. Цейтлин, также отвергающий постулат постоянства скорости света и называющий его «великим эмпирическим софизмом Эйнштейна», не видит, что первое положение несколько не нарушено, если эфир не принимает участия в движении земли. Тогда по отношению к нему можно определить относительное движение земли», — писал Тимирязев [5. С. 151]. Далее Тимирязев обвинил Цейтлина в путанице по вопросу об эфире. Он писал, что, по Цейтлину, к эфиру как к целому неприменимо понятие движения.

Как мы уже знаем, взгляды Тимирязева и Цейтлина на общую теорию относительности совершенно противоположны. Тимирязев считал её продолжением специальной теории относительности и отвергал её целиком. Цейтлин не считал её таковой и принимал целиком. Кроме того, в работе [5] Тимирязев критиковал Цейтлина за принятие относительного времени в противовес абсолютному времени Ньютона.

Цейтлин опубликовал свой ответ Тимирязеву в конце 1924 года [27]. «Прежде всего, об общей позиции тов. Тимирязева, — начинал свой ответ Цейтлин. — Мне кажется, что он скорее обсуждает вопрос о физической верности теории Эйнштейна, нежели о её соответствии материализму» [27. С. 159]. В связи с этим, Цейтлин опять коротко повторил свои основные позиции. Отвечая на замечание об опытах Майкельсона, Цейтлин писал, что судьба диалектического материализма несколько не зависит от отрицательных результатов опыта Майкельсона. «И даже как будто наоборот, — продолжал он, — удайся опыт Майкельсона, мы открыли бы, наконец, столь желанный эфир, значение которого для материалистической философии огромно» [27. С. 161]. Для Цейтлина неудача опытов Майкельсона служит подтверждением его точки зрения на эфир как «первую материю», движение в которой осуществляется вихревым и поступательным движением самого эфира.

Говоря о понятии времени в теории относительности, Цейтлин писал: «Признавая положительную сторону работы Эйнштейна, мы должны иметь в виду и отрицательную сторону — отрицание реальности движения, т.е. абсолютного времени. Вообще говоря, всю идеалистическую шелуху учения можно отбросить как нечто, обусловленное эпохой и её влиянием, принимая лишь здоровое зерно теории. А это здоровое зерно заключается: а) в принципе относительности движения, б) в признании пространства физическим телом, в) в изучении этого тела, т.е. в теории полей тяготения» [27. С. 165].

Тимирязев остался недовольным ответом Цейглина и написал ответ [28]. Естественно, он ни в чём не согласился с Цейглиным и повторил снова свои возражения.

Эта дискуссия, наверное, продолжалась бы бесконечно, но редакция журнала «Под знаменем марксизма» приняла своё решение: «Ответом т. А.К. Тимирязева редакция считает полемику между ним и т. Цейглиным по данному вопросу в данной плоскости исчерпанной» [28. С. 168].

2.

Диалектики, или деборинцы, названные так по имени главного редактора официального идеологического органа партии «Под знаменем марксизма» А.М. Деборина — считали диалектический материализм венцом человеческой мысли, высшей формой мышления, с которой должны согласовываться низшие формы мышления, которые работают в естественных науках. Поэтому, считали деборинцы, если полученные в этих науках результаты не согласуются с диалектическим материализмом, то они заведомо ложные. Естественно, что при таком подходе, деборинцы считали теорию относительности неправильной, а её методологические выводы идеалистическими. Вот что писал Деборин о теории относительности в своей книге «Ленин как мыслитель»: «Когда Ленин писал свою книгу о материализме и эмпириокритицизме, он не мог предвидеть, что теория относительности действительно станет на такую точку зрения, по которой "после" и "раньше" могут меняться местами. Вовсе не обязательно, оказывается, что я раньше родился, потом постепенно состарился и умер. *С точки зрения теории относительности, я могу начать свою жизнь с конца и постепенно дойти до рожденья. Эта софистика, опрокидывающая весь мир, всю жизнь и всю нашу практику, покоится на тех же гносеологических принципах, что и махизм, юмизм и пр.*» К счастью, дело обстоит в действительности несколько иначе — время обратимо, может быть, в фантазии, в мире отвлеченных понятий, но не в мире реальности» [29. С. 44].

Философ Деборин в физике понимал мало, не говоря уже о новых идеях этой науки. Надо отдать ему должное — он быстро понял свою некомпетентность и никогда больше ни он, ни его ученики не выступали против теории относительности.

Но в среде диалектиков многие философы считали необходимым согласовать теорию относительности с марксистской философией.

Философ А. Гольцман был ярким сторонником теории относительности, которую он рассматривал как важный поворотный пункт истории научной мысли. В своей большой работе «Наступление на материализм» [30] он выступал против её идеалистической интерпретации некоторыми иностранными, а также отечественными авторами, среди которых первое место занимали А.В. Васильев [31] и А.К. Тимирязев [32]. Эти ав-

торы утверждают, что теория относительности лишила пространства последних остатков физической реальности — они лишь «врожденные идеи нашего духовного естества». Гольцман показал, что «идеалистическая путаница понятий о пространстве целиком упраздняется теорией относительности Эйнштейна. Она отбрасывает «критические» предположения о «трансцендентальности» пространства в «чистых воззрениях» математиков. Вместе с тем, она отказывается также от бытия метафизического абсолютного пространства, равного самому себе. Взамен этого она выдвигает взгляд на пространство как на физическое свойство тел, подверженное действию диалектических законов движения» [30. С. 89]. Что же касается «мирового пространства» — Вселенной, то Гольцман напомнил своим оппонентам, что и эта проблема решается Эйнштейном «с точки зрения диалектического материализма»: Вселенная, заполненная материей, плотность которой отлична от нуля, может быть только сферической или эллиптической.

Гольцман опровергает идеалистический тезис о том, что в теории относительности «познаваемые нами свойства материи в действительности представляют лишь "отношения", т. е. законы отношений, за спиной которых не стоит ничего физически реального» [30. С. 91]. Он утверждал, что теория относительности выяснила неразрывную связь массы и энергии, подтвердив тем самым основной тезис диалектического материализма — нет материи без движения.

В заключение Гольцман суммировал гносеологические выводы, вытекающие из теории относительности:

«1. Важнейшее и единственное основание для сомнения существования вещей отвергается. Вещи существуют не только в сознании человека, но и в действительности.

2. Чувственное познание вещей ограничено. Оно приводит нас к геометрии практически твердых тел — к Эвклиду.

3. Внутренние процессы вещества, недоступные органам чувств, познаются нами путём умозаключения на основании данных опыта. Этот вторичный акт познания есть гипотеза.

4. Гипотеза проверяется дополнительными органам чувств орудиями познания и превращается в теорию. Теория очень часто представляет нам вещи в таком виде, в котором они чувственно «непознаваемы» (т.е. не познаются органами чувств или специальными орудиями на современной стадии развития последних). Так, например, геологические изменения земного шара для нас были бы совершенно непонятны, если бы мы не были в состоянии построить гипотезу, проверенную дальнейшими изысканиями» [30. С. 98-99].

Отсюда вывод: «теория относительности даёт наиболее полное подтверждение материалистическому мировоззрению и именно диалектическому материализму» [30. С. 100].

Эта статья вызвала интересную полемику. На Гольцмана набросился Тимирязев [33]. Он обвинил его в незнании физики и в страшной путанице в фактическом материале теории относительности. Но не это волновало Тимирязева — его возмутило утверждение Гольцмана, что теория относительности полностью соответствует диалектическому материализму. Он писал: «Вообще всё, что у Эйнштейна похоже на диалектику, всё это относится к тому, что лежит за пределами опыта (в общечеловеческом смысле этого слова, не махистском). События могут быть одновременны и одновременно не одновременны. Длина моего стола может быть одновременно и такой, какую я намерил линейкой, и одновременно какой угодно другой. Всё это очень диалектично, но, к сожалению, недоступно для нас и, по Эйнштейну, принципиально недоступно... Таким образом, эта диалектика застрахована от опытной проверки, и все метафизики могут спать спокойно — их эта диалектика не укусит. Те же части теории Эйнштейна, которые касаются доступного непосредственному измерению и наблюдению, поражают своей метафизикой» [33. С. 239-240].

Гольцман тут же ответил на критику [34]. Он оставляет в стороне упреки Тимирязева в умозрительности и недоказуемости конкретных физических принципов теории относительности. По его мнению, это не даёт оснований к философской оценке теории. «Материализм сохраняет полный и безусловный нейтралитет по отношению к физическим основам теории Эйнштейна. Он может высказываться исключительно с точки зрения философской её приемлемости», — писал Гольцман [34. С. 118]. Он показывает, что теория относительности удовлетворяет основному требованию материализма — признаёт существование материи. Далее, опираясь на ленинскую работу «Материализм и эмпириокритицизм», Гольцман утверждает, что связь массы и энергии не противоречит диалектическому материализму. Отвергая критику Тимирязева о том, что неевклидова геометрия это идеализм, Гольцман опять говорит: «Материализм опять-таки в математике, как и в физике, не намерен предоставлять монополии той или иной теории» [34. С. 125]. В заключение он писал: «Тов. Тимирязев является противником Эйнштейна. Это его дело. Но он хочет доказать, что за Эйнштейном стоят лишь реакционеры. Это уже совершенно напрасные потуги. Преобладающее большинство современных физиков признает принцип относительности. В сущности говоря, вместе с Тимирязевым стоит ничтожная кучка учёных, заслуги некоторых из них перед наукой можно оспаривать. Особенно сильно ссылается Тимирязев на проф. Ленара... Ленар заматерелый черносотенец, жидоед, прославившийся не столько своими научными открытиями, сколько католически-черносотенными выступлениями. И вот эта-та фигура лысого профессора-паписта является столпом современного похода против принципа относительности!» [34. С. 126].

Тимирязев тут же ответил [35]. Лейтмотив его ответа: «*знать то, о чём говоришь и пишешь, — это такое правило, которое должно соблюдаться всеми, без всякого исключения*» (выделено мною — А.С.) [35. С. 127].

Он упрекает Гольцмана в элементарном невежестве в области физики и в философском «учучванстве» [2]. Тимирязев опять повторяет с его точки зрения неприемлемые положения теории относительности: равноправие систем отсчёта, связанных с Землёй и с Солнцем, отрицание эфира, эквивалентность энергии и материи, необходимость неевклидовой геометрии. Он защищает Ленара, считая его выдающимся физиком, но признает, что тот «черносотенец и антисемит». Интересно, что в своём ответе Тимирязев не акцентировал внимание на философской оценке теории относительности.

Наиболее агрессивный член этой группы А.А. Максимов начинал как механист, и его позиция была близка к позиции Тимирязева, но в отличие от него Максимов признавал положительные моменты в теории относительности (см. ниже). Его взгляды той поры хорошо видны из его статей, посвященных обзору научно-популярной литературы по теории относительности и дискуссии о ней в Германии [36-38].

Первый обзор Максимова начинается как истинный марксист: «В переживаемую нами эпоху развала капитализма и перехода власти к пролетариату, отмеченный процесс дошёл до своего крайнего предела и сказался даже в области точных наук, причём и здесь (и это очень важно отметить) буржуазия в лице, защищающих её интересы учёных встала поперёк прогресса, именно, прогресса науки. Создалось такое положение, что как рамки капиталистического строя оказались тесными для нарождающихся внутри него новых форм производства, так и новые факты и дальнейший рост науки требуют как изменений в основных принципах науки, так и во всей её организации.

Несомненно, что принцип относительности возник в связи с таким перерастанием содержания науки её старых форм и пытается разорвать их, т.е. является своего рода революцией в науке, и интересно, что буржуазными учёными как бы делается всё, чтобы затемнить истинный смысл происходящего в науке и как бы затормозить его» [36. С. 17].

Вот с этих позиций Максимов и рассматривает теорию относительности. Максимов писал, что после неудачных опытов Майкельсона учёные наконец-то обратили внимание на недостатки механики Ньютона. «Но каким же путём пошла наука, т. е. современные учёные при этом? — писал он. — Пожалуй, без преувеличения можно сказать, что тут началась трагедия буржуазной науки. Ни экспериментальная проверка, пользуясь современной научной техникой, законов Ньютона и законов механики, ни серьёзная критика их были ответом на неудачу опытов Майкельсона и др. Наоборот, приобрела симпатию подавляющего большинства учёных попытка объяснить эти результаты, данная Эйнштейном. И та позиция, которую занял при этом в теоретико-познавательном отношении Эйнштейн, заставляет нас сделать изложенный выше вывод о кризисе буржуазной науки» [36. С. 173].

Уже из приведённой цитаты ясно, как оценивает теорию относительности Максимов. Он писал: «Эйнштейн, из небольшого числа принци-

пов и определений, строит свою геометрическо-физическую систему теории относительности, затем «подчиняет» ей живую действительность, т.е. представляет себе события в том порядке, в котором располагает их теория, и затем всё это здание представляет экспериментальной проверке со стороны соответствия одних частей другим... Эйнштейн стоит на точке зрения идеалистической философии: для него существует мир идей — "свободных сознаний человеческого духа", "независимо от всякого опыта" (это дает право теории относительности рассматривать как свободное создание эйнштейновского духа), мир явлений для него приравнивается к миру переживаний» [36. С. 176].

Но в то же время Максимов признаёт, что независимо от теоретико-познавательной позиции Эйнштейна, его теория относительности затрагивает коренные проблемы и сам Эйнштейн «глубокий и серьёзный мыслитель, великолепный математик» [36. С. 176].

Переходя к обзору научно-популярной литературы, Максимов, конечно, делает упор на философские аспекты теории относительности, но здесь в своих оценках он куда более осторожен — он приводит, главным образом, оценки авторов рецензируемых работ. Так он писал, что в своей брошюре С.Я. Лифшиц утверждает, что «мир, в котором мы живём и который мы мыслим ... лишён всяких атрибутов абсолютного и полон реальностей, которые в то же время относительны и иллюзорны» [39].

В том же духе высказывается в своей брошюре Б. Дюшен — «Признание времени относительной величиной, зависящей от скорости движения, обязательно влечёт за собой признание иллюзорности и условности существования нашего мира» [40].

Особо подробно Максимов рассмотрел книгу П. Ленара «О принципе относительности, эфире и тяготении» [41]. Максимов писал, что «если Эйнштейн — идеалист, творением духа приписывает абсолютную и самодовлеющую ценность, а мир явлений приравнивает к миру переживаний, то Ленар держится прямо противоположной точки зрения. Последний подчеркивает, в противоположность первому, что его точка зрения есть точка зрения «здорового рассудка» [36, с. 178]. Ленар поясняет, что «здоровый рассудок» это разум естествоиспытателя, стремящегося при изучении физических явлений внести в них «единство и возможную простоту»

Интересно, что Максимов нигде не приводит оценок Ленара теории относительности, а только подчеркивает что Ленар «придерживается механистической картины мира» [36, с. 179].

Во второй части этой работы [37] Максимов начинает рассмотрение с книги М. Борна [42]. По его мнению, рассмотрение теории относительности Борн ведёт на основе «релятивизма, творческой фантазии, критической логики и терпеливого приспособления к фактам» [37, с. 124]. Суммируя своё впечатление от книги Борна, Максимов пишет: «несмотря на притягивание за волосы фактов физики в доказательство релятивистской философии, несмотря на попытку создать сверхчувствительное знание и как бы перепрыг-

нуть через себя, Борну не удаётся убедительно доказать сущность происходящего в науке и мировоззрении учёных переворота» [37, с. 129].

Давая оценку книги О. Хвольсона [43], Максимов утверждает, что в теории относительности есть вещи, которые человечество вообще не в состоянии себе представить и познать. Это — четырёхмерное пространство, замкнутая Вселенная и т.п.

Касается Максимов и книг Н. Морозова [44, 45], в которых вместо принципа относительности в физике проповедуется «всеобщий принцип относительности всего не свете». Подробно он рассматривает биографическую книгу А. Мошковского [46] и делает вывод: «Эйнштейн верный сын буржуазии и буржуазной идеологии и пролетариату с ним не по пути. Это не значит, что пролетариат не воспользуется всем, что дают полезного его работы» [37. С. 137].

Подводя итоги проделанной работы, Максимов отметил, что среди этих книг «нет ни одной, которая бы представляла хоть в какой-нибудь степени пролетарскую идеологию» [37. С. 138]. Суммируя оценку теории относительности в рецензируемых книгах, Максимов делает следующие выводы: «в восхвалении красоты и замкнутости теории относительности скорее кроется стремление создать себе идеальные, фантастические, математические иллюзии, которые дают некоторое опьянение и возбуждение без необходимости пережить это в труде и действии. Склонность буржуазных учёных сделать из математики и теории познания точных наук изощрённый способ удовлетворять себя созерцанием красоты стоит, несомненно, в связи с общим упадочным настроением буржуазии. Это особенно важно отметить, что многие в теориях относительности просто ищут забвения, зная достоверно, что сами по себе теории относительности стоят очень далеко от жизни» [37. С. 139]. И, говоря дальше о философских аспектах, Максимов добавляет: «эта домашняя философия есть желание во что бы то ни стало пристегнуть к физическому содержанию теории относительности осколки гибнущей идеологии буржуазии и тем самым спасти её от гибели. Но мы знаем, что это напрасно. Буржуазный мир обречён на гибель, и на всякие попытки спасти его в каком бы то ни было виде ответим украинским советом утопающему: "Не теряй, куме, силы — опускайся на дно!"» [37. С. 140].

Рассмотрим теперь обзор дискуссии о методологических аспектах теории относительности в Германии, который составил Рейхенбах и обсудил Максимов [38]. В обзоре проанализировано 72 работы 37 авторов, представляющих разные философские школы. Максимов показывает, что в среде махистов произошёл раскол — последователи молодого Маха относятся к теории относительности положительно, тогда как последователи позднего Маха — резко отрицательно. То же произошло и у неокантианцев. Релятивисты, к которым относится и Рейхенбах, создают пропасть между вещами и понятиями — «философия релятивизма — философия чистых понятий» — пишет Максимов. Поэтому они часто скатываются к идеализму и ищут под-

тверждения своей точки зрения в теории относительности. «Только диалектический материализм находится в полной гармонии с успехами естествознания, так как он не претендует, во-первых, на построение законченной системы, а во-вторых, он самого своего возникновения черпал и черпает свои силы и доводы *только* из области науки, в частности из естествознания. Если идеалистическое воинство, разгромленное возникновением принципа относительности укрылось под крылышком этого самого принципа относительности и пропитало его своими идеями, то это может служить лишь поводом к тому, что принцип относительности Эйнштейна погибнет так же (но лишь гораздо скорее), как погибла ньютоновская физика. Но от этого не только не погибнут, но только очистятся те успехи, которых достигло естествознание и которые отразились частью в принципе относительности Эйнштейна», — закончил обзор Максимов [38. С. 119].

Одновременно с этими обзорными статьями Максимов опубликовал и большую оригинальную работу о принципе относительности [47]. Начинаясь она оригинально: «Мы подойдем к принципу относительности с общественной точки зрения, с точки зрения того, кому и как он служит в ожесточенной классовой борьбе. ... Поэтому мы не будем касаться специальной, физической стороны принципа относительности и остановимся лишь на общих исходных позициях Эйнштейна. Так как принцип относительности в общем послужил пока что лишь на пользу тех групп буржуазного общества, которые чрезвычайно склонны в связи с переживаемым этим обществом крушением и посему к идеологическим уклонам в сторону религии, мистики и идеализма, утверждать относительность наших знаний вообще и возводить эту относительность в звание своеобразного абсолюта, то для нас особенно необходимым делается в точности разграничить и оценить как положительные, так и отрицательные стороны принципа относительности, чтобы твердо решить, какие из этих элементов в конце концов берут перевес» [47, с. 181].

Первым делом Максимов задал вопрос — можем ли мы согласиться с относительностью пространства и времени? Относительность покоя и движения диалектический материализм уже признал, и поэтому Максимов делает вывод: «так как движение совершается в пространстве и времени, то мы можем сказать, что пространство и время суть формы существования материи и относительны так же, как относительно движение и относителен покой» [47. С. 183]. И вывод: «таким образом, окончательное упразднение представления об абсолютном пространстве и времени должно быть признано первой заслугой Эйнштейна» [47. С. 187].

Но только этим не исчерпывается заслуга Эйнштейна перед современной физикой. Максимов это понимает: «Также огромное значение имеет широта взглядов и богатство идей Эйнштейна, выразившиеся в новом сопоставлении различнейших областей: геометрии и физики, той и другой, и астрономии и т. д. и в новом освещении, которое было придано

Эйнштейном, например, пониманию сущности тяготения, инертной и тяжёлой массы и пр.» [47. С. 187].

Однако, принимая фактический материал теории относительности, Максимов не может принять метод, с помощью которого Эйнштейн пришёл к разрешению назревших проблем. «Провозглашая новое содержание науки, Эйнштейн пользовался старым методом, который находится в противоречии с провозглашённым. Тут мы встречаемся с одним из характернейших противоречий современной науки: диалектическое развитие влечёт её неизбежно вперёд, методические же формы её остаются старыми и, очевидно, не могут быть иными в пределах разрушающегося буржуазного общества», — писал он [47. С. 188].

Что же это за метод? Максимов иллюстрирует его на примере геометрии. Эйнштейн писал, что аксиомы геометрии — свободные создания человеческого духа. Все остальные геометрические положения суть логические следствия аксиом, связанных с миром только общностью терминов. Применительно к физике этот метод Эйнштейн определил так: «Геометрическо-физическая теория как таковая необходимым образом совершенно ненаглядна, она представляет собой исключительно систему определений. Но эти определения необходимы, чтобы установить мысленно связь множества действительных или воображаемых действующих на наши чувства событий. Сделать теорию "наглядной" — это значит представить себе все события полностью в том порядке, в котором их располагает теория. Таким образом, — пишет Максимов, — у Эйнштейна вообще мы не находим связи между "свободными" теоретическими построениями и опытом. А что же есть? «Но зато процветает мысленный эксперимент, мысленное допущение наблюдателей со скоростями, необозримо далёкими от всего нам доступного, мысленная эквилибристика с часами и установлением одновременности, мысленное доказательство равенства инертной и тяжёлой массы путём представления себе свободно парящей в пространстве и подтягиваемой за верёвку комнаты, мысленное представление того, что было бы, если бы Земля вращалась вокруг своей оси, а весь мир вращался бы вокруг Земли и т. д. и т. п. ... Вследствие такого умозрительного подхода, зависимость между пространством, временем, движением и пр. состояниями материи родилась лишь в голове Эйнштейна» [47. С. 197]. И отсюда вывод: «Мы не можем не отвергнуть как основы, так и весь метод Эйнштейна» [47. С. 198].

Рассматривая далее фактическое содержание теории относительности, Максимов пришёл к выводу: «Итак, мы не только не приемлем метод Эйнштейна, не только отвергаем его взгляды на взаимоотношение сознания и бытия, но не можем принять и того метафизического содержания, которым наполняет Эйнштейн свои теории» [47. С. 204].

И, наконец, Максимов рассматривает теорию Эйнштейна «с общественной точки зрения, т. е. с точки зрения, кому и как в классовом обществе служат его идеи» [47. С. 205]. Он пишет, что в естествознании

буржуазная наука не только не постигает по существу имеющийся опытный материал, но постигает его в извращённом виде, даёт ему толкование, навязывающее те взаимоотношения между фактами, которого в действительности нет, но которое соответствует прочим идеологическим формам данной стадии развития общества. Таковы и работы Эйнштейна. Но они были встречены с восторгом буржуазной интеллигенцией, потому что соответствовали общей идеалистической атмосфере, царящей в обществе.

«Каково же должно быть наше отношение к принципу относительности Эйнштейна и вообще к буржуазному естествознанию? — ставит вопрос Максимов и отвечает. — Мы приемлем весь тот опытный материал, который добыт буржуазными учёными, мы приемлем все те выводы и обобщения этого опытного материала, но мы отвергнем всё, что вызвано влиянием буржуазного общества как на метод, так и на форму изложения естествознания» [47. С. 208].

Эта статья вызвала резкую реакцию Ин.Н. Стукова [47]. Он критиковал первую часть статьи Максимова, где тот пишет об относительности пространства и времени (см. цитату из этой статьи выше). Стуков напоминает, что марксизм различает пространство и время как объективную реальность и поэтому они абсолютны, и понятия о пространстве и времени, которые относительны. Стуков считает, что Максимов говорит о пространстве и времени как об объективной реальности и поэтому, объявляя их относительными, он впадает в релятивизм. Та же путаница, по мнению Стукова, происходит у Максимова с понятием движения. Он говорит об относительности движения (в теории относительности), а не о понятии движения. По мнению Стукова марксизм утверждает, что движение является абсолютным, а понятие о движении относительным.

Максимов ответил большой статьёй [49]. Он утверждал, что для марксистов существует только одно пространство и время — объективно существующее вне нас. Пространство и время относительны, «подвижны» т. е. изменяются в зависимости от материи и её движения.

Вообще, ответ Максимова похож на популярную лекцию о теории относительности. Но в конце он всё же не преминул указать на тождественность философских взглядов Маха и Эйнштейна, но при этом оговорив, что «мы сделали бы ещё большую, ещё горшую ошибку, если бы мы, увидев философскую преемственность между Махом и Эйнштейном, игнорировали бы работы Эйнштейна со стороны физической» [49. С. 156].

В 30-е годы Максимов заметно эволюционировал. Он чутко уловил общую идеологическую и политическую реакцию и не замедлил ужесточить классовую позицию [50, 51]. Он подчёркивал, что в области теоретического естествознания классовая борьба выражается в борьбе материализма и идеализма. Капитализм загнивает, и это приводит к кризису в естествознании. Но, писал Максимов, «если с этой с этой точки зрения подойти к вопросу о кризисе в физике, то мы не можем сказать, что он сводится только к загниванию науки в результате распространения идеализма, но

мы действительно имеем ряд крупнейших исторического значения открытий, которые переворачивают всё старое мировоззрение естествоиспытателей и укрепляют материализм» [50. С. 21]. И в числе этих открытий он на первое место ставит теорию относительности Эйнштейна. Интересно, что в отличие от своих взглядов 20-х годов, когда он упрекал теорию относительности в «умозрительности», Максимов подчёркивает теперь, что она подтверждена не только теоретически, но и экспериментально.

И в последующих своих работах [52-54] Максимов уже принимал все физические достижения теории относительности, хотя продолжал критиковать философов за идеалистические выводы из этой теории.

3.

Однако, среди философов, были и такие, которые приняли научный базис теории относительности и полную совместимость её с диалектическим материализмом.

С.Ю. Семковский, член Украинской академии наук и ведущий специалист в области марксистской философии науки, дал первый обширный анализ философских проблем релятивистской физики в свете диалектического материализма [55-57]. При этом он опирался и часто цитировал работы Энгельса «Диалектика природы», «Анти-Дюринг» и «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии», а также на высказывания ведущих физиков. Интересно также, что Семковский приводил большие выдержки из трудов Ньютона и Эйнштейна.

Рассмотрим основные положения работ Семковского. Это удобно сделать, рассматривая его статью [56], которая является основой большей работы [57]. Интересно, что вся она построена на опровержении работ Тимирязева, в которых тот опровергал теорию относительности и обвинял её в махизме и идеализме.

Вначале Семковский рассмотрел относительное и абсолютное движение. Он подробно рассказал об основных принципах механики Ньютона, о его абсолютных пространстве и времени, и революции, которую внёс в эти понятия принцип относительности. Семковский привёл точный перевод этого принципа из первой статьи Эйнштейна в *Annalen der Physik* 1905 года: «Понятию абсолютного покоя не соответствуют никакие свойства явлений». «Диалектический материализм и теория относительности как раз и исходят из того, что тела движутся, так как нет материи без движения. И таким образом, "абсолютное движение" как движение по отношению к чему-то абсолютно покоящемуся теряет всякий физический смысл», — писал Семковский [56. С. 130].

Вообще вся эта часть его работы — это опровержение попыток Тимирязева защитить абсолютное движение. «Невообразимая путаница, привнесённая т. Тимирязевым в теорию относительности, — пишет Семков-

ский, — начинается уже с основного различия абсолютного и относительного движения. С этими терминами у него вообще не связаны сколько-нибудь отчетливые понятия. И, прежде всего, он путает абсолютность и объективность» [56. С. 130]. Он подробно обсуждает приведённые Тимирязевым примеры якобы опровергающие принцип относительности и показывает их несостоятельность. «Весь этот конфуз с т. Тимирязевым произошёл не потому, что он вообще не понял теории относительности, — это ещё с полбеды, но конфуз в том, что "здравый смысл" т. Тимирязева, оказывается, тащит за собой изрядной длины хвост *Птолемеевского геоцентризма*», — пишет Семковский [56. С. 136]. То есть при рассмотрении Тимирязевым разных примеров он не учитывает движения Земли вокруг своей оси и вокруг Солнца и таким образом становится на точку зрения Птолемея.

Следующая часть его работы посвящена сопоставлению представлений о пространстве Канта и Эйнштейна. Семковский пишет, что «Кант философски осветил геометрию Эвклида и механику Ньютона, подведя под них идеалистический фундамент своей трансцендентальной эстетики» [56. С. 140]. Его взгляды на пространство и время совершенно противоположны взглядам Эйнштейна. Но, замечает Семковский, Тимирязев считает, что теория относительности является кантианством, а это говорит о том, что он не знает Канта и не понимает Эйнштейна. По Канту, пространство и время зависят от способа представления, по Эйнштейну — от материальных масс. Кант не допускает мысли о возможности иной геометрии, кроме эвклидовой, считая, что её постулаты суть *«априорная непреложность нашего чистого воззрения пространства»*. Эйнштейн решительно отвергает *«априорную значимость эвклидовых постулатов»*, считая, что только опытным путём можно установить истинную геометрию пространства. Тимирязев же приписывает Эйнштейну кантовский априоризм, умудрившись и здесь не понять Эйнштейна. Однако, пишет Семковский, Эйнштейн совершает ошибку, когда говорит, что геометрии суть *«свободные творения человеческого духа»*, тогда как этот выбор геометрий обусловлен расширяющимся опытом человечества. Главное же в теории относительности, — это *«физическое истолкование геометрии»*, как это подчеркивает сам Эйнштейн.

В заключение Семковский рассматривает обвинение теории относительности в махизме, о чём всё время говорит Тимирязев. Семковский показывает, что *«теория относительности решительно идёт в разрез с "махизмом", ибо она строится не на "элементах — ощущениях", а на материи»* [56. С. 155].

Подводя итог сказанному, Семковский писал: «Тов. Тимирязев с удовлетворением цитирует наше упоминание о том, что есть критики, которых нельзя заподозрить в непонимании теории относительности и её математических основ. Увы, мы вынуждены разочаровать нашего уважаемого оппонента: это упоминание никак не могло относиться к нему. Ибо

все злоключения его, прошедшие перед нами в этой и предыдущих главах, имеют своим необходимым и достаточным условием и в то же время своей вполне "непосредственно наблюдаемой" причиной, именно *непонимание* теории относительности, с одной стороны, *незнание* философских направлений — с другой» [56. С. 169]

Конечно, Тимирязев тут же ответил Семковскому [58]. Он начинает с того, что рассказывает об опытах Дейтона Миллера, которые, по его мнению, опровергают теорию относительности. «Итак, — пишет Тимирязев, — спор физиков с математиками, пытавшимися фальсифицировать физику, спор, продолжавшийся двадцать лет, окончен. Победила физика. Попытка заменить материю уравнениями, разлетелась как картонный домик» [58. С. 170]. Тем не менее, он подробно пытается опровергнуть все доводы Семковского. При этом никаких новых аргументов, кроме неоднократно обсуждавшихся в своих статьях, Тимирязев не приводит.

Резко отрицательную рецензию на книгу Семковского [58] написал Цейтлин [59]. Она начинается так: «Работа тов. Семковского вызывает целый ряд серьёзных возражений, касающихся как некоторых важных принципиальных определений автора, так и его оценки соотношения теории относительности и диалектического материализма, — оценки, которая является непосредственным следствием того, как т. Семковский трактует основные понятия материализма. Мы полагаем, что эта трактовка в корне ошибочна и ведёт к ошибочной интерпретации теории относительности» [59. С. 220].

Цейтлин упрекает Семковского якобы за энергетический идеализм на том основании, что тот, вслед за Эйнштейном, говорит о неразрывной связи энергии и массы. Далее Цейтлину не нравится понятие «пустоты», о котором пишет Семковский, хотя тот понимает пустоту как пространство без эфира. Антимарксистская позиция Семковского, по мнению Цейтлина, особо ярко проявляется в относительном изменении длин и времён. Кроме того Цейтлин утверждает, что понятие абсолютного движения и покоя у Ньютона более диалектично, чем у Эйнштейна потому, что движение абсолютно, поскольку оно действительно происходит по отношению бесконечному, абсолютно покоящемуся пространству, но оно относительно по отношению к внешнему объекту.

В заключение Цейтлин пишет: «Работа тов. Семковского является образцом лишь того, как не следует подходить марксисту к современному естествознанию» [59. С. 228].

Другой защитник теории относительности Б.М. Гессен известен, прежде всего, своей великолепной популярной брошюрой «Основные идеи теории относительности» [60]. В ней, кроме фактического физического материала, даётся и методологическая оценка теории. В предисловии он писал: «Всякая принципиальная физическая теория, касающаяся наших основных воззрений на природу, всегда имеет методологическую подоснову. Поэтому нашей задачей является не подробное изложение теории относи-

тельности, а выявление тех методологических концепций, которые лежат в основе её физических и математических построений. Мало места уделено разбору возражений теории относительности, так как автор ставил себе, прежде всего, задачу положительного изложения теории относительности» [60. С.5-6].

Философские вопросы теории относительности рассматриваются Гессеном в главе VII «Философский и физический релятивизм». Для характеристики его позиции приведём выдержки из этой главы.

«Естественно, является вопрос: не есть ли теория относительности физической конкретизацией релятивизма как общей философской концепции? — пишет Гессен. — Действительно, делались попытки связать физическое содержание теории относительности с философским релятивизмом и подкрепить релятивизм философскими доводами теории относительности как физической теории, в которой понятие относительности пространства и времени играет фундаментальную роль. Однако релятивизм как философская концепция вовсе не является методологической основой теории относительности» [60. С. 111].

Дальше Гессен уточняет: «Физический релятивизм есть признание относительности наших конкретных знаний о природе. Суть теории относительности состоит в установлении относительного характера временных и пространственных промежутков. Величина и тех и других существенно зависит от состояния наблюдателя. Если остановиться на этом утверждении и, отвергая возможность преодоления этой относительности, обосновывать это утверждение доводами философского релятивизма, то теория относительности превращается в принципиальный релятивизм. Но такой вывод отнюдь не является необходимым следствием теории относительности. Наоборот, в концепции четырёхмерного мира мы видим попытку преодоления относительности пространственных и временных измерений и следующий шаг на пути к абсолютному познанию внешнего мира, движущейся материи» [60. С. 114].

Эта ясная и чёткая позиция Гессена существенно повлияла на дискуссию о философских основах теории относительности. Это стало ясно на Второй Всесоюзной конференции марксистско-ленинских научных учреждений [61].

В докладе О.Ю. Шмидта была дана оценка отношения философов к теории относительности на то время. Он сказал: «Идеалисты чистой воды, услышав о том, что нет абсолютного времени, нет абсолютного пространства, что они относительны в зависимости от того, в какой точке мы их наблюдаем, центр тяжести перенесли на слово "наблюдаем": ага, значит пространство и время существуют только как результат наших наблюдений! — чисто махистское утверждение. ... Используя в теории Эйнштейна то, что скорости не могут превышать известной величины, решили, что за этим пределом, за звёздами движется уже не материя, а рай. Это

утверждение Флоренского, учёного человека, московского протоирея. ... Эйнштейн здесь не причём, но за него немедленно ухватились.

Как поступили в другом лагере наши механисты, т. Тимирязев? Они нацело отрицают не только теорию Эйнштейна, но и то противоречие, которое лежит в её основе. Они сделали ставку на то, чтобы опровергнуть опытную сторону её, что им не удалось. Они не видели ни тех противоречий, ни того развития физики, которое здесь проявляется.

Нужно сказать, что у нас в СССР теории относительности не повезло: с одной стороны, всё-таки авторитет т. Тимирязева был велик, а с другой стороны, мы находились под гипнотизирующем влиянием тех идеалистических выводов, которые делались на Западе из теории относительности и которые послужили причиной невероятной популярности её среди обывателей всего мира.

У нас одно время создавалась ситуация, при которой мы к теории Эйнштейна относились подозрительно, и не было смелости, чтобы указать на материалистическое звено теории относительности. Лишь некоторые товарищи на этот путь стали. Наиболее интересной в этом отношении одной из первых попыток была книга т. Семковского. В последнее время т. Гессен, подходя с другой стороны, также выявил материалистическое зерно теории относительности. Сейчас можно считать это вопрос более или менее решённым. Элементы диалектики в теории относительности выступают ярче, чем в какой было ни было современной теории. Она вся диалектична» [61. С. 12-13].

Таким образом, вопрос о согласии теории относительности с диалектическим материализмом был положительно решён и утверждён на официальном уровне. Поэтому в 30-е годы уже не было споров о теории относительности, а на передний край философии науки вышли проблемы микромира и прежде всего квантовой механики.

Литература

1. *Тимирязев А.К.* Старое и новое в физике // *Летопись.* 1916. № 11. С. 147-170.
2. *Тимирязев А. А.* Эйнштейн. «О специальной и всеобщей теории относительности (Рецензия)» // *Под знаменем марксизма.* 1922. № 1-2. С. 70-73.
3. *Тимирязев А.К.* Принцип относительности (О теории Эйнштейна) // *В сб. Естествознание и диалектический материализм.* М.: Изд. «Материалист». 1925. С. 46-68.
4. *Тимирязев А.* Теория относительности Эйнштейна и диалектический материализм // *Под знаменем марксизма.* 1924. № 8-9. С. 142-157.
5. *Тимирязев А.* Принцип относительности Эйнштейна и диалектический материализм // *Под знаменем марксизма.* 1924. № 10-11. С. 92-114.
6. *Дейтон — Миллер.* Опыты, определяющие «эфирный ветер», выполненные на горе Вильсон // *Под знаменем марксизма.* 1925. № 8-9. С. 194-198.

7. *Миллер Д.* Смысл опытов с эфирным ветром, произведенных в 1925 г. на горе Вильсон // Под знаменем марксизма. 1926. № 11. С. 91-109.
8. *Дейтон — Миллер.* Опыт с эфирным ветром, на горе Вильсон // Воинствующий материалист. Кн. 5. 1925. С. 252-262
9. *Тимирязев А.* Экспериментальное опровержение принципа относительности Эйнштейна // Под знаменем марксизма. 1925. № 8-9. С. 191-192.
10. *Тимирязев А.* Новые опыты Дейтон — Миллера, опровергающие теорию относительности Эйнштейна // Известия. 1926. 30 июля.
11. *Иоффе А.Ф.* Что говорят опыты о теории относительности Эйнштейна? // Правда 1927. 1 января.
12. *Перельман Я.* «Эйнштейн опровергнут!». Атака на теорию относительности // Вечерняя Москва. 1926. 20 марта.
13. *Тимирязев А.* Обзор литературы по опытам Дейтон — Миллера и их критика // V Съезд русских физиков. М.: ГИЗ. 1926. 94 с.
14. *Г.Е.* V съезд русских физиков // Под знаменем марксизма. 1927. № 1. С. 134-141.
15. *Тимирязев А.* По поводу дискуссии об опытах Дейтон — Миллера на V съезде русских физиков // Под знаменем марксизма. 1927. № 2-3. С. 178-187.
16. *Гессен Б., Егоршин В.* Об отношении тов. Тимирязева к современной науке // Там же. С. 188-199.
17. *Хвольсон О.Д.* Опровергнута ли теория относительности // Вестник знания. 1926. №. 19. С.1227-1234.
18. *Вавилов С.И.* Новые поиски «эфирного ветра» // Успехи физических наук. 1926. Т. 6. № 3. С. 242-254.
19. *Тимирязев А.* Механическое естествознание и диалектический материализм. Вологда: Сов. Печатник. 1925. 82 с.
20. *Тимирязев А.* Теория относительности Эйнштейна и махизм // Естествознание и диалектический материализм. М.: Материалист. 1925. С. 228-258.
21. Стенограммы докладов, читаемых в Ком. Академии // Вестник Коммунистической Академии. Кн. VII. 1924. С. 337-378.
22. *Тимирязев А.* Волны идеализма в современной физике на Западе и у нас // Под знаменем марксизма. 1933. № 5. С. 94-123.
23. *Тимирязев А.* Ещё раз о волне идеализма в современной физике // Под знаменем марксизма. 1938. № 4. С. 124—?
24. *Орлов И.* Классическая физика и релятивизм // Под знаменем марксизма. 1924. № 3. С. 49-76.
25. *Орлов И.* Задачи диалектического материализма в физике // В сб. «Теория относительности и материализм». Л.-М.: Госиздат. 1925. С. 5-14.
26. *Цейтлин З.* Теория относительности А. Эйнштейна и диалектический материализм // Под знаменем марксизма. 1924. № 3. С. 77-110; № 3-4. С. 115-137.
27. *Цейтлин З.* Несколько возражений А.К. Тимирязеву // Под знаменем марксизма. 1924. №. 12. С. 159-167.
28. *Тимирязев А.* Ответ на возражения тов. Цейтлина // Там же. С. 168-173.

29. *Деборин А.М.* Ленин как мыслитель. М.: Красная новь. 1924. 88 с.
30. *Гольцман А.* Наступление на материализм // Под знаменем марксизма. 1923. № 1. С. 83-10.
31. *Васильев А.В.* Пространство, время, движение. Исторические основы теории относительности. П.: Образование. 1923. 135 с.
32. *Тимирязев. А.К.* ? Красная новь. 1921. № 1.
33. *Тимирязев А.* Несколько замечаний по поводу наступления на материализм тов. Гольцмана // Под знаменем марксизма. 1923. № 6-7. С. 228-241.
34. *Гольцман А.* Эйнштейн и материализм (Ответ т. А.К. Тимирязеву) // Под знаменем марксизма. 1924. № 1. С. 114-126.
35. *Тимирязев А.* Эйнштейн, материализм и тов. Гольцман. Ответ на ответ // Под знаменем марксизма. 1924. № 1. С. 127-135.
36. *Максимов А.А.* Популярно-научная литература о принципе относительности // Под знаменем марксизма. 1922. № 7-8. С.170-182.
37. *Максимов А.А.* Еще раз о популярно-научной литературе о принципе относительности // Под знаменем марксизма. 1922. №. 11-12. С. 123-141.
38. *Максимов А.А.* Современное состояние дискуссии о принципе относительности в Германии // Под знаменем марксизма. 1923. №.1. С. 101-119.
39. *Лифшиц С.* Принцип относительности Эйнштейна. М.: Изд. Печатник. 1922?
40. *Дюшен Б.* Теория относительности Эйнштейна. Всеукраинское Госуд. Изд-тво. 1922.
41. *Ленар П.* О принципе относительности, эфире и тяготении (критика теории относительности). М.: Гос. Изд. 1922.
42. *Борн М.* Теория относительности Эйнштейна и её физические основы. П.: Изд-во «Наука и школа». 1922.
43. *Хвольсон О.Д.* Теория относительности Эйнштейна и новое миропонимание. М.: Изд. П. и С. Сабашниковых. 1922.
44. *Морозов Н.* Принцип относительности в природе и математике. П.: Изд. «Начатки знаний». 1922.
45. *Морозов Н.* Принцип относительности и абсолютное. П.: Госиздат. 1920.
46. *Мошковский А.* Альберт Эйнштейн. Беседы с Эйнштейном о теории относительности и общей системе мира. М.: Изд. «Работник просвещения». 1922.
47. *Максимов А.А.* О принципе относительности А. Эйнштейна // Под знаменем марксизма. 1922. № 9-10. С. 180-208.
48. *Стуков Ин.* В плену у релятивизма // Под знаменем марксизма. 1923. № 4-5. С. 132-139.
49. *Максимов А.* Теория относительности и материализм. Ответ т. Стукову // Под знаменем марксизма. 1923. № 4-5. С. 140-156.
50. *Максимов А.* Об отражении классовой борьбы в современном естествознании // Под знаменем марксизма. 1932. № 5-6. С. 16-53.
51. *Максимов А.* Классовая борьба в современном естествознании // Фронт науки и техники. 1932. № 9. С. 21-33.

52. *Максимов А.* Марксизм и естествознание // Под знаменем марксизма. 1933. № 2. С. 50-73.
53. *Максимов А.* «Материализм и эмпириокритицизм» — материалистическое обобщение данных естествознания // Под знаменем марксизма. 1938. № 11. С. ?
54. *Максимов А.* Современное физическое учение о материи и движении и диалектический материализм // Под знаменем марксизма. 1939. № 10. С. 86-111.
55. *Семковский С.Ю.* Теория относительности и материализм. Гос. Изд. Украины. 1924.
56. *Семковский С.* К спору в марксизме о теории относительности // Под знаменем марксизма. 1925. № 8-9 С. 126-169.
57. *Семковский С.Ю.* Диалектический материализм и принцип относительности. Л.-М.: ГИЗ. 1926.
58. *Тимирязев А.* Ответ тов. Семковскому // Под знаменем марксизма. 1925. № 8-9. С.170-190.
59. *Цейтлин З. С.Ю.* Семковский. Диалектический материализм и принцип относительности. ГИЗ. 1926. // Под знаменем марксизма. 1926. № 4-5. С. 220-228.
60. *Гессен Б.М.* Основные идеи теории относительности. М.-Л.: Московский рабочий. 1928.
61. Задачи марксистов в области естествознания. Труды 2-ой Всесоюзной конференции марксистско-ленинских научных учреждений. М.: Изд. Коммунистической Академии. 1929.

Примечания

[1] Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований РФФИ (грант 09-08-00246).

[2] учёном чванстве (Прим. ред. Сб. "Исследования по истории физики и механики")

[3] В переводе под редакцией проф. А.К. Тимирязева фамилия и инициал автора книги искажены – см. работу [41] в списке литературы. Вместо Ф. Ленарда в оборот был введен П. Ленар. Судя по тому, как приведена книга Ленарда на языке оригинала в работе А.К. Тимирязева «Естествознание и диалектический материализм», М., 1925, Аркадий Климентьевич был не очень грамотен в немецком - из четырех слов названия в двух орфографические ошибки. Не удивительно, что фамилию Lenard он перевел на французский, а не на немецкий лад: Ленар. Отсюда и пошло неверное написание фамилии и имени нобелевского лауреата, которое встречается не только в работах А.К. Тимирязева, но и в заметках критиков этого автора, например, Гольцмана. Показательно, что в рецензии Н.Н. Андреева (будущего академика) на перевод книги Ленарда под редакцией А.К. Тимирязева в выходных данных книги стоит «Ленар», а в тексте рецензии фамилия пишется правильно: Ленард. Автор настоящей статьи использует то написание, которое встречается в цитируемых работах, т.е. "Ленар". Читатель должен иметь в виду, что речь идет о нобелевском лауреате Филиппе Ленарде (прим. ред. "Семи искусств")

Василий Демидович

ИНТЕРВЬЮ

С БЛАГОВЕСТОМ СЕНДОВЫМ

В июне 2012 года у меня возникла мысль взять интервью у академика Болгарской академии наук (БАН) Благовеста Сендова (Благовест Христов Сендов), стажировавшегося в начале 1960-ых годов на кафедре вычислительной математики Мехмата МГУ. Владимир Михайлович Тихомиров, поддерживающий с ним многолетние дружеские отношения, горячо одобрил эту идею. Мы составили к Благо (так, по-дружески, его звал Владимир Михайлович) «е-шай — послание», и вскоре получили от него в ответ любезное предложение пригласить меня на недельный срок в Софию в качестве гостя Математического института в удобный (для Института и меня) срок, где я выступлю с докладом, а заодно проведу с ним моё интервью. Разумеется, меня это вполне устраивало. И мы договорились, что таким сроком будет последняя неделя октября.

При получении официального приглашения из Математического института (точнее, из «Институт по математика и информатика — БАН», сокращённо называемого «ИМИ-БАН») я оформил свою командировку в Болгарию и вылетел в Софию.

С погодой мне повезло: в Софии «плюс двадцать один градус». В аэропорту меня встретил профессор Сава Гроздев и привёз в Институт, расположенный в тихом «академическом» районе Софии по адресу «ул. Акад. Г. Бончев, блок 8» — академик БАН Георги Бончев (1866-1955) был геологом, основоположником минералогии и петрографии в Болгарии.

Со своим докладом выступал я на заседании Национального семинара по математике, руководителем которого был академик БАН Пётр Поливанов (Петър Радоев Поливанов). Происходило это в институтском «Конференц-зале». А в находящемся же «в двух шагах от Института» офисе Благовеста Сендова состоялось и моё с ним, почти двухчасовое, неторопливое интервью «под диктофон». Ниже приводится распечатка этой беседы.

ИНТЕРВЬЮ С БЛАГОВЕСТОМ СЕНДОВЫМ

В.Д.: Дорогой профессор Сендов, я буду к Вам обращаться не просто по имени (как принято в Болгарии), а, согласно русской традиции, по имени и отчеству — Благовест Христович!

Я высоко ценю то, что Вы согласились на интервью со мной. И мой первый вопрос касается Вашего детства. А именно, из Интернета я знаю,

что Вы родились 8 февраля 1932 года в городе Станимака (ныне Асеновград), в семье известного болгарского промышленника Христо Сендова. Не Ваш ли отец привил к Вам любовь к математике? Он, вообще, интересовался математикой? Помимо бизнеса, так сказать.

Б.С.: Ну, все эти данные правильные. Я родился перед Второй мировой войной, когда Болгария была не социалистическая, а капиталистическая.

В.Д.: При царе Борисе, так?

Благовест Христов Сендов

Б.С.: Да, тогда страной правил царь Борис.

(Примеч. В.Д.: Здесь имеется ввиду царь Болгарии Борис III (1894-1943), полное имя которого Борис Клемент Роберт Мария Пий Луи Станислав Ксавье Саксен-Кобург-Готский. Он был весьма популярным монархом, являясь одним из ключевых персонажей балканской истории между двумя мировыми войнами и во время Второй мировой войны.)

А на вопрос, не мой ли отец привёл меня к математике, отвечаю так: «В общем, нет» ... Мы его даже не часто видели дома ...

В.Д.: Занятый был, конечно?

Б.С.: Да-да. Он был занятым человеком. И строгим.

Когда он приходил домой, мы должны были стоять «смирно», пообедать, поужинать ...

В.Д.: Кстати, семья была большая? Ещё, кроме Вас, дети были?

Б.С.: Всего было пять детей.

В.Д.: А Вы первый?

Ю.С.: Нет, второй.

Первым был мой старший брат. Он стал инженером. Был профессором в техническом университете.

Ну, а в отношении математики... Может быть, всё это связано с моей матерью. Моя мать окончила Американский математический колледж в Самукове. Она была первая, в этом колледже, по математике ...

В.Д.: О-о-о!

Б.С.: И хотела продолжить своё образование ... на инженера. Тогда профессия математики не считалась очень престижной ...

В.Д.: А профессия инженера ценилась выше?

Б.С.: Разумеется!

Кстати, при крещении меня назвали в честь моего деда по маме — только имя «Благо» моя мама «освежила» на имя «Благовест». Мой старший брат был назван именем деда по папе. Потом были две дочки: одну назвали именем матери папы, другую — именем матери мамы. Когда же появился пятый ребёнок — мальчик, то уже не осталось, в честь кого его крестить ...

В.Д.: Пришлось придумывать имя (смеётся).

Б.С.: Да. И его крестили именем «Божидар».

В.Д.: Божидар? А есть в святцах такое имя?

Б.С.: Да, есть такое имя.

Его окрестили Божидаром. Он родился как раз на пороге Второй мировой войны ...

Так что, если говорить о генетической склонности к математике, то она, скорее всего, идёт от матери. Но реально она развилась ещё потому, что я следил за тем, что делает мой старший брат. Он был меня на три с половиной года старше ...

В.Д.: Это мне очень понятно — я тоже слушал, что рассказывает мой старший — на восемь лет — брат.

Б.С.: Ну вот и я слушал.

Я, например, очень рано понял, как придумывают имена чисел в десятичной системе. Уже в четыре года.

В.Д.: Ухты!

Б.С.: Да, понял как всё это идёт ...

В.Д.: В четыре года Вы поняли, как устроена десятичная система исчисления? Не слабо! (*смеется*)

Б.С.: Да. Один, два ... потом десять, двадцать, ... потом сто, двести ... и так далее ...

В.Д.: Понятно: единицы, десятки, сотни и так далее.

Б.С.: Но у меня было убеждение, что число существует только тогда, когда можно ПОСЧИТАТЬ до этого числа.

В.Д.: То есть?

Б.С.: Например, если я хочу сказать «сто пятьдесят», то я должен уметь просчитать до этого числа: «один», «два»,..., «сто пятьдесят». И только после этого у меня есть право назвать число «сто пятьдесят».

Когда у нас бывали гости, и мой отец приглашал детей за стол на обед или ужин, я часто задавал кому-нибудь из гостей один и тот же вопрос: «До какого числа Вы можете посчитать?» И мне говорили: «до миллиона», «до двух миллионов» ... Потом я посчитал, сколько времени нужно, чтобы это сделать, и понял, что люди меня обманывают, не говорят правду (*смеются*).

И тогда я решил, что я тоже буду называть числа... произвольно.

Мне было уже пять лет, когда отец стал звать меня к себе в магазин. И вот однажды в магазин пришли ... тогда были в торговле такие ... «путники», которые предлагали на продажу различные товары ...

В.Д.: А-а-а! Коммивояжеры!

Б.С.: ... Да-да, пришли коммивояжеры.

Мой отец позвал меня, пояснив им, что я его пятилетний сын. Один из них спросил меня: «Сколько будет дважды два?» Я быстро сказал: «Четыре». Потом он спросил: «А сколько будет трижды три?». Я, чуть помедленнее, тоже ответил правильно. Но когда он спросил: «Ну а сколько будет пятью пять?», я, не задумываясь, сказал: «Двадцать пять» (*смеются*) ... К тому времени, я уже просто ЗНАЛ таблицу умножения до «двенадцать на двенадцать» ...

В.Д.: Забавно.

Б.С.: Так что, можно сказать, я с самого детства любил числа.

Однажды, когда я был уже в первом классе, со мной произошла такая вещь.

Я — такой из себя знаток математики, не имеющий вообще никаких с ней затруднений — задержавшись после уроков, сидел в классе. Вошла учительница и спросила меня: «Если из пяти мы отнимем восемь, пять минус восемь, сколько получится?» Я, встав, ответил, что это невозможно. А она улыбнулась и сказала: «Садись. Это вполне возможно». (*смеются*)

И начала мне объяснять про отрицательные числа ... Я распереживался ...

В.Д.: Да-а?

Б.С.: Да-а, долго ещё переживал: как же так, оказывается, ещё придуманы отрицательные числа, а я этого не знал? ...

Мне кажется, что в преподавании очень важно, чтобы педагог чувствовал, когда дети могут ошибиться и почему они тогда ошибаются. Ведь ошибаются как раз те, которые думают и спрашивают. А не ошибаются, как правило, те, которые отвечают лишь ...

В.Д.: ...выученное.

Б.С.: Да, которые только выучивают.

Так что, я с самого детства полубил математику. Но совсем не думал пойти учиться на математическом факультете ...

Я хотел стать инженером по авиации. С моим другом мы строили различные авиамодели. И когда уже учились в последних классах гимназии, мы даже выписывали учебник по дифференциальным уравнениям, другие математические книги, чтобы подсчитать (с помощью функции Жуковского) профиль авиакрыла для модели самолёта ...

В.Д.: Сколько лет длилось тогда полное среднее образование?

Б.С.: Тогда одиннадцать лет. Четыре года «начальной школы», три года «прогимназии» и четыре года «гимназии».

В.Д.: Одиннадцать лет...

Гимназию Вам удалось закончить, или наступили новые времена и гимназии отменили?

Б.С.: Ничего не отменили. Это всё продолжалось ...

Но произошла так называемая «социалистическая революция» ...

В.Д.: Это было в 1944-ом году ...

Б.С.: ... Да, в 1944-ом году.

После неё мы все в гимназии тогда вступили в комсомол ... Так нужно было ... Но на последнем году обучения меня из комсомола исключили ... Мне сказали, что мы тебя исключаем, чтобы ты никогда не попал в университет. Потому что ты «из буржуев» ...

В.Д.: Понятно: не то происхождение.

А со скольких лет Вы начали учиться?

Б.С.: Рано — с шести лет.

В.Д.: Ах, с шести лет!

Б.С.: Да, с шести лет стал учиться в начальной школе. Затем учился в прогимназии. Ну а потом уже в гимназии учился ...

В.Д.: Замечательно! И всё это у Вас было в Асеновграде?

Б.С.: Да, всё в Асеновграде.

В.Д.: Теперь у меня такой вопрос: были ли в те времена «специализированные» гимназии, где основные предметы были бы «математическими»?

Б.С.: Нет, таких не было.

В.Д.: Но потом их «придумали»?

Б.С.: Ну, это произошло, когда я уже был студентом ...

В.Д.: То есть в Болгарии, как и в СССР при Хрущёве, потом появились специализированные математические школы. Так?

Б.С.: Да, так.

В.Д.: Если я не ошибаюсь, Вы поступили на математический факультет Софийского университета в 1951-ом году. А до этого вы послужили пару лет в армии, правильно?

Б.С.: Нет, не так.

В.Д.: Что, Вы не были в армии?

Б.С.: Это долгая история...

Я поступил в Университет в 1952-ом году.

В.Д.: В 1952-ом?

Б.С.: Да, в 1952-ом году. А гимназию закончил в 1949-ом году ...

В.Д.: А три года — между 1949-ым и 1952-ым годом — что Вы делали?

Б.С.: Эти три года я работал.

В.Д.: Работали. Где?

Б.С.: В Софии уборщиком.

В.Д.: И в армии не были?

Б.С.: Был, но когда поступил в Университет, то от армии я быстро «освободился» (*смеются*).

В.Д.: Кстати, в уборщики Ваше происхождение не помешало Вам пойти?

Б.С.: Нет, не помешало.

В Софийские уборщики я пошёл потому, что ... для поступления в университет мне нужно было получить...

В.Д.: Заработать трудовой стаж?

Б.С.: Нет! Нужно было получить разрешение от парторганизации на такое поступление.

В.Д.: От партийной организации? Даже не от комсомольской?

Б.С.: Да, тогда только партийная организация давала разрешение поступать в университет. И если ты гражданин Асеновграда, то партийная организация Асеновграда должна была дать такое разрешение. Если ты гражданин Софии, то уже софийская партийная организация должна была дать это разрешение ... Потому что гражданство тогда было по месту жительства ...

В.Д.: А что, понятия «гражданин Болгарии» тогда не существовало? *(смеётся)*

Б.С.: Извините: не «гражданин Асеновграда», а ... «поселенец», нет... «житель Асеновграда»! То же самое и с другими городами, в частности, с Софией ...

В.Д.: Житель! Тогда понятно.

Б.С.: Так вот, в Софии были такие рабочие места, на которые никто из местных жителей не хотел идти. Поэтому туда разрешалось брать жителей из других городов. И одно из таких мест было место «уборщика».

Вот я, житель Асеновграда, и пошёл в Софийские уборщики. Потому что это была потенциальная возможность ... получить мне «Софийское жительство».

В.Д.: Ясно!

Б.С.: И я получил это «жительство».

В.Д.: Что, Вам и комнату в Софии выделили, где Вы могли жить?

Б.С.: Нет-нет. Я жил у своих ...

В.Д.: Родных?

Б.С.: Да-да, у меня в Софии жили тётки ... Так что с жильём проблемы не было.

В.Д.: Понятно.

Б.С.: А ... после получения «Софийского жительства», я, сначала, попал в армию. Но пробыл там только три месяца ... Долгая история, почему ...

В.Д.: Хорошо, оставим её Расскажите теперь, как у Вас произошло поступление в Университет? Вам пришлось сдавать вступительные экзамены? Или проходить собеседование?

Б.С.: На математический факультет ...

В.Д.: Извините, математический факультет в Софийском университете уже был? Или же это был физико-математический факультет?

Б. С.: Это был природно-математический факультет ... Там была и математика, и физика, и химия.

В.Д.: А сейчас что на нём?

Б. С.: Сейчас на нём только математика и информатика.

В.Д.: Понятно.

Б.С.: Теперь о поступлении в Университет.

Дело в том, что я работал в Софии уборщиком так хорошо, что человек, который должен был дать мне ...

В.Д.: Рекомендацию ...

Б.С.: ... да, кадровик из районного управления Софии ... меня очень полюбил ...

В.Д.: Понимаю: за Вашу добросовестную работу.

Б.С.: Да, я работал добросовестно.

Так вот, он знал всё моё прошлое, но долго не хотел давать мне рекомендацию «учиться в Университете на математика». «Ну зачем тебе эта математика? — говорил он. — Ты будешь учиться на инженера». А я ему: «На инженера меня там, всё равно, не примут». Он говорит: «Я так напишу твою биографию, что тебя примут. Может быть, сына министра не примут, а тебя примут» (*смеются*).

Но я не согласился, потому что твёрдо решил стать математиком. В общем, получил я нужную рекомендацию и был зачислен на Отделение математики природно-математического факультета Софийского университета. Никаких вступительных экзаменов у меня не было — просто записали студентом и всё.

В.Д.: Да, хорошо.

Ну, теперь уже ближе к Софийскому университету. Помните ли Вы своих первых университетских лекторов? И не был ли среди них известный болгарский математик Любомир Чакалов?

Б.С.: Да, был академик Чакалов. Он, между прочим, был Ректором Софийского университета. Во время социалистической революции.

В.Д.: И он читал лекции?

Б.С.: Да, он читал лекции по комплексному анализу.

Я помню, конечно, по именам всех своих лекторов. Но самое сильное впечатление на нас, моих сокурсников, произвёл профессор Ярослав Тагамлицкий. Сначала он был доцентом, потом стал профессором ... Он, кстати, был русского происхождения.

В.Д.: И что он вам читал?

Б.С.: Он нам читал курс дифференциального исчисления — так это тогда называлось ... В общем, математический анализ.

Он из семьи белогвардейцев, но имел советское гражданство. Его сестра была очень известным профессором русского языка ...

Ярослав Тагамлицкий был, без преувеличения, гениальным педагогом. На его лекции приходили даже из... Художественной Академии, потому что эти лекции были очень «театральными» ... Он давал задачи, эти задачи студенты решали, потом он объявлял, кто решил лучше, и так далее...

Высшую алгебру нам читал академик Никола Обрешков ...

В.Д.: А, Обрешков... Это отдельный разговор...

Б.С.: Да, Никола Обрешков, у которого я потом стал ассистентом...

А лекции по аналитической геометрии нам читал академик Петканчин...

В.Д.: А имя его не помните?

Б.С.: Подождите-ка, у меня память устроена так, что я фамилии лучше помню, чем имя ... А-а, Боян Петканчин.

В.Д.: Боян Петканчин, хорошо ...

Б.С.: Потом, уже на третьем курсе, у нас читал дифференциальные уравнения академик Любомир Илиев.

В.Д.: Не теорию вероятностей?

Б.С.: Нет, дифференциальные уравнения. Теорию вероятностей нам читал Обрешков.

В.Д.: Значит, Илиев специалист по обыкновенным дифференциальным уравнениям ...

Б.С.: Да.

Я помню, как Обрешков читал нам теорию вероятностей. Например, когда он хотел рассказать о независимых событиях, то начал он свою лекцию так: «Когда мы играем в табло...»

В.Д.: В кости...

Б.С.: «в кости, то мы бросаем кости вместе, а не одну после другой? Есть ли объяснение, почему мы их вместе бросаем, а не одну после другой? Может быть, потому что вероятность от этого меняется?» И когда никто из студентов не ответил, то он сказал: «Ну, потому что просто спеш-и-им играть. Другого объяснения нет» (*смеются*).

Помню я и как Чакалов читал лекции по функциям комплексной переменной. Он написал очень хороший учебник по этому курсу, но треть из него не успевал нам прочесть. Потому что часто говорил: «Я уже два раза сформулировал вам теорему... то, и то, и то... и не буду повторять, что...» И так далее ... (*смеются*) Но он был хорошим... очень хорошим лектором ... Его можно было понять ...

У нас читал спецкурс читал по ... маленькому параметру ...

В.Д.: По малому параметру.

Б.С.: ... академик Кирилл Попов.

В.Д.: Васил Попов не его сын?

Б.С.: Нет. Попов очень распространённая в Болгарии фамилия ... Кстати, брат Кирилла Попова тоже был академиком, биологом.

В.Д.: Ясно.

Б.С.: Кириллу Попову было тогда почти восемьдесят лет. И мы считали его уже очень старым (*смеются*).

У нас читал и Благовест Доловчиев. Механику.

В.Д.: Ну, механика меня меньше интересует ...

Скажите пожалуйста, была ли развита на Вашем факультете система спецсеминаров? И не посещали ли Вы спецсеминар Николы Обрешкова?

Б.С.: Первый, кто у нас начал очень активно заниматься со студентами вне лекций, был Ярослав Тагамлицкий. У него был знаменитый спецсеминар для студентов. Он был посвящён функциональному анализу.

В.Д.: Хорошо.

Б.С.: Вообще все кафедры были обязаны вести не только обязательные семинары, но и спецсеминары. ... Но что-то особенного по этому поводу мне не запомнилось ...

В.Д.: Не запало в душу ...

Б.С.: Кроме, как я уже сказал, спецсеминара Тагамлицкого ...

В.Д.: Спецсеминара известного и запомнившегося, понятно.

Такой ещё вопрос: обучение в Университете было платным? И давали ли там стипендию?

Б.С.: Всё было бесплатно. А стипендию я не получал ...

В.Д.: А кому-нибудь давали стипендию? Скажем, учившимся на одни пятёрки?

Б.С.: Я просто не хотел подавать заявление за стипендию.

В.Д.: А-а, понял: на стипендию надо было подавать заявление! И, наверное, прилагать к нему автобиографию ...

Б.С.: В общем, да. А потом ещё будут спрашивать что там у тебя, да как ... *(смеются)*

В.Д.: Понятно.

Б.С.: Но мы привлекались к преподаванию в качестве ... демонстраторов. Я со второго курса преподавал ...

В.Д.: Точнее, помогал преподавать.

Б.С.: Да, помогал ...

В.Д.: В качестве, вроде как, лаборанта ...

Б.С.: Не только как лаборанта, но и ... как помощника вести семинарские упражнения. И за это платились деньги.

В.Д.: Это была Ваша подработка, понятно.

Следующий мой вопрос о курсовых работах. Были ли они?

Б.С.: Да, курсовые работы были. И были дипломные работы...

В.Д.: И дипломные были, хорошо.

Б.С.: На нашем факультете были два потока. Один был так называемый «производственный», где учились пять лет, а другой был «педагогический», четырёхлетний. Первый готовил специалистов по использованию математики в различных направлениях, в частности, в индустрии и так далее. А второй готовил учителей.

В.Д.: Понятно.

Ну, вот ещё такой вопрос. Я часто задаю собеседнику вопрос о том, помнит ли он название своей первой курсовой работы и чему она была посвящена. Обращаюсь и к Вам с этим вопросом.

Б.С.: Да, помню: она была посвящена регулярно-монотонным функциям Бернштейна.

В.Д.: И кто Вами руководил?

Б.С.: Тагамлицкий. Дипломную работу я тоже у него писал ... Но поскольку я окончил пятилетний курс за четыре года, то у меня курсовая за 4-ый курс и дипломная работа «совместились» ...

В.Д.: Понятно: это была, по существу, единая работа.

Б.С.: Да, это так. И она была опубликована в Докладах АН СССР.

В.Д.: Ух ты — ДАН СССР? Это, значит, было в 1956-ом году, когда Сергей Натанович Бернштейн был ещё жив ...

А с самим Сергеем Натановичем Вам удалось познакомиться?

Б.С.: Нет, я не был с ним знаком. Но все его работы я изучил на спецсеминаре Тагамлицкого ...

Свою статью я написал на болгарском языке. Профессор Тагамлицкий перевёл её на хороший русский язык — я даже храню рукопись его перевода — и отправил её Бернштейну.

В.Д.: Очень интересно.

Знаете, перед поездкой в Софию я заглянул в Интернетовский проект «Математическая генеалогия» с целью посмотреть там Вашу «Генеалогию». Вы, конечно же, там есть, а вот про Вашего «треугуяог'а» написано, что он неизвестен. Правда, написано это по Вашей кандидатской диссертации.

Б.С.: Потому что такого у меня и не было.

В.Д.: А как же автореферат Вашей диссертации — ведь в нём надо было указать фамилию Вашего научного руководителя?

Б.С.: По опубликованным в Докладах АН СССР моим работам о регулярно-монотонных функциях Бернштейна — а в 1958-ом году у меня была опубликована там и вторая работа — я бы мог оформить свою кандидатскую диссертацию

В.Д.: Несомненно.

Б.С.: Но я не стал защищаться по этой теме. Я защитил свою кандидатскую диссертацию после возвращения из Московского университета. Уже по совсем другой теме.

В.Д.: Дойдём и до этого. Но, во всяком случае, теперь я могу сказать, что одним из Ваших учителей был Тагамлицкий.

Б.С.: Тагамлицкий, да.

В.Д.: Было ли у вас распределение студентов «по кафедрам»? У нас, на Мехмате МГУ, происходит такое распределение в начале 3-го курса, для чего, в конце 2-го курса, факультетские кафедры проводят свою агитацию: кафедра алгебры агитирует за свою кафедру, кафедра дифференциальных уравнений — за свою и так далее. А как у вас было?

Б.С.: Да, было такое. Потому что дипломные работы готовятся на кафедре.

В.Д.: На конкретной кафедре, понятно.

Б.С.: Я, например, после третьего курса зачислился на кафедру профессора Тагамлицкого, так как на 4-ом курсе мне надо было защитить, вместе с курсовой, и дипломную работу.

В.Д.: Да-да, Вы же окончили Университет за четыре года. ...

Кстати, Вам, может быть, интересно узнать, что Игорь Ростиславович Шафаревич окончил Мехмат МГУ за два года. Он сам мне рассказал об этом в нашем интервью. «Надо было спешить» — так он пояснил это.

Б.С.: Как это - за два года? ...

В.Д.: Я тоже об этом его спросил. А он ответил: «Первый год я сдавал зачёты и экзамены за первые четыре курса. Каждые два месяца сдавал, сдавал, сдавал... А второй год я учился в группе пятикурсников и писал диплом».

Б.С.: Ну, я тоже хотел, с самого начала, ускорить своё обучение и написание диплома, но мне не разрешали. И лишь на третьем курсе мне это разрешили ...

В.Д.: Понимаю: потенциальные возможности для этого у Вас, конечно, были, но были и особые обстоятельства ...

После окончания, в 1956-ом году, Софийского университета Вас направили на работу учителем математики в школу, так?

Б.С.: Не совсем так ... Я сдал экзамены в аспирантуру ...

В.Д.: Значит, аспирантура в Университете была?

Б.С.: Была аспирантура, да... Я сдал экзамены и был в неё принят.

Параллельно я даже стал преподавать на своём факультете, в качестве ассистента. Преподавал там почти полсеместра. Но осенью 1956-го года, если Вы помните, в Венгрии начались ...

В.Д.: ... «венгерские события» - конечно помню!

Б.С.: Да, венгерские события. И тогда у нас в Университете стали ... «ревизировать кадры»: то есть стали решать, кто может быть в Университете аспирантом, кто — ассистентом и т.д.

В.Д.: Да-да-да. Стали «наводить порядок». Понимаю.

Б.С.: Наводить порядок, да. И мне сказали: «Не ожидайте назначения на работу в Университет ...»

В.Д.: То есть: «Вы нам не подходите ...».

Б.С.: И получилось так, что все мои однокурсники получили своё распределение на работу, а я, поступивший в аспирантуру Университета,

не получил ... Нет, кажется, и у меня, по окончании Университета, было, какое-то, направление на работу ... Я даже не помню, куда ... Но я уже туда, в середине семестра, опоздал пойти ...

В общем, я стал искать свободное место ...

В.Д.: Я так понимаю, что из аспирантуры Вас исключили, выданное Вам ранее официальное направление на работу потеряло свою силу, и пришлось Вам пойти куда-то в школу учительствовать. Хоть в Софийскую школу?

Б.С.: Нет, в Софии я место учителя не нашёл. В Бобушевскую школу...

В.Д.: Бобушево — это такой город?

Б.С.: Это деревня. Большая деревня, но очень прекрасная деревня. Я там стал учительствовать ...

Меня туда взяли, потому что там одна учительница математики ... стала беременной ...

В.Д.: Понятно: забеременела.

Б.С.: Да. И я занял её место.

В.Д.: Вас взяли на её место, ясно.

Но Вам, наверное, пришлось в той школе вести не только математику, но и, скажем, физику, да?

Б.С.: Нет, только математику. У меня там были три-четыре класса. И во всех этих классах математику вёл я...

И должен Вам сказать, что я прожил там очень, очень приятно ...

В.Д.: Ну, Вы же, с образованием Софийского университета, были там, конечно, очень уважаемым человеком! ...

Б.С.: Кстати, Бобушево славится в Болгарии самой хорошей черешней, да.

В.Д.: Тоже не плохо (смеются).

Б.С.: И живут там очень хорошие люди.

В.Д.: А что, там Вам дом надо было снять, или, как учителю, Вам там дали квартиру при школе?

Б.С.: Семья той самой беременной учительницы, которую я замещал, предоставила мне комнату в своём доме. Там было прекрасно.

В.Д.: Хорошо-о!

Б.С.: Но так было только до конца пятьдесят седьмого года. Потому что потом я стал учителем в Элин-Пелине.

Это уже был небольшой городок, расположенный недалеко от Софии. Так что я стал ближе к Софии, ходил на различные семинары в Софии, и так далее.

А в 1958-ом году академик Обрешков, и другие университетские математики, написали специальное обращение в Министерство образования о том, что мне нужно разрешить работать в Софийском университете ... В общем, оно подействовало, и мне выбрали место на кафедре Обрешкова

В.Д.: И уже не аспирантом, а сразу ассистентом?

Б.С.: Да, ассистентом.

Тогда было много людей, которые могли бы претендовать на это место. Но так как было известно, что это место сделано специально для меня, то никто не ...

В.Д.: ... не помешал Вам его занять? ...

Б.С.: Да ...

Итак, Обрешков принял меня на свою кафедру в Софийском университете, хотя ранее я не имел к этой кафедре никакого отношения. Но для того, чтобы это случилось, нужно было, чтобы самый авторитетный академик с такой просьбой обратился ... «на самый верх». А Обрешков был не только авторитетнейшим академиком, но и членом Парламента, хотя и беспартийный ...

Когда я к нему попал, то решил, что мне нужно ... поменять тематику своих исследований. И выбрать новое направление, которое заинтересовало бы разных математиков ... И я придумал тогда свою... гипотезу, которая до сих пор не решена. Если Вы в Интернете наберёте «Sendov's conjecture», то очень много чего прочтёте про эту гипотезу ...

В.Д.: Она «вокруг численных методов алгебры»?

Б.С.: Она про многочлены. И очень элементарна по своей формулировке.

Именно, если на комплексной плоскости все корни многочлена содержатся в круге радиуса K , то в круге радиуса K с центром в любом корне этого многочлена будет существовать хотя бы один корень его производной.

В.Д.: А-а-а, своего рода комплексный вариант теоремы Роля ...

Б.С.: Этой гипотезе посвящены около ста пятидесяти публикаций. К настоящему времени она доказана лишь для многочлена степени n при $n = 8$. При $n = 6$ ей посвящена даже отдельная диссертация.

В.Д.: Сколько Вам было лет, когда Вы высказали эту гипотезу?

Б.С.: Мне было тогда 28 лет.

В.Д.: Значит, она была сформулирована Вами в 1960-ом году ... Интересно.

Б.С.: Я сейчас занимаюсь ею опять. Через 50 лет к ней вернулся... (*смеются*).

В.Д.: Отвлекаясь немножко от намеченных мною вопросов, я просто хочу сейчас поговорить вот о чём.

У Вас же была, так сказать, «трудная» судьба, чтобы добиться успеха в жизни ...

Б.С.: Я бы не сказал про свою судьбу: «трудная».

В.Д.: Но ведь она была «не лёгкой»?

Б.С.: Лишь в некотором смысле. Однако если бы у меня в жизни было бы всё «гладко», то я, наверное, не стал бы таким ... упорным.

В.Д.: Это понятно: благодаря трудностям Вы окрепли ...

Б.С.: Эти, я бы сказал «затруднения», меня к жизни ... натренировали ...

В.Д.: В связи с этим я хочу рассказать Вам немного про своего отца. Мой отец кончал в Минске БГУ — Белорусский государственный университет. На Отделении математики, где он учился, отец был «первым», и его (по математике, кажется, единственного) рекомендовали в аспирантуру. В 1927 году, когда это всё происходило, своей аспирантуру в БГУ ещё не было, поэтому рекомендация ему предназначалась в аспирантуру

Ленинградского университета (ныне ему возвращено название Санкт-Петербургский университет) ... Вот... И оставалось только сдать в БГУ выпускные экзамены. По всем предметам, кроме белорусского языка, со сдачей этих экзаменов у отца проблем не было, а по белорусскому языку, экзамен по которому происходил в форме диктанта, он получил (кажется, единственный) даже не «двойку», а «единицу», так как умудрился сделать что-то, около тридцати ошибок! И это несмотря на то, что его отец (мой дед Павел Петрович Демидович) был белорусским просветителем, прекрасно владевшим белорусским языком — ведь в семье говорили лишь по-русски ...

Б.С.: (*смеётся*)

В.Д.: И в результате — какая там аспирантура? Ему даже не выдали диплом об окончании БГУ — только справку ...

Б.С.: (*смеётся*)

В.Д.: А с этой справкой, где указывалось, что отец не смог сдать экзамен по белорусскому языку, преподавать (математику!) не только ни в какой белорусский институт, но и ни в какую белорусскую школу, его не брали. И тогда его отец, мой дед, расстелив с ним географическую карту, сказал: «Ну, не отчаивайся! Выберем поблизости область в России, где ты поищешь себе работу».

Ближайшими к Белоруссии российскими областями были Брянская область и Смоленская область. Выбрали Смоленскую, так как из Смоленска, на поезде, было ближе до Минска, чтобы приезжать к родителям - всего четыре часа езды.

Но и в самом Смоленске места школьного учителя ему найти не удалось. И ему лишь предложили поехать учителем в «полугородок-полудеревню» Починки, причём, даже не в десятилетнюю школу, а в школу-семилетку ... Отец поехал туда. А там ему сказали: «Ну, то что Вы математик - это хорошо. Но у нас ещё русский язык некому вести. Так вот, если Вы согласитесь вести, кроме математики, ещё и русский язык, то мы Вас возьмём» ... И его взяли в эту школу учителем ...

В.Д. и Б.С.: *(смеются)*

В.Д.: Я отца спрашивал: «Ну, и как же ты выкручивался с занятиями по русскому языку?». «А мне классики помогали! Я, — говорит, — приносил то Пушкина, то Гоголя, то Лермонтова и устраивал диктанты по их текстам. И, самое интересное, что мои ученики потом даже как-то «выделились» своими знаниями не только по математике, но и по русскому языку. Они достаточно грамотно писали».

В.Д. и Б.С.: *(смеются)*

В.Д.: Ну а в 1930-ом году, на Отделении математики в БГУ, экзамен по белорусскому языку, в ходе борьбы в Белоруссии «с националистическим уклоном», был отменён. На основании этого отец уже побывав учителем математики в более крупных школах и в техникумах, подал заявление о выдаче ему диплома об окончании БГУ. Диплом ему был выдан ...

А через год он поступил в аспирантуру Московского Государственного университета. И началась его дальнейшая карьера, связанная с Мехматом МГУ ...

В.Д. и Б.С.: *(смеются)*.

В.Д.: Так что мне очень понятен Ваш «не простой путь в математику». Не смотри ни на какие мозги *(смеются)* ... Ну, ладно, это лишь отвлечение ...

В 1964 году Вы защитили в Софийском университете свою кандидатскую диссертацию. Кто был Вашим «супервайзером» (мы с Владимиром Михайловичем Тихомировым иногда употребляем это единое слово

вместо двух слов «научный руководитель») по диссертации? И кто по ней были оппоненты?

Б.С.: Да, я защищал диссертацию в Софии, после возвращения из Москвы ... Но сначала поговорим, немножко, о проведенном в Москве времени ...

В.Д.: Да-да, с удовольствием.

Б.С.: В Московском университете я стал посещать семинар Колмогорова, на котором познакомился и с Тихомировым ... Там как раз, в то время, активно обсуждались вопросы по «эпсилон-энтропии», об «эпсилон-ёмкости» и тому подобное ...

В.Д.: Понимаю.

Б.С.: И я себе поставил вопрос: «Как определить расстояние между непрерывными функциями на отрезке, чтобы это множество стало бы полным и ограниченным, а, значит, для него можно было бы вычислять «эпсилон-энтропию» и «эпсилон-ёмкости?»».

В.Д.: Ясно.

Б.С.: Я придумал такое расстояние, получил для него некоторые, как мне представлялось, новые интересные вещи и пошёл об всём этом рассказывать Андрею Николаевичу Колмогорову ... У меня даже сохранился мой принесенный ему текст с его правками ...

А он мне поясняет: «А, очень хорошо! Это же расстояние Хаусдорфа».

В.Д. и Б.С.: *(смеются)*

Б.С.: Ну, ладно, расстояние Хаусдорфа. И оно, действительно, является «расстоянием», если графики функций замкнуты ... Значит, с непрерывными функциями всё понятно ...

А как быть, если функции разрывны? Ведь график разрывной функции незамкнутый... И я предложил к каждой разрывной функции добавлять вертикальный отрезок между левой границей и правой границей, если только они есть. С возникающим тогда «расстоянием» я уже мог определить, для соответствующего множества, его «эпсилон-энтропию» и «эпсилон-ёмкости» ...

В общем, Андрей Николаевич заинтересовался этими моими работками. И я, при его поддержке, опубликовал в Москве несколько статей.

А когда я вернулся в Софию, то оформился в «свободную аспирантуру» — аспирантуру без руководителя. И затем защитил свою кандидатскую диссертацию.

В.Д.: Аспирантура без руководителя? У нас такого нет.

Б.С.: Да, у вас такого нет.

В.Д.: И у вас, наверное, такой аспирантуры сейчас уже тоже нет?

Б.С.: Почему же — есть и сейчас ...

В.Д.: Есть? То есть, диссертацию можно представлять без руководителя?

Б.С.: Да, можно, представлять самому Факультет затем определяет, сколько Вам нужно ещё сдать экзаменов и так далее... Я сдал свои экзамены, написал диссертацию и защитился ...

В.Д.: Автореферат надо было писать?

Б.С.: Я его потом опубликовал: у нас так можно ...

В.Д.: Интересно!

Б.С.: Я Вам хочу подарить одну мою книжку, где, в частности, отражены результаты моей кандидатской диссертации. У меня они ещё остались ... (примеч. В.Д.: мне вручается книжка Благовест Сендов «Хаусдорфовы приближения». София, Издательство Болгарской Академии наук, 1979)

В.Д.: А-а, спасибо!

Б.С.: И ещё одну, уже автобиографическую, мою книжку (примеч. В.Д.: мне вручается ещё книжка Благовест Сендов «Алгоритм на живота». София, Издательство «Захарий Стоянов», 2001)

В.Д.: Огромное спасибо! Заодно я подучу болгарский язык. И обложка такая интересная ...

Б.С.: Мой портрет в центре обложки «нарисовал» один известный болгарский художник... Нарисовал цифрами ...

В.Д.: Хорошо! (*смеётся*) Я знаю, программисты так «рисовать» ранее у нас тоже увлекались.

Б.С.: Так что, официального руководителя по кандидатской диссертации у меня, действительно, не было ... Но, конечно, её вдохновителем был Андрей Николаевич Колмогоров.

В.Д.: Понятно!

Но оппоненты по ней были?

Б.С.: Были ли у меня оппоненты?

В.Д.: Да. И если «да», то все ли они были из Болгарии?

Б.С.: Оппоненты были, и все они были из Болгарии.

В.Д.: Хорошо.

А когда Вы впервые появились в Москве? Я имею в виду «в московских математических кругах». В частности, на Мехмате МГУ.

Б.С.: Как я уже говорил, в 1958-ом году я начал своё «ассистенство» у Обрешкова. Тогда же у нас уже стали говорить об электронных вычислительных машинах и так далее...

В.Д.: Понятно-понятно.

Б.С.: И академик Илиев попросил меня читать лекции по численным методам.

В.Д.: Ясно.

Б.С.: Просто не кому было предложить этот курс читать. Не было у нас тогда специалистов по этим делам ... А Илиев заметил, что я рвусь везде ... Вот он и пригласил меня читать, по его кафедре, эти лекции. Он мне сказал, что пытался пригласить на этот курс разных профессоров из технических ВУЗов, но все они отказались.

И я согласился читать в Университете курс численных методов. Создал этот курс и читал его в 1959-ом и в 1960-ом году.

А как раз тогда стали посылать болгар в Москву, чтобы стажироваться по линии вычислительных машин и численных методов. Вот Илиев и предложил послать меня в Москву на такую стажировку.

В.Д.: Понятно.

Б.С.: Так что ... с осени 1960-го года по весну 1961-го года ... я был стажёром на Мехмате МГУ по кафедре вычислительной математики ... Я даже сохранил «Аттестационный лист» об этом (примеч. В.Д.: немного поискав в шкафу, Благовест Христович вытаскивает этот лист и показывает его мне) ...

В.Д.: И даже с подписями (*смеётся*).

Б.С.: Да, с подписями ...

В.Д.: А можно его отскерокопировать?

Б.С.: Конечно! Я сейчас дам поручение своей секретарше (примеч. В.Д.: Благовест Христович вызывает секретаршу «из предбанника» и просит её отскерокопировать для меня «Аттестационный лист») ...

В.Д.: Большое спасибо. Владимир Михайлович Тихомиров тоже с интересом его почитает.

Б.С.: Я должен сказать, что моя жизнь коренным образом «перевернулась» после этой стажировки в Москве ...

В.Д.: Я в 1960-ом году только поступил на Мехмат МГУ, а Вы, значит, в этом же году «поступили» на стажировку на наш факультет ...

Б.С.: Да.

В.Д.: Очень знаменательно.

Теперь такой вопрос. Мне рассказывал Владимир Михайлович Тихомиров, да и в этом «Аттестационном листе» указано, что первым Вашим «московским куратором» был Владимир Георгиевич Карманов.

Б.С.: Да, это так.

В.Д.: С 1962-го года по 1964-ый год я, будучи на 3-ем и 4-ом курсах «Вычислительного потока» Мехмата МГУ, слушал двухгодичный курс лекций «Методы вычислений». Три семестра этого курса нам читал Николай Сергеевич Бахвалов, а четвёртый семестр (связанный с численными методами решения задач алгебры и минимизации функционалов) - Владимир Георгиевич Карманов (кажется, сам попросивший у Бахвалова передать ему чтение этой части общего курса). Так что я их обоих хорошо знал.

А какие у Вас воспоминания от общения с этими математиками: весёлым и жизнерадостным Владимиром Георгиевичем Кармановым и более сдержанным и сосредоточенным Николаем Сергеевичем Бахваловым?

Б.С.: По четвергам я ходил к Карманову ...

В.Д.: На спецсеминар, да?

Б.С.: Да, по численным методам линейной алгебры ...

Вот, кстати, расписание спецкурсов и спецсеминаров, которые я посещал во время моей стажировки на Мехмате МГУ (примеч. В.Д.: Благовест Христович вытаскивает из шкафа «Расписание» и показывает его мне) ...

В.Д.: Ну-ка, ну-ка, любопытно! (примеч. В.Д.: я рассматриваю «Расписание»).

Та-ак, курс программирования Вы слушали у Трифонова и посещали по программированию спецсеминар, проводимый им совместно с Жоголевым ... Понятно. Кстати, Трифонов жив, а Жоголев уже умер ...

Вы посещали лекции по «Методам вычислений» Березина и Жидкова ... Они оба уже умерли ...

Ого, Вы и Тихонова слушали ... Тихонов тоже умер...

Ну, про Колмогорова мы уже говорили ... И он умер ...

А вот и Карманов, о чьём спецкурсе мы тоже уже говорили ... И его нет в живых ...

Надо же, Вы ещё слушали спецкурс Ушакова «Электронные аналоговые машины». Я тоже слушал этот спецкурс ... Ушаков, родившийся в 1911 году, видимо, также, умер, но в каком году — я не знаю ...

Спецкурс Горбунова посещали?! Горбунова тоже уже нет ...Кстати, он был моим научным руководителем ...

Спецсеминар Бахвалова по квадратурным формулам слушали ... И Бахвалов умер...

О-о! Вы ещё слушали спецкурс Шрейдера «Методы Монте-Карло»!...
Его тоже нет в живых ...

Б.С.: Да, всё это, с разной степенью аккуратности, посещал (примеч. В.Д.: входит секретарша и передаёт мне ксерокопию «Аттестационного листа»)

В.Д.: Спасибо Вам большое!

Благовест Христович, я непременно покажу эту ксерокопию Владимиру Михайловичу Тихомирову

Б.С.: Как, всё видно?

В.Д.: Всё нормально, всё читается.

Б.С.: Хорошо.

В.Д.: Ну, всё же, какое впечатление у Вас осталось о Карманове?

Б.С.: О Карманове?...

Для меня было большое счастье, что именно он меня курировал. Он отвечал за меня, и помогал во всём, что мне хотелось делать

В.Д.: Не мешал, так сказать, «самому учиться»?

Б.С.: Да-да.

Он, в частности, мне помог «попасть в Стекловку» ...

В.Д.: Да-а?.

Б.С.: Да! Попасть на семинары Никольского и Стечкина

Я, вообще-то, к нему обращался, лишь когда мне хотелось ... «попасть к кому-нибудь» или «отыскать что-нибудь» ... (смеются)

Он приглашал меня к себе домой — тогда его мать ещё была жива ... Заботился обо мне ...

Для меня он был примером человека, который с удовольствием делает то, что ему поручено ... Ведь «официально» моим руководителем был академик Тихонов!

В.Д.: Надо же!

Б.С.: Я числился у Тихонова, но всё делал Карманов ...

В.Д.: Он просто Вас «перепоручил» ему?

Б.С.: Да-а!

Владимир Георгиевич всё делал за Тихонова, и сам всё подписывал.

В.Д.: Вот и в «Аттестационном листе» Карманов указан в качестве Вашего научного руководителя ...

Ну а про Николая Сергеевича Бахвалова что вспомните?

Б.С.: К Бахвалову я тоже ...

В.Д.: ... Вы тоже ходили к нему на спецсеминар, уже говорилось об этом ...

Б.С.: Он был моим ... ровесником...

В.Д.: Нет: он 1934-го года рождения ...

Б.С.: Это был «младший» Бахвалов ... Тогда был жив ещё «старший» Бахвалов ...

В.Д.: Да, тогда ещё был жив его отец, профессор Мехмата МГУ Сергей Владимирович Бахвалов ... Но сейчас на Мехмате МГУ есть уже и третий Бахвалов — его сын, доктор наук Александр Николаевич Бахвалов.

Б.С.: Да?

В.Д.: Да! ...

Как я уже говорил, Николай Сергеевич, на мой взгляд, был «сдержанным» человеком. Вы согласны?

Б.С.: Так он и сейчас «сдержанный» ...

В.Д.: Как сейчас — он же уже умер! ...

Б.С.: Умер? Когда умер?

В.Д.: Да несколько лет тому назад ...

Б.С.: Ах, да-да-да!

А ведь он моложе меня

В.Д.: Да-а, на два года моложе Вас ...

Б.С.: На два года моложе ...

А недавно умер и этот академик ...

В.Д.: Вы имеете в виду Андрея Александровича Гончара? Вы его знали?

Б.С.: Да-а! Очень хорошо Гончара знал ... Он бывал у нас...

В.Д.: В Софии?

Б.С.: Да-да, в Софии. Много раз бывал ...

В.Д.: Хорошо.

С кем ещё из московских математиков Вы тогда познакомились?

Б.С.: С Тихомировым, конечно ...

Для меня знакомство с Тихомировым было очень важно. Потому что он занимался эpsilon-энтропией и эpsilon-ёмкостями множеств — то есть теми вещами, чем и я тогда занялся.

В.Д.: Понятно.

Б.С.: И всё, что я там делал...

В.Д.: ... он, конечно, понимал. Так?

Б.С.: По этой теме да.

Но, кроме того, я тогда ещё заинтересовался логикой ... и был связан с членом- корреспондентом Академии наук ... Марковым ...

В.Д.: А-а! С Андреем Андреевичем Марковым!

Б.С.: Да-да, с Андреем Андреевичем. У него стажёром был мой коллега, на три года моложе меня, Димитер Скордев ...

В.Д.: И он занимался математической логикой?

Б.С.: Да, математической логикой.

Марков дал ему такую тему: научиться решать «уравнения в словах».

В.Д.: Да-а?

Б.С.: В частности, Марков поставил на своём семинаре следующую задачу:

Пусть у Вас есть азбука из p различных букв, и пусть Вы ещё имеете одно «уравнение», скажем, $abc = sйе$. Доказать, что если это уравнение нетривиальное, то есть не $a = a$, то исходную азбуку можно выразить через другую азбуку, состоящую уже из $p - 1$ различных букв.

В.Д.: Интересно! ...

Б.С.: Скордев никак не мог справиться с этой задачей. И как-то, уже в Болгарии, когда мы собрались вечером ... выпить пива и поговорить ... он её сформулировал мне. А на следующей неделе, когда мы увиделись, я уже сказал Скордеву, что я эту задачу решил.

В.Д.: *(смеётся)*

Б.С.: Он сказал: «Как же ты это доказал?» Я говорю: «По индукции ...».

В.Д.: *(смеётся)*

Б.С.: ... Если в исходном алфавите только две буквы, то, очевидно, это может быть лишь при $a = Ъ$. А далее, по индукции, всё доказывается ...

Скордев тогда мне сказал: «Да, но в логике так не говорят. Там нужно по-другому сказать ...» А я ему в ответ: «Ну так напиши это так, как у вас говорят!» ...

В.Д.: Переформулируй это рассуждение на принятом в логике языке ...

Б.С.: Да, переформулируй! Он переформулировал, и показал это Андрею Андреевичу.

В.Д.: Ему понравилось?

Б.С.: Да-а, он был в восторге... И помог нам опубликовать этот результат в, совместной со Скордевым, статье в одном немецком журнале по логике. ... Причём, это была моя единственная публикация, совместная со Скордевым ...

А когда рассматривалась моя кандидатура в доценты Софийского университета, то Обрешков, мой оппонент по диссертации, после просмотра моих работ пригласил меня и сказал: «Всё понимаю, чем Вы занимались. Но это «уравнение в словах» — что это такое?!».

В.Д. и Б.С.: *(смеются)*

Б.С.: Ну, я ему пояснил всё «на пальцах». А он сказал: «Понятно! Но почему же вы в статье всё так сложно написали?» А я ему в ответ: «Если бы мы написали так, как я сейчас Вам рассказал, то ни в одном «логическом» журнале нас не опубликовали бы»...

В.Д.: ... А так логикам «всё понятно» ...

Свою докторскую диссертацию Вы защитили в Москве, в Математическом институте имени В.А. Стеклова АН СССР, в 1967 году, правильно? Не помните ли Вы по ней своих оппонентов?

Б.С.: У нас тогда было правило: посылать людей защищать докторские диссертации в Советский Союз. Поэтому и я защищался в Москве.

Главную роль по защите моей докторской диссертации сыграл Никольский Сергей Михайлович.

В.Д.: Понятно.

Б.С.: Но сначала я получил одобрение Дородницына ...

В.Д.: ... Академика Дородницына?

Б.С. Да, его. Он тогда был директором Вычислительного Центра АН СССР. И часто к нам приезжал ...

В.Д.: Так он, что, был у Вас оппонентом по докторской диссертации?

Б.С. Нет-нет-нет. Он...

В.Д.: А-а, подписал внешний отзыв?... Отзыв ведущей организации?...

Б.С.: Тоже нет. Он меня связал с Никольским!

В.Д.: А-а, так вот оно что!

Б.С.: Я рассказал Никольскому о своих исследованиях по Хаусдорфовым приближениям ... Никольский и определил всех моих оппонентов.

В.Д.: И кто же это были?

Б.С.: Это был Коровкин Павел Петрович ...

В.Д.: Хорошо.

Б.С.: ... Стечкин Сергей Борисович ...

В.Д.: Тоже хорошо.

Б.С.: ... И ... был такой украинский математик ...

В.Д.: Дядык? Корнейчук?

Б.С.: Да-да, Корнейчук.

В.Д.: Понятно.

Б.С.: Корнейчук Николай Павлович был.

В.Д.: С Коровкиным я не был знаком, а Стечкина и Корнейчука я знал ...

Б.С.: Самое интересное, что сначала Стечкин не хотел быть моим оппонентом. И нужно было его ...

В.Д.: Уговаривать!

Б.С.: Уговаривать, да.

Вообще, у меня очень приятные воспоминания связаны с докторской диссертацией. Потому что я должен был всем своим оппонентам показаться ... и рассказать содержание диссертации.

С Корнейчуком мы просто поговорили немножко ...

Стечкин со мной даже не говорил — он просто написал мне положительный отзыв...

А самое интересное было с Коровкиным Павлом Петровичем ...

В.Д.: Как я уже говорил, с ним я не был знаком. Где он, кстати, работал?

Б.С.: В Автодорожном институте ...

В.Д.: Ах, да-да-да: я слышал, что в МАДИ ...

Б.С.: Когда я туда к нему пришёл, он сказал: «Вы знаете, я не люблю читать, я люблю слушать. Вы будете докладывать это на моём семинаре» ...

В.Д.: Это требование обычно.

Б.С.: ... А я говорю: «Это долго». «Сколько Вам надо, столько и будете» — услышал я в ответ.

В общем, я докладывал пять или шесть раз. Каждую неделю по два часа. А после последнего моего доклада он позвал меня в свой кабинет и сказал: «Благовест Христович, я уже знаю, что Вы хороший математик. Но

я не знаю, хороший ли Вы человек. И я не могу Вам написать хороший отзыв, если я этого не знаю» ...

В.Д.: Интересный подход!

Б.С.: ...«Так что я Вас приглашаю к себе домой, чтобы мы поближе познакомились»...

В.Д.: Знаете, точно так же меня принимал на работу Сергей Васильевич Фомин.

Б.С.: Да-а?

В.Д.: Моего отца, давно работавшего на Мехмате МГУ, Фомин, конечно, знал. Ну а мне он, при первой нашей встрече, прямо сказал: «Я Вас ещё не знаю». А меня рекомендовали на кафедру, которой он, по существу, руководил. Вот он мне и говорит: «Давайте погуляем и поближе познакомимся». И мы часа два гуляли и беседовали. Причём, о математике разговор был недолгий — он быстро понял, чем я тогда занимался. Основное время прогулки ушло на общий разговор: что читаю, какие спецкурсы прослушал, хожу ли я в театры и музеи и так далее. И только после всего этого он, улыбаясь, мне сказал: «Ну что ж — Вы нашей кафедре подходите» (*смеются*).

Б.С.: Ну, хорошо.

И, значит, пригласил Павел Петрович меня к себе домой.

Сначала мы сидели в его кабинете, где побеседовали о математике, и где он дал мне отски свои статей. Потом мы ... по коридору ... пришли в небольшую комнату ... А там уже накрыт стол ... Он сказал, что будет чай. Но чай мы начнём ... с коньяка ...

В.Д.: Естественно: ведь «под выпивку» процесс «узнавания» происходит эффективнее ...

Б.С.: И он выгащил какую-то бутылку и две ма-а-аленькие чашечки. И говорит мне: «Ты моложе меня, так что ты будешь пить по две порции, а я — по одной».

В.Д.: (*смеётся*)

Б.С.: Так, присидев до утра, мы выпили три бутылки ...

В.Д.: И он понял: наш человек! (*смеётся*)

Б.С.: Да-а, мы, тогда, о многом переговорили ...

Это был ... незаурядный математик и незаурядный человек ... Он три или четыре раза был женат ... Институт он окончил в Калуге ... Потом стал работать в МАДИ ...

А в десять часов утра у него должна была быть лекция. В восемь тридцать встала его жена, и он сказал ей: «Ну, сделай нам теперь чай». Но

когда мы пили чай, он прокомментировал: «Благовест, чай не водка, много не выпьешь».

В. Д.: Да, это известная на Руси поговорка (*смеётся*).

Б.С.: И в десять часов он был на своей лекции ...

В.Д.: Любопытно!

После защиты докторской диссертации Вы стажировались в 1968-ом году (как я понимаю, в области "Computer Science") в Лондонском Королевском колледже. Это я в Интернете прочитал. Перед поездкой

Вы уже хорошо владели английским языком, или пришлось подучивать его в Лондоне?

Б.С.: Я, в гимназии, учил сначала французский язык. Потом немецкий. Потом русский. И лишь потом английский.

Но мой английский язык не был ... хорош. Я не мог говорить на нём свободно. Поэтому в Лондоне, в течение трёх месяцев, я, ежедневно по два часа, занимался английским языком.

В.Д.: Здорово!

Б.С.: Там же были такие ...

В.Д.: ... возможности. Понятно.

Б. С.: Но больше всего я там занимался компьютерами.

В.Д.: Ясно-ясно.

Б.С.: Потому что я участвовал в построении первого болгарского компьютера, который в 1963-ем году даже был показан в Москве, на Выставке в Сокольниках ...

В.Д.: Отлично!

Б.С.: А в Московском университете я учился программировать на вычислительной машине «Сетунь».

В.Д.: Я тоже начинал с «Сетуни».

Б.С.: На «Сетуни» троичная система исчисления ...

В.Д.: Насколько я понимаю, это Жоголев придумал.

Б.С.: Я не знал. А что, эта серия ЭВМ долго продолжалась?

В.Д.: Да нет — она быстро, как у нас говорят, «загнулась».

Б.С.: Вы знаете, если бы я был в России в армии, я бы эту машину сделал ... как военную.

В.Д.: Потому что она «специфическая»?

Б.С.: Потому что ей не страшны никакие вирусы!

В.Д. (*смеётся*)

Да-да-да, потому что ни у кого такой больше нету!

Б.С.: Много лет спустя я был в Америке. Там мне приходилось разговаривать со специалистами и слушать их разные лекции... И один из них говорил, что, в принципе, возможно построить ЭВМ на троичной системе исчисления ... (*смеются*)

«В принципе возможно!» А практически это давно было сделано в СССР!

В.Д.: Так, теперь мой следующий вопрос.

Ваш дальнейший научно-административный рост, Благовест Христович, меня просто восхищает.

В 1968-ом году Вы стали профессором Математического факультета Софийского университета. В 1970-1973 годы Вы - декан Математического факультета Софийского университета, а в 1973-1979 годы — уже ректор Софийского университета.

В 1974-ом году Вас избирают членом-корреспондентом БАН. В 1981 году Вы стали академиком БАН. Затем Вы на руководящих постах уже в Болгарской Академии наук, где в 1988-1991 годы являлись Председателем БАН (по нашему, «Президентом БАН»).

И при всём при этом Вы успевали писать статьи и книги, вести преподавательскую деятельность.

Значит, каждая минута у Вас была на счету? Наш нынешний руководитель Мехмата МГУ Владимир Николаевич Чубариков мне рассказывал, что аудиенцию ему, когда он приехал в Софию, Вы назначили на 5 часов утра — всё остальное время у Вас уже было занято.

Как же Вы выдерживали такой ритм жизни? Занимались спортом?

Б.С.: Спортom я занимался: я играл в теннис ...

В.Д.: А-а-а, увлеклись теннисом ещё до того, как у нас им занялся Борис Николаевич Ельцин ... (*смеются*)

Б.С.: Причём, играл очень рано утром, чтобы никто не мешал...

В.Д.: То есть, на пять часов утра для Вас было «нормально» назначить аудиенцию?

Б.С.: Конечно.

В.Д.: А для этого Вам надо было встать в четыре часов утра, что ли? (*смеются*)

Б.С.: Мне кажется, что аудиенция Чубарикову была назначена, всё-таки, на шесть часов утра ...

В.Д.: Он, почему-то, сказал «на пять».

Б.С.: Ну, может быть... Хотя я, всё-таки, не думаю, что мы встречались раньше шести...

Дело в том, что я хотел быть ... организованным. И я до сих пор не терплю опозданий. И, Вы знаете, после возвращения из Московского университета у меня открылась возможность делать дело.

В 1970-ые годы, когда я был деканом Математического факультета Софийского университета, мне хотелось ... «перевернуть» свой факультет ... И мы ввели на нём, так называемое, «трёхстепенное» образование ...

В.Д.: Уже в те времена?

Б.С.: Да, уже тогда мы ввели такое обучение «по блокам»: бакалавр, магистр, доктор.

В.Д.: Смело!

Б.С.: А в 2002-ом, или в 2003-ем, году ... в Брюсселе ... нет, в Болонье, было решено, что нужно повсеместно ввести эти три уровня образования. И никто из болгар там не сказал, что в Софийском университете мы давно уже это сделали ...

Ну, кроме того, как декан, я ввёл порядок, по которому занятия на факультете должны начинаться с семи часов утра ...

В.Д.: ... Так рано?...

Б.С.: ... И кончатся в час дня.

В.Д.: И что: студенты утром на занятия не опаздывали?

Б.С.: Как кто ...

Но я ввёл, также, порядок, что обучение идёт лишь четыре дня в неделю...

В.Д.: Вот это студентам, конечно, понравилось.

Б.С.: ... И сделал пятницу, субботу и воскресенье «свободными днями» для самостоятельных занятий ...

Но на эти дни каждый студент в своей группе получает домашнее задание... В пятницу, субботу и воскресенье он должен работать над своим заданием, а потом должен отчитаться по нему ... И всё это фиксируется на компьютере ...

Для такого обучения студенческие группы должны быть маленькими - человек по пятнадцать. И, при этом, все группы должны быть обеспечены преподавателями. Поэтому все математики, которые работали в Математическом институте, были привлечены к преподаванию. Естественно, за дополнительное «вознаграждение». Но чтобы не было разницы, в денежном отношении, между ними и факультетскими сотрудниками, к

зарплате факультетских сотрудников была также введена ... «уравнивающая денежная надбавка» ...

В.Д.: Разумно!

Б.С.: Тогда же, по моему предложению и при поддержке академика Илиева, произошло объединение Факультета с Институтом ... По существу, в единый математический Центр ... Помогло то, что тогда меня слушали ...

Кроме того, я всюду говорил, что нам нужно обучать студентов так, чтобы они могли работать с компьютерами. А для этого они должны знать английский язык. Из гимназии же они приходят в Университет без этого языка. И я попросил тогда «на самом верху», чтобы нам разрешили не посылать студентов-математиков на летние работы. Помните, были такие?

В.Д.: А как же: сельскохозяйственные студенческие работы.

Б.С.: Да, чтобы студентов-математиков не посылали бы на летние сельскохозяйственные работы. А взамен я предложил, чтобы летом эти студенты учили бы английский язык.

В.Д.: Ну и правильно...

Б.С.: В общем, после этого объединения Факультета с Институтом, из Математического факультета Софийского университета, тогда и вышли все те, кто ... сейчас играет ведущие роли в развитии информатики в Болгарии ... И, при том, с неплохим знанием английского языка ...

В.Д.: Илиев тогда был директором Института Математики?

Б.С.: Да, он был директором Института Математики ... Но, кроме того, он был ещё заместителем председателя Болгарской Академии наук.

В.Д.: По-нашему, вице-президентом.

Б.С.: Между прочим, в те три года, когда я был деканом Факультета, я и не думал, что буду ректором Университета. Но «высшее начальство» Болгарии оценило наш опыт обучения на Математическом факультете и решило распространить его на другие факультеты Софийского университета. И когда ректор Университета, очень известный и уважаемый учёный, академик Христо Христов, что-то «не то сказал», кажется, в Македонии, то было решено «отстранить его от ректорства» ... *(смеются)*

В.Д.: А Христо Христов математик?

Б.С. Нет, он физик. Известный физик. Он в Дубне представлял Болгарию.

Но после Христова «на ректорство» сначала пригласили Илиева. Он отказался — мне Илиев сказал, что «от ректорства» он отказался потому, что хочет стать председателем БАН

В.Д.: ... Кстати, Илиев побывал председателем БАН?

Б.С.: ... Нет, председателем БАН он так и не стал.

Ну вот тогда меня попросили стать ректором. Я сказал: «Почему нет?» И стал, единственным в социалистическом лагере, ректором ведущего университета страны, который не был членом партии.

В.Д.: А Иван Георгиевич Петровский! Он же был беспартийным ректором МГУ.

Б.С.: Ну, я стал уже после его смерти ...

В.Д.: Кстати, Петровского ректором МГУ сделал ещё Сталин, В 1951-ом году.

Б.С.: Но Петровский, как раз, в 1973-ем году скончался ... А кто после него стал ректором МГУ?

В.Д.: Рем Викторович Хохлов, физик.

Б.С.: Ах да, Хохлов... Мы с ним стали ректорами почти одновременно ...

В.Д.: Вы его хорошо знали?

Б.С.: С Ремом Викторовичем Хохловым мы познакомились ещё в 1973-ем году.

В.Д.: Он в 1977-ом году погиб в горах. Вы это знаете?

Б.С.: Да, конечно. Я же был на его похоронах.

В.Д.: И я помню его похороны ...

Б.С.: С Ремом Викторовичем я, как раз, начал обсуждать вопрос о «выравнивании» программ обучения в наших университетах. Чтобы, скажем, студентам Софийского университета можно было бы, без потери курса, свободно продолжать обучение в Московском университете ...

В.Д.: Чтобы, для обучения, свободно происходил «обмен студентами» между нашими странами, понятно ...

Б.С.: Да.

И для этого он ... определил, чтобы мы с Садовничем начали писать единый курс по «Математическому анализу» ...

В. Д.: А-а-а! Так, значит, с подачи Рема Викторовича была написана Ваша, с Виктором Антоновичем, книга!

Б.С.: Да. И мы стали такую книгу писать ...

А Хохлов... меня сделал ещё Почётным доктором Московского Государственного университета.

В.Д.: Понятно! Значит, идея вашей книги возникла ещё при Хохлове! А я думал при Логунове, который стал ректором после смерти Рема Викторовича ...

Б.С.: На похоронах Рема Викторовича мне было очень грустно ...

В.Д.: Да-а, его все жалели ... Он был очень порядочным человеком ...

Б.С.: После его похорон... нас пригласили ... из гостиницы... на второй этаж... выпивать ...

В.Д.: Понимаю — на поминки...

Б.С.: Там были блины с икрой, и всё такое...

Все говорили о нём много тёплых слов ... Я же сказал Логунову, что ему будет очень трудно быть таким же хорошим ректором, как Хохлов, но он должен постараться ...

В.Д.: По крайней мере, быть не хуже ...

Б.С.: Да, быть не хуже.

В.Д.: Он не очень с этим справился ...

В эпоху «позднего горбачевизма», помнится, в 1990-ом году, я был делегатом отчётно-перевыборной университетской профсоюзной конференции. Там было много критики в адрес ректората ...

В общем, было понимание, что в наступающие времена Московскому Государственному университету нужен новый ректор ...

Б.С.: А вот я с ним тоже подружился ...

В.Д.: С Логуновым?

Б.С.: С Логуновым. Он даже приглашал меня в свой Институт, где был директором ...

В.Д.: А-а, в Протвино?

Б.С.: Да, в Протвино.

И он мне говорил, что никогда не хотел быть ректором МГУ — его просто заставили ...

В.Д.: Это может быть.... Я тоже слышал, что его в ЦК заставили.

Б.С.: Если в ЦК решили, то ему невозможно было отказаться. А сам он не рвался ...

В.Д.: Но при нём же были нарушены «демократические университетские традиции». Попасть к нему на приём, даже профессору, было очень трудно — в МГУ он бывал один-два дня в неделю. Об этом, например,

написано в воспоминаниях Андрея Борисовича Шидловского, опубликованных в одной из моих книжек ...

А к ректору Петровскому, бывавшему в МГУ практически ежедневно, любой студент мог, довольно просто, попасть на приём «со своей проблемой». Иван Георгиевич быстро вникал в суть «проблемы» посетителя и, по возможности, старался ему помочь ... Примерно также было и при ректорстве Хохлова ...

Я был всего лишь ассистентом, только что назначенным Учёным секретарём кафедры, когда руководитель кафедры, Сергей Васильевич Фомиц, с которым мы успели подружиться, сказал мне: «Вам надо поближе познакомиться с Ректором». Я сказал: «Наверное, он не скоро примет нас для знакомства со мной: я — всего лишь ассистент, а он — ректор и академик. Видимо, предварительно нужно будет записаться к нему на приём, и не ранее, чем на следующей неделе». «Ну, зачем же ждать! — возразил Сергей Васильевич. — Пойдёмте прямо сейчас. Он уже должен быть у себя в кабинете». И, действительно, Иван Георгиевич был в своём кабинете. Секретарша доложила ему о нашем приходе, и, минут через двадцать, он нас принял ...

Примерно также, без проблем, произошло моё знакомство и с Рэмом Викторовичем ...

Б.С.: Понятно.

Петровского я, практически, не знал, а с Хохловым, повторяю, у меня были дружеские отношения. Это был прекрасный человек.

В.Д.: Несомненно!

Б.С.: Говорят, что ему навредили врачи — долго не делали, что нужно ...

В.Д.: Да, я тоже слышал об ошибочном поведении местных врачей. Они там перепугались его «медицинским состоянием», и вместо того, чтобы на месте начать лечение, отправили его в Москву ... И время для лечения было упущено ...

Б.С.: Да-да. Его надо было оставить на лечении там в горах. Потому что на высоте меняется состав крови ...

В.Д.: Ну что делать? Судьба ...

Сейчас его сын, Алексей Ремович, проректор МГУ при Викторе Антоновиче Садовничем. Он тоже физик.

Вы знаете его?

Б.С.: Нет, не знаю.

Я бывал дома у Рема Викторовича, но познакомился только с его женой.

В.Д.: У Рема Викторовича двое сыновей — и оба физика ... Один, который проректор — академик РАН, а другой, помнится, член-корреспондент РАН

Б.С.: Один уже академик?

В.Д.: Да, уже академик. Старший сын ...

Б.С.: О-о-о!

В.Д.: Такая семья! ...

Теперь вот о чём В 1995-1997 годы Вы были Председателем Болгарского народного собрания. На этот пост Вас выдвинула Болгарская социалистическая партия, бывшая ранее Болгарской коммунистической партией. Как это произошло? Безусловно, Вы обладали громадным авторитетом, но ведь Вы никогда не состояли в этой партии?

Б.С.: Я никогда не состоял ни в прошлой коммунистической партии, ни в новой социалистической партии ...

В.Д.: И ни в какой другой партии? Или потом, всё-таки, вступили в какую-нибудь партию?

Б.С.: Ни в какую партию я не вступал. Конечно я, в своё время, попробовал организовать свою партию ...

В.Д.: Ну и как? ...

Б.С.: Да безуспешно. Хотя я даже выставлялся на выборах в президенты от неё ...

В.Д.: Да, я слышал об этом.

Б.С.: ... в Президента Болгарии ...

В.Д.: Да-да. Но, кажется, Вы набрали немного процентов голосов ...

Б.С.: Это так.

В политику я хотел войти, потому что думал, что я могу чем-то помочь Болгарии.

В.Д.: Что-то изменить в своей стране. Понятно.

Б.С.: Потом меня пригласили ... «правые», быть кандидатом в депутаты Народного собрания — у нас так называется парламент ... И я сотрудничал с этой партией долгое время ...

В.Д.: Понятно.

Б.С.: А когда я стал членом парламента, и нужно было выбрать председателя, то Социалистическая партия решила, что на этот пост надо выдвинуть беспартийного ...

В.Д.: Живков был ещё жив?

Б.С.: Живков был жив, но его уже ... отстранили от власти ...

В.Д.: Он уже был под домашним арестом?

Б.С.: Да, он вскоре был под домашним арестом ... Потом умер ...

(Примеч. В.Д.: Здесь упоминается Тодор Христов Живков (1911-1998), являвшийся Первым (1954-1981), затем Генеральным (до 1989), секретарём ЦК Болгарской коммунистической партии (БКП), Председателем Совета министров (1962-1971) Народной республики Болгарии (НРБ), Председателем Государственного Совета НРБ (1971-1989). После отстранения Живкова от власти БКП была переименована в Болгарскую социалистическую партию (БСП), а сам он (в 1990-ом году) был привлечён к уголовной ответственности. Своё заключение Живков отбывал под домашним арестом, и освобождён был по решению Верховного суда лишь в 1996 году. Через два года после освобождения он умер от пневмонии. Хотя его многолетняя деятельность «у руля Болгарии» в стране оценивается «не однозначно», многие болгарские граждане, как мне рассказывали, до сих пор испытывают ностальгию «по эпохе Живкова».)

В.Д.: Помнится, у него была дочка Людмила... Она жива?

Б.С.: Она давно умерла. Ещё ... в 1981-ом году...

В.Д.: Насколько я знаю, она была хорошим министром ... По-моему, министром культуры? ...

Б.С.: Да.

Но недавно у нас, в университете, был большой скандал ... На конференции, где её вспоминали ...

В.Д.: Почему же? Она, говорят, вела себя весьма достойно ... Даже мы в Москве об этом слышали ...

Б.С.: Да там были такие экстремисты! .. *(смеются)*.

В.Д.: Собрались экстремисты ... Знакомо.

Б.С.: Да.

Я стал член парламента ещё во время Живкова ... Три срока был ... Это интересная жизнь, когда ты член парламента. Никольский всегда меня так... «преподносил». Потому что однажды я появился на конференции в Москве с ... «бодигардами» *(смеются)*. Потом он часто, на ушко, меня спрашивал: «А где твои «бодигарды»?» ...

Единственное, что я терял от своего депутатства — то, что когда я приходил на Факультет читать свои лекции, мои «бодигарды» всюду хо-

дили вместе со мной, ни на минуту не оставляя меня одного. В частности, они вместе со мной входили в аудиторию, выбирали себе место, где сесть, и сидели там всю лекцию ... (смеются). И перед студентами мне было «неудобно», поскольку, по моему мнению, это «выглядело нарушением университетского духа» ...

В.Д.: Ну да: для университетов это, мягко скажем, ... «неприлично».

Б.С.: В общем, я отказался от чтения лекций.

Но, понимаете, политика — это такой наркотик!

В.Д.: Прекрасно Вас понимаю — я сам много занимался общественной деятельностью. Конечно, не на таком высоком уровне, как у Вас. Но всё же ...

Б.С.: Страшный наркотик.

Я думал, что излечился от этого, став послом в Японии ...

В.Д.: ... Вот, как раз, мой следующий вопрос в связи с Японией.

В 2004-2009 годы Вы являлись послом Болгарии в Японии. Наверное, Вы и японский язык немного выучили?

Б.С.: Выучил, но совсем немного...

В.Д.: О, как я угадал.

Б.С.: В Японии я пробыл шесть лет. И пять лет, каждую неделю, я занимался японским языком с учительницей ... Конечно, свободно говорить, я на нём не могу. Но, всё-таки, я его немного выучил ...

В.Д.: Научиться свободно говорить по-японски было бы круто! Там, мне рассказывали российские студенты-востоковеды, каждый иероглиф нужно учить чуть ли не полгода ...

Б.С.: Сейчас я Вам покажу мою ... «подпись» ... по-японски: мои японские друзья-математики меня научили ... Такая подпись называется «канжи» (показывает подпись).

Я и Вам могу подписать... «канжи»...

Они очень интересны, потому что они имеют структуру ... Вообще, «канжи» — это даже понятие... Например, я вспоминаю сейчас японские имена, рассматривая «канжи», в которые они «поставлены» ...

В.Д.: Да-а? ...

Б.С.: И смысл «канжи» очень... индивидуален...

Например, если это «канжи про дерево» ...

В.Д.: Ну?

Б.С.: ... И там «поставлены» три «дерева» ...

В.Д.: То это — лес?

Б.С.: Нет — это значит «гора».

Но если это «канжи про женщину и ребёнка», что называется «нежностью», и там «поставлены» три «женщины», то это значит уже «пустые слова» ... (*смеются*)

Понимаете, Япония — это другой мир. Там есть то, что мне очень нравится. Там, например, воспитание детей очень чёткое.

В.Д.: Там, я слышал, до пяти лет детям всё позволяют. А потом, наоборот, всё чётко регламентировано ...

Б.С.: Да, потом всё жёстко ...

Но о чём я, в последние годы, люблю говорить — это то, что в нашем, так называемом «демократическом мире», образование потеряло функцию воспитания. Детей обучают, но не воспитывают.

В.Д.: Ну это везде так — у нас тоже.

Б.С.: И это, по-моему, через некоторое время приведёт ... к плохим последствиям ...

В.Д.: То есть, негативно скажется на обществе?

Б.С.: Уже сказывается. Потому что в семье не все получают хорошее воспитание.

В.Д.: Согласен.

Б.С.: А очень много детей вообще не имеет семьи.

В школе с воспитанием тоже плохо: школьные учителя часто не имеют нужного авторитета, а дети воспитываются, прежде всего, через авторитет.

Остаётся одна церковь.

В.Д.: Н-да ...

Б.С.: Но ведь этого недостаточно.

В.Д.: Да к тому же в обществе отношение к церкви, скажем так, зачастую «неоднозначное»

Б.С.: Жаль, что даже в Японии их разумный воспитательный процесс теперь тоже рушится. Потому что и там происходит «американизация» ...

В.Д.: Это да-а...

Б.С.: Тем не менее, я провёл там хорошие годы ...

В.Д.: Не сомневаюсь, что Вы приобрели там богатый жизненный опыт...

Но вернёмся к математике. Как я уже понял, инициатива написания Вами (совместно с Виктором Антоновичем Садовничем, а также с Влади-

миром Александровичем Ильиным) книги по математическому анализу принадлежала Рему Викторовичу Хохлову. А как отнёсся к этому замыслу Андрей Николаевич Тихонов?

Б.С.: Тихонов был приглашён быть редактором нашего учебника.

Как я уже говорил, при обсуждении этого вопроса с Ремом Викторовичем первое, о чём мы договорились — создать возможность болгарским студентам, закончившим первый курс у нас, на математическом факультете Софийского университета, продолжить ...

В.Д.: ... свою учёбу на втором курсе Мехмата МГУ.

Б.С.: Да.

Для этого нужно было ... «выровнять» программы всех читаемых курсов и иметь по ним одинаковые учебники.

В.Д.: Понятно-понятно.

Б.С.: Хохлов активно поддержал эту идею. И мы решили, что, в первую очередь, мы займёмся написанием «единых» учебников по математике ...

В.Д.: Что ближе всего к Вам — это естественно.

Б.С.: Да.

И он определил нам, в со-авторы от МГУ, не только Садовниченко, но и Ильина ...

В.Д.: А до этого Вы знали лично и Виктора Антоновича Садовниченко и Владимира Александровича Ильина?

Б.С.: Ильина знал... Знал, что он написал много учебников ...

В.Д.: Да, они, в основном, предназначены для Физфака МГУ ...

Б.С.: Да-да.

Так вот, мы, с Ильиным и Садовничем, стали работать над книгой. А я был тогда Ректором университета, и имел возможность организовать им здесь хорошие условия для такой работы. Они приезжали в Софию, чтобы писать этот учебник ...

В.Д.: Так они приезжали, для работы над книгой, к Вам сюда!

Б.С.: Да.

Они привозили готовые части книги сюда. Мы уединялись ... в городке Рила ...

В.Д.: А-а, где Рильский монастырь ... Я бывал там ... Там очень красиво...

Б.С.: И, в конце концов, получился этот учебник — в двух частях — параллельно изданный в Москве (на русском языке) и в Софии (по-болгарски).

Так что можно сказать, что Хохлов и инициировал создание этого учебника, и выбрал нас в качестве его авторов, и попросил Тихонова нас поддержать ... Жаль, что эта идея не распространилось далее ...

В.Д.: Да, идея заглохла!...

Б.С.: Когда кончался мой второй срок «ректорства» — у нас ректором можно быть не более двух сроков — в Софию прибыл Логунов, будучи уже Ректором МГУ. И он попросил меня устроить ему встречу с Тодором Живковым, чтобы уговорить его разрешить мне третий срок быть ректором ... Потому что Логунов очень оценил нашу совместную работу по ...

В.Д.: ... выравниванию программ ...

Б.С.: ... Да, по выравниванию программ ... Но Тодор Живков сказал, что, к сожалению, два срока — это закон ...

В.Д.: И никаких исключений!

Б.С.: Да.

И Логунов очень удивился, что даже Живков не может обойти этот закон (*смеются*).

В.Д.: Ну конечно: у нас бы, в ту пору, Брежнев просто бы «распорядился» — и вопрос с «ректорством» был бы решён «как надо»

В 1983-ем году Вы, совместно с Василием Поповым, опубликовали в Софии монографию про усреднённые модули гладкости. Её перевод на русский язык, изданный в Москве в 1988-ом году, был осуществлён Юрием Алексеевичем Кузнецовым и Константином Ильичём Осколковым (кстати, откуда они знали болгарский язык — мне не ведомо). Профессор нашей кафедры Сергей Владимирович Конягин (ныне член-корреспондент РАН) сразу же порекомендовал мне её приобрести.

Васил Попов, как я понимаю, был первым Вашим аспирантом. Расскажите немножко о нём, а также о другом Вашем аспиранте, Бориславе Боянове. Ведь они оба, к сожалению, уже умерли?

Б.С.: К сожалению умерли, да ... Васил Попов, действительно, был моим первым аспирантом. И очень талантливым ...

В.Д.: Да, это все говорят.

Б.С.: Между прочим, сегодня мы выбрали его сына в члены-корреспонденты БАН

В.Д.: По математике?

Б.С.: Нет, по литературе. Он писатель.

В.Д.: А-а!

Б.С.: Я выступил на этих выборах и сказал, что он сын моего лучшего ученика. И что я с удовольствием буду за него голосовать...

А сам Васил Попов сначала учился физике. Потом он ...

В.Д.: ... Увлёкся математикой...

Б.С.: ... и стал математиком...

Он, действительно, был очень талантливым. Но он не был ... дисциплинированным ...

В.Д.: По-русски говоря, любил выпить.

Б.С.: Да, любил выпить... И это его погубило.

В.Д.: Ну-у, ни его одного ...

Б. С.: У меня есть своё объяснение этому обстоятельству. Он чувствовал некоторую неудовлетворённость. Потому что он любил командовать, руководить, но из-за того, что его отец был ... судим после социалистической революции ...

В.Д.: А-а,!... У него, что, отец был, как в России говорили, «из бывших»?

Б.С.: Всё сложнее ... Мать его даже ... разделилась от отца ...

В.Д.: ... Понимаю: развелась с отцом ...

Б.С.: ... чтобы ... семье «не было неприятностей» ...

В.Д.: ... Чтобы спасти семью...

А у него отец тоже был промышленником?

Б.С.: Нет, он был политиком.

В.Д.: (*смеётся*) О, это ещё страшнее ...

Б.С.: И из-за этого своего происхождения ему, в ЦК, не разрешили быть руководителем сектора.

В. Д.: Но он, кажется, прошёл в члены-корреспонденты БАН?

Б.С.: Прошёл, потому что мы с Илиевым настояли ... Но это была... непростая проблема ...

В.Д.: Ну, я думаю!...

Б.С.: Хотя все знали, что он очень талантливый ...

А когда у нас произошла демократическая революция, у него уже был ... договор, чтобы поехать работать в США. Но я не хотел его туда сразу пускать.

В.Д.: Правда?

Б.С.: Да. Раньше я сам ему помогал ездить за границу. Но после того, как наступила свобода ...

В.Д.: ... и поездки стали «вполне реальными» ...

Б.С.: ... я ему сказал: «Васил, сначала тебе надо пройти курс лечения здесь! Потому что там тебе это будет мешать» ...

Я же знал, сколько он выпивал ... Но он меня заверил: «Нет-нет-нет, я там буду только работать» ... Но... не сдержался и напился ... Его нашли неделю после того, как он уже умер... Это очень жалко было ... Но вот такие дела с Василом Поповым ...

Теперь про Борислава Боянова ...

В.Д.: Как у него с биографией: его родители тоже «из бывших»? *(смеётся)*

Б.С.: Почти: его отец был священником.

В.Д.: О, это не намного лучше! У меня прадед по отцовской линии был священником! *(смеются)*.

(Примеч. В.Д.: Здесь я упоминаю своего прадеда, точнее, деда моего отца по материнской линии, белорусского священника Платона Плышевского.)

Б.С.: Но Борислав не имел затруднений в связи с этим. Он после первого курса поехал учиться в Польшу. В Польше он закончил университет, а затем вернулся в Болгарию ...

В.Д.: Если я не ошибаюсь, в Польше он учился у Стефана Пашковского?

Б.С.: Да ...

А когда он приехал в Софию, то я взял его в свою группу.

Он тоже был очень талантливым математиком. И большим патриотом. Но у него были в жизни две неудачи. Неудачи, которые, по-моему, он сильно переживал ...

Во-первых, он был кандидатом в Ректоры Софийского университета. Но его не выбрали ...

Во-вторых, он выставил свою кандидатуру в Председатели БАН, причём в то время, когда я уже был в Японии, и мы с ним могли лишь переписываться по Интернету. Так вот, я ему написал, что он ничего не добьётся, потому что у него нет поддержки. Так оно и вышло ...

В.Д.: Понятно.

Б.С.: Он был очень «правым», не социалистическим ... И он думал, что на этом ...

В.Д.: Сыграет на выборах?

Б.С.: Да, думал, что сыграет. Но не получилось. И он внезапно умер. Он просто не проснулся.

В.Д.: Владимир Михайлович Тихомиров мне рассказывал, что, вроде бы, он планировался в оппоненты по докторской Боянова? Но поездка в Болгарию у Владимира Михайловича тогда не состоялась.

Б.С.: Да, было такое ...

В.Д.: Ну, вот, вопросы мои уже близятся к концу. Но, всё-таки, разрешите ещё личный вопрос?

Именно, кто по профессии Ваша супруга? Есть ли у вас дети, и чем они предпочли заняться? В частности, кто-нибудь из них не пошёл ли по стопам отца и не стал ли математиком?

Б.С.: Ну, я женился два раза.

В.Д.: Почти половина моих интервьюеров ответ на этот вопрос начинали с такой же фразы! (*смеются*)

Б.С.: Первая моя супруга была врачом.

В.Д.: Ясно.

Б.С.: От неё у меня две дочки.

В.Д.: И математики там «не было»?

Б.С.: Старшая дочка физик. Она работает в Академии по, так называемой, «нанотехнологии» ...

В.Д.: Нанотехнологии, понятно!

Б.С.: Старшая дочка имеет свою дочку, которая окончила университет в Англии и в Англии сейчас работает ...

А младшая моя дочка, биолог, тоже живёт в Англии. Она там женилась ...

В.Д.: Она вышла замуж за англичанина или за болгарина?

Б.С.: За англичанина ...

Как биолог, она занимается ... муравьями. Она сейчас редактор журнала "Animal Behavior", то есть «Поведение животных». Она ещё и преподаёт в Бристоле. А её муж - один из ведущих учёных «по муравьям». Исследует, как муравьи обучают друг друга ...

В.Д.: Интересно: оба супруга любят муравьёв ...

Б.С.: В лаборатории мужа моя дочка изучает их ... *society* - муравьиные сообщества. В коробке, с компьютерами ... Изучает, как муравьи двигаются, что делают. И, оказывается, муравьи, которые собирает пищу для королевы, не предоставляют сразу эту пищу прямо ей, а дают, сначала, пищу другим муравьям ...

В.Д.: Как бы «придворным» муравьиной королевы?

Б.С.: Да.

И если они, пробуя, через день-два остаются живы ...

В.Д.: Тогда эту пищу можно есть и самой королеве (*смеётся*).

Б.С.: Да, тогда можно и ей есть. Представляете, какая у муравьев организация! ...

Так, теперь про второй мой брак.

Моя вторая жена намного моложе меня. Она окончила Софийский университет, когда я был уже его Ректором. Она — специалист по английскому языку и американской литературе.

У меня от неё есть сын, которому скоро будет двадцать девять лет ...

В.Д.: А в Англии она тоже была?

Б.С.: Конечно: ведь она была переводчиком у Людмилы Живковой ...

В.Д.: Но Людмила Живкова, видимо, сама знала английский язык, нет?

Б.С.: Да, знала. Но как большой политик, она должна была иметь личного переводчика.

В.Д.: Понятно.

Б.С.: И, к тому же, она знала английский не так хорошо.

Так вот, наш сын закончил университет Боккони (Bocconi) в Милане (Milano)... По экономике Боккони — самый старый «экономический» университет в Европе.

Сын не захотел заниматься математикой. Мне он пояснил это так: «Я не хочу тебя догонять — потому что, всё равно, не догоню».

В.Д.: Здорово.

Б.С.: И закончил он университет по специальности ... «экономика культуры». Потом он стал магистром Бокконского университета... А сейчас он...

В.Д.: Там, в Италии?

Б.С.: Нет, в Болгарии. Он имеет свою фирму ... Занимается автомашинами ...

В.Д.: В общем, сейчас он занимается бизнесом. Понятно.

Так, теперь последний мой вопрос. Я его задаю многим своим собеседникам. Довольны ли Вы как сложилась у Вас судьба, и ни о чём ли Вы не жалеете?

Я понимаю, что вопрос этот риторический, и даже интимный. Но, всё же, я его часто задаю. Поэтому задаю его и Вам.

По-разному на него отвечают. В книжке, которую я Вам уже подарил, Вы сможете прочесть эти интересные ответы.

Б.С.: Ну, что Вам сказать? Я не могу себя представить, как бы сложилась моя жизнь, если бы не произошли в Болгарии две революции...

Мой отец готовил меня, чтобы я унаследовал его бизнес. И с самого детства он меня... к этому готовил ... Потому что у моего старшего брата... всегда было что-то с сердцем, с самого рождения, ... с которым он, всё-таки, дожил до семидесяти пяти лет. И в нашей семье было ясно, что мой старший брат пойдёт в науку, а я буду заниматься бизнесом.

Перед революцией я, летом, ... уже даже «командовал» некоторым бизнесом ...

В.Д.: То есть, уже в 1944-ом году, да?

Б.С.: Да, летом 1944-го года... я два месяца управлял ... «отделением» для собирания фруктов и их консервации ... С сорока рабочими...

Мне было тогда двенадцать лет. Я распределял им работу, каждую неделю платил им зарплату и всё такое ...

В.Д.: И они Вас, тогда мальчишку, слушались?

Б.С.: Слушались, потому что для них я был «боссом» (смеются)...

Так что, видимо, я бы занялся бизнесом, если бы не произошла социалистическая революция ...

В.Д.: И стали бы фабрикантом.

Б.С.: Стал бы фабрикантом, бизнесменом ... Надеюсь, хорошим ...

Но из-за этого я не стал бы заниматься математикой, о которой уже мечтал ... Хотя для бизнесмена математика тоже нужна.

В.Д.: Во всяком случае, иметь «математические мозги» бизнесмену не помешает.

Б.С.: Когда Вы прочтёте книжку, которую я Вам подарил, Вы увидите, что у меня было очень много затруднений в жизни. Но, понимаете, я многое и приобрёл для жизни.

Например, когда я работал уборщиком в Софии, у меня появились друзья и среди уборщиков ...

В.Д.: Я представляю, какие с ними были у Вас беседы! (*смеётся*)

Б.С.: Одного из них я встретил, когда уже был доцентом. И он, увидев меня прилично одетым, сказал мне: «А-а-а, Благовест, ты уже очень хорошо одет! Наверное, ты уже стал шофером?» (*смеются*) ...

Потому что для уборщика шофер — это ... высшее в карьере ...

Потом мне посчастливилось быть около очень хороших людей. И в университете, и в других местах.

Я не могу, конечно, пожаловаться и на то, что мне удалось поучиться и в Москве. Хотя, после пребывания в Москве, на меня были написаны ... «разные тексты», которые, в силу их секретности, я не знаю ... Но по возвращении из Москвы ко мне здесь стали относиться просто очень хорошо. Можете себе представить, что я, вернувшись из Москвы, через год-два стал читать лекции, каждую неделю на протяжении нескольких месяцев, членам Политбюро ЦК БКП?

В.Д.: Как это? (*смеётся*)

Б.С.: Живков приказал. «Мы должны знать, что такое кибернетика, — объявил он. — И пусть Сендов нам будет читать лекции».

В.Д.: И сам Живков на них тоже ходил?

Б.С.: Ходил на все мои лекции ... И на первой парте сидел ...

В.Д.: (*смеётся*) Здорово!

Б.С.: Потом... был такой ... Всемирный Совет за мира... (примеч. В.Д.: точнее, Всемирное Движение сторонников мира). Президентом там был Ромеш Чандра (примеч. В.Д.: имеется в виду известный деятель индийского рабочего движения, журналист Ромеш Чандра /КотеяИ СИапёга/ (р. 1919)). А меня там назначили Вице-президентом от Болгарии, потому что Тодор Живков на Политбюро сказал: «Нам нужен человек, который не входит в партию, чтобы нас там представлять» ... И я имел доступ к нему ...

В.Д.: Понятно ...

Б.С.: Сейчас его ругают...

В.Д.: Да-да-да. Кстати, Тодор Живков был, на сколько я понимаю, «неоднозначным» правителем. Я подзабыл, кто был до него? Конечно, после Георги Димитрова.

(Примеч. В.Д.: Напомним, что видный деятель болгарского и международного коммунистического движения Георгий Михайлович Димитров /Георги Димитров Михайлов/ (1882 1949) в сентябре 1923 года был одним из руководителей вооружённого восстания в Болгарии, после провала которого эмигрировавший в Югославию, а затем переселившийся в СССР. Осенью 1929 года он, инкогнито, переехал в Германию, где активно участвовал в

деятельности Коминтерна. С приходом в Германии нацистов к власти, он был арестован по обвинению в причастности к поджогу Рейхстага 27 февраля 1933 года. Однако в ходе судебного Лейпцигского процесса (сентябрь-декабрь 1933 года), грамотно построив защиту, он, по сути, превратился из обвиняемого в обвинителя нацистов и был оправдан. Димитрову было предоставлено советское гражданство, СССР потребовал его выдачи и в феврале 1934 года он прибыл в Советский Союз.

В последующие довоенные и военные годы он занимался активной политической деятельностью в Исполкоме Коминтерна (ИККИ). По окончании Второй Мировой войны, с провозглашением Болгарии «народной республикой» (НРБ), Димитров прибыл на Родину, где вскоре стал Председателем Совета министров НРБ (1946-1949), а затем и Генеральным секретарём ЦК БКП (1947-1949). Он поддержал идею создания Болгаро-Югославской федерации, что вызвало недовольство Сталина в условиях произошедшего к тому времени разрыва отношений СССР с Югославией.

В апреле 1949 года, Димитров был приглашён в Москву на лечение (у него был целый «букет недугов») — цирроз печени, сахарный диабет, хронический простатит). А через пару месяцев он скончался в Барвихе под Москвой, где проходил своё лечение (объявленная причина смерти — «сердечная недостаточность»).

Тело Георгия Димитрова, уже забальзамированное, в саркофаге, было доставлено в Софию и помещено в специально построенный мавзолей. С отстранением БСП от власти в Болгарии, в 1990 году, тело Димитрова было перезахоронено. А в 1992 году в Софии был снесён и его мавзолей.)

Б.С.: Вылко Червенков...

В.Д.: Ах, да-да: Вылко Червенков. Это же небо и земля — Тодор Живков и Вылко Червенков!... Как мне представляется, Тодор Живков был вполне разумным человеком. А про Вылко Червенкова я читал много негативного ...

(Примеч. В.Д.: Вылко Червенков /Вълко Червенков/ (1900-1961) стал Генеральным секретарём ЦК БКП (1949-1954), сменив на этом посту умершего Георгия Димитрова. Он являлся ближайшим соратником Димитрова (и даже состоял с ним в родстве, женившись на его младшей сестре). С 1950 по 1956 годы Червенков возглавлял и правительство НРБ.

По оценкам историков, Вылко Червенков был последовательным «сталинистом», безжалостно осуществлявшим репрессию в

отношении своих противников и насаждавшим в Болгарии «культ своей личности». После смерти Сталина он, постепенно, утратил своё влияние, и власть в стране вскоре перешла к Тодору Живкову.)

Б.С.: Во всяком случае, Тодор Живков быстро понимал, что ему говорят.

Вы можете себе представить, что когда я хотел с ним встретиться, чтобы решить какие-нибудь вопросы факультета, университета, академии, и так далее, то его секретарша лишь иногда мне говорила: «Знаете, сегодня ну никак невозможно. Пожалуйста, приходите завтра».

В. Д.: Понятно: «сегодня» он, действительно, очень занят.

Б.С.: И «завтра» такая встреча, обычно, уже происходила.

А при нашей встрече Тодор Живков открывал свой маленький блокнот и записывал в нём, на листочке, «мои проблемы» ... По окончании их изложения, он отрывал для меня этот листочек, и, договорившись со мной, как лучше решить «мои проблемы», говорил: «По первому вопросу иди к этому члену Политбюро, по второму вопросу — к этому ... И скажи ИМ, что МЫ так решили!» ...

В.Д.: Хорошо! Вам было достаточно ИМ лишь сказать, что МЫ С ТОДОРОМ ЖИВКОВЫМ уже так решили! ... (*смеётся*)

Б.С.: Естественно, что многие члены Политбюро меня не любили ...

В.Д.: Их, конечно, раздражало, что решения принимались лишь вами двумя, без их участия!

Б.С.: Да-а. Как же так!

В.Д.: (*смеётся*) «Мы тут трудимся как пчёлки, а всё решается без нас ...»

Б.С.: Да-да! И вопросы быстро решались ...

Сейчас же труднее попасть к заместителю министра, чем тогда к Тодору Живкову ...

В.Д.: Ну, думаю, так не только в Болгарии ...

Б.С.: Так что, Ваш вопрос «Считаю ли я удачной свою жизнь?»... «вероятностный» ... Но, в целом, я считаю, что жизнь у меня ... «получалось» ...

В.Д.: Примерно также на этот вопрос мне ответил Реваз Валерианович Гамкрелидзе. «Я, — мне он сказал, — мог бы быть, с некоторой вероятностью, и неплохим пианистом. Но, видимо, моя судьба была такова, что, всё-таки, я стал математиком».

И Вы, наверное, теоретически могли бы быть инженером, но всё-таки, судьба Вас «привела» в математику ...

Б.С.: Да-да, у меня была мечта стать авиаинженером ... С одним из моих соучеников по гимназии мы даже ... сконструировали ... реактивный самолёт, который, в конце последнего класса гимназии, мы демонстрировали на состязаниях по авиамоделизму ...

В.Д.: Ну да, Вы мне уже говорили об этом. И даже рассказывали, что самостоятельно изучали с этим соучеником дифференциальные уравнения, функцию Жуковского и другие вещи ...

Б.С.: Да-а, ведь мы хотели ... сконструировать крыло ... «грамотно» ... И даже интересовались, что делается по этому поводу в ЦАГИ ...

И наш самолёт летал! ...

В.Д.: Замечательно!

Б.С.: А чтобы сделать ракету, мы «вскрывали» старые немецкие бомбы, изымали из них пикриновую кислоту ...

В.Д.: Ой, ведь это же было опасно... Можно было и «доиграться»! (примеч. В.Д.: пикриновую кислоту (или «тринитрофенол») используют в качестве взрывчатого вещества).

Б.С.: Да, но мы, всё равно, вскрывали ... И подсыпали в эту кислоту специальный порошок, чтобы уменьшить скорость горения ... И делали различные смеси, экспериментировали ...

А однажды я даже ... зажёг наш дом ... Был пожар ...

В.Д.: Хорошо что хоть, при этом пожаре, люди не пострадали! ...

Б.С.: Да-а ...

Так что я мог бы быть и инженером... Но судьба распорядилась так, что стал математиком. И я не жалею об этом ...

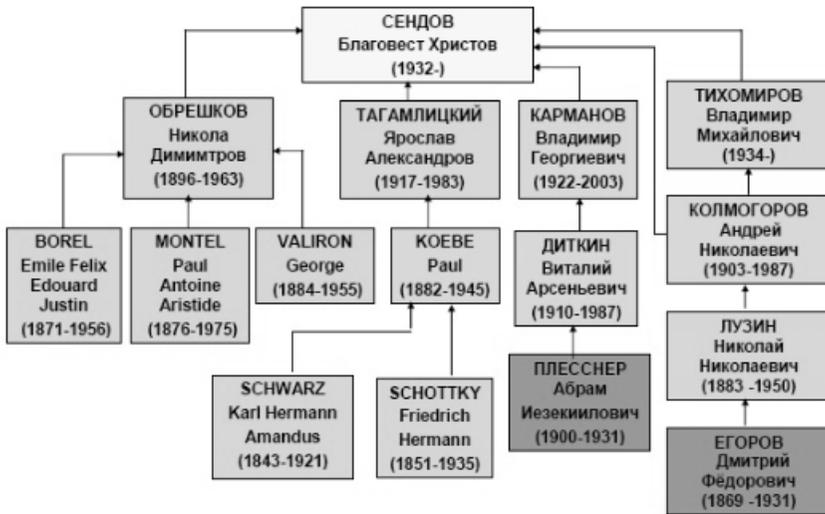
Ну что, кончили?

В.Д.: Да, кончили.

Ещё раз, большое Вам спасибо, Благовест Христович, что Вы согласились на это интервью. Позвольте, в заключение, от души пожелать Вам крепкого здоровья и исполнения всех Ваших дальнейших замыслов.

Б.С.: И Вам спасибо, Василий Борисович. Мне было интересно в нашей беседе о многом вспомнить ...

Октябрь 2012 года.

Анатолий Добрович

ДВА ЭССЕ О МАНДЕЛЬШТАМЕ

I.

ВОРОНЕЖ МАНДЕЛЬШТАМА

Надежда Яковлевна Мандельштам в книге воспоминаний «Время и судьбы» предпринимает беспощадный и неоспоримый анализ бытовой и нравственной атмосферы, сложившейся в стране в последние, «милостиво подаренные» поэту, годы жизни в воронежской ссылке. Оглядываясь на эти годы, на душевные и физические муки надломленного преследованиями О.М., она рисует глубоко осмысленное, из самого сердца поднимающееся противостояние его личности текущей вокруг жизни, полной страха, покорности и готовности к предательству. Читатель (хотя, надо думать, не каждый) мысленно солидаризируется с поэтом и его «подругой-нищенкой», живущими в предчувствии расправы и «в роскошной нищете», но сохраняющими духовную независимость, достоинство хранителей мировой культуры и верность идеалам свободолубивого «четвертого сословья» еще на их памяти заявлявшего о себе в России. Воссоздаваемая Надеждой Яковлевной трагическая картина не оставляет сомнений в своей подлинности. Однако при чтении ее книги начинаешь невольно припоминать воронежские стихи О.М., потом открываешь их, чтобы перечитать и... тема противостояния поэта государственной машине и упадку гражданственности оказывается не столь однозначной, как виделось поначалу.

Держать в себе оборону против злодействующей и будящей в людях низменные побуждения власти — едва ли не инстинктивная позиция О.М., человека, приходящего в раздражение (до неистовства) от любой «лжи» и тупости. Но если попытаться выделить сильнейшее чувство, то и дело питающее его поэтическое вдохновение в воронежском цикле, — это не гнев, не пафос мученичества, не стон скорби. Не горечь, не уязвленное достоинство, не презрение к палачам. Согласитесь ли вы, читатель? — это ...восторг. В первом же стихотворении, описывающем чернозем, как никем и никогда он воспринят не был, читателю передается счастье поэта, как бы встретившего родное существо, с которым его раньше разделяли непреодолимые обстоятельства и пространства. Это в самом точном смысле слова встреча «провиденциальная», взрывающая в душе глубинные ассоциации. Никто, кроме Мандельштама не открыл бы в «комочках влажных» чернозёма «тысячехолмия распаханной молвы» — здесь интуиция объединяет его с поколениями пахарей, безотчетно творивших язык. Здесь прояв-

ляется присущая ему любовь к «великому племени людей», к планетарному человеку. Восторженность переживания, как всегда у О.М., уравновешивается феноменальной чуткостью к диссонирующим реалиям. Надо быть Мандельштамом, чтобы запахи почвы передать в слуховой модальности: «Гниющей флейтою настраживает слух,/ Кларнетом утренним зазбливает ухо».

Но откуда в этакой яме («И потому эта улица,/ Или, верней, эта яма -/ Так и зовется по имени/ Этого Мандельштама») — счастье? И какова его природа? Беру нас себя смелость утверждать: это счастье обретения почвы... Оглушительное переживание для человека, которому больно жить, «под собою не чуя страны». Но вот он вдруг почувал ее, и тот же восторг звучит в следующем стихотворении цикла:

Я должен жить, хотя я дважды умер,
 А город от воды ополоумел:
 Как он хорош, как весел, как скуласт,
 Как на лемех приятен жирный пласт,
 Как степь лежит в апрельском провороте,
 А небо, небо — твой Буонаротти...

Как не жить, когда такое творится! За этой радостью обретения почвы мне видится, помимо всего, и преодоление горького еврейского чувства бездомности, вообще, нередко возникающего в стихах О.М. В «черноземе», как и в «новгородском колодце» (где вода «должна быть черна и сладима» — из другого стихотворения) ему открывается родная земля, которой так недостаёт. Бездомность О.М. проистекает не только из его душевного склада, отвергающего советчину как кошмар «кровавых костей в колесе». В этом сказывается также безродность Агасфера, вечно ищущего, к чему бы припасть душой, но при этом не утратить независимости. Психологически оправданный выход из этой ситуации — именно любовь к человеку вообще: к тому человеку, который «Почтиг невольню чужестранца,/ Как полубога, буйством танца/ На берегах великих рек». Воспевать "в колыбели праарийской/ Германский и славянский лён" и в самом деле характерно для еврея. Ему страстно хочется, чтобы его речь «полюбили» (пусть даже «за привкус несчастья и дыма»), а его самого «запахнули, как шапку в рукав», т.е. сделали окончательно своим. Еврей, лишенный почвы (понятно, к Хаиму-Нахману Бялику, Натану Альтерману или Ури-Цви Гринбергу это уже не относится) — а иначе говоря, еврей Рассеяния, — пестует в себе любовь к окружающим, веря, что это вызовет ответную любовь. Возможно, вследствие этого он выглядит жалким в глазах иных представителей титульных наций, которым родина досталась даром. Но в ситуации О.М. (и тысяч других, включая, скажем, Пауля Целана) чувство безродности, бездомности скорее трагично. И попытка его преодоления, подлинного или иллюзорного, вызывает к жизни особую логику — логику душевного

порыва к единению с реальными людьми в их реальной жизни. В самом деле, возвращенная поэту в Воронеже «почва» — это ведь действительность советская, та, какая есть. А значит, в ней предстоит не просто жить:

Я должен жить, дыша и большевая,
И перед смертью хорошея —
Еще побыть и поиграть с людьми!

Разве не понятен жаркий соблазн — стать братом братьям? Входить в действительность, «как в колхоз идет единоличник»? Почувствовать себя «переогромленным»? Разве непонятно, чего именно поэту хотелось бы при воспоминании о Каме, по которой плыли с женой из ссылки в ссылку? Вот чего:

И хотелось бы гору с костром отслоить,
Да едва успеваешь леса посолить.

И хотелось бы тут же вселиться, пойми.
В долговечный Урал, населенный людьми,

И хотелось бы эту безумную гладь
В долгополой шинели беречь, охранять.

Какой голод по родине, по теплоте живого, дышащего человеческого сообщества! Не то же ли это желание, что и у Пастернака: «Труда со всеми сообща/ И заодно с правопорядком». Пастернак обомлевает от детишек новой поры; а как бы мог пройти мимо них зажигающийся любовью Мандельштам?

Еще мы жизнью полны в высшей мере,
Еще гуляют в городах Союза
Из мотыльковых, лапчатых материй
Китайчатые платьица и блузы.

Еще машинка номер первый едко
Каштановые собирает взятки,
И падают на чистую салфетку
Разумные, густеющие прядки.

Еще стрижей довольно и касаток,
Еще комета нас не очумила,
И пишут звездоносно и хвостато
Толковые, лиловые чернила.

Порыв любви захлестывает. Дело доходит не только до упоения фильмом «Чапаев». Или радиовестями о строящемся в Москве метро. Или советскими городами («Как новгородский гость Садко,/ Под синим морем

глубоко, / Гуди протяжно в глубь веков, / Гудок советских городов»). Дело доходит до восторга перед всеобщим кумиром — вождем (тем самым, суть которого, казалось бы, уже была запечатлена поэтом в смертоносных для него строках о «кремлевском горце»!).

...И ласкала меня и сверлила
Со стены этих глаз журьба.

Много скрыто дел предстоящих
В наших летчиках и жнецах,
И в товарищах реках и чашах,
И в товарищах городах...

...И к нему, в его сердцевины
Я без пропуска в Кремль вошел,
Разорвав расстояний холстину,
Головою повинной тяжел...

Не скрою, меня несколько озадачивает то, что в воспоминаниях Н.Я. эти особенности душевного состояния О.М. не упомянуты. Видимо, они не укладываются в ее общую концепцию. У меня нет сомнения, что среди мандельштамоведов (хотя я «ведов» читаю нечасто, но мне так представляется) попадаются и те, которые убеждены, что О.М. пытался подобными стихами приладиться к советской действительности, а может, и на публикации рассчитывал. То, как я чувствую Мандельштама, исключает подобный ход мысли. Я не сомневаюсь в его искренности. Здесь нет двуличия — есть многослойность мировосприятия. Таким вот был один из его экзистенциальных пластов («Как на лемех приятен жирный пласт!»). Но обретение почвы то и дело оказывалось обманчивым. А в конечном счете, почву просто выбивали из-под ног. Вероятно, это было неизбежно — и не только из-за нищенского быта и постоянного надзора НКВД.

Суть дела также в европейскости, а лучше сказать — всемирности Мандельштама. Как носитель культуры он не укладывался в пейзаж Черноземья, сколь бы радостным ни оказалось для поэта его обретение. Хотелось моря - тоска по нему звучит в нескольких стихотворениях цикла. Душа «как жалости и милости», просила Италии, Франции. Море и европейские холмы притягивали поэта не только сами по себе, они выступали для него как символы свободы — свободы космической, выходящей за какие бы то ни было границы. Свободы, без которой художник лишается драгоценного сознания своей «правоты». И Мандельштам то и дело проваливался в другой слой своего бытия — в отчаянье. За строками некоторых стихов буквально слышится вой.

...И в яму, в бородавчатую темь
Скольжу к обледенелой водочашке

И, спотыкаясь, мертвый воздух ем,
И разлетаются грачи в горячке —

А я за ними ахаю, крича
В какой-то мерзлый деревянный короб:
— Читателя! советчика! врача!
На лестнице колочей разговора б!

Самое же удивительное — то, что он сумел вырвать эту неземную свободу в обстоятельствах, в которых, казалось бы, и помыслить о ней невозможно. Такие шедевры как «За Паганини длиннопалым», «Улыбнись, ягненок гневный», «Не сравнивай: живущий несравним» или «Вооруженный зреньем узких ос» (продолжите ряд), написаны в космосе и светят нам из космоса. Это то, что пребудет, пока жив язык, на котором сочинено. «Большевея», такого не напишешь. Мандельштам воронежской ссылки — он то в поле или в городе, в неотменимой реальности, где ему временами хотелось бы сродниться с людьми общего языка, то — оп! И нет его. Выскочил на околоземную орбиту. И венчают только что выстроенный нами ряд «Стихи о неизвестном солдате» — воистину особая планета в космосе филологии, к которой впору зонды посылать. Загадка необычайных образов этого произведения худо-бедно разгадке поддаётся; неразрешима другая загадка: как такое приходило в голову человеку, подобному нам, одному из нас? Да полно: одной ли он с нами «крови»? Окажись он инопланетянином из фантастических романов — тогда другое дело: этому читать будущее всё равно, что нам — прошлое; этот глядит и видит то, что нашему взору в принципе не доступно (запредельная для нас часть спектра). Немедленно перечитайте, если плохо помните эти стихи! Не говорите «ничего не понял» -- думаете, кто-то другой всё понял? На этой фразе мне остаётся закончить мой набросок. С разинутым ртом.

II.

ЗАОБЛАЧНОЕ В ПОЭЗИИ

Представления о поэзии складываются у ее любителей под дождями и снегопадами стихов, ложившихся на душу. Постепенно обозначаются в пространстве заоблачные вершины стихотворчества. Для меня это, например, мандельштамовское:

Вооруженный зреньем узких ос,
Сосущих ось земную, ось земную,
Я чую всё, с чем свидеться пришлось,
И вспоминаю наизусть и всуе.

И не рисую я, и не пою,
И не вожу смычком черногосым,
Я только в жизнь впиваюсь и люблю
Завидовать могучим, хитрым осам.

О, если б и меня когда-нибудь могло
Заставить, сон и смерть минуя,
Стрекало воздуха и летнее тепло
Услышать ось земную, ось земную.

Никто не отнимет у читателя право воссоздавать (по собственной интуиции, пусть ошибочной) сам процесс, в котором художник *опыт из лепета лепит и лепет из опыта пьёт*. Мне представляется, что О. Мандельштам, постоянно погруженный в смысло-звуковую стихию, мало кому доступную, вдруг остановился на созвучии ОС – ОСЬ, и это неспроста! Его домашнее имя — ОСЯ, так что возникает интимная связка оси с собственным Я. Поэт остановился, поразился и услышал отклик на мысль о себе. Такого рода мысль — вне аналитического инструментария, она поддается выражению только через конгломерат образов, представляющийся автору единственно достоверным (Пастернак определяет это как *выход из вероятия в правоту*).

ОСЫ для поэта, как и для нас, олицетворяют ЛЕТНЕЕ ТЕПЛО, ВОЗДУХ, ВПИВАНИЕ, СОСАНИЕ нектара, и при этом ядовитое СТРЕКАЛО. Между тем, ОСЬ, в масштабе мирочувствия поэта, оказывается именно ЗЕМНОЙ (а не, скажем, тележной). Дальше происходит что-то вроде разряда между электродами, и этот разряд соединяет хитрых ос с земной осью: они ее СОСУТ. Её, а не просто нектароносные растения! И тут поэт ощущает себя одной из таких ос — ЧУЮЩИХ ось Земли, всеведущих, а значит, МОГУЧИХ, ХИТРЫХ.

Последующее формирование вещи опирается на феноменальную и музыкальность и взыскательность Мандельштама в отношении слова. Почему осы УЗКИЕ? — Хотя бы потому что это сушая правда! А еще потому, что померещились ГЛАЗА ос, и захотелось вооружиться их ЗРЕНЬЕМ. Так что здесь еще и звуковое откровение. Теперь строка *Вооруженный Зреньем узких ос* являет нам Звон (муЗыку) Звука З; мы уже не только видим ос, но и СЛЫШИМ их, так что стиху невозможно не довериться. Повтор «ось Земную, ось Земную» не только направляет наше восприятие в единственно нужную точку (точку «выхода» этой оси), но и продолжает завораживающий звон.

Звук Ч в ЧУЮ не может быть случайным: и точно, вскоре он откликнется СМЫЧКОМ. И тот обречен стать ЧЕРНОГОЛОСЫМ. После того, как это сказано, трудно вообразить себе иной «цвет» звукоизвлечения смычком. Ну, в самом деле — не «желтоголосым» же, и не «сине-» и не «красноголосым» ему быть: все это оказалось бы неправдой. Чернота голоса свидетельствует о заключенной в нем тайне. А правда эпитета соединена у Мандельш-

тама с правдой голосоведения. И теперь об осах естественно сказать «могучие»: а как еще их охарактеризуешь? Осам этим нам остается лишь ЗАВИДОВАТЬ, что вскоре и будет сказано.

НАИЗУСТЬ И ВСУЕ поддерживают тему Звона и Сосания о Си. Далее на вас обрушивается И НЕ РИСУЮ: эта внутренняя рифма делает неотменимым ваше присоединение к поэтическому вышагиванию. А теперь обратимся к пронзительному С всего текста. ОС; ОСЬ; ПРИШЛОСЬ; ВСПОМИНАЮ; НАИЗУСТЬ; ВСУЕ; РИСУЮ; ВПИВАЮСЬ; ЗАСТАВИТЬ; СОН; СМЕРТЬ; СТРЕКАЛО... А что если «стрекало» - и есть ключ ко всему этому ряду? Остановимся пока на музыке (ведь перед нами виртуозная инструментальная пьеса) — сначала С немного режет, сочетаясь с З: но на то и стрекало... Зато в конце вещи возникает своего рода ангельский хор — медитативный звук М: О, ЕСЛИ Б И МЕНЯ; ЗАСТАВИТЬ СОН И СМЕРТЬ МИНУЯ; ОСЬ ЗЕМНУЮ, ОСЬ ЗЕМНУЮ. Сам звук С теперь окутан теплыми Б, М, Г, Д, а в особенности — Л (ЛЕТНЕЕ ТЕПЛО/ УСЛЫШАТЬ...), и это, конечно, неспроста. Кода! «Разрешение» звуковой коллизии. То, что ужалило нас, принесло и облегчение. А теперь немного о семантике: мы обнаруживаем, что стрекало осы потянуло за собой СТРЕКАЛО ВОЗДУХА. Итак, сам воздух — летний, теплый — «подстрекает» художника ВСУЕ (без жигейской необходимости) обращать цепкий осиный взгляд к земной оси, ВПИВАТЬСЯ в нее. То есть, впиваться в постижения планетарного масштаба.

Итог чтения: что-то полыхает, как северное сияние, над предложенным поэтом соединением слов. Он ощутил свою связь с ЖИЗНЬЮ, а не с одним только наличным бытием. Вспомните из другого стихотворения: *Мы с тобой на кухне посидим. / Сладко пахнет белый керосин... Какой «запуск в космос» осуществлен из этой самой кухни! Вот, на мой взгляд, то, что называют «чудом поэзии». Сымитировать подобное невозможно. В свое время, осознав это, я пытался найти ему выражение (70-е годы): «В позе скромного творца/ я забыл о пытке слова — / бесприютного, сырого: как цыпленок из яйца. / О, пророческая прыть, / пылместный, мысль благая! / Научиться б говорить, / ничего не излагая. / Фокус-покус, Божий дар — / уложить слова-поленья, / чтоб на дне сооружения/ бессловесно реял жар». Однако чудеса «по заказу» не творятся. Мне кажется, я неплохо различаю среди стихотворцев любителей мутить воду — создавать «неоднозначный», «странный», «загадочный» текст, — дабы половить рыбку в мутной воде. Вообще говоря, доблесть высказывающегося (стихами тоже) — это ясность. И только тогда, когда сочинитель входит в сферы, не укладывающиеся в обычные возможности наших органов чувств и в рамки наших навыков анализа, текст естественным образом неясен. Подобно картине окружающего нас мира...*

Игорь Мандель

ДВУМЕРНОСТЬ ТРЕХ КУЛЬТУР

...искусство есть дополнение науки.
Д. Дьюи, 1940

Введение

Контраст между двумя культурами — первой, к которой принадлежит в основном искусство и литература, и второй, к которой принадлежат точные науки. — который часто является непреодолимой пропастью для их носителей, хотя и осознавался в неявной форме многими мыслителями ранее (см. эпиграф), был четко артикулирован в 1959 году Чарльзом Сноу сначала в своей речи в Кембридже, а затем в книге того же года (см. второе издание 1963 года с изменениями [1]), которую иногда включают в список 100 наиболее влиятельных книг послевоенного времени <http://www.interleaves.org/~rteeter/grtfls.html>). Идея противопоставления двух культур и деструктивного взаимного непонимания соответствующих интеллектуальных элит нашла немедленно сторонников и противников, но, безусловно, не была заброшена и активно обсуждается и сейчас. Было предложено несколько вариантов "преодоления разрыва".

1) Сам Ч. Сноу во втором издании [1] предположил что пропасть может быть преодолена посредством "третьей культуры", в которой диалог между первыми двумя будет куда более осмысленным, чем в настоящее время (предсказание, как все чувствуют, далекое от исполнения);

2) Д. Брокман в 1995 году назвал "третьей культурой" некую область, в которой представители "гуманитарного" и "натуралистического" направлений обмениваются мыслями на взаимно понятном языке, то есть, по сути, назвал этим термином некую зону научно-популярной литературы, приведя в своей книге [2] множество бесед с выдающимися учеными, склонными к подобной популяризации;

3) С. Чесноков (1995), констатируя наличие двух культур, предложил особое внимание уделять тем областям человеческой деятельности, которые уже лежат на стыке между ними — таким как силогистика Аристотеля (или, шире, логика вообще), что и должно способствовать преодолению взаимного непонимания [3];

4) К. Келли [4] констатировал зарождение "третьей культуры" в форме компьютерного "нердизма", в котором акцент перемещается с "высокого теоретизирования" культуры 2 (недоступного нердам) к получению эстетического и социального удовольствия культуры 1 (которую они также серьезно не знают — "Не читали Софокла", так сказать) посредством непосредственного творчества в искусственной компьютерной среде, где во-

просы "почему и для какой (высокой) цели?" скорее заменяется вопросами "а как это сделать? и как показать, что это работает?". В качестве раннего примера такого нердизма автор приводит Томаса Эдисона, который, не владея реально современной ему наукой, сделал ряд гениальных открытий. Учитывая, что эта концепция была выдвинута в 1998 году, на заре эры Интернета, нельзя не признать, что во многом автор прав — этих самых нердов сейчас куда больше чем тогда (как и компьютерных Эдисонов без университетского образования). Заполнили ли они пространство между двумя полюсами культуры — куда менее понятно.

В статье [5] я предложил рассматривать понятие третьей культуры как некоей огромной зоны, лежащей в основном между "ядрами" двух культур в смысле Сноу — то есть признать тот факт, что никакой пропасти не существует, что она чрезвычайно плотно заполнена множеством наук и псевдонаук. Главной идеей было ввести некие разумные оси (шкалы), принадлежность к различным зонам которых и определяет специфику той или иной области знаний; соответственно, Сноу указал лишь на крайние точки в некоем пространстве. Главных шкал в [5] было две: апеллирование к *рациональной или к эмоциональной* компонентам человеческой психологии и точность в *определении и измерении* предмета изучения. Третья шкала, которая была введена, но под знаком вопроса, была нелинейная шкала "возможности *фальсифицирования результата*" (в смысле К. Поппера) — чем выше эта возможность, тем ближе область знаний к культуре 2 и соответственно наоборот.

Статья породила определенную дискуссию; затем я стал обдумывать некоторые вещи, не отраженные в первом тексте. Его вынужденная краткость и ограниченность была предопределена, в числе прочего, тем фактом, что это был фрагмент большой статьи о творчестве В. Сорокина, в то время как проблема трех культур, вполне очевидно, представляет специальный интерес. Кроме того, определенные положения были там оговорены не вполне ясно. В результате я решил развернуть предварительные заметки по данному вопросу в нечто более развернутое и прагматическое. Дополнительным стимулом было то, что многие люди, которые читают мои статьи принадлежат явным образом к одной из трех культур, а то и всем трем — так что, возможно, сам предмет будет им небезынтересен. Так появилась эта работа.

В [5] был приведен график, показывающий взаимное расположение трех культур в пространстве трех осей, о которых шла речь выше. В данной статье я несколько упростил его, удалил одну "нелинейную ось" (о чем ниже) и добавил некоторые новые элементы (рис.1). Наиболее существенно, на графике сейчас помещены не только некие "ментальные конструкции" как ранее, но и реальные виду человеческой активности, такие как бизнес, политика и пр. (выделены курсивом). Это сделано в соответствии с широким пониманием культуры как некоего цивилизационного кода, который включает в себя и сами действия, и их отражение в соответствующих науках и искус-

ствах. Однако, даже при таком расширении, генеральная идея двух осей осталась неизменной. Попробую объяснить, почему именно такие оси мне представляются наиболее важными для классификации различных видов деятельности. Возможно, такое двумерное представление чрезвычайно сложного феномена культуры как раз и будет полезно для создания некоей "цивилизационной карты"; любое упорядочение помогает в процессе мышления, если оно не слишком далеко от реальности.

1. Эмоциональное и рациональное

Несмотря на многовековое противопоставление эмоционального и рационального в науке и литературе, только в последние одно-два десятилетия стали формироваться подтвержденные теорией и экспериментами взгляды на происхождение и взаимосвязь этих аспектов человеческой деятельности. Одним из наиболее замечательных открытий было, в частности, надежное установление А. Дамасию (A. Damasio) теснейшей связи между эмоциями и процессом принятия решений — было экспериментально доказано, что люди с поврежденной эмоциональной сферой не в состоянии принять никаких, даже самых простейших решений. Недавно он в соавторстве с Б. Карвалло (B. Carvalho) опубликовал подробнейший обзор современных представлений о том, что такое чувства (feelings), эмоции (emotions) и "позывы / побуждения" (drives) [6]. Базируясь на этой работе и некоторых других я кратко приведу некоторые определения, которые, надеюсь, прояснят отношения между категориями.

Вся та область которую я условно назвал "эмоциональной" на рис.1, имеет в своей основе физиологическую реакцию центральной нервной системы (ЦНС) на внешние и внутренние раздражения и биологически ориентирована на поддержание организма в состоянии гомеостаза (равновесия). Внешние сигналы, улавливаемые пятью видами чувств и внутренние (такие как изменение давления, пульса и т.д.), воспринимаемые специализированными сенсорами, обрабатываются соответствующими участками ЦНС (включая мозг). Любое изменение "нормы", как внешнее, так и внутреннее, порождает определенную реакцию организма, его следование неким "программам". Эти программы делятся на два типа: внутренние побуждения и эмоции (хотя многие авторы их всех называют "эмоциями").

Первые можно назвать "эмоции, связанные с инстинктами": **голод; жажда** (по воде и по воздуху); **либидо; исследование окружения и игра; забота о потомстве; привязанность к партнеру по семье** (hunger, thirst, libido, exploration and play, care of progeny and attachment to mates — я ниже дам некоторые комментарии по этому списку).

"Просто эмоции", согласно [6]: **отвращение, страх, гнев, грусть, радость, стыд, презрение, гордость, сострадание и восхищение**. Этот лист не является каноническим. Первые четыре эмоции входят в авторитетный список "базисных эмоций" Т. Экмана (в котором, кроме них, есть также **удивление** и **ощущение счастья** — возможно, близкое к **радости** из первого списка). Этот список Т. Экман опубликовал на основе многочисленных исследований разных культур. Но, однако, и универсальность эмоций для разных народов подвергается большому сомнению — в частности, потому что некоторые эмоции вообще не имеют слов для выражения на определенных языках.

В целом, вопрос о том, сколько эмоций существует и даже какие из них базисные породил огромную литературу и, кажется, не находит согласия среди психологов. Например, другой авторитетный список С. Томпкинса пересекается со списком Экмана только в трех позициях — **отвращения, страха и удивления** — в то время как перечисляет также **радость, стыд, гнев, интерес и тоску**. В то же время именно список Томпкинса получил недавно дополнительное физиологическое подтверждение в работе Г. Ловхейма [7], где базисные эмоции непосредственно связываются с комбинациями содержаний трех нейротрансмиттеров — сератотина, допамина и норадреналина. В основании так называемого "колеса эмоций" Р. Плутчика — первые пять эмоций из [6], **удивление** (как и у Экмана и Томпкинса), а также **ожидание и доверие**. Эти основные эмоции производят в конечном счете в предложенном им "колесе эмоций" еще 24, среди которых **любовь, агрессивность, подчинение** и др. Существует даже специальный компьютерный язык EARL, использующий 48 эмоций <http://emotion-research.net/projects/humaine/earl/proposal>. В сводке "базисных эмоций" из 14 источников [8] **страх** приводится 9 раз (в объединении с **ужасом** — 10); **гнев** — 7; **отвращение** — 6; **печаль** — 5; **радость и удивление** — по 5

раз. Таким образом, ни одна из базисных эмоций не встречает полного одобрения специалистов, но, однако, у отрицательных эмоций в целом общий уровень согласованности выше чем у положительных. Если учесть, что сводка делалась в 1990 году, в настоящее время степень рассогласованности мнений может только увеличиться.

Как видно, хотя все мы “тонимаем”, что такое эмоции, попытки их четкого перечисления пока не привели к консенсусу. Поэтому важно лишь согласиться с тем, каково их общее назначение — являться своеобразным индикатором состояния “что-то не так”. В этом смысле эмоции — нечто и универсальное, и “объективное”, со всеми выше приведенными сложностями и оговорками. А вот **чувства**, в отличие от эмоций — вещь субъективная и классификации не подлежащая. Согласно [6], это *“ментальный опыт, сопровождающий состояния тела. Программы действия (побуждения и эмоции) могут вызвать чувства. Опыт, связанных с внешними органами (зрение, слух, осязание, вкус и запах) регулярно вызывают эмоции и соответствующие чувства, но обычно не ощущаются сами по себе. Это определение также исключает использование “чувства” в смысле “размышления” или “интуиции”*.

Чувства — это то необходимое звено в цепи, которое информирует организм о восстановлении равновесия (или об отсутствии такового). Вся цепь, соответственно, выглядит следующим образом [6]: стимул (нарушающий гомеостазис) — коррекционные программы (побуждения и эмоции) — субъективная информация о прекращении состояния нарушения (чувства). Все компоненты цепи тщательно настроены в результате эволюционного процесса и являются совершенно необходимым условием выживания; нарушения в одном из звеньев обычно рассматриваются как болезни. Очень часто инстинктивные побуждения, эмоции в узком смысле слова и чувства смешиваются — не только в обиходном языке, но и в специализированной литературе, хотя, как становится все более ясно, чувства представляют собой малоизученную область, в которой составление “карт” внутренних реакций организма на комплексные стимулы становится не только психологической, но совершенно практической медицинской проблемой. В особенности авторы [6] подчеркивают значимость таких карт для понимания **депрессии**, одного из очень распространенных недугов, лечение которого до сих пор проблематично.

В каком отношении к “классификации культур” находится этот экскурс в теорию чувств и эмоций? Хотелось бы выделить лишь три аспекта.

1. Эмоции эволюционно намного древнее куда более позднего когнитивного аппарата, играющего главную роль в рациональном понимании мира и имеют фундаментальное значение в сохранении вида (не только человека, но и по крайней мере некоторых животных), что отражается и в структуре головного мозга. Уже этот простой факт корреспондирует с возрастом искусства (возникшим куда ранее науки), которое наблюдалось всю зафиксированную историю человека и во всех известных сообществах.

2. Эмоции появляются как реакция на отклонения от "нормального хода жизни"; искусство, по существу, есть также ни что иное, как создание параллельного (отклоняющегося от "нормального") мира, который одновременно и питается (инициируется) эмоциями автора, и нацелен на пробуждение эмоций у его "потребителя". Ниже я несколько разверну это определение.

3. Эмоции как таковые не преследуют какую-то "сознательную цель", кроме фундаментальной цели восстановления равновесия в организме. Можно, конечно, сказать, что "цель" возбужденного мужчины — получить сексуальное удовлетворение здесь и сейчас, но такая постановка цели вытекает из комбинации двух "бессознательных" вещей: полового инстинкта (как общего необходимого условия) и непосредственного (внешнего или внутреннего) источника возбуждения. Можно сознательно "поставить цель" возбудиться, но из этого ничего не выйдет (эмоция не возникнет) если хотя бы одно из условий не выполнено (инстинкт угас или нет источника возбуждения). Сексуальный акт (достижение равновесия) снимает эмоцию на какое-то время.

Можно также сказать нечто вроде "моя цель — получение только положительных эмоций", но для достижения этого требуется сначала вывести себя из состояния равновесия путем какого-то сознательного действия (в котором непременно есть рациональный "целевой" элемент), а уж потом "разница потенциалов" будет организмом восприниматься как искомая положительная эмоция. Человек не может просто сказать "давай-ка я порадуюсь" или тем более "давай-ка я впаду в гнев" — и войти в такое состояние. То есть: по своей природе *эмоции реактивны, а не проактивны*.

На другом конце шкалы находится **рациональность**. О ней написано не меньше чем об эмоциях — но, по крайней мере, самих по себе видов рационального мышления или поведения немного. Различают обычно два типа рациональности — инструментальная подразумевает строгое *следование своим целям* ("не поддаваться эмоциям" для достижения цели); аксиоматическая или системная ориентирована на построение *непротиворечивой картины мира*, в которой все элементы отражают "действительное положение вещей" и когерентны между собой. Другое дело — всевозможные отклонения от рациональности. Их, похоже, больше чем эмоций в самых длинных списках. Список *когнитивных искажений*, свойственных людям при принятии решений и при формировании своего мировоззрения, насчитывает около ста единиц (https://en.wikipedia.org/wiki/List_of_cognitive_biases). Большинство из них подвержены экспериментами. Это косвенно говорит о том, что найти человек, мыслящего рационально во всех случаях, по-видимому, просто невозможно — не одно, так другое нарушение обязательно обнаружится.

При этом очень важно осознать, что уровень интеллекта сам по себе слабо связан с уровнем отклонения от рационального мышления — ошибки делают и студенты (на которых в основном эксперименты и проводились), и ученые, и лица принимающие самые серьезные политические

и экономические решения и т.д. Давно известно, например, что людям свойственно оценивать себя "*выше чем в среднем*", что, как правило, объясняется не только самолюбованием, но и слабым пониманием того, а что же есть "среднее". Но, как показано Б. Гиловичем в 1991 году, 94% (!) университетских профессоров (которых трудно, упрекнуть, что концепция среднего уровня им незнакома) так же оценивают уровень своих научных достижений выше, чем у своих коллег (см. [6]).

Другое обстоятельство — ошибки сознания таковы, что часто приводят к *самообману*, даже когда никакой выгоды (в рациональном смысле) от этого нет, что также проверено экспериментально [11]. Осознание того, что человеческое поведение в подавляющем большинстве случаев далеко не рационально, настолько важно, что повлекло, по сути, к пересмотру таких формализованных наук как экономика, теория игр, теория принятия решений и др., которые базируется на аксиомах рационального выбора (см. [9,12]). Интенсивное и профессиональное обсуждение проблемы не только когнитивных искажений как таковых, но и способов их преодоления производится регулярно в блоге lesswrong.com, где можно найти множество ссылок. Есть, однако, одно утешающее обстоятельство: чем более человек интеллигентен, тем, в целом, лучше он осознает *границы своей компетентности* — особенно когда есть возможность "учиться на ошибках", что экспериментально доказано в [10]. И соответственно, чем ниже уровень компетентности, тем выше самонадеянность, причем обучение помогает очень мало. Запомним это важное наблюдение.

Противопоставление на одной оси эмоционального и рационального, строго говоря, не соответствует обычной процедуре установления какой-то шкалы измерения. Противоположность эмоциональному есть не рациональное, а "бесчувственное", так же как рациональному — иррациональное. Поэтому горизонтальная шкала не имеет направления, а отражает разные модальности. Если какой-то вид деятельности находится, скажем, близко к середине по этой оси (как "психология" на рис.1) — это означает, что он ориентирован на обе модальности примерно в равной степени (см. часть 3).

Очень важно осознать, что и рациональное и эмоциональное присутствует в любой человеческой деятельности, и их классификация по этой оси может вызывать очевидные трудности. Самый "эмоционально раскрепощенный" поэт может, к примеру, использовать очень рациональную тактику завоевания успеха у публики (то есть быть "инструментально рациональным"; так себя вел, скажем, Игорь Северянин). Совершенно абстрактные результаты в математике могут вдруг вызвать бурю общественных эмоций (как в случае с Григорием Перельманом). Поэтому термин "направление культурного воздействия" на рис. 1 надо понимать в следующем смысле: движение в сторону рациональности подразумевает "построение непротиворечивой картины мира", а в стороны эмоциональности — пробуждение эмоционального сочувствия у людей ("потребителей культуры"). И в том, и в другом случае личность творца культуры, ее неизбеж-

ные эмоциональные и рациональные аспекты, остаются за кадром; речь идет не о том, кто творит, а о тех, кто "потребляет". Тут, в свою очередь, тоже могут возникнуть неясности — кто, например, "потребляет" современную топологическую теорему, кроме нескольких математиков во всем мире? Кто является "потребителями" уравнений Максвелла? Физики в университетах или все человечество, использующее электричество? Я попробую пояснить свою позицию в частях 3 и 4.

2. Определения и измерения

Вертикальная ось рис. 1 имеет направленность: чем более строгие определения и чем более точны процедуры измерения, тем ближе какая-то область деятельности, в целом, к культуре 2 и, соответственно, чем менее ясно то и другое — тем ближе к культуре 1. Вообще говоря, определения и измерения — это разные вещи, и объединять их в одну шкалу, на первый взгляд, неверно. Я могу привести лишь один аргумент в пользу такого объединения, но для этого надо сначала уточнить, что такое измерение вообще.

Обычно выделяют четыре основных типа шкал измерения по С. Стивенсу (несмотря на определенную уязвимость в некоторых аспектах [13], эти шкалы достаточно точно передают основную идею измерения, достаточную для данной статьи):

а) *качественная* (шкала эквивалентности), когда объекты лишь просто различаются друг от друга, и этого достаточно для измерения — пол, раса, страна, профессия и т.д.;

б) *ранговая* (шкала порядка), где важно не просто различие объектов, но и их упорядочение друг относительно друга — места спортсменов после соревнования; упорядочение продуктов по степени привлекательности и т.д.;

в) *балльная* (шкала интервалов) отличается от ранговой тем, что разница оценок между объектами имеет количественный смысл — например, измеряя прибыль, можно утверждать, что разница между прибылью — 100 и 200 (равная 300) больше чем разница между прибылью 500 и 550 (50) в 6 раз ($300/50=6$). Для рангов такая процедура смысла не имеет. Популярная шкала интервалов — температура по Цельсию или Фаренгейту (но не по Кельвину) и вообще все значения, допускающие отрицательные значения.

г) *относительная* (шкала отношений) отличается от балльной тем, что непосредственное деление оценок друг на друга имеет смысл — таково большинство "количественных показателей", таких как доход, национальный продукт, возраст и пр. Главной особенностью этой шкалы является наличие "естественного нуля" и отсутствие, соответственно, отрицательных значений. Именно поэтому можно сказать, что температура 500 по Кельвину в два раза выше чем 250, но нельзя сказать то же самое если из-

мерение сделано по Цельсию (так как подобную фразу нельзя проинтерпретировать для "минус три", когда, например, одно значение —30, а второе +10). Очень часто в обиходе под словом "измерение" вообще понимается только шкала отношений (в технике она абсолютно доминирует), но это, конечно, большое упрощение.

Как видно, чем выше уровень шкалы (от а) до г)), тем больше известно об измеряемом явлении. Если что-то измерено в относительной шкале — все остальные атрибуты других шкал также приложимы (можно сравнивать разности оценок, можно ранжировать объекты, можно различать их между собой) — но не наоборот. Чем лучше что-то измерено (чем ближе к относительной шкале) — тем глубже данный процесс понят. Очень часто весь прогресс и заключался, собственно, в том, что строились все более совершенные способы измерения — например, от первых представлений о наличии электростатики, возникающей после трения кусочков янтаря друг о друга (шкала эквивалентности — эффект либо есть, либо нет) до точного измерения силы тока в амперах (шкала отношений). Современная система измерений, кодифицированная в СИ — продукт как минимум трехвековой работы ученых, и она еще не завершена. Основная причина сложности измерений, помимо чисто научной (например, точно сказать, что такое один килограмм), заключается в том, что мало ввести какую-то шкалу — требуется, чтобы с этим согласились остальные. Именно поэтому уходят десятилетия и даже века на то, чтобы добиться *унификации*, даже в нескольких (всего семи!) базовых единицах измерения СИ. И то, при всех очевидных выгодах метрической системы унификация не полна — США, скажем, все еще ей не пользуется... Эти трудности неизмеримо возрастают по мере удаления предметов измерения от тех самых семи основных свойств.

Теперь можно вкратце охарактеризовать вертикальное направление шкалы на рис. 1.

Во-первых, это означает все более широкое использование относительных шкал в культуре 2 сравнительно с культурой 1. Действительно, в искусствоведении, например, в лучшем случае ограничиваются перечислением авторов (как отличных друг от друга) и их произведений, наименованием художественных школ (реализм, структурализм, импрессионизм, и т.д.), то есть шкалой эквивалентности. Модное в советский период упорядочение типа "социалистический реализм *выше* критического реализма, который *выше* романтизма, который *выше* классицизма" и т.п., ибо именно в этом заключается все более правильное отражение реалий жизни (то есть переход к ранговой шкале) вроде бы ушел в прошлое (хотя, возможно, в современной России возникнет и новый порядок по критерию "патриотичности" литературы). Какие-то более точные измерения чего бы то ни было — большая редкость, хотя уже довольно давно и развивается целое направление *эмпирической эстетики*, существует соответствующее международное общество ис 1983 года выпускается очень интересный

журнал Empirical Studies of the Art. Единственная в своем роде попытка "объективного ранжирования" персонажей искусств и наук", предпринятая Ч. Мюрреем [25] очень впечатляет, но принадлежит не столько к сфере искусствоведения, сколько к метаисследованиям в области культуры. Совершенно понятно, что предлагаемые эмпирические шкалы, связанные с искусством, очень далеки от унификации или хотя бы минимальной согласованности и остаются обычно достоянием лишь их авторов (как, например, предложенные мной методики анализа стихотворений [14] или качества запоминания прочитанных текстов ([15],16)).

Теперь можно пояснить, почему на одной оси отражается точность не только измерений, но и определения понятий. Определение предполагает введение по крайней мере номинальной шкалы: оно должно давать какие-то признаки отличия определяемого предмета от всего прочего. Например, определение "женщины" должно быть четким настолько, чтобы отличать ее не только от мужчин, но и от трансгендеров, что уже менее тривиально (свойство, которое еще 50 лет назад и не предполагалось необходимым). Чем ближе область деятельности к культуре 2 — тем выше точность определений. Несмотря на множество глубоких проблем, связанных с определениями в логике (неизбежность циркулярности в определениях, ибо число слов в любом языке конечно; теорема неполноты Геделя; теорема неопределяемости Тарского и др.), вся математика основана на совершенно четких определениях; то же справедливо для физики, химии, техники. Уже в биологии и медицине начинаются проблемы (хотя бы посмотрите определения "жизни" или "невроза"), а в социологии и экономике, можно сказать, царит почти что хаос. Остановлюсь для примера лишь на одном понятии — "**фашизм**".

Вот основные черты фашизма, как его определял основоположник идеологии Б. Муссолини в 1930-е годы (https://en.wikipedia.org/wiki/Definitions_of_fascism#cite_note-12, https://en.wikipedia.org/wiki/Benito_Mussolini; мои переводы цитат):

1. **Статизм (национализм)**, как противоположность либерализму 19-го века (предполагающего индивидуализм). "*...все в государстве, ничто не противится государству, ничего нет выше государства*"

2. **Тоталитаризм**: "*Фашистское государство... интерпретирует, развивает и усиливает всю жизнь народа*"

3. "*Фашизм есть религиозная концепция, в которой человек рассматривается всего внутренним отношением к высшему закону объективной воли, которая ... поднимает его на уровень сознательного членства одухотворенного общества*".

4. "*Фашизм... не верит ни в возможность, ни в полезность вечного мира. Только война приводит к высокому напряжению человеческую энергию и ставит печать благородства на народы, которые имеют мужество, чтобы встретить его*".

5. **Антирасизм.** *"Раса! Это чувство, а не реальность: девяносто пять процентов, по крайней мере, чувство. Ничто никогда не заставит меня поверить, что биологически чистые расы могут быть продемонстрированы сегодня"* (известны другие его саркастические замечания насчет расизма Гитлера).

Из этого списка признаков, в частности, видно, что расовая проблема в первоначальную концепцию не входила (Б. Муссолини даже в 1943 году заявлял, что принятие "Расового манифеста" с антиеврейской риторикой в Италии в 1938 году под мощным немецким давлением было ошибкой).

А вот набор признаков фашизма, которые перечисляет У. Эко в 1996 году (https://en.wikipedia.org/wiki/Definitions_of_fascism#cite_note-12), причем он считает, что достаточно одного из них, чтобы остальное (или многие) "коагулировались" вокруг него:

1. **Культ традиции**, сочетающий культурный синкретизм с отказом от модернизма.

2. **Культ действий ради действия** — действие имеет значение само по себе и должно приниматься без интеллектуальной рефлексии.

3. **Анти-интеллектуализм** и иррационализм (часто проявляется в нападении на современную культуру и науку).

4. **Разногласие есть измена** — фашизм обесценивает интеллектуальный дискурс и критическое мышление в качестве барьеров к действию.

5. Страх "другого", часто в виде **расизма** или отрицательного отношения к иностранцам и иммигрантам; **ксенофобия**.

6. Обращение к "разочарованному **среднегоклассу**", который опасается давления со стороны низших социальных групп.

7. Одержимость конспиративными теориями заговора, раздувание вероятности **вражеской угрозы**.

8. Жизнь — постоянная война (**борьба**)

9. **Презрение к слабым** (вплоть до уничтожения "недоразвитых" евреев или душевнобольных)

10. Селективный Популизм, направляемый диктатором. **Недоверие к демократии**, не отражающий "голос народа".

11. **Новояз** — фашизм использует и способствует обедневший словарь, чтобы ограничить критическое мышление.

12. **Ложь и пропаганда** в публичном дискурсе

Удивительным образом в этом списке отсутствует то, что лично "практикующий Дуче" считал главным — центральная роль тоталитарного государства; акцент сделан на социальные и идеологические аспекты; включен расовый аспект, отсутствующий в оригинале. Если продолжать, перечислять различные свойства, придаваемые фашизму другими исследователями, то добавятся такие иногда взаимоисключающие вещи как "соци-

ализм, свободный от демократии" и "злейший враг социализма"; "плановая экономика" и "особая форма капитализма"; "террористическая империалистическая диктатура" и "автаркическая экономика" и др. Уже в 1944 году Д. Оруэлл писал: *"Слово «фашизм» почти полностью бессмысленно... Я слышал, оно применяется для фермеров, владельцев магазинов... Киплинга, Ганди, Чан Кайши, гомосексуализма... астрологов, женщин, собак и я не знаю, что для чего еще ... Похоже, просто появилось наиболее оскорбительное слово"* https://en.wikipedia.org/wiki/Definitions_of_fascism#George_Orwell.

Оруэлл оказался, как и во многом другом, прав. Уже к тому времени произошло слияние в сознании людей фашизма Италии с нацизмом Германии (хотя нацисты себя никогда фашистами не называли), что невероятно расширило круг толкования термина, а в 1990 году был сформулирован "**закон Гудвина**", согласно которому любая достаточно длительная дискуссия (независимо от исходного предмета обсуждения) приводит к упоминанию Гитлера или нацизма. И хотя этот закон первоначально касался зарождающихся онлайн-новых дискуссий в Usenet, сейчас он по праву применим ко всему интернету и к обычным политическим перепалкам. Свежее напоминание — постоянное апеллирование к "фашистской" риторике в российско-украинских "дебатах" пост-крымского времени или даже сопоставление с фашистом кандидата в президенты США миллиардера Д. Трампа <http://www.newsweek.com/donald-trump-fascist-354690>.

Такое положение дел не ново; множество определений одного и того же понятия всегда сопровождало неформальные дисциплины и было поводом для беспокойства у многочисленных представителей соответствующих наук — по видимому, это был один из стимулов логического позитивизма в его прометеевом (и, конечно, безрезультатном) порыве свести науку к единообразному выражению понятий и правил их пользования. Предпринимались также попытки "унификации определений", то есть нахождения какого-то подмножества общих для них черт (к чему и я приложил руку 40 лет назад, анализируя десятки определений терминов "модель", "система" и др. [17]).

Ситуация полной определенности и общепринятости понятий в социальных науках является скорее исключением и касается в большинстве случаев нейтральных достаточно формальных категорий, таких как грамматические определения или точные названия некоторых (далеко не всех) исторических событий. Наиболее серьезные усилия придать понятиям точный смысл, безусловно, прилагаются в юриспруденции, ибо там от точности зависит слишком многое — но и там сплошь и рядом возникает неопределенность в интерпретации. То есть там формально есть только одно определение, скажем, "умышленного убийства" (другие, не прописанные в своде законов, вообще не принимаются во внимание), но, поскольку отдельные слова и выражения в нем могут быть по-разному поняты — множественность толкований возникает на этапе применения и активно используется сторонами процесса. В конечном счете "верное толкование"

признается за судьей какого-то уровня, то есть вступает в силу некий авторитарный механизм. Таким образом, можно сказать, что в социальных науках, за редким исключением, определения используемых понятий либо **расплывчаты**, неоднозначны и имеют множество вариаций, либо однозначны и строги, если (и только если) **поддерживаются авторитетом власти** и закона (в последнем случае, конечно, они все равно различаются от страны к стране).

Есть и еще одна фундаментальная проблема, непосредственно связанная с рассматриваемым вопросом — проблема **ошибки измерения**. Мало того, что, скажем, длину люди измеряют в сантиметрах (а не в терминах "длиннее-короче") — важно, насколько точно они это делают. В огромной степени технический прогресс связан именно с ростом точности в измерении различных процессов, что сделало вообще возможным конструирование почти всего, что нас окружает — достаточно себе представить, какая точность нужна для взаимной подгонки всех деталей мобильного телефона по сравнению с точностью, достаточной для изготовления пращи Давида.

Ошибка измерения определяется в отношении к некоему "истинному значению" — например, отклонение прибора измерения (рулетки) в 1 мм от измеряемой длины картины в два метра ("истинное значение") — очень маленькое, и им "пренебрегают", когда вешают картину на стену. Но такое же отклонение при измерении толщины волоска, где истинное значение куда меньше миллиметра делает рулетку вообще бессмысленной и вынуждает пользоваться другими приборами. Само понятие "истинного значения", таким образом, есть функция точности прибора. Скажем, для измерения правильной длины картины надо много раз измерить ее длину с помощью рулетки (точность которой заранее известна), принять среднее всех значений за "истину" и оценить степень ошибки как степень отклонения наблюдаемых значений от истинного (либо в миллиметрах, либо в процентах к истинному размеру).

Процесс измерения принципиальным образом зависит от того, с какой целью он производится. Если картину требуется повесить в центре пятиметровой стены — никто не будет тратить время на неоднократные измерения; тут уровень допустимой ошибки — несколько сантиметров. Если же ее надо разместить в нише, ширина которой — те самые 2 метра, то требования к точности неимоверно возрастают — достаточно превышения размера на полмиллиметра (что уже не отслеживается рулеткой), и картина в нишу не встанет. Но ведь и сама ниша измерена неточно! И если картина продается в Лондоне, а ниша покупателя в Париже, то вообще стоит вопрос — стоит ли картину покупать, когда неясно, разместится ли она там где планируется. То есть нужны скоординированные усилия двух измерителей и максимально доступная точность измерения с двух сторон, чтобы иметь гарантированный ответ для принятия решения.

Таким образом, четыре ключевых понятия должны быть взаимосвязаны в процессе измерения для правильного определения ошибки — **цель измерения, истинное значения, точность измерительного прибора и процедура измерения**. В точных науках и в технике все эти компоненты развивались хоть и асинхронно, но, в целом, согласованно, ибо в противном случае высокая точность и не была бы достигнута. Во всех прочих областях знания дело было куда сложнее, как следует даже из приведенных выше примеров. Цели измерения одного и того же в социальной жизни принципиально рассогласованы (в технике это приводит к "*эффекту Левши*", когда блоха-то подкована, да прыгать больше не может); истинное значение практически никогда не определяется путем повторных измерений одного и того же (чему один из многих примеров — "*эффект Протей*", см. ниже); измерительные приборы или вообще не существуют, или крайне несовершенны, или не имеют "эталона" для калибровки точности (проблема "унификации определений" и пр.); процедуры измерения не прописаны или неясны (статистика направлена, с переменным успехом, на решение этой задачи, но на пути есть множество принципиальных трудностей, которые здесь невозможно обсуждать [12]). Так что точность измерения, помимо использования шкал более высокого уровня, правомерно включена в понятие "строгости измерений" на вертикальной оси графика.

3. Сопутствующие обстоятельства

Являются ли две оси графика достаточными и необходимыми для различения культур? Нет ли других критериев для решения той же задачи? Строго говоря, я не могу однозначно доказать единственность своего предложения (наличия всего двух осей, к тому же именно таких а не иных), но попробую рассмотреть вкратце другие концепции, которые выглядят как адекватные рассматриваемому вопросу.

1. Возможная **фальсифицируемость результатов** — та ось, которая предлагалась в [5] как третья. Основная идея К. Поппера была такова, что никакую теорию, строго говоря, доказать приведением многочисленных примеров (индукцией) невозможно (ибо они никогда не исчерпывают все допустимое множество состояний), но вот для опровержения достаточно одного факта, не подчиняющегося теории. Следовательно, сами формулировки любой научной теории должны быть таковы, чтобы они допускали возможность фальсифицируемости. Если это не так — теория не отвечает критерию научности (как, скажем, теория божественного происхождения вселенной и др.).

Этот взгляд был (и остается) очень влиятельным в философии науки, но, однако находит все больше противников. Многие считают, что не все можно хотя бы в принципе подвергнуть фальсификации, и посему не стоит настаивать на этом для признания теории научной. Конечно, уро-

вень потенциальной фальсифицируемости в целом растет при приближении к правому верхнему углу графика, но введение его в качестве еще одной оси сделало бы всю картину очень неустойчивой (математика, скажем, как многие считают вообще не подвержена этому принципу, а многие "выводы" искусства очень легко опровержимы, но это никому и не важно). Учитывая индуктивную природу статистики и тот факт, что подавляющее и все возрастающее большинство каких-либо прикладных результатов во всех областях знания, действительно, нельзя опровергнуть "одним примером" (именно потому, что возможность, пусть с малой вероятностью, "другого" уже заложена в статистическом подходе) — принцип фальсифицируемости представляется избыточным и трудно применимым для отделения культур друг от друга.

2. Принцип **прикладной полезности**, согласно которому техника, наука и т.д. "полезны", в то время как искусство, литература и пр. — некие приятные дополнения к мощной поступи научно-технического прогресса, и уж по крайней мере не столь "полезны" как последний. В целом, есть множество сторонников такого технократического взгляда, пусть неявно сформулированного (в явной и наивной форме это было в пресловутых дискуссиях физиков и лириков в 1960-х). Безусловно, есть определённая корреляция в этом направлении, как бы "полезность ни измерять, и с осью "эмоциональное - рациональное", и с осью измеряемости. Но в целом такой критерий чрезвычайно уязвим — огромная часть научных результатов в любой области не обладают никакой практической полезностью, в то время как совершенно иррациональные вещи, полные эмоционального заряда (да и эмоции сами по себе) "полезны" не только в биологически-эволюционном отношении (см. 1), но и в конкретно-историческом (см. 4).

3. Принцип **поиска истины** выглядит наиболее адекватным для классификации культур — вроде все согласны, что в этом и есть призвание науки, в то время как искусство и пр. в лучшем случае к истине индифферентны. Но тут, конечно, надо сначала разобраться, что такое истина. В наиболее исчерпывающем, как представляется, философском исследовании проблемы [26], после анализа, наверно, пары десятков существующих концепций ясного ответа так и не дается. В этом отношении понятия измерения и разных аспектов мышления на рис. 1 выглядят, по крайней мере интуитивно, более определено. Но, помимо этого, введение такой концепции как "истина" для анализа культуры неизбежно приведет к очень большим проблемам. Хорошая *журналистика*, например, которую никак нельзя причислить к точным наукам по другим критериям, может быть исключительно важна и успешна в установлении истины в каком-то конкретном случае. То же самое касается, фактически, чего угодно — понятие истины всеобъемлющее, и ее элементы есть в любом виде человеческой активности. А в сочетании с неясностью определения самой истины и с отсутствием теории ее формальной оценки (см. предложения на этот счет в [12]) это дает основание выдавать за истину почти все что угодно, от политической пропаганды до

религиозной убежденности. **Постмодернизм** с его культом отсутствия объективной истины, порожденный именно таким вот отсутствием дисциплины мышления, естественно, не мог вызвать ничего кроме усмешки у представителей культуры 2 — но, тем не менее, был и остается чрезвычайно влиятельным. Пока сам уровень истинности не стал чем-то более менее измеряемым — он не может служить основанием для проведения границ между культурами.

Коротко говоря, мне не удалось найти других способов простого описания феномена культуры, используя другие критерии. Но, конечно, надо иметь в виду что они существуют как дополнительные — если, например, некий вид деятельности вообще не ориентирован на поиск истины — он явно далек от культуры 2.

Зададимся вопросом — что лежит в основе разрыва множества видов деятельности перечисленных в разделе культуры 3 и иных, относящихся к культуре 2? Безусловно, труд археолога или врача или психолога — это тяжелая работа, со всеми атрибутами научного исследования, со ссылками на предшественников, с анализом литературы и т.д. Общество и трактует эти виды деятельности одинаково, присваивая и этим специалистам, и физикам и математикам те же ученые степени, называя тех и других профессорами и т.д. Будет ли когда-либо достигнут в этих областях тот же уровень определенности, что и в культуре 2? Почему ученые не в состоянии "определиться" и ввести нечто подобное системе измерения СИ для социальных явлений? Почему они не способны полностью отвести эмоциональную компоненту в постановке задач и в самих исследованиях, о которой никто, скажем, в физике, не думает? Похоже, есть три основные причины.

1. Социальные процессы очень редко допускают возможность *экспериментальной* убедительной *проверки*. Раз это так — никакие другие аргументы не в состоянии убедить научное сообщество в том, что нечто измерено с той же однозначностью, как, например, метр, килограмм или сила во втором законе Ньютона. Следовательно, никто не мешает "оставаться на своей точке зрения" и, в частности, давать свои собственные определения. Подобное поведение, скажем, в физике, вызвало бы только усмешку.

2. За социальными определениями и понятиями всегда стоят социальные *интересы*, часто абсолютно несовместимые. История человечества — это история войн и страданий. Очень часто нельзя одно и то же явление или личность охарактеризовать в одних терминах для противоположных сторон. Если, скажем, Богдан Хмельницкий для украинцев — национальный герой, то для евреев — самый страшный до Гитлера геноцидальный исторический деятель. Так что какие-то разногласия (и очень часто — антагонистические) будут всегда.

3. Социальная жизнь принципиально *многомерна*. Самые сложные уравнения физики содержат, наверно, не более 7-8 параметров. В технике их может быть больше, но они носят поправочный эмпирический характер.

Вся простота и изящество точных формул часто нарушается даже в двумерной ситуации, когда параметры меняются одновременно (например, комбинации различных температур сплава и содержания углерода приводит более чем к 15 качественно различным состояниям стали/чугуна). А количество параметров, по которым можно "измерять" человека или тем более общество представляется произвольно большим, и все они в какой-то мере "важны" в каких-то аспектах. Например, при регулярно проводимом одной из влиятельных фирм в Америке опросе респондентов относительно их "образа жизни" (lifestyle) итоговая таблица данных содержит около 4,500 столбцов (типов ответов), к которым добавляется около 1,000 демографических показателей и десятки тысяч показателей, связанных с конкретными товарами и с конкретными видами медиа, которые люди "потребляют" — итого около 80,000 показателей каждые полгода! Эти данные самым рутинным образом постоянно используются для планирования размещения рекламы. Естественно, только их мизерная часть реально влияет на решение конкретной задачи — но я сейчас не об этом (как и не о способах обработки таких данных). А лишь о том, что их много, хотя известно, что люди просто не в состоянии оперировать более чем 6-7 параметрами в своем сознании. В результате гуманитарии просто-напросто все время говорят о разных вещах; споры между ними, как правило, бессмысленны именно поэтому. Один начинает об одном, а другой возражает о другом (если это не касается, конечно, простых вещей типа даты битвы).

Есть еще одно обстоятельство. При рассмотрении точности измерения в широком контексте (см. 2) возникает интереснейшая и малоизученная, насколько я знаю, проблема: точность измерений, в целом, повысилась во всех сферах окружающей жизни (в технике куда больше, чем в социальной сфере, но и в ней она несопоставимо выше, чем, скажем 100 лет назад) — но, однако, требования к точности чего бы то ни было со стороны индивидуального человека остались практически без изменений. Как опаздывали люди на свидания — так и опаздывают, несмотря на указание точного времени на любом из десятков приборов в каждый данный момент времени. Как не могли планировать время выполнения проектов и свое собственное время — так и не могут (эффект так называемого "*заблуждения планирования*", *planning fallacy* [9]), несмотря на всю теорию принятия решений и т.д. Как делали огромные ошибки при определении цены или рисков — так и продолжают делать, несмотря на возможность смотреть на биржевые цены на ручных часах. Вероятно, что именно это обстоятельство — *фундаментальное противоречие между формальным техническим прогрессом и чрезвычайно консервативной человеческой психикой*, устойчивой к любым попыткам изменения — и есть одно из оснований существования гигантской третьей культуры, которая, грубо говоря, вместо того чтобы давать и уму и сердцу, не дает ни тому ни другому (точнее, дает — но не то).

Непохоже, что хотя бы одно из перечисленных противоречий (а их на самом деле больше) куда-то исчезнет в обозримом будущем, и в этом

смысле перспективы приближения социальных наук к культуре 2, насколько я могу судить, остаются очень призрачными. Проблема, как представляется, не в этом довольно очевидном факте, а в том, что он фактически игнорируется — то, что по своей природе является зыбким и неустойчивым сплошь и рядом выдается за надежное и "научное". Поясняющим примерам посвящена заключительная часть статьи.

4. Культура умеет много гитик

Здесь будет кратко рассмотрено несколько видов деятельности, находящихся на разном расстоянии от культуры 1 и 2 на рис.1.

1. Совсем близко к культуре 1 находится **литературная критика** (на основе [5]). Критика, говоря по-простому — это отражение мнения некоего человека о писателе или каком-то произведении; иногда — о целой группе или периоде, то есть дело чисто субъективное. С одной стороны, критика вызывает к эмоциям, а эмоции — вещи не обсуждаемые (нет аргумента против "мне не нравится"). С другой — она пытается нащупать что-то рациональное, обобщенное, поставить писателя или произведение в какой-то ряд, навести какую-то систему. Но чем больше оно это делает — тем ближе становится к литературоведению. А литературоведение, в свою очередь, называет себя уже наукой. Причем наукой весьма своеобразной — вот тут, например, насчитывается 23 "школы теории литературы" http://en.wikipedia.org/wiki/Literary_theory. Там же отмечается, что "*один из фундаментальных вопросов литературной теории — вопрос о том, "что есть литература"*... Отдельные теории различны не только по их методам и заключениям, но даже по тому, как они определяют "текст".

"Теоретическое осмысление" литературного процесса превращается, по сути, почти в такое же субъективное занятие, как и написание собственно литературных текстов, но без их непосредственного обращения к "наивному читателю", на которого, по идее, рассчитана сама по себе литература и без претензий "научности", которые литература, естественно, и не имеет. И в этом отношении вступать в какие-то дискуссии с другими критиками или литературоведами относительно "правильного" или неправильного понимания произведений искусства — вещь бессмысленная и бесперспективная. Жаркие споры на страницах журналов или в интернете никакой "прикладной" цели, кроме, возможно, написания диссертаций для очень малого числа участников или просто получения гонорара не преследуют. Нацеленности на поиск "истины" в них также абсолютно нет, ибо и истины в искусстве быть не может. А все что есть — способ получения **удовольствия** от высказывания своего мнения, "освобождения" от напряжения, вызванного чтением и т.д. Возможно, на более глубоком уровне, критика также есть способ привлечения сексуальных партнеров путем де-

монстрации своего ума, интеллекта и пр. — вполне оправданная цель; но страшно далеко все это от культуры-2.

У критики есть и социальная роль — именно она, формируя некий классический канон, делает рекомендации о том, что должны читать дети или другие юные люди, чтобы "считаться культурными", что необходимо для патриотического, а что для общегуманного мироощущения и т.д. Но и в этой своей "рациональной" роли она остается абсолютно уязвимой и далекой от научных идеалов — политически, корпус "классики" сплошь и рядом есть дитя текущей конъюнктуры; национально — герои разных культур почти не пересекаются между собой; персонально — если учесть мнения Толстого о Шекспире, Набокова — о Достоевском, а Солженицына — о Бродском, разобраться в том, что есть хорошо, а что есть плохо хотя бы даже на Олимпе словесности весьма затруднительно. Все это и есть **явные признаки третьей культуры.**

2. **Медицина** — ну очень близко к культуре 2. В августе прошлого года я слишком резко повернулся на ступеньке и почувствовал сильную боль в правом колене. Нога распухла, я не мог толком ходить два дня. Врач после рентгена заявил, что ничего страшного, все пройдет. Около двух месяцев я ходил на физиотерапию — становилось то лучше, то хуже, но уж точно не проходило. Затем томограф показал, что порван мениск. Я решил сделать операцию — и сделал, у очень хорошего (судя по отзывам) хирурга, в январе этого года. Потом опять два месяца ходил на физиотерапию. Сейчас начало августа. Не могу без боли ни подниматься ни опускаться по ступеням; не могу бегать. Но могу ходить горизонтально — за что, так сказать, сердечное спасибо дорогой (счета до сих пор идут) медицине. То есть нахожусь примерно в таком же состоянии, как через две недели после травмы, только немного хуже. Возможно, самый первый врач, который потратил на меня не более двух минут и не поставил никакого диагноза, и был прав — лучше бы ничего я не делал, и глядишь, пронесло бы. Но могло быть и хуже — уже не проверить. Что может сказать наука (в данном случае медицинская) по поводу сего печального инцидента? А вот попробуйте встать в ее, науки, положение.

Чтобы конкретно ответить на вопрос о состоянии именно моей (а не обобщенной) коленки после операции — коленку надо снова "изучить". Но ее уже изучали, и у меня нет ни малейшего желания опять затевать всю историю, соотносить, будут ли покрыты расходы страховкой и т.д. — я просто не верю, что чего-то новое будет найдено. Впрочем, подожду еще. То есть в моем индивидуальном случае проверенная научная методика не сработала. Это само по себе, конечно, не удивительно. Более интересно здесь задать два вопроса: 1) Почему именно на мне она не сработала? 2) А как вообще эти методики работают на большом количестве людей, то есть "статистически"? Ответы имеют фундаментально разную природу.

Ответ на первый вопрос чрезвычайно сложен. Врач должен потратить массу времени, выявлять особенности моего организма и т.д. и, возможно, найти какой-то конкретный ответ на вопрос, почему тысячам людей операция помогала, а вот этому кадру — нет. Иногда такое исследование делается, иногда нет, но очень часто вместо конкретного анализа причин просто отыскивается некий компромисс — например, в моем случае могут сказать — "ну, ходите еще пару месяцев на физиотерапию", и, если я соглашусь и она на сей раз поможет, то и прекрасно. Но тот, главный вопрос — почему именно мне так не повезло — останется все равно без ответа. Ески вкратце — вопрос об индивидуальных причинах того или иного явления чрезвычайно сложен и часто не может быть найден вообще. Попробуйте, для примера, разобраться, почему именно этот человек вдруг умер в 40 от инфаркта, а другой — живет себе до 90. Наука, безусловно, идет от индивидуумов к общим закономерностям и пытается отыскать типичные причины того же инфаркта или типичную эффективность физиотерапии на множестве людей. Мой индивидуальный случай, не включенный в общую картину, для нее почти всегда неинтересен.

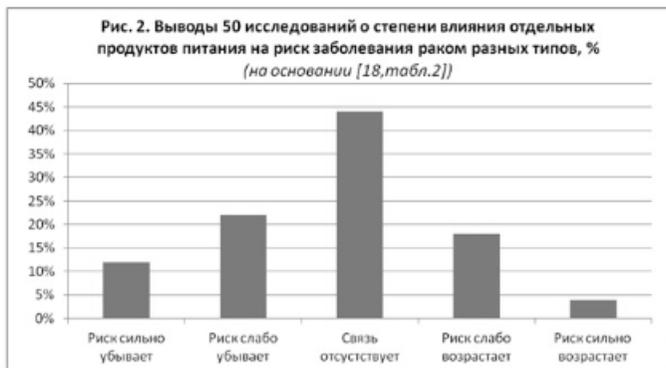
Посмотрим, как это делается статистически. Вся медицина, с тех пор как она немного отошла от магии, так или иначе ориентирована на статистику. Огромное число исследований проводится в мире для доказательства тех или иных утверждений, от эффективности лекарств до пользы или вреда каких-то ингредиентов или процедур. Казалось бы, очень даже "культура 2". Но, однако, не совсем.

В 2005 году Д. Иоаннидисом (J. Ioannidis) была опубликована статья под вызывающим названием "Почему большинство опубликованных результатов исследования неверны" (Why Most Published Research Findings Are False), которая вызвала массу откликов самого разного спектра. Она была посвящена медицине, но в принципе имеет более широкое значение. Предмет статьи достаточно технически сложен для обсуждения в данном тексте, но основная идея в том, что некое сочетание традиционных статистических методов (использование *p-value*, малый размер выборки и пр.) и человеческих слабостей (люди обычно не публикуют "отрицательные результаты") приводит тому, что огромная доля выводов опубликованных медицинских просто формально не может быть правильными — результаты не воспроизводимы. Позднее был даже предложен термин "*эффект Протей*", говорящий о том, что опубликованный результат будет немедленно опровергнут после попытки его воспроизведения.

Вот яркая иллюстрация противоречивых "находок" в медицине [18]. Авторы сформировали из поваренных книг набор из 50 продуктов, который предлагался в случайно отобранных рецептах (это было сделано специально для того, чтобы снять подозрение в умышленной подборке продуктов). Наиболее исследованными оказались следующие 20 продуктов: *вино, помидоры, чай, сахар, соль, картофель, свинина, лук, оливки, молоко, лимон, яйца, кукуруза, кофе, сыр, морковь, масло, хлеб, говядина, бекон.*

Затем они провели специальный поиск научной литературы, в которой хотя бы один из этих продуктов рассматривался в связи с ответом на вопрос: как его потребление влияет на заболеваемость раком (любого типа; по факту выявились 6 основных типов рака — кишечника, груди, легких и др.). Анализ показывает удивительную картину того, как одни и те же вещи трактовались в разных исследованиях совершенно по-разному. Обобщенные результаты приведены на рис. 2.

Видно, что в большинстве случаев влияние отсутствует. Но есть исследования, которые делают крайние выводы о резком увеличении либо о снижении риска. **Вино**: 7 работ говорили о понижении риска заболевания с ростом потребления, 3 — о его росте; **помидоры** — 8 и 2; **яйца и кукуруза** — 4 и 6; **кофе** — 4 и 5; **сыр** 3 и 6 и т.д. Ярче всего противоречия видны относительно **молока** — не просто 6 и 4, но с очень большим разрывом в степени риска, от резкого понижения, до сильного повышения. Для успокоения читателя — есть и целых два примера относительной согласованности оценок: **бекон** — "единогласно" отрицательно (хотя с очень разной степенью уверенности); **оливки** — единогласно положительно (тоже с разной степенью). И это все! Даже лук при 9 положительных выводах имеет один резко отрицательный. И что со все этим делать нам, простым едокам?

Вот небольшой список **медицинских скандалов** последнего времени, получивших широкую прессу: маммография и колоноскопия являются гораздо менее полезными инструментами для обнаружения рака, чем считалось; антидепрессанты, такие как Prozac, Zoloft, Paxil не более эффективны, чем плацебо для большинства случаев депрессии; постоянное укрытие от солнечных лучей может увеличить риск заболевания раком; совет пить много воды во время интенсивных физических упражнений может быть потенциально смертельным; рыбий жир, упражнения, и решение головоломок на самом деле не помогает от болезни Альцгеймера. Делались противоположные выводы о том, могут или нет сотовые телефоны вызвать рак мозга;

полезно или вредно спать больше восьми часов ночью, способствует ли принятие аспирина каждый день продлению или сокращению жизни; работает ли процедура ангиопластики лучше, чем таблетки, чтобы прочистить артерии сердца <http://www.theatlantic.com/magazine/archive/2010/11/lies-damned-lies-and-medical-science/308269/>.

Подход к оценке статистически ложных открытий, предложенный Д. Иоаннидисом десять лет назад, получил не только активную поддержку ряда ученых, но и серьезную критику (на которую, в свою очередь, были возражения). Однако в целом он поставил очень важный вопрос о надежности публикаций даже в наиболее серьезных журналах, и, судя по недавней дискуссии <http://www.stat.cmu.edu/~ryantibs/journalclub/ioannidis.pdf>, никто не смог опровергнуть основные положения этого подхода, хотя, кажется, общий уровень недоверия к публикациям должен быть несколько ниже, чем оценивалось первоначально.

Я не могу вдаваться здесь в конкретные причины такого положения вещей в медицине (о чем есть огромная специальная литература), но должен лишь констатировать, что, судя по всему, более менее правильно расположил ее на графике в пограничной зоне между культурами 1 и 3: измерения наиболее существенных вещей в ней очень противоречивы; многие понятия не строго определены. А если сюда же, к медицине в западном смысле слова, добавить огромную область таких видов деятельности, как гомеопатия, "альтернативная медицина", знахарство, самолечение и т.п., в которых, с одной стороны, никаких, пусть даже противоречивых, измерений вообще не проводится, но, с другой стороны, имеются многочисленные (пусть неизмеренные!) случаи успешного излечения — то вся область человеческого здоровья в целом, возможно, попадет в культуру 3, с техническими выходами в науку в форме томографов и нанотехнологий, но с нарастающим объемом противоречивых "открытий".

3. История, близкая к средней зоне культурного пространства, как род деятельности, призванный запечатлеть прошлое в "надежных" фактах обладает несравнимой ни с чем притягательностью; исторические книги (и еще более "истории" на их базе в форме романов и пр.) пользуются постоянным успехом; исторические артефакты заполняют музеи; ради взгляда на руины прошлого люди ездят по всему миру; персональные биографии и генеалогические исследования заполняют тысячи и тысячи томов и т.д. Человек страстно хочет знать "как оно было" — зачем?

Сказания о героическом прошлом любой группы людей были (и остаются) решающим элементом в опознавании себя в качестве "мы" в отличие от "они" и тем самым играли формообразующую роль в процессе групповой эволюции. Ссылки на древность происхождения как на особое достоинство — родовая черта традиционных обществ во всем мире, а персональные носители древнего происхождения — наиболее уважаемая (и очень часто правящая) часть общества. Эти признаки стали терять свою

роль под давлением меритократических тенденций последних двух столетий, но, конечно, прочно удерживают свою позицию в иерархии ценностей у огромного числа народов и в наше время. В этом смысле история — рассказ о "самости" народа и о власти власть предержащих, в чем проявляется ее рациональный аспект.

Естественно, в такой ипостаси она никак не может быть "настоящей наукой" — слишком сильно давление интересов различных групп на исследователей, слишком велико значение мифа прошлого, слишком большие репутационные потери от замены мифа на факты. Даже если нет государственного давления, как в любом авторитарном режиме (в котором история почти всегда переписывается под текущего правителя) — есть мощное давление "общества", прессы, традиций, коллег по университету и т.д. Тому тьма примеров, приведу лишь один, очень безобидный на фоне, например, потока искажений истории в данное время в России (в связи с известными обстоятельствами). Он тоже о России — но с другой стороны. Вот что пишет замечательный английский историк Д. Левен в своей книге о войне России с Наполеоном: *"Победа русских над Наполеоном является одним из наиболее драматических моментов в европейской истории... Много лет назад я пришел к заключению, что изложение этого события в западной Европе и северной Америке, просто напросто очень далеко от истины"* [21, с. 3]. Итак, в течение 200 лет, после сотен, если не тысяч, томов на данную тему, изложение *"очень далеко от истины"*... Далее он рассматривает особенности историографии основных стран, вовлеченных в процесс написания текстов (включая российскую) для подкрепления своего тезиса (где, в частности упоминает о том, что *"...Англия захватила Ватерлоо для себя"*, с. 7), а потом приступает к своему собственному (взвешенному, как мне кажется), изложению.

Другая причина, отдаляющая историю от культуры 2, заключается в том, что даже если текст пишется абсолютно незаинтересованным и объективным специалистом, на его пути непреодолимо встает очень "простой" вопрос: а что же помещать в изложение? О чем умолчать? Что включать в учебники для школы под каким углом зрения? Должен быть учебник единым для всех или нет? Что есть, собственно, история? Стоит всерьез задуматься над этими вопросами — и становится ясно, насколько колоссально велика роль субъективного фактора во всем этом, насколько "наука" история, по сути, близка, к "рассказыванию историй" в самом бытовом смысле слова.

Еще один аспект. История как некое изложение того что было становится довольно бессмысленной, если автор не отвечает в какой-то степени на многочисленные вопросы типа "почему?" Почему Германия, не имея ни одного вражеского солдата на своей территории и заключив бесподробно выгодный мир с Советской Россией, тем не менее признала себя пораженной в 1918 году? Почему коммунизм в Советском Союзе помер, а в Северной Корее и Китае живет и процветает? Почему арабы, не взирая на гигантское военное преимущество, не победили евреев в 1948? Все такие вопросы пред-

полагают знание **причин** происходящего — как и в настоящей науке, поиск причин вроде бы является главной целью этого вида деятельности. Но есть, однако, фундаментальная разница — в науке отыскиваются общие, типичные, массовые причины повторяющихся явлений, а в истории — индивидуальные, уникальные причины уникальных событий.

Вопрос: а как, если всерьез, узнать о том, что на самом деле происходило в тот или иной момент времени в том или ином месте? Как, например, залезть в душу Николая 2-го, когда он принимал решение о вступлении России в войну? Может, и прав был Распутин, когда позднее сокрушался, что не смог этому помешать (так как находился в больнице далеко от столицы) — а то бы, глядишь, и помешал, и мировая история пошла бы абсолютно иным путем? Попробуйте сами себе задать вопрос — почему я в браке именно с этим человеком? Почему я в данном городе (стране), а не где-то еще и т.д.? Ответы на подобные вопросы — а именно из них состоит распутывание "событий прошлого" — ясно показывают, что искать причины индивидуальных событий можно до бесконечности, и все равно никогда не уверен, что найдешь. В этом отношении вся история как наука — очень сомнительное мероприятие. И именно поэтому она так бесконечно интересна — люди видят себя, со своими колебаниями, проблемами и пр. в разных обстоятельствах — и это чрезвычайно близко им именно эмоционально. Когда говорят "**Крымнаш**" — ничего похожего на исторический (и тем более юридический) анализ реальной ситуации у пресловутых 86% не возникает, но возникает чисто эмоциональная эйфория — таки "наш", не "их", а "мое" всегда лучше чужого.

И это подводит к последнему замечанию насчет истории. Почему-то считается, что незнание истории приводит к повторению ее тяжелых уроков, то есть знать историю вроде бы очень полезно. Но вот, например, свежий опрос в Румынии показывает, что три четверти опрошенных не слышали что такое Холокост http://mignews.com/news/disasters/060815_133124_87375.html. Таких и еще более нелепых результатов полно в любых странах, где больше, где меньше. В какой мере подобная невежественность опасна? В Германии 40-х все 100% не знали про Холокост (его раньше и не было) — но вот же управились. Люди делают что-то не потому, что они знают или не знают историю, а потому что какие-то ситуации вынуждают их делать иногда сходные вещи. Наивный исторический "**аналогизм**" (любимый прием историков) — не более чем пародия на научную методологию. Десятки, если не сотни раз за последний год Путина сравнивали с Гитлером (см. закон Гудвина выше) в связи с аннексией Крыма. Чему это помогает? Да, Путин сделал нечто похожее на то что сделал фюрер в свое время с Силезией — но в истории масса самых разных примеров и аннексии, и захвата и т.д. — почему именно этот выбран "для анализа"? И что из такого анализа следует? Что Путин развяжет мировую войну?

Вот отрывок из "Исхода" Л. Юриса о событиях 1948 года перед объявлением Израилем независимости: "*Отряды евреев рыскали по ущельям*

и чащобам Иудейских гор, нападая на деревни, где скрывались бандиты. Они не спали сутками, изнемогали от усталости, но всегда были готовы отправиться в рейд. — Здесь партизанил еще царь Давид!... — Помни, ты сражаешься на том самом месте, где рос Самсон! — В этой долине Давид победил Голиафа." [22, с. 180]. Здесь, в концентрированном виде, история и играет свою главную — мобилизующую, возвышенную, объединяющую — роль, смешиваясь, очень незаметно, с религией и мифом. И неважно, что из упомянутых событий имело место "на самом деле", а что — не, важно поименовать некие опорные точки в прошлом, оттолкнуться от них, получить уверенность в своей принадлежности к потоку. Поэтому так болезненна истина — то есть то, где история приближается к науке на самом деле. Поэтому, скажем, недавно опубликованные архивные материалы, неопровержимо доказывающие, что весь "подвиг 28 героев-панфиловцев" — выдумка от начала до конца <http://statearchive.ru/607>, так тяжело многими принимаются, что самые вроде очевидные вещи, оригиналы документов тех лет, горячо оспариваются, причем не по поводу их аутентичности (там нельзя подкопаться), а по поводу того "надо ли было публиковать", да еще в юбилейный год и т.д. <http://www.planetoday.ru/28-panfilovtsev-mif-ili-real-nost/>. Из подобных вещей вся история и состоит. Это как сегодняшняя дипломатия, обращенная в прошлое, а кто управляет прошлым, как мудро заметил тот же Оруэлл — тот управляет и будущим (и тут истории нельзя отказать в рациональности — с точки зрения "управленцев").

Знание истории — чудесная вещь, но помогать хоть чему-то в решении рациональных задач (принятии правильных решений) она может только в счастливом сочетании с огромным числом других факторов (как, скажем, если бы Джордж Буш, помимо опоры на данные — не очень точные — разведки перед вводом войск еще бы и задумался о том, что вековой раздрой между шиитами и суннитами в Ираке можно сдержать только железной недемократической рукой). Ее эмоциональный заряд, однако, огромен, и для рассказчиков, и для слушателей — словом, типичная культура 3.

4. Очень кратко о некоторых других сферах человеческой деятельности, уже непосредственно в теле культуры 3.

Психология находится примерно в середине поля, что вполне отвечает ее статусу — с одной стороны, это наука, бурно развивающаяся на экспериментальной базе последние десятилетия, но с другой стороны, если и имеется прикладной аспект этой науки — то он обращен к познанию эмоциональной сферы ничуть не в меньшей степени, чем к познанию рациональной. Уровень и точность измерений в психологии еще ниже чем в медицине; любые медицинские решения в этой области обладают повышенной неопределенностью; специфика индивидуума играет в силу сложности измерений (куда легче измерить давление крови, чем уровень депрессии) куда большую роль, чем в других науках (соответственно, статистика менее надежна из-за этой разнородности). Психология по своему статусу

находится "в центре событий", как на схеме, так и в жизни: она непосредственно живет в искусстве и она же напрямую внедряется в те науки, где ее еще недавно "близко не стояло". Особенно революционна была ее роль в **экономике** (которая на схеме все же существенно правее, хотя по вертикальной оси незначительно выше).

Классическая политэкономия (в первую очередь в лице А. Смита) непосредственно учитывала психологию людей и их моральные установки, но уже Маркс полностью освободил теорию от этих "излишеств". Неоклассическая экономика 19-го и 20-х веков, от Вальраса до Самуэльсона, исходила, фактически, из физических моделей рационального поведения, где каждый агент преследует свои индивидуальные утилитарные цели и никаким образом не отклонялся от рационально определенного выбора. Первые отступления от жесткой рациональной модели, сделанные Г. Саймоном (Нобелевская премия, 1978) в 1950-х – 60-х годах были связаны с гипотезой "ограниченной рациональности" (bounded rationality), в которой предполагалось, что каждый индивидуум имеет в своем распоряжении лишь часть (обычно очень маленькую) всей информации, необходимой для принятия решения. Но в рамках этих ограничений он действует так же рационально, как и предполагалось ранее. И только в 1970-х – 80-х годах в экспериментах психологов А. Тверского и Д. Канемана (Нобелевская премия, 2002) было продемонстрировано, что само поведение экономических агентов сплошь и рядом не рационально, что впоследствии получило оформление в форме "теории перспектив" (prospect theory, [9]) и заложило основы того, что сейчас называется "поведенческая экономика" (behavioral economics), в которой уже вполне осознанно используются термины типа "ожидаемая иррациональность" [18]. Такое мощное внедрение неформальной психологии в абсолютно заформализованную область экономической науки должно привести к какому-то ее изменению — либо в сторону еще большей формализации, учитывающей эту самую иррациональность (тогда экономика переместится поближе к культуре 2), либо в сторону "экспериментальной описательности" (тогда экономика "провалится" в культуру 3). Мне лично кажется более честным второй путь, но жизнь покажет.

Такое ощущение, что новая экономика должна базироваться на фундаментальном понимании того факта, что любые решения принимаются в рамках очень **широких интервалов практической приемлемости и достоверности**. Эти две вещи очень часто не совпадают: приемлемым может быть решение основанное на чистой лжи (например, сообщение врача безнадёжному больному о том, что все в порядке) и неприемлемым — решение принятое при полной осведомленности (например, для Америки неприемлемо дать Израилю полностью уничтожить Хамас, хотя дипломаты прекрасно понимают, что только его уничтожение способно ликвидировать конфликт). Плата за отступление от правдивости может быть очень высока (как в технике), но может быть и нулевой (как в пропаганде). В этом

смысле экономика — это техника и пропаганда в одном флаконе. Соответственно, роль науки как поставщика правды должна быть рассмотрена под иным углом, нежели сейчас.

Пока что идет лишь очень скромное признание роли поведенческой экономики в традиционных учебниках — например, в [20] (2014 год!) ей посвящено 5 последних страниц из примерно 500. Ни о каком изменении привычных формальных схем рационального поведения нет и речи; она подается как некий кивок в сторону теоретически некрасивых, но, к сожалению, упорно наблюдающихся фактов. Мои собственные беседы с двумя американскими профессорами экономики говорят о том же — они рассматривают подобные исследования как некое маргинальное занятие, отвлекающее от поиска "твердых законов экономической жизни". Тот факт, что экономическая экспертиза сплошь и рядом проваливается и в качестве предсказателя событий, и в качестве объяснителя мотивов человеческого поведения, на эту логику не влияет. Это надежный "*вторичный*" признак принадлежности данной области знаний к культуре 3, ибо в настоящей культуре 2 пересмотр теории после экспериментального опровержения следует незамедлительно.

Я лишь чуть-чуть задел вопрос о взаимосвязи психологии с категорией рационального; я опускаю вопрос о ее связи с категорией эмоционального (частично см. об этом в части 2). Каждый человек имеет десятки ассоциаций, от "психологического романа" до психоанализа, от психологии пропаганды до психологии толпы, от страстных текстов Ницше до интуитивизма Бергсона и т.д. Во всем этом практически нет ничего ни "измеримого" ни "рационального" — но есть много "психологии". Так что само слово это, как и рассмотренное ранее неприятное слово "фашизм", остается одним из наиболее многозначных — но более позитивных — порождений человеческого разума, ярким пятном на пестром поле третьей культуры.

Спорт занимает очень своеобразное место на графике: в нем высокий уровень измерения результатов, причем в сильных шкалах — ранговой (как в велогонках), интервальной (баллы гимнастам или фигуристам) или относительной (метры, секунды и колограммы в легкой и тяжелой атлетике, плавании и др.). Но сам по себе спорт лишен какой-либо рациональности в смысле "построения непротиворечивой картины мира", которая имеется в виду на графике (за теми редкими исключениями, когда занятия спортом поставляют какую-то ценную информацию для медицины, биологии и пр.). Эмоции же спорт вызывает грандиозные, по крайней мере судя по теле-рейтингу Олимпиад, самому большому в мире.

В таком же духе можно рассмотреть любые другие зоны третьей культуры. Везде будут присутствовать огромные проблемы с измерением, с точностью определений, с большим затруднением относительно поиска истины, с постоянным отклонением в сторону эмоционального давления или произведения впечатления "точности". Нет смысла продолжать разбирать отдельные виды активности — будет, в лучшем случае, как с медицинской, а в худшем — как с *политикой*, о которой А. Недель однажды доста-

точно емко заметил: *"Политика имеет ту неоспоримую особенность, что всякий политический дискурс или даже разговор о политике превращается в ложь"* [22]. Важнее обсудить вопрос, почему такая гигантская область человеческой активности, которая названа здесь культурой 3, не просто существует, но чрезвычайно часто мимикрирует под культуры 1 и 2 (последнее куда опаснее первого). Предлагается следующая гипотеза.

1. Весь мир, окружающий человека, и сам человек глубоко **эволюционны**. Биологическая эволюция, имеющую скорость, куда более медленную чем человеческая жизнь, здесь имеется в виду в последнюю очередь (не говоря уже об эволюции космоса). Эволюция подразумевает развитие с плохо определенной целью, с еще хуже определенным направлением, с огромным элементом случайности при выборе направлений пути в каждый существенный момент. Наиболее детальное изложение эволюционного развития общества, главным образом экономики, насколько мне известно, дано в книге Е. Бейнхокера [23]. У эволюционного развития столь сложного механизма, как общество (а также, возможно, не менее сложного механизма человеческого мышления) есть одна фундаментальная особенность — оно чрезвычайно оппортунистично и поэтому в высшей степени непредсказуемо, как локально, так и глобально. Как невозможно предсказать, какие именно обстоятельства из гигантского числа потенциально возможных, сложатся в некий будущий момент времени в определенном месте — так нельзя предсказать, какие действия будут предприняты теми или иными участниками событий в это время и в этом месте.

2. Парадоксальным образом **обилие информации** почти не помогает решить эту проблему. Например, современные финансовые рынки, где объем доступной информации зашкаливает все мыслимые пределы, не в состоянии решить ни "локальную" проблему обогащения своих клиентов (мизерный процент финансовых финдов устойчиво работает лучше рынка), ни глобальную проблему — такую как периодические кризисы. Нелепо обвинять в этом самих игроков или их государственных регуляторов — просто системы очень сложны и не подлежат полному контролю ни при каких условиях; всегда будет стадный эффект, эффект подражания, эффект домино и прочие вещи, которые не дадут "жить нормально" при любом объеме информации [12]. Но обилие информации создает **иллюзию контроля**, и это чрезвычайно важно осознать, ибо иллюзии — это как раз то, к чему люди постоянно склонны (см. о когнитивных отклонениях в части 2).

3. Людям необходимо видеть мир в **простых** и понятных для интерпретации схемах. Масса экспериментов доказывают, что в любом хаотическом образе человек всегда находит какие-то закономерности. Эти "закономерности" он накладывает на мир и закрепляет в своем сознании, очень часто по принципу "праймिंगа" (priming, то есть первое, что попало как объяснение, таковым и считается, невзирая на дальнейшие опровержения "практикой" — см. примеры выше о самообмане и др.). Идеи, чем-то противоречащие даже простейшим привычкам, с высокой вероятностью будут

отвергнуты (как, скажем женщины — любительницы кофе куда чаще не верят, что кофе связано с раком груди, чем другие женщины [6]). В результате сложнейший эволюционно меняющихся мир оказывается покрыт огромной сетью примитивизирующих недоказанных концепций, представлений, и заблуждений которые выдаются за "истину", не удовлетворяя никаким ее критериям. При этом я сознательно не задевал вопросы религии и философии, которые добавляют в эту паутину очень много прочных нитей.

Человеку мучительно больно признавать, что мир не поддается простой категоризации, которая миллионы лет тому назад была заложена в рефлексии его пращуров для выживания и доминирует до сих пор в глубинах нейронных сетей. Статистическое мышление, признание того, что все лишь игра случая, не встроено в глубинное сознание человека — и он ищет обходные упрощающие пути, как прекрасно показано в [9]. И когда действительность ломает его ожидания — он все равно винит не себя, а ищет иные простые ложные схемы для замены старых. Вся эта сеть полужанний-полупрактик **и есть культура 3**, неизбежное порождение человеческого разума, еще недостаточно мощного, чтобы до конца определиться в своих целях и средствах, но уже достаточно развившегося для создания "гумуса", из которого должны произрасти райские яблоки, если не состоится вторичного изгнания из рая познания.

Все что сказано в статье было так или иначе сказано сотни раз до меня — может быть, в других комбинациях. Здесь нет новых выводов, новых данных или алгоритмов. У меня не было цели просто ввести "новый термин". Единственный прикладной смысл всей работы таков: мы живем, главным образом, в культуре 3. Когда она выдает себя за культуру 2 — не поддавайтесь, но трезво давайте себе отчет, что никакой точности в ее завлекательных выводах нет и не будет. Когда она выдает себя за культуру 1 — не поддавайтесь, принадлейте к дивным источникам искусства непосредственно. А уже если отвертеться никак нельзя — получайте эмоциональное удовольствие, не путайте его с чисто интеллектуальным от погружения в культуру 2 (если вы там, конечно, не проживаете).

И последнее. Культура 1 обращена практически ко всем людям. Культура 2 — к несопоставимо меньшему количеству интеллектуальной элиты. Хорошего никогда не бывает слишком много; природа скупа, что бы ни утверждали свободолюбивые либеральные политики. Сделать реальный вклад (внести новое слово) в культуру 2 чрезвычайно трудно, ибо там все проверяемо и измеряемо. Сказать "новое слово" в культуре 1 несравненно легче, ибо не проверяемо ничего. Но если в культуре 2 требуется убедить в новизне и важности иногда всего 5-10 человек, способных понять результат (как бывает в математике), то в культуре 1 само понятие успеха есть ни что иное, как признание этого успеха большим количеством людей. Поэтому знаменитости обеих культур — люди, попавшие на общий раут абсолютно различными дорогами. Так что исходный разрыв двух

культур, отмеченный Сноу, безусловно, никуда не делся. Писатель точно так же никогда не поймет физика, как не понимал полвека назад. А физик писателя — поймет. В этой асимметричности заложен огромный потенциал. Иногда кажется, что вся культура 1, как некий эволюционный перво-механизм, и существует лишь для того, чтобы, эмоционально стимулируя своими лучшими достижениями творцов культуры 1, подстегивать развитие ими новых идей, которые, пройдя через серию технико-экономических трансформаций, сделают жизнь тех же "творцов прекрасного" (а заодно и остальное человечество, потребителей третьей культуры) лучше.

Литература

1. C. Snow (1963). *The Two Cultures: A Second Look*. Cambridge University Press
2. J. Brockman *The Third Culture: Beyond the Scientific Revolution*. Simon & Schuster: 1995
3. С. Чесноков Два языка, две культуры: Проблема и ее составляющие. 1995, http://sergeichesnokov.files.wordpress.com/2014/03/01_twolangs-twocultures_1995.pdf
4. K. Kelly *The Third Culture Science* 13 February 1998: Vol. 279 no. 5353 pp. 992-993
5. И. Мандель: Социосистемика и третья культура: Sorokin-trip (в 4-х частях) <http://club.berkovich-zametki.com/?p=13000>; <http://club.berkovich-zametki.com/?p=13122>; <http://club.berkovich-zametki.com/?p=13221>; <http://club.berkovich-zametki.com/?p=13361>
6. A. Damasio and G. B. Carvalho *The nature of feelings: evolutionary and neurobiological origins*. *Nature Reviews Neuroscience* 14, 143-152 (February 2013)
7. Lövhem H. A new three-dimensional model for emotions and monoamine neurotransmitters. (2012). *Med Hypotheses*, 78, 341-348
8. Ortony, A., & Turner, T. J. (1990). What's basic about basic emotions? *Psychological Review*, 97, 315-331
9. D. Kahneman. *Thinking fast and slow* (2011) Farrar, Straus and Giroux
10. Kruger J, Dunning D. Unskilled and unaware of it: how difficulties in recognizing one's own incompetence lead to inflated self-assessments. *J. Pers Soc Psychol.* 1999 Dec; 77(6):1121-34.
11. D. Mijović-Prelec, D. Prelec *Self-deception as self-signalling: a model and experimental evidence* *Phil. Trans. R. Soc. B* 365, 227—240, 2009
12. I. Mandel *Sociosystemics, statistics, decisions. Model Assisted Statistics and Applications* 6 (2011) 163-217
13. P. Velleman, L. Wilkinson *Nominal, Ordinal, Interval, and Ratio Typologies are Misleading* *The American Statistician* (1993), 47:1, 65-72
14. И. Мандель “Измеряй меня...” Осип Мандельштам: попытка измерения, 2013 <http://club.berkovich-zametki.com/?p=1687>
15. И. Мандель *Незабываемое как статистическая проблема. Анализ процессов забывания прочитанного на примере отдельной личности*, 2014 <http://7iskusstv.com/2014/Nomer6/Mandel1.php>

16. Мандель И., Оксенойт Г. Моделирование долговременного процесса забывания прочитанного на основе самоанализа. *Мир психологии*, 2014, 4 (80), с. 146-162
17. И. Мандель К вопросу об унификации определений. *Философские науки*, 1975, 6, 133-138
18. J. Schoenfeld and J. Ioannidis Is everything we eat associated with cancer? A systematic cookbook review. *American Journal of Clinical Nutrition*, 2013 Jan;97(1):127-34
19. D. Arely Predictably Irrational: The Hidden Forces That Shape Our Decisions. 2d ed., 2012., *HarperCollins*, 2008
20. N. Mankiw Principles of Microeconomics 7th ed. *South-Western College Pub*; 2014
21. D. Lieven *Russia against Napoleon*. Viking Penguin, 2010
22. Л. Юрис Исход. М., Текст, 1994, т.2
23. А. Недель Манифест Философии. *Зеркало*, 37, 2011.<http://zerkalo-litart.com/?p=4815>
24. E. Beinhocker. The origin of wealth. Evolution, complexity, and the radical remaking of economics. Harvard Business School Press, 2006
25. C. Murray Human accomplishments. HarperCollins Publishers, 2003
26. R. L. Kirkham Theories of Truth: A Critical Introduction *A Bradford Book*, 1997

Сергей Чевычелов

ПЕРЕД ПОКОЕМ

(В поисках клиники Стравинского)

*В буднях великих строек,
В веселом грохоте, в огнях и звонах,
Здравствуй, страна героев,
Страна мечтателей, страна ученых!*

А. Д'Актиль. «Марш энгузиастов»

Читая старые газеты, я обнаружил одну очень любопытную заметку.

"НАЧАЛОСЬ СТРОИТЕЛЬСТВО ДВОРЦА СОВЕТСКОЙ МЕДИЦИНЫ

А. ЛЯСС.

Идея Алексея Максимовича Горького о создании института по изучению человека осуществляется. В нескольких километрах от Москвы начато строительство Всесоюзного института экспериментальной медицины (ВИЭМ) им. Горького. Роят котлованы для зданий, где будут помещаться секторы химии, физиологии, патофизиологии. Заложены фундаменты экспериментальных мастерских, центрального медицинского склада.

Институт займет огромный участок между Покровским-Стрешневым и Хорошевским Серебряным бором. Главные здания института высотой в 10-12 этажей в окружении ряда шестиэтажных зданий будут расположены в живописном месте - на берегу Москва-реки.

В зданиях института будет около 6 500 комнат. Большая часть их предназначена для лабораторий. Они оборудуются всем необходимым для научной работы.

В институте создаются самые разнообразные лаборатории. Так, для изучения влияния на организм звуков и шумов создаются специальные камеры. Будут построены камеры с искусственным освещением. Камеры для изучения механических влияний, звуконепропускаемые камеры для исследования условных рефлексов и т.д. Особые требования предъявлены к зданиям, где будут сосредоточены работы по химии. Для предотвращения опасности взрыва в лабораториях будут устроены особые приспособления: достаточно включить рубильник, как все окна во всех этих помещениях моментально откроются и выпустят

наружу скопившийся в помещении газ. Тамбуры между дверями, ведущими в лабораторию, превращаются в своеобразные камеры-шлюзы.

Всесоюзный институт экспериментальной медицины будет представлять собой целый городок. Его будут обслуживать электростанция мощностью в 10 000 киловатт, газовый завод производительностью в 7,5 млн. кубометров газа ежегодно, специальные водонапорные сооружения и т.д.

О масштабах строительства можно судить по следующим цифрам. Для того, чтобы построить институт требуется 75 млн кирпичей, 57 000 тонн цемента, 135 000 кубометров лесоматериала, 27 000 тонн железа, 380 000 кубометров песка и гравия и т.д.

В создании генерального проекта ВИЭМ им. Горького принимали участие архитекторы Лансере, Щуко, Рерих, Некрасов и другие. В разработке отдельных проблем, связанных со строительством, участвовало свыше 100 специалистов. Кроме того, для изучения опыта строительства медицинских зданий в США и в Западную Европу был командирован главный консультант строительства, начальник главного строительного управления Наркомздрава т. Садовский".

"Известия" от 7 июня 1937 г.

Читатель! Ты не находишь ничего знакомого в этой заметке? За мной, мой читатель, по строкам романа "Мастер и Маргарита".

"Когда в приемную знаменитой психиатрической клиники, недавно отстроенной под Москвой на берегу реки, вошел человек с острой бородкой и облаченный в белый халат, была половина второго ночи.

— Вы находитесь, — спокойно заговорил врач, присаживаясь на белый табурет на блестящей ноге, — не в сумасшедшем доме, а в клинике, где вас никто не станет задерживать, если в этом нет надобности".

Рюхин задрожал, а женщина нажала кнопку в столике, и на его стеклянную поверхность выскочила блестящая коробочка и запаянная ампула.

— Ах так?! — дико и затравленно озираясь, произнес Иван, — ну ладно же! Прощайте... — и головою вперед он бросился в штору окна. Раздался удар, но небьющиеся стекла за шторою выдержали его, и через мгновение Иван забился в руках у санитаров. Он хрипел, пытался кусаться, кричал:

— Так вот вы какие стеклышки у себя завели!..

— Ванна, сто семнадцатую отдельную и пост к нему, — распорядился врач, надевая очки. Тут Рюхин опять вздрогнул: бесшумно открылись белые двери, за ними стал виден коридор, освещенный синими ночными лампами. Из коридора выехала на резиновых колесиках кушетка, на нее переложили затихшего Ивана, и он уехал в коридор, и двери за ним замкнулись.

Через несколько минут грузовик уносил Рюхина в Москву... Вот и лес отвалился, остался где-то сзади, и река ушла куда-то в сторону, навстречу грузовику сыпалась разная разность: какие-то заборы с караульными будками и штабеля дров, высоченные столбы и какие-то мачты, а на мачтах нанизанные катушки, груды щебня, земля, исполосованная каналами, — словом, чувствовалось, что вот-вот она, Москва, тут же, вон за поворотом, и сейчас навалится и охватит. Рюхина трясло и швыряло, какой-то обрубок, на котором он поместился, то и дело пытался выскользнуть из-под него. Ресторанные полотенца, подброшенные уехавшими ранее в троллейбусе милиционером и Пантелеем, ездили по всей платформе..."

"Как раз в то время, когда сознание покинуло Степу в Ялте, то есть около половины двенадцатого дня, оно вернулось к Ивану Николаевичу Бездомному... Полежав некоторое время неподвижно в чистой и мягкой и удобной пружинной кровати, Иван увидел кнопку звонка рядом с собою. По привычке трогать предметы без надобности, Иван нажал ее. Он ожидал какого-то звона или явления вслед за нажатием кнопки, но произошло совсем другое. В ногах Ивановой постели загорелся матовый цилиндр, на котором было написано: «Пить». Постояв некоторое время, цилиндр начал вращаться до тех пор, пока не выскочила надпись: «Няня»".

"Женщина же тем временем, не теряя благодушного выражения лица, при помощи одного нажима кнопки, увела штору вверх, и в комнату через широкопетлистую и легкую решетку, доходящую до самого пола, хлынуло солнце. За решеткой открылся балкон, за ним берег извивающейся реки и на другом ее берегу — веселый сосновый бор".

— Пожалуйте ванну брать, — пригласила женщина, и под руками ее раздвинулась внутренняя стена, за которой оказалось ванное отделение и прекрасно оборудованная уборная. Иван, хоть и решил с женщиной не разговаривать, не удержался и, видя, как вода хлещет в ванну широкой струей из сияющего крана, сказал с иронией:

— Ишь ты! Как в «Метрополе»!

— О нет, — с гордостью ответила женщина, — гораздо лучше. Такого оборудования нет нигде иза границей. Ученые и врачи специально приезжают осматривать нашу клинику. У нас каждый день интуристы бывают".

(Скажем здесь, что до конца 1920-х гостиница "Метрополь", как и все ее гостиницы-ровесники, не имела удобств в номерах — ни туалетов, ни ванн-ных комнат, ни даже умывальников. Все это располагалось в коридорах)

"Решетки-то на замках, — подтвердил гость, — но Прасковья Федоровна — милейший, но, увы, рассеянный человек. Я стащил у нее месяц тому назад связку ключей и, таким образом, получил возможность выходить на общий балкон, а он тянется вокруг всего этажа, и, таким образом, иногда навесит соседа.

— Раз вы можете выходить на балкон, то вы можете удрать. Или высоко? — заинтересовался Иван.

— Нет, — твердо ответил гость, — я не могу удрать отсюда не потому, что высоко, а потому, что мне удирать некуда."

"Он шепотом сообщил Ивану, что в 119-ю комнату привезли новенького, какого-то толстяка с багровой физиономией".

"Я знал, что эта клиника уже открылась, и через весь город пешком пошел в нее. Безумие! За городом я, наверно, замерз бы, но меня спасла случайность. Что-то сломалось в грузовике, я подошел к шоферу, это было километрах в четырех за заставой, и, к моему удивлению, он сжалился надо мной".

"Мастер и Маргарита соскочили с седел и полетели, мелькая, как водяные тени, через клинический сад. Еще через мгновение мастер привычной рукой отодвигал балконную решетку в комнате N 117-й... " [1].

А вот цитаты из второй редакции романа (1931 г.).

"Затем, светя и рыча и кашляя, таксомотор вкатил в какой-то волшебный сад, затем Рюхин, милиционер и Пантелей ввели Иванушку в роскошный подъезд, причем Рюхин, ослепленный техникой, все более трезвел и жадно хотел пить.

Затем все оказались в большой комнате, в которой стоял столик, клеенчатая новенькая кушетка, два кресла. Круглые часы подвешены были высоко и показывали 11 с четвертью.

— Куда это меня приволокли? — надменно спросил Иван. Рюхину захотелось конспирации, но врач сейчас же открыл тайну.

— Вы находитесь в психиатрической лечебнице, оборудованной по последнему слову техники.

— Мерзавцы, — вдруг взвыл Иван, и перед женщиной засверкала никелированная коробка и склянки, выскочившие из выдвижного ящика.

— Ах, так, ах, так... — забормотал Иван, — это, стало быть, нормального человека силой задерживать в сумасшедшем доме. Гоп! — И тут Иван, сбросив Пантелеево пальто, вдруг головой вперед бросился в окно, прикрытое наглухо белой шторой. Коварная сеть за шторой без всякого вреда для Ивана спружинила и мягко бросила поэта назад и прямо в руки санитаров. И в эту минуту в руках у доктора оказался шприц".

"Рюхин вышел в волшебный сад с каменного крыльца дома скорби и ужаса.

Потом долго мучился. Все никак не мог попасть в трамвай. Нервы у него заиграли. Он злился, чувствовал себя несчастным, хотел выпить. Трамваи пролетали переполненные. Задыхающиеся люди висели, уцепившись за поручни. И лишь в начале второго Рюхин совсем больным неврастеником приехал в "Шалаш"". [2]. (сравните с "... почему так мало трамваев? Целый день мучительно хочется пива, а когда доберешься до него, в нём вонзается воблина кость, и, оказывается, пиво никому не нужно. Теп-

лое, в голове встает болотный туман, и хочется не моченого гороху (закуска к пиву, — С.Ч.), а ехать под Москву в Покровское-Стрешнево". [3])

Пусть простит меня читатель за излишнее цитирование, но в этих отрывках содержится практически вся информация о клинике профессора Стравинского. Очевидно, что в редакции 1931 года психолечебница не имеет каких-либо опознавательных черт, к ней можно доехать на трамвае примерно за 30-40 мин. Есть волшебный сад, каменное крыльцо и роскошный подъезд. Еще есть "ослепленный техникой" и "лечебница, оборудованная по последнему слову техники", — вот и вся характеристика, под которую может подойти любая новая больница в пределах трамвайных маршрутов Москвы. Как бы то ни было, далее будем опираться на последний рукописный вариант глав, посвященных душевной болезни Иванушки, который автор зачитывал главному врачу Донской психиатрической больницы С.Л. Цейглину и нейрохирургу А.А. Арендту 7 апреля 1938 г., а 23 мая того же года была закончена последняя рукописная редакция романа, цитаты из которой и приведены вслед за газетной заметкой в начале этой статьи.

Можно выделить четыре группы признаков, по которым опознается прототип психиатрической клиники из романа "Мастер и Маргарита": время постройки (клиника недавно отстроена под Москвой на берегу реки; клиника уже открылась), географическое расположение (на западе от Москвы; на берегу реки; на другом ее берегу веселый сосновый бор; недалеко от остановки троллейбуса; 4 километра за заставой, и еще ехать на грузовике), внешний вид здания (высоко, нельзя удрать; общий балкон вокруг всего этажа), внутреннее устройство клиники (одноместные палаты, всего палат числом не менее 119, при палате ванная и уборная, средства малой автоматизации, мебель из блестящего металла, небьющиеся стекла в окнах).

Исследователи творчества М.А. Булгакова упоминают о трех больницах, которые могли бы послужить прототипом для клиники профессора Стравинского. Вот их адреса: Волоколамское шоссе, 47 (бывший психосанаторий «Стрешнево» на территории современной психиатрической больницы № 12), Волоколамское шоссе, 84 (первый корпус Центральной клинической больницы МПС); Правобережная улица, 6 (бывший санаторий "Химки" в особняке «Патрикеевой дачи» — теперь Химкинская горбольница № 1). Видимо, эти три прототипа были отобраны булгаковедами потому, что имеют признаки сходства с клиникой Стравинского, и, наверное, не случайно эти три больницы поместились на одной карте района Покровское-Стрешнево.

Можно проследить некую связь М.А. Булгакова и его творчества с этим районом, который находится к западу от Тверской Заставы. С октября 1921 года Булгаков жил в квартире 50 дома №10 на улице Большая Садовая. Рядом Тверская, переходящая в Петербургское шоссе (ныне Ленинградское). Не исключено, что в июне 1923 года Михаил Афанасьевич как

научно-технический редактор Академии Воздушного Флота имени Н.Е. Жуковского работал в Петровском Путевом Дворце, куда тогда перевели Академию, а это, как раз, по дороге к Покровскому-Стрешневу. В рассказе «Ханский огонь» Орешнево читается как несколько измененное Стрешнево. М.А. Булгаков записал в дневнике 2 сентября 1923 г.: «Сегодня я с Катаевым ездил на дачу к Алексею Толстому (Иваньково). Он сегодня был очень мил... Когда мы с Катаевым уходили, он проводил нас до плотины.» [4]. На карте деревня Иваньково рядом с Покровским-Стрешневым на левом берегу реки Химки. Дачи в Иваньковском лесу облюбовали актеры Художественного театра, в котором долгое время работал и с которым сотрудничал М.А. Булгаков, в том числе и в годы работы над романом "Мастер и Маргарита". Одним из первых построил там дачу художник-декоратор МХАТа Виктор Андреевич Симов. В 1932 году он оформлял спектакль "Мертвые души" по инсценировке М.А. Булгакова.

Карта 1931 года

Одно из отделений психиатрической больницы №12 располагается в бывшей даче К.Ф. Зегера, построенной архитектором В.Д. Адамовичем. Строительство дачи было начато К.Ф. Зегером около 1904 года, но не было завершено. В страховых документах от 1916 года указано, что дача в состоянии перестройки. В 1917 году владение К.Ф. Зегера купила Софья Абрамовна Лиознер (1873-1965) — одна из первых русских женщин-психиатров, и открыла здесь частный психоневрологический санаторий. Какое-то время в этом санатории практиковал выдающийся психиатр Юрий Владимирович Каннабих. В 1921-1931 гг. в бывшем доме К.Ф. Зегера размещался нервно-психиатрический санаторий «Стрешнево».

Психосанаторий "Стрешнево"

Дача К.Ф. Зегера расположена в окружении небольшого парка, отделяющего дом от трассы Волоколамского шоссе. Здание находится (на карте обозначен "+") над словом "СТРЕШНЕВО") под углом к трассе, что усиливает впечатление от его ассиметричной композиции, свойственной и для традиции замкового строительства европейского средневековья, и для архитектуры модерна. Ближайшая территория была вначале оформлена в виде цветника с клумбами, но сейчас выглядит уже не парком, а лесом. Дом Зегера внутри описывался в 1907 г. так:

"Каменный, крытый железом, в два этажа; крыша с башенками и железными шпилями, снаружи частью облицован цветным кирпичом и частью оштукатурен, внутри оштукатурен. Под половиною дома полуподвал. Первый и полуподвальный этажи с бетонными по железным балкам потолками. Второй с деревянными потолками. Лестница одна - дубовая, другая до чердака и полуподвала — каменная. Оконные рамы и двери сосновые, окрашенные, полы паркетные дубовые и плитчатые. К дому примыкает каменный крытый железом парадный вход, кладовая для вина и две

террасы, одна — крытая". В 1910 году в доме было устроено водяное отопление с котлом и вентиляционной камерой в полуподвале.

Если еще добавить, что 15 ноября 1933 года была пущена первая линия троллейбуса от Тверской заставы до Покровского-Стрешнёва, то становится понятным, что из всех примет прототипа подходят только расположение на запад от Тверской заставы да недалеко расположенная троллейбусная остановка.

На карте видно, что санаторий "Химки" (Патрикеева дача) располагается на правом берегу реки Химки (верх карты). Патрикеева дача была построена, а, точнее, перестроена, по проекту Ф.О. Шехтеля в 1907 году и до революции принадлежала богатому московскому купцу С.П. Патрикееву. В годы первой мировой войны здание использовалось под госпиталь, в котором лечились раненые и больные солдаты. С.П. Патрикеев, будучи депутатом, развернул в своем доме больницу по европейскому образцу, закупив оборудование из Германии и Швейцарии. С 1918 года в доме был санаторий "Химки" для рабочих и красноармейцев Москвы, руководил им врач-терапевт Ф.А. Готье. В наше время в усадьбе Патрикеевых размещены отделения Химкинской городской больницы.

1909 г. Дача купца С.П. Патрикеева

1958 г. Химкинская горбольница №1

Усадьба Патрикеева со стороны реки Химки

Архитектура дома Патрикеевых выполнена в стиле модерн. В народе этот дом прозвали "Белые столбы" из-за столбов в воротах усадьбы. Отделка интерьеров включает прекрасный керамический камин, парадную лестницу с витражом, разнообразно оформленные потолки и своды.

Ну что же, в данном случае есть и речка, и, возможно, на противоположном от усадьбы берегу был в то время сосновый бор. Но ни внешний вид здания, ни предполагаемое внутреннее устройство здания (количество комнат) не соответствует тем намекам, о которых писал Булгаков. Да, и география вместе с историей здесь не совсем к месту. Дело в том, что вплоть до 1938 года не было троллейбусной линии, которая подходила бы достаточно близко к санаторию "Химки". Первый троллейбус в том направлении отправился от метро "Сокол" (на территории села Всехсвятское, правый нижний угол карты) до Северного речного вокзала (на нашей карте это примерно район села Аксиньино) не ранее сентября 1938 г., когда последняя рукописная редакция романа была уже закончена. И еще, читатель должен обратить внимание на ориентацию здания: оно фасадом практически полностью обращено строго на восток к водоему и торцами на юг и на север. И, поскольку в мае месяце солнце в полдень находится точно на юге, Иванушка в момент поднятия шторы никак не мог видеть в палате санатория "Химки" одновременно хлынувшее в палату солнце и речку с сосновым бором на другом берегу.

15 августа 1937 года нарком путей сообщения Л.М. Каганович подписал приказ № 209/ц: «Вновь выстроенную в Москве больницу Западной железной дороги организовать как Центральную клиническую больницу для оказания высококвалифицированной больничной помощи не только работникам дороги, но и рабочим и служащим железнодорожного транспорта всего Советского Союза, нуждающимся в серьезной консультации и вмешательстве крупных медицинских сил...». В декабре того же года Центральная клиническая больница (ЦКБ №1) на берегу канала Москва-Волга была открыта. На нашей карте этой больницы нет, ведь карта от 1931 года, но, чисто условно, построенный в 1937 году корпус ЦКБ №1 можно разместить на пересечении Волоколамского шоссе и реки Химки.

Так выглядела только что отстроенная Центральная клиническая больница №1 МПС на Волоколамском шоссе.

Таким образом, третья из больниц-прообразов клиники Стравинского хоть и не является психиатрической, но зато недавно отстроена под Москвой на берегу реки (канала Москва-Волга) и открылась до того, как была дописана последняя редакция романа. Надо сказать, что в период от 1917 до 1937 года в Москве было построено всего две новых больницы. Одна из них - инфекционная больница на Соколиной горе, которая выглядела после открытия так же, как и ЦКБ №1: длинное и узкое 2-х этажное здание. Больницы тогда строились, и не только в Советском Союзе, по так называемому павильонному типу, для которого были характерны одно- и двухэтажные павильоны с подразделением последних на хирургические, терапевтические, инфекционные, туберкулезные. В каждом здании размещались залы с больничными койками, лечебные помещения (операционные залы, кабинеты, лаборатории) и обслуживающие помещения (столовые, комнаты дневного пребывания). Больничные палаты зального типа размещались только с одной стороны коридора, который получал прямое естественное освещение. Санузел был один на этаж, а ванная - в приемном покое, всего одна на больницу. Такие больницы сохранились до сего времени.

(Вспоминаю, каким мучением было для меня ковылять на костылях в уборную из противоположного конца коридора в одной из больниц Киева в уже далеком 1967 году.)

Так что не в стандартном больничном строительстве того времени черпал вдохновение писатель для изображения клиники Стравинского. Если закрыть глаза на внешнюю и внутреннюю простоту здания, предназначенного вовсе не для душевнобольных, заменить прямой канал Москва-Волга извивающейся речкой и посчитать общий балкон вокруг всего этажа чистой фантазией автора, то, с учетом остальных критериев, Центральная клиническая больница РЖД (или МПС) могла бы послужить прототипом временного пристанища мастера и его ученика.

Вернемся к заметке из "Известий" в начале статьи. Что же представлял из себя Всесоюзный институт экспериментальной медицины (ВИЭМ) им. Горького, как возникла его идея, и как эта идея воплощалась в жизнь?

По инициативе принца А.П. Ольденбургского в декабре 1890 года в Санкт-Петербурге открылся Императорский Институт экспериментальной

медицины (ИЭМ). Александр Петрович Ольденбургский, основатель и попечитель института, пригласил в ИЭМ лучших специалистов того времени. Уже в 1891 году И.П. Павлов организовал в этом институте отдел физиологии и возглавлял его до конца своей жизни. С 1923 года в отделе физиологии Государственного института экспериментальной медицины (ГИЭМ) стал работать приехавший из Иркутска преподаватель нервных и душевных болезней Лев Николаевич Федоров. В 1927 году Л.Н. Федоров по предложению Павлова, с 1913 года Иван Петрович Павлов был почетным директором этого института, был назначен заместителем директора, а в 1932 — директором ГИЭМа. Идеей реорганизации ГИЭМа во Всесоюзный институт экспериментальной медицины (ВИЭМ) Л.Н. Федоров поделился с Максимом Горьким, а Горький смог вызвать жгучий интерес к этой теме у Сталина. В прессе же идею создания ВИЭМа приписали лично Горькому, который якобы поделился ею со Сталиным, и уже с одобрения последнего Федоров и его сотрудник Сперанский в начале лета 1932 года были направлены к Горькому на дачу, где и узнали, что ГИЭМ станет ВИЭМом. Создавался не просто новый институт, а огромный комплекс больниц и лабораторий, где можно будет победить болезни и старость, который назовут потом "Институт бессмертия имени Горького". Борьба с болезнями, еще недавно считавшимися неизлечимыми, омоложение, преодоление антропологических границ, создание человека нового типа, и, в конечном итоге, бессмертие — таких чудес ждала молодая Страна Советов от врачей и ученых. Тем же, кто как-то себя проявил в лечении советской элиты, давали институты. Так, по легенде, именно за излечение Сталина от псориаза экстрактами эндокринных желез (лизатами) И.Н. Казакову доверили целый Государственный научно-исследовательский институт обмена веществ и эндокринных расстройств. Профессор Игнатий Николаевич Казаков жил и вел прием в пятикомнатной квартире дома №16 в Старопименовском переулке. Кого только не лечил Казаков! Знаменитые артисты, писатели, художники и, конечно, политические деятели. Семашко, Подвойский, Раковский, Луначарский, Горький... Лизатами, которые доктор Казаков изготавливал собственноручно, лечились все болезни, в том числе и половая слабость. «Неизлечимых болезней нет, старость — это тяжелое заболевание, но оно тоже лечится», — утверждал этот доктор-волшебник. В 1932 году усилиями А.М. Горького из заключения был освобожден А.А. Замков, обвиненный в попытке продажи секрета своего препарата "Гравидан" (изготавливался из мочи беременных женщин) за границу. Гравидан успешно прошел испытания на красноармейцах и вызывал значительный иммуностимулирующий и общетонизирующий эффект при широком спектре заболеваний и неожиданный положительный эффект в лечении наркотической зависимости. Тонкость лечения, по-видимому, заключалась в исключительно индивидуальной дозировке препарата, что мог обеспечить только сам изобретатель. У Замкова стали лечиться Молотов, Калинин, Клара Цеткин, Максим Горький и др.. Применение препарата казалось тогда

столь перспективным, что в 1933 году был создан Государственный институт урогравиданотерапии, директором которого и стал А.А. Замков. В свете таких достижений советской медицины становится понятным, почему идея создания института, в котором будет выращен "новый гомункул", совпала со стремлениями и желаниями советской элиты и понеслась стремительно вверх. Ну а дальше, как отмечают современники (Л.Э. Разгон [5], Е.М. Крепс [6]), почти каждую неделю видные советские ученые и члены правительства (минимум один раз был и Сталин) собирались в особняке Горького на Малой Никитской и там обсуждали планы создания ВИЭМа с центром в Москве. Затем многие из них шли на квартиру Москвина, рядом на Спиридоновке, где эти беседы продолжались в более раскованной обстановке. Москвин — это не известный артист, а весьма крупный партийный деятель, полный тезка артиста Ивана Михайловича Москвина, на то время член Оргбюро ЦК и член ЦК ВКП(б), начальник сектора кадров ВСНХ и Наркомата тяжелой промышленности СССР. Этот Иван Михайлович был близок и всячески покровительствовал организатору и директору ВИЭМа — Льву Николаевичу Федорову, обладал привычной тогда внешностью: обрит наголо и щеточка усов, и был душой кампании, и, что интересно, абсолютно не пил. Для полноты облика добавим еще одну интересную черту Москвина-партейща, он превосходно знал латынь, не только стихи, но и свободно разговаривал по-латыни. Далее его тогдашний друг пишет: "На заседаниях Совнаркома, когда он встречался с Винтером — таким же страстным латинистом, как он, — они разговаривали на латинском" [5]. Винтер — это инженер-энергетик Вильгельм-Александр (Александр Васильевич) Винтер, начальник Днепростроя, с 1932 года академик и начальник Главэнерго, а затем Главгидроэнергостроя.

(Боже! Какие ассоциации с Булгаковым! Здесь и "Копыто инженера" и "Какая же это фамилия на «Ве»? — схватившись рукою за лоб, сам у себя спросил Иван и вдруг забормотал: — Ве, ве, ве! Ва... Во... Вашнер? Вагнер? Вайнер? Вегнер? Винтер? — волосы на голове Ивана стали ездить от напряжения", и «И по-латыни, как Пилат, говорит...» — печально подумал Иван". А еще, в то время Винтер жил в квартире 19 дома №10 по Садовой, то есть был соседом М.А. Булгакова с 1921 по 1924 гг.)

Для нашего повествования очень важно, что другой Иван Михайлович Москвин, артист МХАТа, был очень дружен с Москвиным-партейцем и принимал участие во всех посиделках последнего на Спиридоновке, так же как и сотоварищи Москвина-актера по театру. Как-то уж так, вместе и весело, проводили вечера на Спиридоновке руководители только недавно возникшего и бурно вверх вознесшегося ВИЭМа и артисты МХАТа. Здесь нелишне упомянуть, что в 1930-36 гг. М.А. Булгаков работал во МХАТе режиссером-ассистентом, в этом театре было поставлено три его пьесы и три пьесы репетировались, но не дошли до премьеры.

(Ну, никак не могу не отвлечься на Шехтелевскую мелодию в Булгаковском романе (Ф.О. Шехтель, архитектор, 1859-1926):

Дача Патрикеева

Особняк Рябушинского (квартира Горького)

Особняк Саввы Морозова ("квартира Маргариты")

МХАТ им. Горького

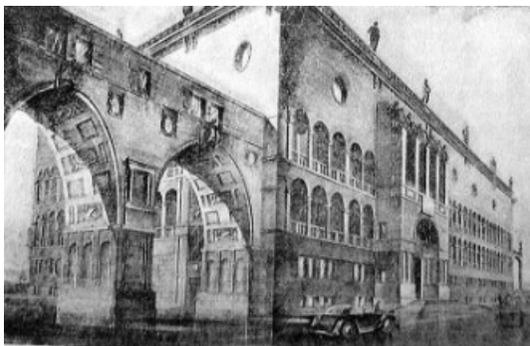
Согласно документам [7], ВИЭМ был образован на основе реорганизации Государственного института экспериментальной медицины Наркомздрава РСФСР (г. Ленинград) в соответствии с постановлением СНК СССР от 15 октября 1932 года с целью всестороннего изучения человеческого организма на основе использования новейших достижений техники, физики, химии и биологии. В положении о ВИЭМе, изданном СНК СССР 4 сентября 1933 г., сказано: "Всесоюзный институт экспериментальной медицины является высшим научно-исследовательским учреждением Союза СССР в области медицинских и биологических наук и состоит при Совете Народных Комиссаров Союза ССР"[8]. Строительство ВИЭМа включается в список ударных строек на 1933 год.

Ввиду сосредоточения в Москве основных медико-биологических учреждений союзного значения в соответствии с постановлением СНК СССР от 28 апреля 1934 г. ВИЭМ переводится из Ленинграда в Москву.

Согласно постановлению ЦК ВКП(б) строительная площадка для нового комплекса зданий ВИЭМа располагалась на месте закрываемого военного полигона за Октябрьским полем в районе Серебряного Бора (на нашей карте написано "Окт. воен. поле") на левом берегу Москва-реки, красивейшего места в окрестностях Москвы [8]. Полигон был быстро выведен в другое место, а его бывшая территория оказалась практически идеальной для лечебного учреждения: возвышенный берег реки Москвы, сухие песчаные почвы, преобладающие юго-западные ветра. Проектирование институтского комплекса на Октябрьском поле консультировали виднейшие специалисты США, для чего в 1934 г. в заокеанскую командировку были направлены руководители будущей стройки и архитекторы-проектировщики. Уже в конце 1934 — начале 1935 года был объявлен и успешно прошел конкурс эскизных проектов комплекса ВИЭМ на Октябрьском поле в Москве. Было разработано всего восемь вариантов, из них пять выполнили сотрудники проектного отдела управления строительством ВИЭМа. Однако на выставке, развернутой в дирекции инсти-

тута в особняке на Воронцовом поле, выставлялись лишь четыре проекта, остальные оказались предварительными, черновыми и не заслуживающими внимания. Победил вариант № 6, разработанный группой архитекторов управления строительства ВИЭМа в составе Н.Е. Лансере, В.И. Гридина, Э.Б. Кольби и С.С. Некрасова и опубликованный в "Архитектурной газете" [8]. Правительственная комиссия отметила, что принятый проект выгодно отличался от остальных своей продуманностью, отсутствием замкнутых дворов, тщательной разработкой функциональной стороны, наличием больших зеленых площадей, зеленых защитных зон и выгодной ориентацией по странам света. Этот проект был принят за основу дальнейших разработок. И сразу же определили сроки окончания строительства 1938 годом. Чтобы сохранить временную последовательность, сейчас уместно напомнить о газетной заметке А. Лясса от 7 июня 1937 г., которая полностью изложена в начале этой статьи. Любопытно, что журналист А. Лясс упоминается в исследованиях творчества М.А. Булгакова [9,10]. Предполагается, что заметка некоего А. Лясса в "Рабочей газете" от 12 мая 1928 года [11] исползовалась писателем в ранней редакции романа "Мастер и Маргарита" [12].

В сентябре 1937 г. публикуется утвержденный генеральный план, согласно которому комплекс ВИЭМа занимал площадь около 65 гектаров, на которой создавался целый научный городок, включавший соматическую клинику, клинику здорового и больного ребенка, психиатрическую клинику, камеры для искусственного климата, библиотеку на 300 тысяч томов, помещения для музея и выставок, жилые корпуса для научных сотрудников, предприятия сферы обслуживания. Общая кубатура всех сооружений составляла 900 тысяч кубических метров, стоимость строительства определялась в 100 миллионов рублей. Авторами рабочего проекта ВИЭМа являлись Б.К. Рерих и Н.Е. Лансере [13].

Главный корпус ВИЭМа в проекте Н.Е. Лансере. Только здесь М.А. Булгаков мог видеть балкон вокруг всего этажа, или придумал такой балкон сам. Читатель может поискать общие балконы на весь этаж в проектах других больниц в "Архитектурной газете" за 1937 год [14] — их нет. Они редкость и в современных больницах. Спрашивается, зачем психбольнице общий балкон?

Здание клиник состояло из двух блоков. Планировалось использовать новые строительные материалы и технологии, которые до того не применялись еще ни на одной стройке СССР. В клиниках готовились устраивать резиновые полы и звукопоглощающие потолки.

(Скажем здесь про "стеклышки", которые завела клиника Стравинского. Закаленное стекло было создано в 1929 году и выпускалось французской компанией SSG. В СССР это стекло производилось с 1935 года под названием «сталинит». Благодаря закалке сопротивляемость "сталинита" удару возрастала в 5-10 раз, а прочность на изгиб — не менее чем в два раза. Можно совершенно уверенно предположить, что в советских психиатрических клиниках в 1930-х годах сталинит не использовался.)

Само здание клиник должно было держаться на стальных конструкциях с особыми легкими заполнителями. В главном блоке (фасадом на юго-запад) размещался клинический стационар, состоявший из двадцати восьми секций по восемь однокочных и две двухкочные палаты в каждой. На каждые две однокочные палаты приходился санитарный узел (ванна и отдельная для каждой палаты уборная с умывальником). Двухкочные располагали отдельной уборной и помещением для хранения хозяйственных предметов.

14 сентября 1937 года был организован общественный просмотр технического проекта ВИЭМ [15]. Прояснилась полная нереальность намеченных ранее сроков строительства, что и вызвало их пересмотр. Завершить строительство гиганта советской медицины, равных которому по размерам и широте задач в то время не существовало, планировалось уже не в 1938, а в 1940 году.

Возведение стен первых корпусов началось в январе 1937 года. К концу года удалось построить коробки нескольких зданий хозяйственного сектора, а также корпусов химии и физиологии. Вырос благоустроенный рабочий поселок, проложили дороги и водопровод. Главным фактором срыва планов строительства стало неуклонное снижение объемов финансирования. Средства, которые планировалось направить на здравоохранение, постепенно, с каждым годом во все больших размерах переназначались на сооружение промышленных предприятий, в первую очередь оборонного назначения. Вследствие этого был сорваны все ранее намеченные сроки не только окончания, но и начала строительства важнейших зданий комплекса ВИЭМ.

Пока на Октябрьском поле шла грандиозная стройка, временным помещением для ВИЭМа стал только что выстроенный корпус Института охраны труда во Всехсвятском. Туда стали постепенно переводить ленинградские отделы института экспериментальной медицины с целью, после подготовки лабораторий, перевести в Москву весь ВИЭМ. Поскольку строительство основного комплекса в Серебряном Бору так и не было завершено, ВИЭМ остался в этом здании. А позже, в 1944 году там же разместилась и созданная в 1944 году на базе Всесоюзного института экспе-

риментальной медицины им. Горького Академия медицинских наук. Благодаря такому обстоятельству некоторые здания великой стройки дожили до наших дней.

Перед войной на огромной территории от Покровского-Стрешнева до берега Москва-реки в более или менее готовом виде стояли три лабораторных корпуса ВИЭМа, служебный корпус ВИЭМа; детская инфекционная клиника ММИ, три корпуса микробиологического института. Однако в них так и не пришли ученые, врачи и пациенты. По распоряжению вице-президента АН СССР А.А. Байкова от 12 апреля 1943 года был создан научно-исследовательский центр по урановой проблеме — Лаборатория № 2 АН СССР (с 1949 года ЛИПАН — лаборатория измерительных приборов АН СССР) под руководством И.В. Курчатова. 14 августа 1943 года в Лабораторию № 2 была официально переведена из Ленинградского физико-технического института группа И.В. Курчатова. С февраля 1944 года Лаборатория получила права института (с 1956 года она стала официально именоваться Институтом атомной энергии) [8]. Бывшие корпуса ВИЭМа и Медицинского института, как и весь комплекс построек в этом месте, продолжали именоваться городком ВИЭМа — вплоть до 1960-х годов [14].

И сейчас в микрорайонах, выросших из асфальта великой стройки, можно наткнуться на старое хулиганское граффити "ВиЭМ". Так называлась одна из наиболее влиятельных группировок местной шпаны. "ВиЭмовские" малевали название своей банды на заборах и стенах шукинских микрорайонов №1 и №2, потому что именно там были автобусные остановки, носившие теперь никому уже непонятные названия "ВИЭМ" и "ВИЭМстрой". Несколько лет назад одно из последних виэмовских граффити украшало старый гараж. Может быть оно там и сейчас, если гараж не снесли.

Так великая стройка социализма выродилась в бандитский бренд

Ну, вот и все, надеюсь теперь главная линия этого опуса ясна читателю насквозь [1]. Остается вопрос, зачем Булгакову понадобилось помещать своих героев не в обычную психушку, а, непременно, в самую современную клинику, пусть и не построенную?

Использованная литература

1. М.А. Булгаков. Мастер и Маргарита. Москва. 1984.
http://ModernLib.ru/books/bulgakov_miha'il_afanasevich/master_i_margarita/read
2. Черновые наброски к главам романа, написанные в 1929 - 1931 гг. Булгаков М.А. Великий канцлер. Князь тьмы. М.: Гудьял-Пресс, 2000, сс.65-79.
http://lib.ru/BULGAKOW/ma_chernowiki.txt
3. Булгаков М.А. Путешествие по Крыму. Очерк. Опубликовано: Красная газета, Л., 1925, 27 июля; 3, 10, 22, 24, 31 авг.
4. Михаил Булгаков. Под пятой. МОЙ ДНЕВНИК Москва Издательство "ПРАВДА", 1990 Библиотека "ОГОНЕК". <http://lib.ru/BULGAKOW/dnewnik.txt>
5. Разгон Лев Эммануилович. Плен в своём Отечестве
http://ModernLib.ru/books/razgon_lev_emmanuilovich/plen_v_svoem_otechestve/
6. Е.М. Крепс "О прожитом и пережитом". М.: "Наука", 1989. - 200 с
http://www.infran.ru/voenko/60years_ww2/kreps_memo1.htm
7. Государственный архив Российской Федерации Фонд: Р-6742 Описание: 1 Ед. хранения: 266 Дело: 266 <http://libinfo.org/index/index.php?id=1074>
8. А.В. Рогачев. Москва. Великие стройки социализма. Центрполиграф. 2014. 480 с.
9. <http://zadocs.ru/literatura/731/index.html>
10. Булгаковская энциклопедия. <http://www.Bulgakov.ru/f/florensky/2/>
11. В «Рабочей газете» от 12 мая 1928 года А. Лясс пишет: «В так называемой Троице-Сергиевой лавре свили себе гнездо всякого рода «бывшие». Главным образом, князя, фрейлины, попы, монахи. Постепенно Троице-Сергиева лавра превратилась в своеобразный черносотенный и религиозный центр, причем произошла перемена властей: если раньше попы находились под защитой князей, то теперь князья находятся под защитой попов... Гнездо черносотенцев должно быть разрушено».
12. Черновики романа. Тетрадь 1 1928 - 1929 гг. Булгаков М.А. Великий канцлер. Князь тьмы. М.: Гудьял-Пресс, 2000, сс.23-36
http://lib.ru/BULGAKOW/ma_chernowiki.txt
13. Архитектурная газета. 1937. № 64.
14. <http://blogs.7iskusstv.com/?p=47286>
15. Бродкин В.Б., Хейфец И.С. Строительство Всесоюзного Института экспериментальной медицины им. Горького // Строительство Москвы. 1937. № 23-24.

Фридрих Горенштейн

ЧИТАЯ КНИГУ

МИНЫ ПОЛЯНСКОЙ...

Берлин увешан мемориальными досками. Особенно их много в моём районе Вильмерсдорф. Хотя и в других районах их, наверное, немало. По некоторым улицам идёшь как по мемориальному кладбищу. Одни фамилии на досках узнаваемы, а большинство фамилий немецких писателей, художников, композиторов мне неизвестны.

Обилие досок вовсе не означает, что они почитаемы общественностью. На Курфюрстендамме доска памяти классика немецкой прозы Музиля почернела, слова с трудом можно прочитать, но я и не замечал, чтобы кто-либо останавливался и читал.

Неподалеку от меня на улице Виттельсбахштрассе на доме 5 установлена доска в память о проживании в этом доме Э.-М. Ремарка. Указано, что в этом доме он в 1929 году написал роман «На западном фронте без перемен», но в какой именно квартире — никто не знает.

Рядом с моим домом на Эксисштрассе стоит современное здание, на месте которого в 20-х годах был другой дом, разрушенный войной, где в 1922 году жила семья Набоковых — доски нет.

Доска Набокову установлена на доме, где писатель жил последние годы до отъезда во Францию в 1937 году, на Несторштрассе, но и её установили не городские власти, а хозяин ресторана-галереи, узнав, что выше этажом жил автор «Лолиты», которую он не читал, однако смотрел американский фильм.

Памятную доску Марине Цветаевой также установили не городские власти, а студенты-слависты Берлинского университета, собравшие на эту доску деньги — в складчину. О том, кстати, и облик доски свидетельствует, также как и у Набокова. Это не тяжёлая, солидная мемориальная доска, а латунная тонкая дощечка, чуть побольше тех, которые вывешивают на дверях квартир с именами проживающих жильцов: «Профессор такой-то», «Зубной врач такой-то». На такие таблички напращивается надпись не «жил» или «жила», а «живёт» или «проживает».

Многое из того, что я прочитал в книге Мины Полянской, было для меня новым, но кое-что было мне известно. Всё это, известное и неизвестное мне, объединено голосом рассказчика, обращающегося к тем, кто любит Цветасву.

Вероятно, автор относит свою книгу к жанру литературной топографии, но я бы не побоялся определить эту книгу как литературный путево-

дитель — нужный и полезный жанр. Тем литературоведам, для которых жанр литературного путеводителя менее уважаем, чем другие, напоминаю, что Стендаль написал «Прогулки по Риму» и «Записки туриста» — не что иное, как путеводители по местам, связанным с вершинами европейской культуры. Путеводителем является и книга Виктора Шкловского о Берлине «Зоо, Письма не о любви, или Третья Элоиза», а Набоков назвал один из своих берлинских рассказов «Путеводитель по Берлину».

Книгу Мины Полянской прочёл с интересом, поскольку люблю такие «экскурсии», сопровождаемые талантливым, вдохновенным голосом рассказчика.

Я не специалист по творчеству Марины Цветаевой — обыкновенный читатель, да и то не постоянный. Но если случайно или по делу попадаю на Цветаеву, читаю с сочувствием, перекликаюсь чувствами с автором. Поэтому, не являясь специалистом, согласился написать некоторое количество слов. Можно их воспринимать как предисловие к книге Мины Полянской, а можно — как отзыв, который пишут посетители в книгу отзывов.

Пушкин никогда не отказывал своим близким друзьям, поддерживая их и защищая от нападок, больше чем себя. Пушкин, разумеется, для меня — пример.

Что же касается самой Цветаевой, то я её другом не был. Во-первых, по разности возрастов, а во-вторых, вряд ли смог бы, если бы пришлось. Впрочем, может, и смог бы. Нечто роднило. С дочерью Марины Цветаевой Ариадной Эфрон я был одно время прописан в домовую книгу на Тарусской даче по причине общего бесправия быть прописанным в Москве и общей бездомности.

Как-то случился у меня разговор с дочерью некоего известного советского писателя — художницей, которая ещё меня рисовала. Разговор был о том, почему Цветаева во время войны в Елабуге просилась посудомойкой в писательскую столовую. Дочь писателя раздражённо заметила, что со стороны Цветаевой это был скорее всего эпатаж.

Думаю, что, устраиваясь в столовую, Цветаева рассчитывала на остатки продуктов — каши и других, которые по военным меркам щедро получали известные писатели. Но ситуация действительно эпатажная: писатели разных сортов и калибров ели бы, а Марина Цветаева мыла бы за ними тарелки. Может быть, из тарелок в свой котелок остатки каши и прочие продукты складывала бы для своего сына. Эпатажная и страшная картина. Гордая женщина, королева!

Андрей Платонов, кстати, попал в тяжёлую ситуацию: где-то в начале пятидесятых просился дворником в Литинститут. Тоже явный эпатаж. Писатели разных сортов и калибров заседали бы, а Андрей Платонов подметал бы двор, чтобы не запачкались писательские ноги. Вот и Мандельштам мог бы работать швейцаром в доме литераторов в его знаменитом ресторане — тоже эпатаж — подавать шубы и пальто их величествам, их сиятельствам или просто рядовым, но вхожим и признанным сочинителям.

Чувство униженной королевской гордости, давно зревшее в Марине Цветаевой, завершилось самоубийством. Это чувство талантливо передано Миной Полянской в её книге «Брак мой тайный».

Я с интересом последовал за автором по местам Марины Цветаевой в Берлине, а также по владевшим ею тогда мыслям и чувствам. Рекомендую это сделать и другим читателям — тем из них, кто хочет у Цветаевой научиться верить в то, что смерть есть предвестие жизни, а жизнь есть предвестие смерти, верить в то, что похороны совпадают с крестинами.

Ах, Марина, давно уже время,
Да и труд не такой уж ахти,
Твой заброшенный прах в реквиеме
Из Елабуги перенести.

Так у Пастернака, писавшего в 1943 году по горьким горячим следам трагедии Марины Цветаевой. Мина Полянская — одна из тех, кто своей книгой сопровождает пастернаковский реквием.

Лицом повернутая к Богу,
Ты тянешься к нему с земли,
Как в дни, когда тебе итога
Ещё на ней не подвели.

4. 12.2000.

Елена Кушнерова
MISSION: IMPOSSIBLE
Конкурс пианистов имени Паломы О'Ши (Paloma O'Shea) в Сантандере

ПЕРВАЯ СЕРИЯ

1982 год... Наконец-то свершилось! Я выиграла отборочное прослушивание к международному конкурсу имени Паломы О'Ши в Сантандере (Испания). Год окончания московской консерватории с красным дипломом. В кармане консерваторская рекомендация в аспирантуру (в те годы вещь редкая!). И вообще, такое чувство, что весь мир в кармане! Отлично помню это ощущение. У меня до сих пор висит на стене фотография того времени: парк Сокольники в Москве и я, раскинувшая руки и готовая обнять весь мир!

Сколько раз я играла на отборочных прослушиваниях, часто доходила до самого конца, но посылали всегда других. Сколько туров я сыграла, подсчитать не в состоянии: сначала прослушивания на консерваторском уровне — обычно два тура, потом на всесоюзном уровне, тоже два или три тура, в общем, эдакие марафоны.

Тут надо сказать, что, в моё время, по сравнению с предыдущими годами, условия предварительных конкурсных прослушиваний ещё более ужесточились — количество участников, допускаемых к конкурсу за границей, с трёх сократили до двух, и стало совсем невозможно вписаться! В прежние годы обычно бывало двое бластных, и конкурс, таким образом, вёлся за единственное место. А в мою бытность в консерватории шансов пройти почти не осталось — ведь всегда находилось несколько очень достойных участников...

Программа конкурса в Сантандере была сложной и расширенной по сравнению с другими конкурсами. Не три тура, а пять — два сольных, третий делился на две части, сольную и камерную (где надо было играть квинтет на выбор из трёх больших фортепианных квинтетов: Брамс, Шуман, Шостакович). И финал с оркестром. На прослушивании в Москве игралась только сольная программа. Кроме того, за месяц до конкурса должно было прийти сочинение, специально выбранное или написанное для конкурса.

И вот, наконец, долгожданная победа! Отобраны два кандидата. Мой однокурсник Олег Волков и я. Началась подготовка. Настоящая, как к олимпийским играм. До конкурса — несколько месяцев, так что времени предостаточно! К тому же, в то время советским участникам предоставлялась великолепная возможность обыграть концерт с оркестром! У меня — 1-й Листа, так, чтобы «навверняка», у Волкова — 1-й Чайковского. (Тогда ещё не было в моде играть 3-й Рахманинова или 2-й Прокофьева, как это происходит сейчас).

Тут необходимо кое-что пояснить для читателя-немузыканта. Упомянутые мной концерты Листа и Чайковского считались в моё время сочинениями сложными и очень показательными для конкурсов любого уровня. А 3-й Рахманинова и 2-й Прокофьева звучали на конкурсах и в концертах крайне редко, ввиду своей из ряда вон выходящей технической и музыкальной сложности. С тех пор средний уровень пианистической техники настолько вырос, что эти сложнейшие концерты Рахманинова и Прокофьева звучат практически на всех конкурсах по несколько раз.

Через пару месяцев для нас с Волковым было прислано обязательное произведение композитора Момпу. Прислано оно было, конечно же, на адрес Госконцерта, так как у всех советских участников имелся именно этот один общий адрес... Я не верю своим глазам: что-то настолько простое и короткое, что переспрашиваю, не ошибка ли, не шутка? Нет! Так оно и должно быть. Ну, хорошо, нам же лучше!

В жюри от Советского Союза едет мой профессор С.Л. Доренский, который уже ездил на этот конкурс и «дружил» с Паломой. Он даже представил меня ей лично, когда она приезжала на конкурс имени Чайковского в Москву. Палома — очень красивая женщина, в прошлом пианистка, жена владельца “Banco de Santander” и организатор конкурса имени себя. Эта семья уступает в богатстве только королевской семье и, естественно, состоит в дружбе с оной. Палома с очаровательной улыбкой сказала, что

ждёт меня на конкурсе, и что уже много похвального обо мне слышала. Я впервые сталкиваюсь с западной вежливостью... Впечатлило!

И вот потекли эти месяцы, которые не могли быть испорчены даже гремучей завистью окружающих. Одни перестают со мной здороваться, а те, кто здороваются, не могут не высказать, что конечно-де я прошла, да при Доренском-то и не пройти, и конечно я получу первую премию, потому что Дорен-то в жюри! Ну, и всё в таком духе, конечно, точного текста я не помню, но только вот этот припев: первая премия, первая премия, первая премия... И сумму даже какую-то называли, которая у меня уже-де в кармане! Главное, вот эти деньги! И все знали, сколько там денег! И откуда?

Оформление на конкурс

Кто не застал процедуры оформления на конкурсы, тот не поймёт этого театра абсурда. Как у Чайковского в романсе «Нет, только тот, кто знал...». Расскажу по памяти, в общих чертах, может, чего-то уже и не вспомню. Значит, так: сначала надо было получить характеристику, не помню, от комсомольской или от партийной организации, или от обеих сразу, где, кроме описания профессиональных качеств, обязательно должно было стоять: активно принимает участие в комсомольской жизни факультета (или курса), политически грамотна, морально устойчива. Помните: «Характер нордический, стойкий, в связях, порочащих её, не замечена», ну и так далее по списку. И вот именно эта моральная устойчивость почему-то всех всегда особенно веселила.

Кроме характеристики, надо было принести справки из психоневрологического и венерологического диспансеров, о том, что ты там на учёте НЕ состоишь. А то, если не дай Б-г состоишь, и тебя уже один раз вывели, скажем, от гонорей, то как ты можешь представлять честь страны за границами оной?

Со всеми этими филькиными грамотами надо было идти сначала в райком комсомола, потом в райком партии. При этом надо было выдерживать какие-то сроки, например, между одним райкомом и другим должно было пройти не менее трёх недель, а в райком комсомола можно было попасть только по записи не то раз в неделю, не то раз в месяц. Убейте, не помню. Но зато помню чётко, что, если раз не попадёшь, или там не пройдёшь по какой-то причине (скажем, недостаточно политически грамотен), то вся поездка накрывалась медным тазом. Это всё так специально было зарегулировано, чтобы держать всех постоянно в тонусе, чтобы мы не расслаблялись, не играли почём зря на рояле, а по-настоящему и всерьёз занимались всей этой хренотенью и тряслись, тряслись, тряслись... Не успеем, не пройдем, не поедем... И даже вот такие слова были придуманы ко второй сонате Шопена: еду — не еду, еду — не еду...

Что же происходило в райкомах? Сначала все стояли в очереди, это обязательно. Потом нас вызывали в кабинеты, где сидели очень серьёзные

и важные **товарищи**, которые задавали высокоинтеллектуальные вопросы, прямо или косвенно относящиеся к музыкальным конкурсам, типа: назовите главу коммунистической партии Чехословакии (или любой другой социалистической страны) или, к примеру, что сказал Ленин (или Брежнев) по тому или иному поводу, или вот, что такое «мирное сосуществование». На этот конкретный вопрос у меня был чётко заученный ответ: «Мирное сосуществование — это новая форма классового боя». Здорово, а? И ведь зазубрила намертво! Помните, как в том анекдоте: «Дэти! Понят это нэльзя! Это надо виучить!» При этом если человека хотели зарубить, на все его ответы, в том числе и правильные, ему говорили, холодно глядя прямо в глаза: неправильно! И всё! Забудь надежду всяк, сюда входящий. Поэтому мы шли на эти «собеседования» с вдохновением обречённых на казнь.

Именно поэтому **пройти на конкурс и поехать на конкурс** — это были две большие разницы (или очень много маленьких, как говорят в Одессе). Сколько было известно случаев, когда в последний момент человека не пускали. И даже из самолёта вытаскивали! И было это чем-то таким очень стыдным, позорным, что обсуждалось в кулуарах, и обычно на этом человеке стояла несмываемая печать «невъездного», и карьера моментально и навсегда заканчивалась, не успев начаться.

Удивительно, но мне все эти гонки с препятствиями удалось преодолеть без малейшего промаха: были подписаны документы во всех мыслимых и немыслимых райкомах. Теперь осталось последнее звено этого марафона — поход в ЦК. Что там происходило — даже Кафке не приснилось бы. Я уже и не помню, где территориально это находилось, но приходили туда по одному. Строго по пропускам. Запускали тебя в какую-то комнату одного. По-моему, даже сумку отбирали. И давали читать брошюру с пометкой «совершенно секретно». Читать её надо было в этой самой комнате, выносить или копировать её категорически запрещалось. Так что же было написано в этой секретной книжице? Помню, что я читала это как сборник анекдотов. Страшно жалею, что не могла запомнить всего наизусть. Но смысл был в том, что нас предостерегали перед ужасами Запада, а они были везде, эти ужасы! Мы должны были избегать всяческих контактов с иностранцами, не брать ничего на улицах, будь то листовки или даже подарки, не поддаваться на провокации и... бдить! Если бы я не понимала, что везде стоят камеры, я просто со смеху бы умерла! Но вот я осталась в живых, и, предварительно сдав книжицу обратно, по назначению, и обогатившись огромной кучей полезной информации (которой, к слову сказать, мне и воспользоваться-то не дали), покинула ЦК с чувством выполненного долга.

Ну, вроде всё! Оставалось только ждать. Ждать, выпустят или НЕ выпустят, потому что паспорт с выездной и въездной визами выдавался обычно в последний день.

Обыгрывание концертов в Саратове

А между тем, в процессе подготовки, кроме «важных дел», а именно, оформления документов, нам с Волковым была предоставлена возможность обыграть с оркестром последний тур. Для этого мы должны были поехать в город Саратов, чтобы играть там приготовленные для третьего тура концерты. На афише так и стояло: кандидаты на международный конкурс пианистов имени Паломы О'Ши в Сантандере. Первое отделение — Концерт № 1 Листа, исполняет Елена Кушнерова, второе отделение — Концерт № 1 Чайковского, исполняет Олег Волков. До концерта остаётся несколько дней, я в полной боевой готовности. И тут звонит мне Волков и говорит, что он в Саратов не поедет, заболел. Я ему: «Да ты что, Олег! Что значит, заболел? Концерт же только на нас двоих! Это значит, и мне играть не придётся! Да как можно отменять вообще концерт с оркестром?» — а он: «Ну, не могу играть и всё!» Я в панике: это же мечта идиота — играть с оркестром! Я к тому моменту только один раз в жизни играла с оркестром. Было мне девять лет, и играла я концерт Баха фа-минор с оркестром Кинематографии. Я запомнила это ощущение счастья, когда вокруг сидит целый оркестр, а ты в центре за роялем, и дирижёр, глядя на тебя, поднимает руки, элегантно держа в руке дирижёрскую палочку. Как же можно ТАКОЕ счастье отменять? И вот начались звонки-перезвонки, понятное дело, концерт собираются отменять, раз один из участников играть не будет. Замену искать поздно, всё пропало! Тогда я говорю: «Дайте мне два часа, я вам перезвоню». Сажусь за инструмент и начинаю в каком-то беспамятстве повторять концерт Чайковского, который, конечно, играла, но давно! И, конечно, не на сцене и, конечно, без оркестра. Отменить концерт — нет, нет, нет! Об этом не может быть и речи! Мама говорит: «Давай, я с тобой поеду, мы в поезде его повторим». Я звоню в конкурсный комитет и говорю: «Концерт не отменяйте, я буду играть оба концерта». Удивительным образом это предложение принимается! Ура!!! Хотя какое «ура», когда я, как сумасшедшая, сижу и долблю концерт Чайковского, который изрядно подзабыла. И вот я помню: мы с мамой в поезде, взяли билет в купе СВ на двоих (советский вариант первого класса), чтобы никто не отвлекал. Мама мной дирижирует, подпевает, и говорит: «Сможешь, не волнуйся, успеваем. Давай Листа повторим».

Я говорю: «Мама, какой Лист! Я же его учила всё это время! Чайковского надо!!»

А мама: «Нет, давай Листа, это 20 минут, а потом Чайковского, а то Лист может пострадать».

В общем, дальше ничего не помню. Репетиции с оркестром не помню, но наверняка репетиции были. Дирижировал, как обычно в таких случаях, не главный дирижёр, а второй — Владимир Игнатьев. Весь оркестр во главе с дирижёром меня поддерживает, концерт не помню абсолютно, не помню, как я играла. Зато помню, что успех был, и, между про-

чим, большой. Выглядела я очень юно, публика это любит, да ещё два концерта в одной программе! Тогда исполнение одним пианистом (да ещё молодым!) двух концертов с оркестром за один вечер было делом необычным. Не то, что сейчас... Нам и один-то концерт с оркестром сыграть по молодости и «незрелости» практически не давали. Наверное, считалось, что сначала мы должны «созреть» и... сами с деревьев попадать.

Помню только, что все силы, душевные и умственные, ушли на Чайковского, а Лист, как и предупреждала мама, «пострадал». После Чайковского я расслабилась и играла Листа уже на «автопилоте», то есть, конечно, сыграла я нормально, но без нужного блеска. Дирижёр подошёл к маме, поздравил её очень тепло, сказал, что «таких, как ваша дочь», очень мало и «пообещал» первую премию на конкурсе. Опять возникла эта первая премия — шкура неубитого медведя.

Перед отлётом

И вот она, последняя неделя перед отлётом. Мне сшили два платья для конкурса. Как я сейчас понимаю, простенькие-простенькие, скромные-скромные. Одно беленькое, как для первоклассницы, второе бледно-зелёное с рукавичками-крылышками. Тогда они мне казались просто шикарными! Я подучила испанский, могла немного понимать и немного говорить. А фразой “Tengo mucho gusto de conocerle a usted” (имею много удовольствия с вами познакомиться) я до сих пор вызываю восхищение испанцев. Она, эта фраза, так же, как и “cómo esta usted”, вылетают у меня без предупреждения, как из пулемёта. Всё это училось для мифического случая, если всё же удастся с кем-нибудь пообщаться. В сущности, говорить самому с иностранцами возбранялось, и даже в заполняемой на выезд анкете, в графе «владение иностранными языками», правильно было писать: «читаю и перевожу со словарём», чтобы тебя, не дай Б-г, не заподозрили в том, что ты умеешь говорить!

Для этой цели ездил всегда и со всеми переводчик «в штатском», как мы называли КГБшников. Бывали просто невероятные казусы, с этим связанные. Например, во Францию посылали агента, еле говорящего по-английски (и совсем не говорящего по-французски), а в Англию — наоборот!

По мере приближения отъезда, волнение нарастало, все родственники и сочувствующие ежедневно интересовались, как дела и когда будут паспорт выдавать. И вот за несколько дней до предполагаемого отлёта у меня засосало под ложечкой. Что-то было не так. Мне перестали звонить. Все. Включая Олега Волкова, который до того исправно звонил мне чуть ли не каждый день. Что-то было странное во всём этом. На мои звонки в министерство ответ один: ждите.

С каждым днём возбуждение росло, к нему добавилось чувство неотвратимости, полной беспомощности и ещё какое-то гадкое предчувствие «неужели»?

«Родственники за границей» – Ярмоненко и Брагинские – лирическое отступление

Тогда же, по-моему, впервые возникла мысль или скорее опасение (а может быть, и то и другое было всегда): «родственники за границей»... Этот дамоклов меч, который надо мной висел. У меня действительно были родственники за границей (а у кого из евреев или армян их не было?) — двоюродная сестра папы с семьёй, то есть, моя двоюродная тётка и, соответственно, троюродные братья, пианист и скрипач. «Беда» заключалась в том, что это была не просто какая-то там двоюродная тётка, а известный педагог, пианистка, ученица Гольденвейзера, преподававшая в ЦМШ до отъезда в Израиль в 1971 году, Е.Д. Ярмоненко. Человек в музыкальном мире известный. И музыкантам, естественно, было известно, что она — моя тётя.

Мама иногда приводила меня к тётке Жене проконсультироваться. По теории же и по гармонии музыки моя мама занималась с моим троюродным братом Сашей перед его поступлением в консерваторию. К слову сказать, Саша, сейчас Алекс Брагинский, стал в Америке очень известным педагогом, но я до сих пор ещё не была у него в Миннеаполисе, где он — декан фортепианного факультета в университете. Но это между прочим.

Когда я собралась поступать в школу, где тётя Женья тогда преподавала, моя мама привела меня к ней показать и посоветоваться. Тётя Женья отговаривала маму от ЦМШ, дескать, я всё равно туда никогда не поступлю, потому что я еврейка и «не блатная», и что я к тому же «не цмшовская» и всё такое прочее. Так что до моего поступления никому не было известно, что она — моя тётя, она этого не хотела. Только после того, как я поступила в ЦМШ первым номером, просочились слухи, что мы — родственники.

Перед отлётом (продолжение)

Дальше я всё помню плохо, как в каком-то ночном кошмаре, когда точно не помнишь, что происходило, но помнишь только ощущение чего-то гадкого, что тебя настигает, и против чего невозможно бороться. Как нельзя бороться с невидимкой. Невидимый враг, что может быть хуже? Все делают вид, что всё в порядке: «Позвоните в два часа... Позвоните в пять часов... нет, ещё ничего неизвестно. Позвоните завтра с утра...»

И вот ты тупо звонишь, хотя понимаешь, что всё кончено, что тебя водят за нос, чтобы выиграть время, чтобы ты ничего не мог предпринять, хотя — что можно предпринять? Ни на какие вопросы не отвечают, просто вот.... «ещё неизвестно, позвоните завтра».

Папа начинает писать письма. Куда писать? Кому писать? Министру Культуры Кухарскому? В ЦК партии? В Правительство? Куда? Дорогому Леониду Ильичу лично? Телеграмму? В 100 слов....

Мама обращается к какой-то страшной «шишке» в Министерстве Иностранных Дел, с которой она имела дело по работе на Студии Документальных Фильмов. «Шишка» спрашивает: «Какой визы нет? Испанской или выездной? Если испанской — нет проблем, всё уладим, а вот если выездной нету...»

Телефон по-прежнему молчит, Волков не звонит, Доренский, с которым я поделилась моими сомнениями, в гневе: «Почему мне не рассказали о родственниках за границей?»... Я цепенею. А что было рассказывать? Что-де, можно ли мне играть на отборе, хотя у меня двоюродная тётка уехала 10 лет назад в Израиль? И, заметьте, не сбежала, не «предала Родину», а чин чинарём, по официальному разрешению властей **вернулась на историческую родину**. И что, я должна была это на всех перекрёстках рассказывать?

В общем, кошмар! Кошмар и ужас! И почему-то очень стыдно, как будто я что-то неприличное сделала... В голове звучат последние слова из оперы «Евгений Онегин», которые я знала и даже пела с трёх лет: «Позор! Тоска! О жалкий жребий мой!»

Эпизод последний. Министерство культуры

Наступает день отлёта. Что делать? Официально мне никто ни в чём не отказывал, поэтому надо ехать в Министерство культуры и ждать выдачи паспорта. Поехали все: мама, папа и я. Хотя я вообще не помню, что там была мама, но она уверяет, что была... И ещё, мы с чемоданом. А как же без чемодана? А вдруг случится Чудо и мне надо будет лететь! А я без чемодана! Без чемодана никак нельзя! Обязательно с чемоданом! Бегут минуты, считаю до 100, потом опять до 100, и всё время бегаю к окошечку, где эти проклятые паспорта выдают. Заметьте, не дверь, не кабинет, а окошечко, чтобы ты даже войти не мог, а так, в коридоре, по стеночке... Окошечко закрыто, за ним тишина, пустота... И ещё двери, двери, все двери закрыты, как вымерло всё. И только я с родителями и с этим чемоданом...

За стенами этого, с позволения сказать, Министерства, есть два человека (ну, кроме родственников), которые действительно за меня болеют всей душой: старинный друг и учитель мамы композитор Александр Лазаревич Локшин, также и мой Учитель в большом значении этого слова; и мой большой друг, композитор и пианист Михаил Ермолаев (теперь Коллонтай). Миша, единственный в Консерватории НЕкомсомолец (по идеологическим соображениям, потому как верующий), проходивший эту процедуру дважды и дважды не выехавший на конкурсы — имени Баха в Лейпциге и имени Бетховена в Вене. А Александр Лазаревич вообще в двойной опале. Разные поколения, разные судьбы, но оба в опале. Поэтому оба кожей чувствуют эту заразу, этого спрута, меня опутавшего. При этом Миша всё время советует: «Занимайся, занимайся, занимайся до послед-

него момента! До отлёта самолёта». Легко сказать, занимайся! Когда у меня от возбуждения руки трясутся, и зуб на зуб не попадает! Оба ждут контрольного звонка. Мама должна позвонить Александру Лазаревичу, а с Мишей мы договорились, что если я не звоню до пяти вечера, значит, я улетела... Улетела?

Приближается контрольное время «икс», время отлёта самолёта. Я с чемоданом по-прежнему в Министерстве. Папа рвётся во все кабинеты, никто не имеет ни малейшего понятия ни о чём, включая самого товарища Иванько (прославленного Владимиром Войновичем в его «Иванькиаде»). А папа всё бегаёт, мечется, и я бегаю просто без смысла туда-сюда.

Всё. Занавес упал. Самолёт улетел. Без меня. Всё кончено. Не чувствую ничего. В том числе, не чувствую всю левую часть тела. Повисает левая рука, не чувствую левую ногу... Паралич. Страшным усилием воли стараюсь шевелить конечностями, ничего не выходит. И тут я себе просто приказываю: а ну прекратить этот психоз! Чтоб я из-за этих подонков ещё и паралич получила? Не дождутся! Раньше пусть они все, сволочи, подлещы и трусы сдохнут! И... о Чудо! Мой гнев поборол временную слабость, и я начинаю чувствовать сначала кончики пальцев — по ним бегают мурашки, потом «появляется» плечо, потом бедро, и вот я уже могу наступить на ногу, хотя ощущение слабости ещё присутствует...

После. Недотыкомка

Что я ещё чувствовала? Не знаю. Пустоту? Разочарование? Ненависть? Не знаю... Сначала ещё ничего. Мама поехала на ЦСДФ, на работу (это с её слов. Повторяю, что я вообще не помню, что там была мама), а мы с папой и с чемоданом едем домой. Как хорошо, что есть дом, мама, папа. Не успеваю открыть дверь ключом, телефонный звонок. Миша... услышав мой голос, явно разочарован: «А я звоню, звоню, тебя нет, думал, что ты улетела». Да уж! Улетела. Куда улетела? Я здесь! Миша предлагает мне встретиться, прямо сейчас. Чтобы вот мне сейчас не сидеть дома. Я с радостью соглашаюсь, хотя идти некуда, ни кафе, ни ресторанов в то время в Москве не наблюдалось. Да и неважно это было! Позвонив Локшиным и договорившись приехать к ним на ужин (незабываемые «фирменные» гренки Татьяны Борисовны, жены Локшина), бегу на встречу с Мишей. Где мы встретились, не помню, где-то в метро. И, по-моему, просто ездили по кольцевой. И ещё ужасно смеялись, чему и почему, не помню, но помню, что было это очень хорошо!

Потом я прибежала домой, взяла папу (мама была на студии, где производился очередной документальный шедевр), и мы поехали на Мосфильмовскую к Локшиным. Там мы все тоже ужасно смеялись, Александр Лазаревич просто блистал остроумием, потом, после гренков, слушали замечательную вечную его музыку, а на прощание Александр Лазаревич дал

мне почитать «Мелкого беса» Фёдора Сологуба, чтобы, по его словам, «выбить одну гадость другой, ещё более гадкой», так сказать, клин клином... А!!! НЕДОТЫКОМКА! Вот оно что!

P.S.

Вернувшись из Сантандера, Доренский сказал: «У тебя вытащили из кармана первую премию». Олегу Волкову на этом конкурсе была присуждена вторая премия.

P.P.S. Размышления на тему «Что такое хорошо и что такое плохо»

Первую премию получил пианист из Южной Африки Марк Раубенхаймер. Через 2 года он должен был играть сольный концерт перед гостями и участниками следующего конкурса. Но незадолго до его концерта случилось большое несчастье — испанская пианистка Роза Сабатер, которая должна была играть концерт в Сантандере, погибла в авиакатастрофе — упал самолёт компании «Иберия», летевший из Мадрида в Сантандер. Это была не только знаменитая пианистка, но и подруга Паломы. Через неделю должен был прилететь Марк и играть концерт памяти Розы Сабатер. Он тоже должен был лететь «Иберией» из Мадрида в Сантандер. В это почти невозможно поверить, но и этот самолёт упал! И Марк погиб. А ведь именно он получил ту самую, «мою» первую премию! Вот и пойми, кому повезло, а кому не...

Конец первой серии

Борис Тененбаум
ПРОБЛЕМЫ ПРАВЛЕНИЯ
ПРИ НЕСОГЛАСИИ УПРАВЛЯЕМЫХ
Главы из новой книги «Израильские войны»

(предыдущие главы см. в №6/2015 исл.)

I

16-го октября 1936-го года в порту Яффа случилось знаменательное происшествие: рабочие нечаянно уронили бочку с цементом. Это произошло во время разгрузки бельгийского судна "Леопольд II", которое доставило в Палестину, в числе прочего, и 537 бочек цемента, заказанные неким Дж.Катаном, добропорядочным коммерсантом из Тель-Авива.

Ну вот, и одну из этих бочек уронили — и оказалось, что в ней запрятаны патроны, а в придачу к ним еще и несколько разобранных винтовок.

Вспокоившиеся таможенники немедленно остановили разгрузку, известили полицию, и начали обыск. Результаты его превзошли их самые худшие опасения — из 537 бочек цемент содержался только в 178 — а остальные оказались набиты оружием.

Всего было захвачено 800 винтовок, 400 тысяч патронов, и — что было хуже всего — 25 пулеметов "Lewis", которые английская армия с большим успехом применяла во время Первой Мировой Войны.

Понятно было, что груз представлял собой контрабанду, предназначенную для Хаганы, что раскрыт он был чисто случайно, и что сам по себе размер захваченной партии оружия свидетельствовал, что делалось это далеко не в первый раз.

Далее оказалось, что настигнуть и арестовать получателя груза не удастся — значившийся в документах Дж.Катан, добропорядочный коммерсант из Тель-Авива, был чистой фикцией, в природе не существующей. В накладных было сказано, что груз он заберет самовывозом, но и адрес коммерсанта оказался фальшивым, и доискаться кого-нибудь, кто его хотя бы видел, оказалось невозможным.

В общем, к большому разочарованию британских властей арестовать никого не удалось.

Однако арабская пресса Палестины их "... разочарованием ..." не удовлетворилась. В газетах была поднята кампания под лозунгом "Евреи готовятся к войне!" — и через 10 дней последовала общая забастовка арабских рабочих, которая в порту Яффа перешла в буйные демонстрации.

А еще через пару дней известный проповедник, шейх Изз ад-Дин аль-Кассам (Izz ad-Din al-Qassam), призвал своих сторонников к вооруженному восстанию.

II

Само по себе воззвание мало что значило — но шейх аль-Кассам был не просто проповедником.

Он родился в Сирии в образованной семье, преданной Исламу. Когда подросток отправился в Египет и учился там в аль-Азхаре, знаменитом медресе, крупнейшем центре истинно исламского образования, и усвоил концепцию, согласно которой "... неверные пожирают мусульман, как лакомое блюдо ...", и ответить на это надо силой. Вернувшись домой, в Сирию, аль-Кассам претворил теорию в практику — принял участие в восстании против французской власти.

Восстание французы подавили — и не сносить бы шейху головы, но он сумел бежать, добрался до британской Палестины, и там верные сторонники укрыли его в Хайфе.

Вот в Хайфе шейх аль-Кассам стал лидером подпольной организации "Черная Рука". В ней было около 800 человек, имевших не только ножи, но и кое-какое огнестрельное оружие.

Целью организации была "... беспощадная борьба против безбожных сионистов и англичан ...", которых следовало убивать при первой возможности.

А если такой возможности не представлялось, то правоверному рекомендовалось сосредоточиться на вырубке садов, "... посаженных сионистами ...", и на разрушении железных дорог, "... проложенных англичанами ...".

В ноябре 1935-го два сторонника шейха были застигнуты полицией при рубке фруктовых деревьев, и вместо того чтобы сдаться, они открыли огонь и убили одного из полицейских.

Вот таких вещей англичане очень не любили.

Аль-Кассам был объявлен вне закона, выслежен, и убит в перестрелке с полицией в пещере неподалеку от деревни Ябуд. Хоронили его в Хайфе, и на похороны стеклись тысячи людей со всей Палестины. Шейх после смерти оказался куда важнее, чем был при жизни.

Он стал мучеником.

III

Бурная жизнь, прожитая Изз ад-Дином аль-Кассамом, отразила нечто большее, чем его личную судьбу. Еще недавно, в начале 20-х годов, вроде бы всемогущие тогда державы Антанты делили Ближний Восток по

своему усмотрению, и министр колоний Великобритании, Уинстон Черчилль, властной рукой создавал княжества и королевства.

Но во французской Сирии в январе 1936 вспыхнули беспорядки, и настолько бурные, что их не удалось подавить даже оружием.

В начале марта французское правительство оказалось вынужденным принять в Париже делегацию сирийского национального движения, которая должна была обсудить вопрос о предоставлении Сирии независимости.

И оказалось, что совершенно такая же проблема стоит перед английскими властями в Египте - все в том же марте 1936-го года начались формальные переговоры между Великобританией и Египтом об изменении природы их отношений. Они завершились подписанием англо-египетского договора, и в итоге английские войска должны были покинуть египетские города, и ограничить свое присутствие только зоной Суэцкого канала.

Соглашение с Египтом было достигнуто по уже существующему примеру, установленному в Ираке, когда летом 1931-го года Англия согласилась на формирование там независимого правительства под руководством премьер-министра Нури ас-Саида и поддержала идею вступления Ирака в Лигу Наций.

Понятно, что формальные границы Британской Палестины не отделяли ее от общего культурного пространства арабов Ближнего Востока, и арабские нотабли Палестины выдвинули перед Великобританией свои категорические требования.

Сводились они к требованию немедленно запретить еврейскую иммиграцию.

Ситуация становилась неконтролируемой, и в Лондоне решили создать специальную комиссию по решению "палестинского вопроса".

Ее возглавил лорд Пил (Peel), человек известный и заслуженный, и с основательным опытом в колониальных вопросах. Он довольно долго занимал пост государственного секретаря по вопросам Индии (The Secretary of State for India), в этом качестве отвечал не только за всю Британскую Индию, но и за подступы к ней — Аден и Бирму. Как правило, он находил выход из самых сложных ситуаций.

В Лондоне считали, что лорд Пил найдет выход и в Палестине.

IV

Лорд выход действительно усмотрел, и заключался он в разделе Палестины на три части: арабскую, еврейскую и британскую.

Арабскую часть при этом предполагалось привести в экономическую ассоциацию с эмиратом Трансиордания, а еврейскую — составить из тех городков и поселений Палестины, в которых имеется еврейское большинство.

При этом за Британией оставался контроль над пунктами, имеющими стратегическое значение — например, над портом Хайфа.

Предложение комиссии лорда Пила атаковали со всех сторон. Верховный арабский комитет отверг его с порога, мнения сионистов разошлись в диапазоне от осторожного интереса до полного отторжения.

А в Англии задавали резоннейшие вопросы — например, как будет кормить себя арабская Палестина, пусть даже в ассоциации с Трансиорданией? Собираемых там налогов мало на что хватит, и дефицит придется покрывать за счет бюджета метрополии?

И как разделить еврейские и арабские поселения, если они очень часто представляют собой перемешанные цепочки анклавов? В качестве примера достаточно сослаться на арабскую Яффу, с ее еврейским "пригородом" под названием Тель-Авив.

Каким образом их можно разделить?

Лорд Пил в качестве практического средства предлагал "... обмен населением ...", который, вообще говоря, сводился к переселению примерно 200 тысяч арабов из зоны с еврейским большинством.

Эта идея встретила полную поддержку со стороны ишува, а со стороны Верховного арабского комитета — столь же полный и категоричский отказ даже рассматривать такую возможность.

Так все эти дебаты длились и длились, и все это шло вплоть до 26 сентября 1937-го года. В этот день Льюис Йелланд Эндрус, британский комиссар Северного округа Палестины, попал в засаду, устроенную сторонниками шейха аль-Кассамы. Его убили в городе Христа, Назарете, на пути в церковь.

Места лучше они не нашли.

V

В 1923-ем году в Риге Жаботинский основал молодежную сионистскую организацию, "Бейтар" — так звучала ивритская аббревиатура слов "Союз [имени] Иосифа Трумпельдора". Трумпельдор погиб в 1920-ом на севере Палестины, защищая поселения Тель-Хай, и Жаботинский видел в своем покойном друге воплощение того, кем должен быть истинный сионист: строитель, не отступающий ни перед какими трудностями, и бесстрашный воин, человек с высоким чувством чести.

Собственно, именно таким сам Жаботинский и был — и на возникшую возможность некоего "... нового сотрудничества с англичанами ..." в деле подавления арабского мятежа посмотрел отрицательно.

После резни в Хевроне он никаким английским обещаниям не верил, ибо "... предавший раз — предаст и снова ...".

Но Бен-Гурион посмотрел на вещи иначе.

Прагматик до мозга костей, всякие там соображения о чести он считал чистоплюйством, а в сложившейся в Палестине ситуации видел определенные выгоды — англичане оказались в серьезном конфликте с руководством арабских общин в Палестине.

Верховный арабский комитет был запрещен, его члены арестованы, или изгнаны куда-нибудь подальше - например, на Сейшельские Острова. В создавшейся обстановке колониальные власти нуждались в "... помощи на местах ...".

Неофициальные военные связи с английской администрацией были установлены, Хагана в какой-то степени была легализована под названием "Полиция Еврейских Поселений" (Jewish Settlement Police), была также организована "Еврейская Вспомогательная Полиция" (Jewish Supernumerary Police) — поначалу в количестве 6000 человек — вооруженная англичанами.

Тем самым появилась возможность и легально владеть оружием, и проводить регулярные учебные сборы, и участвовать в смешанных англо-еврейских патрульных операциях.

Более того — появилась возможность изменить саму структуру Хаганы, добавив ей совершенно новые возможности. Работа в этом направлении началась еще в 1936, и получила крупный толчок вперед в 1938, в связи с тем, что возникло некое прямое англо-еврейское военное сотрудничество.

Об этом сотрудничестве есть смысл поговорить отдельно.

VI

С началом арабского мятежа в 1936 году выяснилось, что с задачей самообороны Хагана справляется — повторений Хеврона не было, и даже серьезных попыток нападения на сколько-нибудь крупные еврейские поселки не предпринималось.

Было понятно, что это натолкнется на жестокий отпор.

Но зато ночью и поля, и дороги Палестины принадлежали повстанцам. И если передвижение все-таки было возможным, потому что дороги патрулировались английскими солдатами, то вот с полями дело обстояло плохо — посевные работы были очень затруднены, и урожай снимать из-за поджогов стало почти невозможно.

Руководство Хаганы осознало, что это не единичные промахи, а системная проблема: самооборона строилась на принципе "... защитим наши дома иждеждемся подхода полиции ...".

Для предотвращения погрома — достаточно. А для ведения войны — нет, недостаточно.

Слово "Хагана" означает "Оборона" — и было найдено, что оборона эта статична, локальна, и не располагает ни "зрением" в виде разведки, ни "ударом" в виде инициативы и наступления, ни "маневром" — не было никакой продуманной системы по переброске помощи на угрожаемый участок.

Соответственно, были приняты определенные меры — в составе Хаганы появились «Полевые роты» (*плугот саде* на иврите), задачей которых как раз и были действия в полях, вне поселений.

Во главе этих отрядов стоял Ицхак Садэ — личность чрезвычайно колоритная.

Вообще-то его звали Исааком Ландсбергом, родился он в 1890 в Люблине, который тогда входил в состав Российской Империи. Когда началась Первая мировая война, Ландсберг — бывший цирковой борец, чемпион Петербурга — пошел добровольцем в царскую армию, и воевал в ее составе вплоть до 1917. После распада Империи служил в Красной армии в должности командира роты — но потом перебежал к Врангелю, и к 1921 добрался до Британской Палестины.

Понятно, что человек с его опытом Хагане очень пригодился — и к 1938 Исаак Ландсберг командовал еврейской поселенческой полицией, создал из ее лучших бойцов «Полевые роты», о которых мы уже говорили, даже поменял фамилию на «Садэ», что на иврите означает «поле» — и вот тут ему подвернулся замечательный шанс.

Он встретился с Ордом Вингейтом.

VII

Капитан Вингейт службу свою в британской армии начинал в артиллерии. Еще в военном училище произошел с ним следующий казус: по заведенному обычаю кадеты старшего курса "... гоняли молодых ...", и один из способов "гоняния" заключался в том, что провинившегося курсанта младшего курса наказывали пробежкой в голом виде через строй старшекурсников, которые и лупили его мокрыми полотенцами, а в конце пробежки обливали ведром воды, в которое перед этим заботливо помещали три-четыре пригоршни колотого льда.

И вот, Вингейту вменили в вину "... слишком позднюю доставку лошади в конюшню ...", и объявили наказание пробежкой.

Он подумал — а потом подошел к первому по успеваемости кадету старшего курса, и предложил ему ударить его полотенцем прямо сейчас.

Кадет поглядел на Орда Вингейта, тоже подумал — и сказал, что "... это не по обычаю ...", и поэтому бить его он не будет.

Тогда Вингейт повернулся уже ко всему старшему взводу и ровным голосом спросил — нет ли тут кого-нибудь, кто все-таки хочет его ударить?

Охотников не нашлось.

И в итоге кадет Вингейт приобрел репутацию "... трудного подчиненного, не признающего обычаев ..." — но хорошего солдата.

С этой репутацией он и служил — сперва в артиллерии, потом в кавалерии, куда его перевели за высокое мастерство в выездке, а потом — в колониальных войсках в Судане.

Он там создал из местных новобранцев отряд в три сотни штыков, и который с большим успехом действовал против тамошних работорговцев и контрабандистов.

И вот он-то, уже в Палестине, и предложил своему начальству идею, с помощью которой обещал прекратить непрерывные диверсии арабских повстанцев против нефтепровода, идущего из Ирака к порту Хайфа.

Никакое патрулирование справится с ними не могло.

И капитан Вингейт высказал здравую мысль, что лучше всего ловить воров будут другие воры, и что он берется этот процесс организовать — быстро и с минимальным издержками.

Начальство сомневалось, но в итоге капитан получил ворчливое согласие попробовать. И вот тут-то его пути и сошлись с теми, которыми ходил Ицхак Садэ.

Так образовались “Специальные ночные взводы” — ‘Special Night Squads’ (SNS).

VIII

Стороны быстро договорились. Ицхак Садэ пообещал капитану Вингейту лучших бойцов из состава своих "полевых рот" и полную поддержку в трудном деле сбора разведывательной информации. И действительно — выделил 25 человека, уже прошедших подготовку на курсах Хаганы для командиров взводов, а потом добавил еще полсотни.

Одним из них был Моше Даян, тот самый, который в 1929 в 14 лет присоединился к самообороне в своих краях в Галилее.

Когда в ходе борьбы с нынешним арабским мятежом началось формирование еврейской вспомогательной полиции, он был принят туда в качестве констебля.

Начальство его ценило, и довольно быстро произвело в сержанты.

Правда, с такой же быстротой разжаловало — “... за несоблюдение субординации ...”.

Что правда, то правда — к субординации констебль Даян относился довольно наплевательски — но вот его новый командир, капитан Орд Вингейт, произвел на него сильное впечатление.

Прежде всего, он ориентировался ночью на местности лучше своих подчиненных, которые считали эту местность своей, и думали, что знают ее как свою ладонь.

Вингейт казался им стариком (ему было в ту пору 35 лет), но и в физической форме и в выносливости он не уступал своим двадцатилетним бойцам.

Ну, и наконец, капитан показал им, как надо “... воевать в Судане...”.

Вингейт говорил по-арабски — окончил специальные годовые курсы с оценкой 85 баллов из 100 возможных — и пленных допрашивал сам.

Ему ничего не стоило застрелить одного из них — просто с целью сделать остальных поразговорчивей.

Захваченных с поличным при диверсии на нефтепроводе, как правило, убивали на месте. Но не всех — некоторым калечили руки, макали головой в нефть, а потом отпускали в родные деревни.

Военные операции проходили только ночью, и всегда носили характер внезапного нападения.

Одна такая засада, организованная группой из 7 командос (Даян был одним из них), обратила в паническое бегство арабский отряд из 80 человек.

В военном смысле успех "Специальных ночных взводов" был полным. Считается, что они причинили 12% всех потерь, которые понесли арабские отряды в 1938, и при этом сами потеряли всего двоих солдат. К началу 1939 года мятеж догорел.

Англичане посчитали, что можно переходить к мирным переговорам.

Валерий Пахомов

ИНТЕРНАТ

Мемуаразмы — мемуары и размышления

(окончание. Начало в №3-4/2015 и сл.)

Размышлизмы

(Историческая часть написана вместе с Натальей Фокиной, а также при очень полезном обсуждении вопросов с Леонидом Кириевским)

Иных уж нет, а те далече (продолжение)

Но вернемся к воспоминаниям. Несколько слов о тех, кто жив, слава Богу.

Игорь Журбенко. С Игорем Журбенко я был знаком много лет, до того как мы стали работать вместе в Интернате. Мы с ним плавали в одном бассейне, выступали на первенстве Мехмата по плаванию, играли за факультет в водное поло. Андрей Николаевич в нем души не чаял. Игорь был совершенно обаятельным парнем, а, кроме того, умным и спортивным. Вокруг него создалась маленькая группа из трех-четырёх человек, куда входил и я, будучи всего на год его моложе. Почти каждую субботу, сразу же после занятий мы выбирались за город и бродили по лесам и полям Подмосковья. Оно тогда было практически не заселено. Не было дач (вернее были единичные дачи), не было садово-огородных товариществ. Были разбитые дороги и брошенные села — следы ликвидации мелких хозяйств. Мы бродили по этому запустению, ночевали в стогах (палаток не брали из принципа), купались в реках до первого льда, а то и дольше, и разговаривали, разговаривали, разговаривали. Математика, спорт, политика, международное положение и пр. — были темами наших бесед. Обычно маршрут прорабатывал Лёня Архаров — сосед Игоря по комнате в общежитии. Иногда, к нам присоединялся Костя Кузмич. Игорь считал его на редкость талантливым, но спивающимся математиком. Он любил экстравагантные выходки. Например, пройти без всяких страховок по карнизу 16-го этажа общежития. Причем делал все это не для славы, а для себя. В походах он был всегда какой-то неуклюжий и застенчивый. Игорь был вероятностник, Лёня занимался математической статистикой, я большей частью математической физикой. Общаться друг с другом было интересно. Потом, когда

я пришел в Интернат и познакомился там с Сережей Матвеевым и Зариком Майминим, они тоже присоединились к нашей группе.

Андрей Николаевич очень хотел, чтобы Игорь стал его правой рукой в Интернате. Относился к нему как к сыну, таскал его всюду за собой, даже взял в кругосветное путешествие на исследовательском судне АН СССР. Он чуть ли не написал ему диссертацию. Игорь был и сам достаточно подготовлен, но Андрею Николаевичу хотелось, чтобы все «блестело», поэтому он практически переписывал его диссертацию здоровыми кусками, ругая Игоря за небрежность, чему я был не раз свидетелем. Директор школы, Раиса Аркадьевна Острая, человек проникательный, часто говорила, не скрывая своего отношения к Игорю, что тот ради карьеры мать задушит. Но мы как-то не придавали этому значения, уж очень он был обаятельным. В общем, кончилось тем, что Игорь ушел из интерната полностью, а вместо науки занялся партийной работой. Думаю, что он понял, что уже не Андрей Николаевич рулит дела, и не Павел Сергеевич. И действительно, уже во всю делами «разруливал» партком. Игорь получил все, что могла дать ему Власть: почти сразу квартиру в престижном доме, хорошую должность, ученое звание. Но, видимо, столько раз ему пришлось пройти при этом через грязь и предательства, что он однажды, выехав в очередной раз в США, там и остался.

Одной из жертв его предательства оказался я, за что ему, как ни странно, очень даже благодарен. А дело было так. Андрей Николаевич очень хотел оставить меня по окончании моей аспирантуры на своей кафедре с условием, чтобы я продолжал работу в Интернате. Когда вопрос дошел до парткома Мехмата, то там против моей кандидатуры выступил член парткома доцент Потапов Михаил Константинович. Не то чтобы он меня очень хорошо знал, но как-то раз мы с ним ездили на олимпиаду в Нальчик, в качестве представителей Оргкомитета, а заодно принимали вступительные экзамены в Интернат. Кому-то я там, возможно, поставил не ту оценку. Между тем, результат был промежуточный, а с «Мишей» мы в поезде так хорошо «побратались» за бутылкой, что, скажи он прямо, я бы пересмотрел оценку. А может, в поезде я наговорил лишнего. Я ведь не испытывал большой любви ни к КПСС, ни к парткому Мехмата. Короче говоря, что-то было, о чем я забыл, а он нет. И вот, когда пришел момент, он выступил с доносом на меня, заявив, что я не благонадежный тип, общаюсь с неблагонадежными евреями, такими как Синай, Березин, Добрушин, Минлос и др. И он же спросил Игоря Журбенко, вот, мол, ты давно его знаешь, что ты можешь о нем сказать? Можешь за него поручиться? На что Игорь ответил, что он бы за меня не поручился. За меня вступились Иван Тропин — директор Интерната, и, кажется, Иван Мельников (здесь я не уверен, что он присутствовал, но если он был там, то наверняка бы заступился, поскольку, я не помню, чтобы, дав слово, он обманул). После такого решения я не то, что не мог оставаться на Мехмате, но и в Университете. Однако кадровая политика еще во многом определялась Ректором.

В тот момент это был легендарный академик математик Иван Георгиевич Петровский — близкий друг, как Андрея Николаевича, так и Павла Сергеевича. Итак, Андрей Николаевич, конечно же, очень болезненно отреагировал на то, что с его просьбой так обошлись (а это были люди, которые еще вчера были готовы «лизать ему пятки» — лишь бы он разрешил это сделать), но решил идти до конца. Он, переговорив с Иваном Георгиевичем, предложил мне идти работать на Экономический факультет примерно с таким напутствием — физикой занимается уйма умного народа, а в экономике их по пальцам пересчитать можно. Иван Георгиевич предложил декану Экономического факультета М.В. Солодкову ставку доцента за то, что меня возьмут ассистентом. Солодков давно ее просил под очень хорошего человека и ученого (я не буду называть его имя по соображениям личного характера). Когда я пришел с этим письмом к Михаилу Васильевичу, он сначала расспросил меня, за что со мной так обошлись на Мехмате. Узнав, прокомментировал в том духе, что в парткоме Мехмата давно уже нет никого, кроме закостенелых догматиков, ни один из которых даже не открывал Маркса, которые, в результате, уже давно не знают, что исповедуют (он не мог сказать, прохиндеи, обдeldывающие свои дела). После этого, обратился ко мне с прямым вопросом — раз ты такой вот блатной, то не мог бы выбить ставку профессора? Получив отрицательный ответ, он рассказал пару анекдотов и подписал письмо, начихав на «партийную дисциплину». Признаюсь честно, из всех деканов, с которыми я работал, я считаю его лучшим. И не один я. Так, благодаря Потапову, Журбенко, Жидкову и др., я стал экономистом.

А Игорь, попав в Америку еще до перестройки, вдруг стал православным христианином и антикоммунистом. И сейчас при встречах с соплеменниками он рассказывает, как тяжело было быть христианином при Советской власти, каким гонениям они подвергались, забывая, конечно, добавить, что гонителем был он. Прямо-таки известный библейский персонаж.

P.S. А совсем недавно Володя Дубровский, отец которого, оказывается, учил Журбенко математике и готовил к поступлению в университет, рассказал мне, что отец Игоря был генералом КГБ. И, хотя после этого на многое из написанного здесь я смотрю несколько иначе, переписывать я ничего не стал.

Саша Звонкин, Женя Полецкий. Первый выпуск интерната был малочисленным и состоялся через полгода после его открытия. Это был изначально сильный коллектив отличившихся на олимпиадах людей, с которыми полгода позанимались крупнейшие ученые страны. Следующий выпуск проучился в интернате полтора года. Первый большой выпуск с широкой географией набора, получивший полный двухгодичный цикл обучения, был выпуск 1966 года. В том же году зимой был выпущен появившийся тогда 11-й класс. Их выпускной экзамен был одновременно

вступительным в МГУ. Причем зачислялись они на средину 1-го курса, т.е. им тут же пришлось сдавать экзамены за первый семестр, а когда они с ними разделались, наступила весенняя сессия. На мой взгляд, этот объединенный (лето-зима) выпуск был одним из лучших выпусков интерната. Из него в интернат пришли работать человек десять. Вот те, например, кого я хорошо помню: Саша Звонкин, Женя Полецкий, Сережа Матвеев, Володя Кузнецов, Зарик Маймин, Леня Левин, Олег Титов, Сережа Пинчук, Юра Осипов. Все они, за исключением члена-корреспондента РАН Сергея Матвеева, живут и работают на Западе. Большинство из них известные математики. В силу того, что возраст у них уже не маленький и у каждого было достаточно времени себя проявить, они занимают, как правило, достаточно высокие посты, разъезжают по всему миру, читая лекции или принимая участие в научных конференциях. Часто встречаются друг с другом и все реже появляются на своей исторической Родине.

Сашу Звонкина я «пригласил» в клуб «Топаз». На вопрос, что он там собирается делать, Саша отвечал что-то в духе того, что, мол, ну там помочь дотащить технику, расставить стулья и пр. А когда его спрашивали что-нибудь про музыку, он отвечал, что со слухом у него плохо. Но фактически все было совсем не так.

В какой-то момент (это было в самом начале нашей деятельности) Андрей Николаевич, почувствовал, что с расширением географии приема и увеличением числа принимаемых, качество знаний нового контингента резко упало, а если быть точным, то сильно расслоилось. Другими словами, если «первая тридцатка» и была на уровне первого выпуска, то «закрывающая тридцатка» оказывалась на два порядка хуже. Поскольку его заботой было развитие спецшкол с математическим уклоном, следовало понять, а как много их нужно. В нашем случае это означало, что необходимо было разобраться, насколько эта дифференциация объясняется разницей в способностях, а насколько условиями предыдущего образования. Действительно, одни — из престижной школы в Воронеже, а другие — из глухой деревни Ульяновской области. Были и такие, которые плакали, что, мол, ничего не понимают, и просились домой. Разницу в исходных условиях образования можно частично нивелировать за счет дополнительных занятий, куда приходили только те, кто чувствовал трудности. Основная нагрузка здесь ложилась на первокурсников или совсем молодых преподавателей из студентов, а «старшие товарищи» присутствовали, чтобы те не превратили эти занятия в собственные курсы лекций.

Так мы с Сашей Звонкиным оказались в одной связке, где я был «старшим товарищем». Надо сказать, что тот курс, который читался по алгебре, я изучал параллельно со школьниками, а Саша его давно прошел, да и преподавал уже не первый год. Так что эти консультации были и для меня очень полезны. Вот это общение, а затем совсем не короткий путь домой, а, стало быть, и длинные разговоры сблизили нас. Выяснилось, что у нас очень много общего во вкусах, взглядах и увлечениях. Он не был

коллекционером музыкальных произведений, но музыку любил и слушал по возможности. Осенью 1968 года я поступил в аспирантуру, а Витя Ерохов уехал работать по распределению, оставив Толю Фоменко одного. С Толей я уже был знаком и не только по музыкальным вечерам, он был соседом по блоку Игоря Журбенко, с которым мы тогда много общались. Я предложил ему свою помощь в проведении вечеров и предложил подключить Звонкина, понимая, что такой ответственный и дисциплинированный человек, как Саша, будет очень полезен. У меня был стереофонический проигрыватель «Невский», который я таскал в Интернат по средам для проведения там музыкальных вечеров, а Саша мне иногда помогал. Проигрыватель был кстати, а вот к широкому общению Тимофеич не стремился. Когда они с Ероховым вели музыкальные вечера, много народу желали приобщиться к этому, но ответ был прост — приходите слушать музыку, мы открыты для всех. Поэтому, когда я привел Сашу, он серьезно спросил его, что тот собственно собирается делать, как себе представляет свои функции. На что получил ответ, да так, мол, отнести-принести, а потом и про то, что, мол, и со слухом туговато. Я помню, как выразительно посмотрел на меня Фоменко. Ну, конечно, я расхохотался, объяснив, что это у него юмор такой. Так образовался клуб «Топаз», о чем я уже писал.

Клуб «Топаз» — работа А.Т. Фоменко

Удивительное дело, но клуб в новом составе стал быстро расширяться. Появились в нем Полецкий, Кузнецов, Агаронян, Лезнер, Арпишкин. В этом составе приобрели радиолу. Потом на основе клуба, возник «домашний семинар», на котором изучали все — от истории до современной психологии. В какой-то момент был достигнут пик: все мы с нетерпением ждали дня, когда соберется семинар, получая на нем пищу для размышлений на следующую неделю. Семинары традиционно заканчивались новым прослушиванием и чаепитием с тортом. На знаменитой картине Фоменко, каждая деталь символизирует момент в истории клуба. Спиной к зрителям стоит «граф» Полецкий. Мы все прислали свои фото того времени, чтобы легче было придать портретам «фотографическую точность»,

а он не прислал. Анатолий Тимофеевич написал мне записку, в которой, в частности, было сказано, что раз «граф» Полецкий не прислал фото, то он будет изображен со стороны ж... А вот женская туфелька на переднем плане справа под Брукнером означала начало деградации клуба. Про остальные символы (за исключением одного) я не буду рассказывать здесь и сейчас, так как эти мемуары — не о клубе.

Женя Полецкий, действительно, был среди нас «граф». Большинство из нас были «простого» происхождения. У автора этих строк родители были крестьяне, которых война вырвала из деревни. Отец после войны остался служить в Армии, а мать во время войны работала на военном заводе, а потом уж кем придется и где придется, перемещаясь за отцом по всей стране. У большинства моих друзей с происхождением было примерно то же. Женя был из профессорской семьи. Он был эрудирован во многих вопросах, в то время как наше самообразование происходило спорадически, им никто не руководил. Да, мы много читали, но чуть ли не все подряд (а, значит, в голове было слишком много «мусора»). Поэтому наши вкусы и пристрастия складывались долго и сложно. Быт у многих до поступления в МГУ тоже был примитивен (да что там говорить, когда многие только здесь увидели теплые туалеты, и на первых порах не знали, как ими пользоваться).

Саша Звонкин до встречи с Аллой Ярхо убеждал меня, что пользоваться ножом во время обеда — буржуазная привычка, желание выделиться среди окружающих. Он не считал, что нож облегчает процедуру принятия пищи. Сейчас ему смешно, когда он вспоминает это. Женя этикету был обучен с детства. И не только. У него была культура речи, которую мы только вырабатывали, и, вообще, культура общения. Он и со школьниками общался на «Вы». Символично, что фильм «Спрашивайте, мальчишки» оканчивается сценой, в которой Женя ходит с кем-то из школьников по коридору и что-то ему объясняет в своей интеллигентной манере. Очень эффектная сцена. Он любил поэзию, музыку, изобразительное искусство. Довольно много поэтических произведений знал наизусть, да и сам писал неплохие стихи. Был необыкновенно остроумен, знал массу анекдотов, которые в его исполнении всегда звучали прилично. Женя же был инициатором многих розыгрышей. Расскажу об одном из них.

В клубе «Топаз» сложилась традиция — после окончания очередного музыкального вечера мы собирались в одной из комнат, чтобы попить чай с тортом и перекинуться впечатлениями. Кроме того, как правило, намечалась программа следующего Вечера и раздавались поручения, связанные с его подготовкой. Торт был всегда «Прага», изготовленный в кондитерском цехе МГУ. Заказ и получение торта Толя Фоменко производил лично. И вот после окончания очередного вечера мы идем в комнату Полецкого пить чай с тортом. Торт этот Тимофеич сам занес перед началом Вечера в комнату и выставил за окно (холодильник по-университетски). После этого дверь закрыли, и все ушли на Вечер. И вот мы сидим за сто-

Анатолий Тимофеевич
Фоменко в конце 60-х годов

лом, чай заваривается, а Фоменко достает из-за окна коробку с тортом и открывает ее. Торжественно открывает и ... Это надо было видеть: вместо торта в коробке лежит старый кед! Тимофеич разволновался, я, мол, своими глазами видал, как она (продавщица) открыла коробку, показала мне торт, а потом закрыла ее и завязала. Посыпались разные предположения: мол, обычный гипноз или пока ты оплачивал, подменили и все такое, в таком же духе. Настроение падало. В этот момент мне пришла в голову мысль, и я сказал: «Тимофеич, выбрось-ка ты этот кед в окно». Тут вдруг заволновался Женя Полецкий: «Отчего же сразу и выбрось! Кед — вещь в хозяйстве полезная.» Все стало на свои места. Во избежание допроса с пристрастием, пришлось ему «расколотся». Конечно же, имел место

заговор. Когда все уходили на вечер, он по дороге передал ключ второму заговорщику, не принимавшему участия в мероприятии. Тот все подстроил, а после вечера так же в коридоре передал ему ключ обратно. Шутка запомнилась, и на упомянутой уже гравюре Фоменко есть коробка из-под торта с кедом внутри, о чем, правда, мало кто знает.

Мы с Женей и его женой Татьяной как-то очень сблизились и дружили семьями, пока судьба не разнесла нас по разным Частям Света. А тогда часто вместе отмечали Новый год и другие праздники. Ходили на большие прогулки по Подмоскovie. Когда мы с моей женой ходили в горы на Кавказе, они поджидали нас на спуске где-нибудь в районе Гагры, и мы проводили несколько дней вместе. Они были типичными «матрасниками» по терминологии горных туристов, т.е. предпочитали отдых на пляже горам. Тем не менее, перед тем как мы разъехались, я выгашил Женю в большой горный поход по Памиру. Он стойко все перенес и даже, как мне показалось, был доволен. Поход состоял из двух частей: первая — высотная с одной ночевкой на высоте более 5000 м над уровнем моря, а вторая — более живописная с двумя выходами к горячим источникам. По сложности обе части были 3-ей категории. Запомнилось пару эпизодов. Один — когда вечером у костра мы сидели, предаваясь воспоминаниям нашей молодости (мне было чуть больше сорока лет, а ему еще и их не было). И вот в какой-то момент одно юное создание, моя студентка, вдруг обращается ко мне с вопросом: «Валерий Федорович, а Вы про динозавров не помните?» А второй — когда мы сидим у горной речки, кругом растет арча, чистейшее небо. Я спрашиваю: «Жень, что еще надо для счастья?» И он отвечает: «Сейчас бы выхлопную

трубу и чуть-чуть подышать!» Женя всегда был 100%-й горожанин. Как я понимаю, и сейчас он не изменяет своим привычкам.

Встреча в Гаграх.

Я (справа) спустился с гор. Женя (слева) отдыхает на пляже

Его научный руководитель Борис Владимирович Шабат, замечательный человек и педагог, с которым я несколько лет работал и тесно общался в издательстве «Мир», очень высоко ценил трех своих учеников — Женю Чирку, Олега Титова и Женю Полецкого. Последнего Борис Владимирович, естественно, считал самым интеллигентным. Он же считал, что Олег — самый одаренный из трех, но не реализуется в полной мере из-за неустойчивого характера. Примерно так и произошло. Женя Чирка — один из немногих учеников Бориса Владимировича, оставшихся в России. Он, конечно же, математик экстра-класса. Но его Родина не отлучала от Науки, он член-корреспондент РАН, работает в Стекловке и преподает на Мехмате. А вот с другими учениками произошла, в общем-то, стандартная история. Женя Полецкий, например, хотел немного — заниматься математикой и иметь учеников, с помощью которых можно было бы реализовывать свои идеи. Он ведь находился в том возрасте, когда идей много, а вот рук не хватает. Ему не нужны были дачи, автомобили. Нужно было иметь элементарное жилье, с которого тебя не сгонят хозяева, и время для работы над очередной проблемой. Но приходилось, наоборот, отсиживать все рабочее время на какой-нибудь отраслевой ВНИИ АСУ и делать там работу, которая никогда не будет принята, поскольку может разрушить сложившуюся систему управления. Открыть свой семинар на Мехмате ему также не давали. О жилье и говорить нечего. Справедливости ради, надо сказать, что ученик у него был. Но не благодаря, а, скорее, вопреки Системе. В конечном итоге, Женя уехал за границу. И получил там почти все, чего не имел здесь. Проблема только с учениками — не так уж много студентов в США хотят заниматься наукой. С Женей я общаюсь регулярно, большей частью по телефону или по Skype. Изредка он приезжает в Россию на какую-нибудь

конференцию, еще реже мы видимся во время моих поездок за рубеж. Они с Татьяной регулярно зовут меня в гости, но как-то у меня не складывается.

Мне не хотелось писать об этом, но как говорили древние разных стран и времен: «Платонов, ты мне друг, но истина дороже!» Или: «И ты, Брут?!», или что-то другое и не о том, но помнится, что звучало очень ярко и выразительно. Так вот, речь пойдет о взаимоотношениях Полецкого и Фоменко. Поначалу они были просто великолепными. На нашем домашнем семинаре мы изучали работу Николая Морозова «Христос», в которой подвергается критике современная хронология древнего мира. И все шло хорошо до того, как начался пересмотр древней хронологии. Все мы принимали критику традиционной хронологии, но когда возник вопрос о том, что же было на самом деле, то тут начался разброд. Одни начали конструировать новую хронологию, другие считали, что для восстановления истины мало материала, а, значит, лучше тему не трогать. Третьи посчитали, что это не их тематика, и занимались разными другими делами. Женя был среди вторых, а я — среди третьих. В этот момент много сил уходило у меня на прививание гуманитариям любви к математике. Я то шел по дороге, то лез по отвесным скалам, а на научном фронте завязались «бои местного значения». Женя начал выступать с критикой теории Фоменко, как математик. Дело в том, что к тому времени Отделение истории АН СССР деградировало жутко. Про критику Морозовым древней хронологии, как и о ее возникновении, уже никто из генералов от науки и не знал. Поэтому первые бои Толя выиграл легко. К следующим стычкам наши историки стали готовиться, используя для этого кроме «Капитала» Карла Маркса и какие-то источники, а также привлекая специалистов из других областей. Конечно, Тимофеич был куда лучше осведомлен в тематике, чем «профессиональ», которые устали, доказывая сначала преимущества Совнархозов перед отраслевой структурой управления, а через неделю объясняя, что все наоборот, и виной всему — волонтаризм. Живя постоянно в таком режиме, они, конечно, упустили проблему становления древней хронологии, и прохиндеям типа Скалигера удалось затвердить свое видение этого вопроса. Его антинаучный «метод» хорошо ужился в авторитарной среде, не вызывая никаких вопросов. Точнее были: Исаак Ньютон, например. Или народоволец Морозов. Последнему было скучно сидеть двадцать лет в заключении и он занялся Библией. Сначала обнаружил там беспорядок, затем осмотрелся и понял, что он повсюду. Речь идет о датировке событий. Попытался поставить все на свои места и получил такое! Толя с группой единомышленников начал править Морозова. Получил много интересных результатов, которые сначала замалчивались, но потом все же «всплыли». Что тут началось... Дошло до обсуждения на Отделении истории АН СССР. С точки зрения математика историки там выглядели просто никак. Но я общался с некоторыми историками по поводу этой дискуссии, так вот они считали, что от «теории Фоменко» не оставили камня на камне. Так по-разному с разных сторон воспринимаются результаты дискуссий (в

которых, якобы, вырабатывается истина). Итогом были статьи в центральной прессе, где «серьезные ученые» просили руководство страны *запретить математикам заниматься историей*. Но людей типа нынешних спикеров тогда в руководстве не было, и запрет не прошел. Ложкой дегтя для Толи было выступление Полецкого (не замеченное, кстати, историками), поскольку он хоть и в мягкой манере, но указал на пару слабых мест в работе. Их было, конечно, много больше, но Толя очень обиделся. В общем, я не хочу быть в этом споре арбитром потому, что уважаю обоих. А Анатолий Тимофеевич сделал уже большое дело, обратив внимание людей на историю, на ее проблемы. Я думаю, этот его вклад в образование и науку нами сильно недооценен. И уж что совершенно точно, так это то, что он сделал очень много, чтобы у людей появилось чувство протеста против догматизма и авторитаризма в гуманитарных науках.

Вставка 2015 года. *Написано все это было около семи лет тому назад. Книги Фоменко с Носовским произвели тогда сенсацию. Люди, не слышавшие до того ни про Скалигера, ни про Петавиуса, вдруг резко «образовались». Я не раз слышал в своем окружении, в электричке, которой я добирался до Москвы, в очереди за мясом или водкой (такие были времена) и многих других местах споры или «образовательные лекции» о мотивах, побудивших Гая Юлия Цезаря взять власть в Риме в свои руки, об Аристотелевом видении государства, об умении манипулировать «общественным мнением» по Николя Макиавелли и многое другое. Но времена меняются. На «Теории Фоменко» поставлен штамп «лженаука». Причем об этом смело и убежденно говорят люди, которые не знают даже, кто такие Платон или Ксенофонт, все знания у которых по истории Древней Греции почерпнуты в лучшем случае из голливудского фильма «300 спартанцев». Похожая картина была и до Фоменко. Увы, картина ясная: если в какой либо области знаний превалирует единственная точка зрения, то и интерес к ней исчезает!*

В отличие от Жени, Саша Звонкин не казался яркой личностью и, видимо, не стремился к большой известности. Он скорее был скромным, но очень глубоким человеком. Был немногословен, но, когда он говорил, его слушали, не перебивая. Вместе с Леной Левиным они, будучи студентами, вели на Мехмате семинар, посвященный исследованию алгоритмической сложности математических проблем. Андрей Николаевич был рядовым участником семинара, на котором по существу развивались его идеи. Надо сказать, что Саша считает, что семинаром руководили Колмогоров и Драгалин. Но я своими ушами слышал, как Андрей Николаевич, отвечая на вопрос о том, как рано начинают научную деятельность выпускники Интерната, рассказывал школьникам, что именно Левин со Звонки-

ным вели семинар, а он был рядовым участником. Это был уникальный случай даже для Мехмата МГУ.

Результаты работы семинара большей частью были опубликованы в большой обзорной статье в «Успехах математических наук». Они заставили сильно пересмотреть сложившиеся к тому времени взгляды на будущее компьютеризации. По окончании аспирантуры у Лени были проблемы с защитой, а затем и с работой. Причин тому было много: от усиливавшегося антисемитизма в тот момент, до его резких выступлений (а он отличался некоторой прямоотой характера). Он уехал в США и добился там известности. Кстати, Леня Левин получил престижную Международную премию Кнута за 2012 год. Премия дается за особый вклад в развитие Информатики.

После аспирантуры Сашу распределили на работу в г. Саранск преподавать в университет. Работа была неинтересной, математику в Мордовской АССР особо не чттили, так что и перспектив никаких не было. Надо сказать, что время от времени в этот университет волею судеб попадали очень известные математики, но это не сдвинуло там науку ни на шаг. По моим наблюдениям там (да и во многих других провинциальных университетах, которые до этого были педагогическими институтами) контингент студентов был довольно случайный. Целенаправленной работы по отбору и выращиванию талантов не велось. Абитуриенты слабо представляли себе, что такое математика (как, впрочем, и большая часть педагогов). В общем, выражаясь «музыкальной» терминологией, готовили «деревенских гармонистов». Легко представить, что могло бы случиться с человеком при таких обстоятельствах. Но не с Сашей. Он договаривался, чтобы вся нагрузка была распределена в два-три дня подряд, а остальное время проводил в Москве и, в частности, регулярно посещал «Домашний семинар».

В студенческие годы в материальном плане он жил как половина из нас. Родители были небогатыми людьми, но из своего скромного бюджета готовы были выделить немного денег на поддержку сына. Саша же, как только начал подрабатывать в Интернате, отказался от материальной помощи. Правда, как он мне однажды написал, иногда они покупали ему одежду, но скорее потому, что сам он это делал крайне плохо. Из этого следует вывод, что внешне он вряд ли как-то выделялся среди других. Ну, скажем, менее обидно — не обладал броской внешностью. Поэтому многие были просто поражены, когда на уже упомянутое новоселье или День рождения Землякова в Черноголовке он привел только что ставшую ему женой Аллу Ярхо. Вот она то уж точно была заметной личностью. Где и при каких обстоятельствах они познакомились я просто не знал и никогда не испытывал желания узнать, чтобы можно было дать волю своему воображению. Алла — потомственный гуманитарий. В роду Ярхо было много знаменитых филологов, переводчиков с древнегреческого и латыни, был антрополог, историки... Впрочем генеалогию именно ее ветви я не знаю, но эта ветвь того самого рода Ярхо. Алла одевалась со вкусом, была широко эрудирована, знала несколько иностранных языков, умела поддер-

жать разговор и каждому собеседнику уделить внимание. При всем при этом она была человеком глубоким, что, наверное, и помогло ей рассмотреть в Саше будущего мужа.

Бордо. В сквере рядом с домом Звонкиных.
Слева — Саша, справа — я

Это тот самый случай, когда короля во многом сделала королева. Конечно же, и Саша многое дал Алле. Большинство вопросов они обсуждают вместе, поэтому отделить в их мнениях, что есть чье, практически невозможно. Когда у них появились дети, по инициативе Аллы, которая привлекла «массу» народа, они создали что-то типа детского сада на общественных началах, где каждый из родителей чем-либо занимался с детьми. Саша занимался математикой, Алла — языками. Саша, как настоящий ученый, превратил свои занятия в научный эксперимент. В результате многолетнего (и очень тяжелого труда) появилась книга «Мальши и математика». Я много слышал про нее, но как-то искать было некогда. Осенью 2009 года заехал в гости к Звонкиным в Бордо, провел там три счастливых дня (живя, кстати, в той же комнате, где останавливался, бывая у них в гостях, академик Гаспаров М.Л.), а когда уезжал, попросил у Саши книгу с дарственной надписью. Приехав домой, я поставил ее на полку книг к первоочередному прочтению... Открыл ее только через год и в один присест прочел от корки до корки, отбросив все дела. А, прочтя, тут же написал письмо, подробности уж не помню, но где смысл сказанного был в том, что я жалею сейчас только об одном — что из-за текучки не прочел ее раньше. Тем, кто не читал, рекомендую ее прочесть и чем быстрее, тем лучше, «чтобы не было мучительно больно...»

Через два года в мае 2011-го я снова появился в Бордо. И снова в гостях у Звонкиных, и опять те же комната, та же обстановка. Как будто бы ничего не изменилось. И хозяева тоже. В Москве за эти два года произошло столько событий! А здесь ничего. Я приехал вечером, а уезжал утром через

день. Один полный день. Алла повезла меня на экскурсию в Сент-Эмильон — винодельческий центр провинции. Но (и в этом Алла!) предварительно она сделала подборку и дала мне прочесть отрывки из разных произведений о событиях, происходивших в этих местах во времена Французской революции. Мы ехали туда солнечным прохладным утром, болтали об опере и кино. Ее последнее увлечение «Каприччио» Рихарда Штрауса, а мое — фильмы Шаброля. Попутно она рассказывала о проезжаемых нами местах. Потом экскурсия по городу, где оказалось на удивление много русских. Во время экскурсии по церкви, вырубленной в скале, одна из наших соотечественниц, проживающая в Бордо, узнав, кто меня привез сюда, с уважением посмотрела на меня и сказала, что ей давно хотелось бы познакомиться с Аллой. По ее мнению Алла — интеллектуальный центр российской диаспоры. Она заядлая театралка и регулярно посещает оперу. Как местную, так и постановки из Метрополитен Опера, передаваемые теперь регулярно по Интернету и демонстрирующиеся на специальном сеансе в кинотеатре. И вот мы уже едем обратно и поем песни Дассена. Половина слов забыта. Мы их вспоминаем с пятого раза и радуемся этому, как дети. Настроение чудесное, про все болезни забыли. И мне подумалось — вот оно настоящее счастье. Когда малое может доставлять такую радость.

Бордо 2009. Алла и Саша Звонкины

Поскольку непроизвольно вышло так, что я в каждом разделе вспоминал какой-нибудь анекдотический случай, то не буду отступать от этой традиции и здесь. Мне хорошо запомнились два розыгрыша, связанные с Сашей.

Первый случился, когда он был еще студентом. Как-то он был приглашен на математическую конференцию в Ереван. Однако в тот день, когда он должен был вернуться, он не появился. А вечером в телевизионных новостях передали, что самолет, следовавший рейсом Ереван-Москва, неизвестные угнали в Турцию. Все его друзья заволновались — в те времена угон самолета не был обыденным делом. Это случилось чуть позже, а тогда

такое событие вызывало много шума и привлекало большой интерес среди граждан. Так и здесь. Пошли слухи, что Звонкин должен был лететь именно этим рейсом. Следует учесть, что никакой мобильной связи в те времена не было, и проверить слухи не было никакой возможности. Как распространяются слухи в информационном вакууме, я рассказывать не буду, хотя, на мой взгляд, это необычайно интересное явление. Факт тот, что на следующий день, уже появились точные сведения о том, что Саша в Турции. Одним это сообщили друзья из Еревана, провожавшие его в аэропорту. Другие слышали его фамилию по «Голосу Америки», где перечисляли пострадавших пассажиров. Наконец, один из моих знакомых мне по секрету на ухо сообщил, что Звонок воспользовался ситуацией и решил «сколоть» на Запад, о чем уже передали по ВВС. А еще через день я его встретил на переходе из общежития Зоны Б в учебный корпус. На мои «что ты, как ты» он ответил, что это долго рассказывать каждому, поэтому приходи в 19-00 к нему в комнату, там все и услышишь. Помню, день тянулся медленно, я еле дождался 19-ти часов. В комнату было не попасть, народ толпился аж в коридоре. Поступило предложение перенести «пресс-конференцию» в холл на 16-м этаже, но он оказался занят. Мой знакомый, сообщивший мне «страшную тайну», увидав меня, громко мне сказал: «Звонок — дурак! Упустил такую возможность удрать отсюда!» Наконец, все утихомирились и притихли, попросив перед этим его говорить громче. Он громко начал: «Значит, дело было так...» И тут не сдержался и начал хотеть. Ну, конечно, и другие поняли, что это был розыгрыш.

Второй случай был несколько позже, кажется, на первом году его аспирантуры. Он жил в одной комнате с Сережей Матвеевым, а этажом выше жил Толя Фоменко в одном блоке с Игорем Журбенко. Сережа был человеком очень доверчивым. Его легко было разыграть, он не ждал от окружающих никакого обмана. Например, как-то я зашел к ним с Сашей в комнату и пожаловался, как меня надули в магазине. Я купил какую-то вещь за девять с мелочью и получил в качестве сдачи пятнадцатирублевку с мелочью, а теперь ее никто не берет. Саша все понял и посочувствовал мне, Сережа возмутился безобразию. Через минут эдак 20 он прибежал ко мне:

— Слушай, покажи мне эту пятнадцатирублевку. Я никогда не видал фальшивых денег.

— Поздно, — отвечаю я. — Я только что, поменял ее у Марика Либерзона на семирублевку и восьмирублевку.

— Жаль, — сказал Сережа и ушел.

Так вот, и Сережа и Толя время от времени брались за «Проблему Пуанкаре», решение которой, как казалось, было где-то рядом, но не давалось. За границей проблемой активно занимался Герберт Федерер примерно с таким же успехом. Разница заключалась в том, что как только что-то он подготавливает для печати, он тут же печатал «препринт» своей работы в нужном количестве экземпляров и рассылал по всему миру. Наши математики могли рассылать только оттиски своих статей после их выхода. Это

ужасно задерживало обмен информацией, а зачастую и возникал вопрос приоритета. К счастью, он определялся по времени подачи статьи в печать. Итак, однажды утром Сережа Матвеев получает от своего соседа Звонкина новость — Фоменко получил чей-то препринт с решением Проблемы Пуанкаре, никому его не показывает и ничего не рассказывает, пока не разберется до конца сам. В этот же самый момент Женя Полецкий и я сообщали эту же новость Толе Фоменко, с той только разницей, что препринт по нашим сведениям находится у Матвеева. Тимофеич как метеор сорвался с места и побежал к Матвееву. Мы за ним. Сережа сидел у окна и тоскливо рассматривал московский пейзаж с высоты Ленинских гор. Звонкин занимался какими-то своими делами. Диалог происходил медленно с длинными паузами. Начал Фоменко:

— Ну что, решена, значит, Проблема Пуанкаре?

— По-видимому, решена.

— Значит, Федерер со своими идеями все-таки оказался ближе всех к решению.

— Значит, так.

— А я все время считал, что его путь тупиковый.

— И я, честно говоря, не верил, что он может ее решить.

— Так, что же он такое применил?

— Ну, я этого тебе сказать не могу. Ты, наверняка, знаешь это лучше меня.

— Я бы, может, и знал, да как-то препринт почитать не получается.

— А мне что, проще что ли?

— Ну, не знаю, я бы на твоём месте уже все знал!

В какой-то момент мы не выдержали и расхохотались. Конечно, то, что я сейчас воспроизвел по памяти, может сильно отличаться от того разговора, который тогда состоялся. Я попытался передать дух диалога. Было очень забавно, как два светила науки вместо того, чтобы прямо сказать, дай, мол, препринт посмотреть, долго ходили вокруг да около, прощупывая друг друга.

Прошло много лет. Сейчас Саша Звонкин — профессор Университета Бордо, читает курсы по информатике и вероятностным методам вычислительной математики. Написал хорошую книгу по теории графов. Алла — пенсионер, преподавала русский язык, много публиковалась (например, в Русском Журнале). Сын Дима пошел в отца — показывает серьезные успехи в математике — защитил диссертацию, затем доказал (совместно с еще двумя математиками) вторую гипотезу Виттена. Первую гипотезу доказал Концевич, получивший за это доказательство Филдсовскую премию. Их дочка пошла по линии Ярхо — она чистый гуманитарий. Недавно также защитила диссертацию в Париже по творчеству Киры Муратовой. Женя — уже признанный специалист по российской культуре и культурам других бывших республик СССР, участвует в проведении различных мероприятий по их пропаганде. А в России пропагандирует фран-

цузскую культуру. Живет в Париже. Саша с Аллой живут в небольшом, но очень милом и гостеприимном доме в Бордо. Сразу же за домом располагается красивый парк с ухоженными аллеями, тропами, речушкой и прудами. Тишина и уют располагают к добрым мыслям.

Володя Дубровский. С Володей мы познакомились в стройотряде под Смоленском. Я заканчивал первый год аспирантуры, а большинство «бойцов стройотряда», окончили первый или второй курс Мехмата. Володя — второй. Руководил отрядом мой сосед по блоку в общежитии и однокурсник Валера Вавилов, моя жена только что закончила медицинский институт и работала в стройотряде врачом. Еще в отряде было много интернатовцев, среди которых явно выделялись окончившие первый курс Саша Тоток, Паша Курчанов и Толя Скуридин. Жили и работали там довольно весело. Было несколько гитаристов, людей с хорошими голосами. Много пели, выступали с концертами. А я еще даже умудрился в обеденные перерывы и выходные дни пропагандировать симфонии А. Брукнера и кантаты И.-С. Баха. Репертуар определялся тем, что, будучи в командировке в Смоленске, я купил там несколько пластинок в магазине грамзаписей, где оказался на удивление хороший выбор. А вот откуда взялся проигрыватель, я не помню.

Отряд был очень разнородным, была даже пианистка — студентка последнего курса консерватории Анна Маргулис — «погоняло» в отряде Нюрка Шифер. Как и всякая молодежь, мы любили давать яркие клички (погоняла). Я был — Борода. Володя Дубровский — Вольдемар, а иногда Потапович. Это председатель колхоза произнес: «Владимир Потапович». Видимо, «Владимир Натанович» у него не вязалось с фамилией Дубровский. У меня вязалось, потому что я никак не мог его представить (даже благородным) разбойником. Это был всегда улыбающийся парень, говорящий на очень хорошем русском языке, хорошем английском, знающий джаз и, вообще, любящий музыку.

Жили и питались мы в школе. После обеда был часовой отдых, поскольку вставали мы очень рано. И вот в это самое время для послеобеденного сна мы устраивали прослушивание музыки в одном из классов школы. Мы — это я, Аня Маргулис и присоединившиеся к нам выпускники Интерната Дубровский, Скуридин и Люда Захарова. Приходило на прослушивание до 20 человек, что было немного выше моего расчетного удельного показателя той подгруппы нашего стройотряда, которая увлекается академической музыкой. Удивительно, но уставшие физически люди отдыхали слушая 57-ю кантату И.-С. Баха или сложнейшую 7-ю симфонию Антона Брукнера. Тогда мы и подружились с Володей. И тогда же я предложил ему поработать в Интернате в паре со мной. Я уже был «босс» и мог выбирать себе напарника. Володя согласился, и мы несколько лет вели занятия в паре. Потом интересы его педагогической деятельности сместились в сто-

рону преподавания геометрии, где он достиг больших успехов и признания. Скажем, признания международного.

Так в январе 2011 года мы с ним и еще одним нашим общим воспитанником (а затем и коллегой по преподаванию) Игорем Трояновым встретились в Таиланде, где Володя регулярно (кажется, два раза в год) читает лекции по геометрии для школьников. В Москве никак не получается встретиться, вот мы и договорились встретиться на острове Ко Чанг (Слон). Володя только что прочел лекции, и Министерство образования Таиланда устроило ему и его жене отдых (на фото, сделанном в Таиланде, Володя слева, а Игорь справа: поездка на дайвинг). Мы замечательно пообщались. Татьяну, его жену, я давно не видал, и мне было приятно отметить, что она хорошо сохранилась. Она же мне рассказала там, что когда Володя собирался жениться, он приводил ее на «смотрины» ко мне и моей жене (тоже Татьяне). Она очень волновалась, но была нами хорошо принята, что и решило вопрос с замужеством. Я этого не помнил, было приятно слышать, что Володя так дорожил моим мнением. Я уже писал о том, что он и Земляков (из одного класса) закончили Интернат с Золотыми медалями. Мало кто может себе представить насколько это сложно, только учившиеся в Интернате и то не все. Таких результатов за всю его историю — по пальцам пересчитать. Наверное, он мог бы стать известным математиком, но, как и в случае с Сашей Земляковым, предпочел педагогику. Сейчас, когда я уже нахожусь на финишном участке моего земного пути, могу твердо сказать, что одаренных педагогов-математиков в природе много меньше, чем одаренных математиков. Среди ученых существует некоторый снобизм по отношению к преподаванию. Но посмотрите на книги известных людей. Даже, несмотря на то, что их чаще всего редактировали, мало среди них таких, которые читаются с удовольствием. Большая часть книг жутко формализована, из-за чего бывает неясно, как автор пришел к этим идеям, что его толкнуло к использованию данного приема (метода). И, вообще, за такой книгой не видно автора. Создается ощущение того, что все книги пишет один и тот же человек. Эвристическая сторона вопроса во многих книгах по математике практически отсутствует. А с другой стороны, когда пишет книгу не просто ученый, а и талантливый педагог, получается чудо.

Полистайте книги Игоря Ростиславовича Шафаревича — это же шедевры. Мне привелось по его просьбе редактировать книгу «Геометрия и группы», написанную им в соавторстве со Славой Никулиным (кстати, одноклассником Дубровского и Землякова). Фактически я там только исправлял опечатки и мелкие неточности. Мне не хотелось выбросить из нее ни одного слова, чтобы не нарушить стиль изложения. А были и такие книги, которые я чуть ли ни полностью переписывал при редактировании. Так вот, Володя в соавторстве с Женей Сурковым (при некотором участии Якова Смородинского, в основном, организационного характера) написали книгу «Релятивистский мир». Авторы попросили издательство «Наука», чтобы мне доверили редактирование. В издательстве меня уже хорошо

знали, поэтому легко заключили со мной договор, и работа пошла. И опять это был тот самый случай, когда у меня не возникало желания править текст — книга была написана профессиональными учеными-педагогами. Удивительно увлекательная книга. Если бы мне привелось прочитать такую книгу в мои школьные годы, я бы четко понял, кем быть, и не двигался бы в своем образовании на ощупь. Но мы росли в другой среде.

Поездка на дайвинг (Володя слева, а Игорь справа)

Возвратимся к Володе. Он читал прекрасные лекции по геометрии, систематизировав задачи по методам решения, по подходам, несколько изменив традиционные последовательности изложения геометрии. Это очень ускорило освоение материала. В каком-то смысле он развивал работу, начатую Земляковым. Потом пришли времена компьютеризации и Интернета. Володя активно занялся компьютерными системами обучения, написав массу компьютерных пособий. Их я не могу оценить, поскольку ни одного не видал, но думаю, что он может писать только на «отлично» и изредка на «хорошо».

Как было ясно с первых же строк «Мемуаразмов», с Володей мы продолжаем общаться, но, главным образом, по телефону. А встречаемся все больше на похоронах. В обычные дни все чем-то заняты, всегда почти одно и то же:

- Надо бы как-нибудь повидаться.
- Давно уж надо. Ты на следующей неделе в среду свободен?
- Нет, у меня днем занятия, а вечером Редсовет, а как насчет субботы?
- А там я уезжаю в Пушино. Ну ладно, вот чуть-чуть «разгребу» завалы — я тебе позвоню.
- Ну, давай так.

И так из раза в раз. Последний раз где-то во второй половине апреля 2011 года, он пригласил меня сходить на концерт гастролировавшего в России известного джазового исполнителя Чика Кореа. Я очень люблю этого пианиста, но не мог изменить планы на вечер. А ведь когда-то мы легко срывались с места и летели, Бог знает куда. На Володин День рождения мы собирались в его маленькой квартирке на «Силикатной» оравой человек в пятнадцать. Женя Федоров голосом престарелого Брежнева произносил тост: «Родиться на день раньше Генерального секретаря ЦК КПСС — надо иметь не только смелость, но и веские на то основания!» - и далее в таком же духе. Мы веселились. У них в гостях всегда было весело и уютно. Легко. Володя очень похож на отца, с которым я подружился, кажется, на свадьбе Володи и Тани. Отец обладал веселым характером, любил шутки и анекдоты. Он был профессиональным педагогом-математиком, подготовившим не одно поколение школьников и привившим им любовь к математике. Он же учил и самого Володю, а кстати, и Игоря Журбенко, уже упомянутого мною. От отца он унаследовал и характер. Основные черты этого характера: неувядающий оптимизм, общительность и дружелюбие, готовность всегда прийти на помощь, если в этом есть необходимость. И, конечно же, он был и остается одним из лучших преподавателей геометрии.

Впрочем, послушаем, что пишет о нем его бывший ученик, а ныне известный писатель и поэт, обладатель Русского Букера 2007 и Большой книги 2010 **Александр Иличевский**:

...На уроках геометрии Владимира Натановича Дубровского воцарялся траур стыда и смертного покаяния, если мы ленились или были просто не в силах справиться с домашним заданием. В порядке искупления регулярно устраивались в актовом зале сессии «мозгового штурма», с которых четверо смелых — Серега Сивоволенко, Макс Гвоздев, Димочка Евсюхин и я, — передравшись, возвращались перепачканные с головы до ног мелом, аки ангелы, битвой одолевшие за вечер несколько глав двухтомного Яглома. Когда В.Н. на время потерял из-за ангины свой тихий мудрый голос, на его уроках были слышны куранты Спасской башни (это в Кунцево-то!), мушиный пилотаж и неспешный скрип мелка по доске. (Один из таких безмолвных уроков В.Н. резюмировал надписью поверх чертежей и выкладок: «Проективная Геометрия относится к Планиметрии как Теория Относительности к Механике Ньютона».) В.Н. презирал оценки. Опасно раскачиваясь на гребне опрокидыванья стула, он говорил, что, будь его воля, он бы приносил на урок не журнал, а коробку конфет: решил задачу — вот конфета, не решил — голодай. В.Н. одним только своим присутствием в классе открывал нам абсолют красоты геометрии — родительницы если не мысли вообще, то

математики — уж точно. Его статьи в «Кванте» изучались нами, как передовицы «Правды» — секретарствующей комсомолией. Редкие ночные дежурства В.Н. в интернате были праздниками, приближением к которым мы воодушевлялись, как перед Новым Годом. Он приходил со стопкой пластинок, выбирал в учебном корпусе подходящий красный угол, ставил в него алтарь проигрывателя — и великий, безудержно мощный, как локомотив «Ран эвэй трейна», саксофон Saint J. Coltrane'a уносил нас по «My favorite things» без пересадок к Б-гу. Уносит и сейчас, стоит лишь вспомнить теорему Дезарга...

Ну что добавить мне к словам поэта? Урок так ярко мне не описать. И образы из-под пера уже без запаха, без цвета выходят. Будто не живые. Сил больше нигде взять.

Пора, ей Богу, кончать Сизифову работу.

PS. Володя работает в Южной Корее с начала 2012-го года. И вот в июле сообщение: команда Южной Кореи заняла первое место на Международной олимпиаде по математике среди школьников, обойдя Китай, США и Россию! Я не знаю, каковы при этом заслуги Дубровского, но заслуга правительства страны очевидна — оно не скупится приглашать лучших преподавателей со всего мира для развития своей науки.

PPS. На этом и заканчивались мои «Мемуаразымы» в 2012 году. Но события 2013-го года подвигли меня на написание ещё одного раздела, посвященного моим первым ученикам — выпуску 1969 года.

Мой первый выпуск

Книга началась с трагического события, это продолжение появилось так же. В августе 2013 года Интернет облетела печальная новость. В Белом море исчез профессор МГУ заведующий кафедрой Дискретной математики Мехмата Александр Угольников. Он собирался в одиночку пройти на надувном каяке до Мурманска. Собственно, их должно было быть трое, но двое из этой тройки по разным причинам в последний момент не смогли принять участие в этом походе. Саша пошел один. Его долго искали, но в конце концов нашли. Он был одним из первых моих выпускников. На похоронах встретились одноклассники. Незадолго до этого, примерно за месяц до Сашиного исчезновения, мне позвонил по Скайпу его одноклассник Саша Арианов, он же потом сообщил мне о похоронах. И вот таким образом состоялась встреча с 10 В классом выпуска 1969 года. Через 44 года.

Как уже рассказывал, я начинал работу в паре с Лёшей Сосинским в двухгодичном потоке 1967-1969 гг. В нем было пять классов. В каждом из них я немножко поработал, но постоянно вел занятия в трех из них: Б, В и Г. С последним отношения как-то не складывались, а вот в первые два из них я ходил, как на праздник. Это были (и остаются такими) два очень

дружных класса. Кроме занятий, я с ними ходил в походы, проводил музыкальные вечера. В общем, общались и в неформальной обстановке.

Вспоминается почти анекдотический случай. Собрался я в поход по Подмосквовью с В классом. Выбрал по карте место, где было поменьше населенных пунктов. Тогда дач и садовых участков было совсем мало, поэтому такие места были. Я выбрал из них самое большое. Ну и, конечно же, там оказалась крупное подразделение войск ПВО.

А дело происходило так. Мы шли по лесу довольно долго, как вдруг наткнулись на забор из колючей проволоки. За проволокой такой же лес. Так мог быть огорожен и дачный участок кого-нибудь из членов Политбюро, и территория санатория, и много, что ещё. Короче говоря, мы пошли вдоль этого забора. Шли-шли и вдруг он оборвался. Впереди тоже не было никакого его продолжения. По крайней мере, его не было видно. Логика подсказывала: раз забор такой несерьёзный, значит, за ним ничего серьёзного нет... Моя логика меня подвела! Мы обогнули колючую проволоку и стали углубляться внутрь. Через какое-то время появилась пешеходная дорожка, посыпанная красной крошкой (измельченный кирпич). Я решил, ну точно — ведомственный санаторий, и мы потопали дальше. Потом появились асфальтовые дорожки, потом... радиолокационная станция. Тут я всё понял, но отступить уже было нельзя, нас наверняка бы засекали, и если бы мы попытались удирать, могли бы нарваться на неприятности. В общем, впереди оказалась воинская часть, а мы вторглись прямо в её расположение. Конечно, тут же появился офицер, пришлось объяснять, кто мы и как сюда попали. У меня был паспорт и бумага с печатью, в которой подтверждалось, что я сопровождаю интернатских детей. Про Колмогоровский ин-

тернат тогда мало кто слышал, ну а специализированная школа-интернат ассоциировалась у большинства людей с заведением для сирот. Мы брали такие справки, чтобы разжалобить контролёров электричек, когда они требовали билеты за проезд. Пока разбирались со встретившимся нам офицером, прибежал дежурный офицер с криком: «Петров, чего ты с ними возишься. Сейчас Гречко придет! Быстро их за территорию!» Маршал Гречко был министром обороны СССР. Нас быстро вывели за КПП со словами: «Дуйте быстрее отсюда вот по этой дорожке!» Минут через 15 мы увидели, как по шоссе в сторону части движутся черные автомобили — один ЗИЛ и две «Чайки».

Так получилось, что после выпуска ребят из школы я поддерживал отношения с Б классом, а с В не виделся. Выпускники Б-класса регулярно приходили на юбилей Интерната, а Вэшники, оказывается, собирались рядом в кабинете Саши Угольникова, который был ещё и директором Франко-Русского Центра им. А.М. Ляпунова (подразделение МГУ). Так мы и двигались 44 года «по разобщённым эллипсам орбит» (по выражению ещё одного моего любимого поэта Юрия Левитанского).

В другом классе, в классе Б было много личностей. Даже, правильно будет сказать, все были личностями. Очень мне нравились Андрей Климов и Коля Кондратьев. Они потом вошли в группу Валентина Турчина, разрабатывавшую язык интеллектуального программирования РЕФАЛ. Работа продолжалась даже тогда, когда Турчину пришлось покинуть СССР, спасаясь от преследования КГБ. Сейчас Андрей — в Москве, а Коля — в Германии. Практически все в классе защищали диссертации. Кто-то продолжает заниматься наукой, кто-то ушел в бизнес, а один — Коля Никишин — стал священником.

Он - батюшка в церкви Трёх Святителей в Париже. Эта православная церковь подчиняется Московской епархии РПЦ. Судьба его складывалась сложно. Коля был очень талантлив. Его руководителем был В. Арнольд, возлагавший на него большие надежды. Возможно, Арнольд его перегрузил, что, мне кажется, у него часто бывало в отношениях со своими учениками. Но в какой-то момент Коля увлекся Н. Бердяевым, а потом и полностью ушел в религию. Он женился на француженке, проходившей стажировку в Москве, и уехал в Париж, оставив мне ксерокопии нескольких работ Бердяева и Розанова (думаю, не только мне, но вопросов о том, кому ещё, в те времена не задавали — конспирация). Жизнь за границей складывалась тяжело. Русская Православная Церковь не очень-то заботилась о своей пастве за границей. Коля прошел все круги Ада пока получил церковное образование и место в единственной церкви в Париже, подчиненной РПЦ. Тяжелая безденежная жизнь привела жену к тяжелой болезни. Коля стал подрабатывать в университете, преподавая математику. Отношение к религии в парижских университетах, мягко говоря, плохое. Когда жене стало совсем плохо, и он вынужден был взять академический отпуск, чтобы сидеть с ней, в университете воспользовались этим и

сократили его ставку. Жена умерла, дети выросли, и он стал подумывать о возвращении в Россию. Несколько раз приезжал сюда. Мы с ним часто встречались и в Москве, и в Париже. Много разговаривали и спорили на темы религии. Он — сторонник Православия, мне оно кажется религией рабов. Мне не нравится, что наши верующие плохо знают Евангелие, не говоря уж о Библии. Не нравится отношение РПЦ к своей пастве, не говоря уж об отношении к тем, кто не разделяет ее взгляды, и многое другое. Он же всегда говорил о терпимости, о великой миссии Веры. Мне нравились некоторые его мысли. Особенно запомнилось высказывание о том, что попытки доказать существование Бога (а было время, когда активно обсуждалось создание кафедр, которые должны были этим заниматься) указывают как раз на отсутствие Веры.

Когда я был в Париже в первый раз, это было в 1989 году после моей стажировки в Монпелье, наше посольство «замотало» деньги, которые я должен был получить, и на которые я рассчитывал. Это была приличная сумма в 1500 франков. В результате я оказался без денег. Слава Богу, у меня были талоны на завтрак и жил я в общежитии университета за счет французов. Денег было около 50 франков, которых хватало только на несколько поездок на метро (5-6 поездок, не больше). Тогда Коля взял на себя миссию. Он показал мне Париж и свозил на Русское кладбище Сен Жене-вьев де Буа, провел экскурсию и рассказал много интересного. Я возложил цветы на могилы Александра Галича и Виктора Некрасова, оказавших сильнейшее влияние на становление моих гражданских взглядов. Кроме этого, он сводил меня в книжную лавку YMCA-Press и познакомил там с Никитой Струве. Наша беседа была очень интересной. А в заключение Ни-

кита Алексеевич подарил мне много книг их издательства. Была некоторая боязнь, что на границе будут неприятности (парой лет раньше за это просто сажали), но обошлось — никто не проверял мой полный чемодан. Потом полгода, наверное, я изучал эту литературу, даже возил с собой в Африку. А ещё Коля сводил меня голодного в греческий ресторан, полагаю на свои практически последние деньги. Всё это я не могу забыть, и каждый раз, когда бываю в Париже, веду его в ресторан.

И каждый раз, когда бываю в Париже, я обязательно хожу на Русское кладбище и возлагаю цветы на могилы Александра Галича и Виктора Некрасова (сейчас добавилась могила недавно скончавшегося Александра Агафонова — но это особый разговор). На фото ниже я только что возложил цветы на могилу А. Галича. В руках цветы на могилу В. Некрасова (2011 год).

На юбилей интерната, его 45-летие собрался почти весь класс. Приехал и Коля. Встреча была веселой. А в заключенные вечера мы сфотографировались вместе. Вот это фото.

К сожалению, время не щадит нас. И вот уже нет двоих из тех, кто снят на снимке. Они стоят рядом с Колей по левую его руку. Рядом стоит Витя Кистлеров — один из самых коммуникабельных выпускников этого класса, а дальше главный «заводила» и «модератор» Саша Таранов. Очень талантливый человек, хороший физик, замечательный организатор или,

как сейчас принято говорить, менеджер. Он умер в октябре 2013 года, когда я уже писал последние строки этих воспоминаний. Умирал долго и мучительно. Несколько раз оперировался в Германии, но не помогло. Очень хотел бы написать о нем и его одноклассниках гораздо подробнее, но не имею достаточной для этого информации.

На фото Коля Никишин и Саша Фокин в Париже

А вот встреча с В-классом, а особенно с Сашей Ариановым, дала мне массу информации. Этот класс выделялся в потоке своими гуманитарными способностями. Литературу в классе преподавал Юлий Ким. Многие ученики из этого класса участвовали в его спектакле, пели, танцевали и были героями этой постановки про Антимир и АнтиИнтернат, правда, роль главного героя играл Саша Тоток, учившийся годом старше. Кроме этого, ребята писали много стихов. У меня сохранилась целая поэма тех времен.

Дина Ратнер

МЫ ЛИ ВЫБИРАЕМ СЕБЯ

Предисловие Виктора Кагана

Автор не раскрывает «тайны психологии», что так любят одни читатели, не даёт советов, которые любят другие, не погружается в научное исследование, что было бы по душе третьим, короче говоря, не делает всего того, что предполагается названием рубрики. И это не та художественная литература, которая знает о психологии больше самой психологии. Это рассказ о себе и нескольких людях, чем-то напоминающий серии фотографий — зафиксированные мгновения, факты. Но рассказ с заданным направлением размышлений, с «подвешенным» в начале вопросом, а вопросы, как известно, не исчезают, не получив ответа. То есть, у Автора он есть, но станет ли он ответом для читателя или ответ отыщется в отзвуках его собственной жизни на камертон рассказа? Думаю, скорее второе. Во всяком случае — для меня это было так — эхо переживаний долетало не столько от самого текста, сколько от вызываемых им ассоциаций и воспоминаний, многие из которых годами лежали нетронутыми в каких-то уголках души. Выбирает ли человек сам себя — спрашивает автор, склоняясь к отрицательному ответу, но и опровергая его по ходу разговора. Это напоминает мне слова Симона Соловейчика, что человек определяется не на столько-то процентов наследственностью, а на столько-то воспитанием, а на все 100% наследственностью и на все 100% воспитанием. Свобода в рамках данного и данное в рамках свободы образуют пространство, в котором человек, скажу словами М.К. Мамардашвили, собирает себя из того, каким он себе достался и как видит, чувствует, переживает в разных обстоятельствах жизни это доставшееся ему, наполняя свою жизнь смыслом — у каждого своим.

Виктор Каган

После долгих раздумий — сама ли выбрала свою жизнь, или всё сложилось само собой — пришла к заключению: не выбирала, делала только то, что могла. Всего лишь один раз могла поступить так или иначе. С тех пор прошло много лет, можно сказать, жизнь прошла. Однако, как сейчас вижу ту обстановку: в сумрачной бедной комнате, я, тощий, конопатый подросток, стою перед важным человеком; он расположился за столом на единственном у нас стуле. Мама напротив него — примостилась на краешке кровати. Бабушка в стороне — сидит на сундуке, она и спит на нем. Железную кровать, стол и стул маме выдали на работе. Мы недавно прие-

хали в Московскую область из глухого сибирского поселка, куда нас эвакуировали во время войны. Привезли с собой подушки и большой медный чайник — то, с чем уплывали на последнем пароходе из Одессы. Город уже бомбили.

Важный человек, что пришел к нам, судя по всему, большой начальник. Он говорит, мама очень заинтересованно слушает. Бабушка молчит — от нее в этом разговоре ничего не зависит. Наш гость приехал из Москвы, из самой Москвы, где не нужно искать тропинки, чтобы желтая вязкая грязь не переползла через край высоких резиновых сапог, и где говорят незнакомые умные слова. Магия незнакомых слов у меня давно — с тех пор, когда в деревянном, занесенном снегом сибирском поселке увидела у девочки, тоже эвакуированной, картинки с высокими разноцветными домами и надписями, означающими разные города. Мне тогда казалось: умея я прочитать те слова — стала бы причастной людям другого, красивого мира, что был на картинках. В нашей школьной библиотеке далекой московской области, куда мы приехали после эвакуации, книги тоненькие — для малышей: «Колобок» и «Золотой ключик». Есть только одна толстая книга — «Жизнь Климса Самгина». Мне, когда почла ее, стало как-то особенно грустно и одиноко — вроде все усилия человека ни к чему не ведут.

Евгений Николаевич, так зовут нашего гостя, после разговора с мамой, спрашивает меня: «Как ты будешь относиться к приемным родителям, когда они станут старыми и больными?»

Из того, что было сказано, я поняла: речь идет о немолодых людях, которые живут в Москве, они знают разные умные слова и у них много книг. На вопрос важного господина надо бы ответить: «Я буду заботиться о них, ухаживать». Однако не хочу обманывать, ведь как бы я ни ухаживала — не смогу предотвратить их конец. И я отвечаю:

— Но ведь состарившиеся, больные люди умирают.

Гость снова задаёт тот же вопрос, ожидая услышать от меня обещание в любви и заботе.

— Но, — недоумеваю я, — люди не живут вечно. При этом думаю: если стану уверять в хорошем отношении — обману их надежды на долгую жизнь, которая от меня не зависит. Я всегда боялась обмануть кого-нибудь, не исполнить обещание.

Гость разочарован, мама огорчена. Мама ни за что бы не рассталась с сыном, моим старшим братом, а меня она готова отдать; все свои нежные чувства она израсходовала на него. С ним делает уроки, а про меня не знает — в каком классе учусь. Бабушка и рада и огорчена такой развязкой. Рада — ведь я останусь дома, а огорчена — потому как желает мне добра — хочет, чтобы я училась в хорошей, а не в нашей деревенской школе, куда нужно топать три километра.

С того памятного вечера прошло много лет. Давно уже нет участников той сцены, но время от времени я вспоминаю тот судьбоносный разговор. Скажи я тогда то, что ждал услышать гость из мира образованных в

гуманитарных науках людей, а не руководствовалась бы рассуждениями о том, что люди смертны, судьба сложилась бы иначе. И не пришлось бы мне долго выбираться из той сельской глуши, где мы жили. В прямом смысле и переносном — из глуши невежества. Только к сорока годам методом проб и ошибок вырuling на свою дорогу — стала профессиональным психологом, своеобразным психологом — пытаюсь проследить врожденную склонность человека по отношению к тому, что встречается ему в жизни.

Своих молодых и не очень молодых пациентов ориентирую на их индивидуальные возможности и упорный труд, а не на нечаянные радости. В случае депрессии по поводу несчастной любви привожу слова Гёте, которые он сказал на исходе своих дней: «Хорошо, что Шарлота не вышла за меня замуж, а то бы я всю жизнь исходил томлением и восторгом у её юбок». Юношеские переживания, свои неразделенные чувства Гёте описал в поэме «Вертер», где герой застрелился из-за того, что любимая девушка предпочла другого. Таким образом, я предлагаю страдальцам увидеть, казалось бы невыносимую ситуацию как бы со стороны, глазами прославленного поэта.

Установка на творчество, воображаемую реальность помогает преодолеть состояние неуверенности и одиночества человеку, ставящему перед собой непосильную задачу высшего постижения. При возможности выбора между устроенной спокойной жизнью и мечтой, смутно мерещейся неким абсолютным знанием, говорю о предпочтении последнего. Невольно переношу на собеседника свои устремления. Страх утратить ориентацию души срабатывал на бессознательном уровне: в двадцать лет отказалась от жениха, который был сложен как Аполлон, только из-за того, что он мне показался недостаточно умным. Счастье всегда представлялось полетом мысли, ощущением легкости, новизны, вдохновения. Будто смотришь на летящую высоко в небе серебристую стаю журавлей и отрываешься от земли.

Есть мнение, что природная склонность людей по отношению к тому, что встречается им в жизни, в некотором смысле определяется предыдущими воплощениями. Прошлые жизни видятся во сне, воскресают в желаниях, чувствах. Я когда-то была лихим наездником, которого не раз спасало благоразумие лошади. В другом воплощении изобретала вечный двигатель и окончила дни свои в забвении и нищете. В средние века стала алхимиком — искала универсальную, всепроникающую субстанцию — сущность и её превращение в разные вещества. Верила, что олово может стать серебром, а люди, просветленные знанием, изменят свой нрав.

Можем ли мы выбирать свою судьбу, или всё складывается само собой? На вопрос: «В чем выражается богоподобие человека?», обычно отвечают: «В свободе воли». В свободе выбора заключается смысл существования в бесконечности времени. Именно так я и думала, пока, будучи во второй раз в Тбилиси — самом любимом после Иерусалима городе — не встретилась с Лали и Тамрико.

Первый раз я летела в Грузию из Москвы. Давнишнее посещение одной из республик Советского Союза имело конкретную цель — защиту диссертации, которая в Московском университете была причислена к апологетике буржуазной философии. В Тбилисском же университете моя тема «бессознательного в творческом мышлении» оказалась в русле научных интересов. Более того, первая и единственная международная философская конференция в Советском Союзе была в Тбилиси и именно по вопросам «бессознательного». Я связалась с соответствующей кафедрой и десять лет пролежавшая диссертация, получила, наконец, признание.

С первых же дней пребывания в незнакомом городе опьянела от непривычной доброжелательности, душевного тепла не только коллег-единомышленников, но и случайно встретившихся людей. Почему-то солнечный город, гористые пейзажи показались давно знакомыми, будто когда-то жила здесь, а теперь хожу по улицам и вспоминаю. Особенно острое чувство причастности возникло в древнем храме Светицховели, построенном в Мцхете — первой столице Грузии — в начале четвертого века. Оказалось, храм строился синагогой. Должно быть, почувствовала место, в котором разум и воля моих единоверцев сохранились в толстых стенах, атмосфере. Потом я узнала историю иудеев в Грузии, об их появлении в районе города Мцхета на берегах Арагвы и Куры после разрушения Первого Храма и изгнания из Эрец Израэль, то есть задолго до нового летоисчисления. Узнала и о том, что уникальная Библия, хранящаяся в Гелатском монастыре, основанном Давидом-строителем, не является переводом Септуагинты — в её основе текст, сохранившийся в древних рукописях Иерусалима.

Трудно мне тогда было возвращаться в холодную неприветливую Москву, даже подумывала уговорить свою несовершеннолетнюю дочь переселиться в Тбилиси.

Спустя пятнадцать лет, оказавшись в Израиле, я увидела такие же как в Грузии горы и яркое солнечное небо, узнала и звуки речи: ведь в иврите и грузинском языке тысяча одинаковых корней. Когда слышу в автобусе или на улице разговор на грузинском — радуюсь, будто родственников встретила.

Я летела из Иерусалима в Тбилиси с воспоминаниями о прекрасном гостеприимном городе, где всякий раз расстилалась скатерть-самобранка, где не было ни антисемитизма, ни советской власти, и где духовная культура определялась чувством свободы и достоинства народа.

Каково же было моё изумление, когда увидела людей в страшной нищете, в холодных, давно не ремонтируемых квартирах. Хлеб, маргарин и обезжиренный творог — всё, что могли купить мои друзья — бывшие преподаватели университета. По указанию президента Саакашвили их, подобно прочим преподавателям со стажем, уволили без пенсии и выходного пособия. Вместо них на должности доцентов и профессоров взяли тех, кто получил образование в западных странах. Остановилась я у Мананы, дочери Тамары — моей бывшей оппонентки. Грузины боялись, что меня «за-

рубит» Высшая аттестационная комиссия в Москве и предоставили дополнительных оппонентов. Один из них, Георгий Прангишвили, заметил на защите с характерным грузинским акцентом: «Если женщин та-а-кой умный, что должен делать мужчина?!» Этот самый главный комплимент в жизни всегда поддерживал меня в трудную минуту. Второй оппонент — Тамара Кукава сказала, что читала мою диссертацию с увлечением, как читают роман. Такой отзыв уважаемого академика для меня большая честь.

Тамара, первая в Грузии женщина-философ, перевела с древнегреческого на грузинский язык чуть ли не всю античную философию. В собственных исследованиях чаще прибегала к мнению Аристотеля. Она же ходила по архивам, выискивала рукописи средневековых мыслителей и воскрешала забытые имена. Мы подружились, и я узнала, что Тамара, будучи академиком, кормит кур, работает в саду, таскает с базара тяжелые сумки. Своя, независимая от бывшего мужа жизнь, не помешала прекрасно воспитать детей. И на всё у неё хватало время. Бывало поспит чуть-чуть и садится за работу. Несколько поколений выросло на её лекциях, и ещё выйдут на её книгах.

Тамара давно в лучшем мире, и все свои дружеские чувства к ней я перенесла на её дочь — Манану, которая в некотором смысле видит во мне ушедшую маму. Манана тоже при правлении Саакашвили оказалась безработной. Однако, будучи потомственным философом, удачно сочетает мысли о «высоком» с тяготами реальной жизни. По поводу выхода из союзных республик России и временных трудностей местной жизни она придерживается мнения Демокрита о том, что лучше жить в нищете при демократии, чем при царях в достатке. Такая же как мама бескомпромиссная, никогда не цитировавшая классиков марксизма-ленинизма, она мечтает о правовом, справедливом устройстве государства.

У Мананы, слава Богу, трое взрослых детей — они учатся и подрабатывают везде, где можно. Семья не только выживает, но и даёт кров и душевный приют всем, кто нуждается в нем. Одна из нуждающихся — Лали.

Лали появилась в доме, словно легкое золотистое облачко: светлоребристые глаза, рыжеватые волосы, тронутые легким загаром обнаженные до плеч руки. Изящная, грациозная, она ступала, едва касаясь земли. Балерина — подумалось мне. Лали и в самом деле с раннего детства мечтала танцевать, танцевала всегда и везде — шла по улице, танцуя. Потом я узнала — балериной была её мать из Ленинграда, в Тбилиси она родила девочку и оставила её в роддоме. Лали потом искала документы на усыновление, вернее удочерение новыми родителями, где бы значилось имя и фамилия родной мамы, но ничего не обнаружила. Та, которая ее взяла, не имея своих детей, позаботилась о том, чтобы уничтожить все свидетельства, дабы девочка не считала её мачехой.

То ли ребенок ещё в утробе чувствует желание матери избавиться от него или ещё почему, но Лали с младенчества помнит страх потерять теперь уже ту, которая была рядом. А та, властная, хотела, чтобы любовь

ребенка принадлежала только ей, она пугала девочку: «вот уйду и брошу тебя». В этом ужасе и росла Лали. Бывало, маленькая, играя во дворе, бежала домой — проверить, не ушла ли, не бросила ли её мама. Страх быть оставленной приходил во сне, она в ужасе просыпалась и тихонечко, чтобы не скрипнула дверь, заглядывала в спальню родителей — на месте ли мама.

Бывшая грузинская княжна учила приемную дочку, как нужно вести себя за столом, разговаривать с взрослыми, учила княжескому достоинству. И жили они в бывшем родовом поместье, от которого остался один старинный дом с резными балконами. Ни у кого в деревне не было такого красивого дома. На просьбы папы переехать в Тбилиси — он работал там директором небольшого завода — мама отвечала отказом, она не хотела жить в городе. Так уж сложилось: папа был сам по себе, он не принимал участия в воспитании Лали. Главное, обеспечивал безбедную жизнь своей маленькой семьи, а большего мама от него и не требовала. В первом классе девочка задумалась: почему у неё родители старые, у всех детей молодье, а у неё старые: маме пятьдесят лет, а папе — шестьдесят. И ещё она случайно услышала в школе разговор детей про неё: «Это та самая брошенная девочка, которую взяли».

«Племянница отца не любила маму, — рассказывала Лали, — она же всё и открыла. Оказалось, мама за меня в роддоме заплатила большие деньги, то есть уплатила за то, чтобы уничтожили все документы. Боялась, что родная мать, одумается и вернется за мной; целых десять дней она кормила меня грудью. Родная мама была хорошим человеком, я чувствую её горе, когда отдавала меня. Просто всё так сложилось: не могла она вернуться в Ленинград с ребенком, а грузин, которого любила, не женился на ней. По правде говоря, я у приемных родителей ещё маленькой чувствовала чуждую обстановку вокруг себя».

Ощущение чужеродности не мешало Лали любить свою приемную маму, которая в отличие от всех вокруг, вела себя с удивительным достоинством, знала, как нужно держаться в присутствии гостей и правильно пользоваться серебряными столовыми приборами. У мамы болела нога и Лали хотела отдать свою ногу — пусть отрежут, только бы мама выздоровела. Тогда же в начальной школе Лали приснился сон: будто у неё две мамы и обе склонились над ней в одинаковых платьях — зеленых с красными розами. И она не знает, кто из них настоящая. Только бы не оставила, которая есть, и Лали, будучи в школе, бегала на переменах домой — посмотреть, жива ли мама, не ушла ли. Ходили легенды о Лалиной привязанности к маме. И та стояла того — самостоятельно изучала медицинскую литературу и если ставила диагноз, врачам уже нечего было делать.

«В детстве, — рассказывала Лали, — я всегда танцевала и пела, но балериной стать не могла, ведь мы жили в деревне, а там не было балетной школы. И потом, когда подросла, не могла уехать и оставить маму. Я не была свободна — не могла выбирать. То, что дано — дано, и ты должен пройти эту дорогу... Отец умер, когда мне было семнадцать лет. Мы стали

жить на вырученные от продажи вещей деньги, продали и мамино фамильное серебро. Тогда же я влюбилась в своего одноклассника, он тоже смотрел на меня с нежностью. Весной, когда мы получили аттестат зрелости, он прислал сватов, но мама ему отказала. «Почему?!» — плакала я. «Он слишком красив», — ответила мама. На том и кончилась моя первая и последняя любовь.

Ко времени, когда мама совсем слегла, мы продали всё, что было ценного в доме, потом продали дом и переехали в город. Не знаю, могла ли мама ходить, но иногда мне казалось, что ей легче быть лежачей больной — ведь есть кому ухаживать. Мы сняли квартиру на окраине Тбилиси — маленькая комната и крошечная кухонька. Жили на мамину пенсию и на деньги, что я зарабатывала корректором в издательстве «Художественная литература». Директор издательства вошел в мое положение и давал работу на дом. Пятнадцать лет мама не вставала с постели. Мне было уже под сорок, когда она умерла. Из внештатного корректора меня перевели в штат издательства, прибавили зарплату.

Тогда же признался мне в любви большой, заросший по самые глаза черной щетиной, вдовец, что делал всякие слесарные работы в нашем издательстве. Он подробно рассказывал о своем хозяйстве в пятидесяти километрах от Тбилиси, о том, что в урожайный год снимает до двух тонн винограда, есть у него и кукурузное поле, и дом в два этажа, сам строил. Три его дочери уже замужем. Говорил, если я захочу жить с ним в деревне, можно завести корову и тогда он не станет продавать сено со своего участка. Однако, мне, всегда видевшей себя балериной, ни к чему было обзаводиться коровой. С детства главная моя жизнь происходила внутри — в мечтах я видела себя на сцене театра. Вот и сейчас думаю о несбыточном — будто моя родная мама ищет меня. Давно ищет и не может найти; ведь все документы в роддоме были уничтожены. Старая одинокая она, конечно же, жалеет о случившемся. Знать бы хоть что-нибудь о ней, хотя бы только имя, сама бы нашла».

Лали пришла в гости к Манане, неся на ладони грузинский хлеб шоти, по форме напоминающим ладью. Этот пресный хлеб пекут вручную, и его обычно приносит в дом на ладони мужчина. Лали ответила на мои невысказанные мысли о её судьбе:

— Живу, как могу. Хватило бы терпенья достойно пройти дорогу, которую кто-то определил для меня. Да, я не реализовала свои мечты: не танцевала, не пела, не изучала языки. Всегда в угнетенном состоянии, вроде как примороженная, чувствовала, что проживаю не свою — чужую судьбу.

— Сейчас вы снимаете комнату неподалеку?

— Да, на соседней улице.

— Хозяйка хорошая?

— Поначалу мы ладили, потом она придирается стала и всегда находит повод. Например: «Почему поздно пришла? Почему тихо вошла и напугала меня?» Или: «Почему громко постучалась? Я испугалась.» Не

знаю куда податься. Скоро меня из издательства уволят по причине пенсионного возраста. Страшно потерять работу. Хотела определиться в монастырь — не взяли.

Слушая рассказ Лали о её детстве, безрадостной юности, о том, что у неё нет своего угла, я сказала:

— Может стоило выйти замуж за того вдовца, на руках бы носил.

— Я, как бы ни старалась ответить ему взаимностью, ничего бы у нас не получилось. Как-то он сказал, увидев на моем рабочем столе книжку стихов Галактиона Табидзе: «Что стихи? Дым! Когда будешь жить у меня, полезной работы в доме и на тебя хватит».

— Понятно..., — проговорила я.

— Нет, не могла я выйти замуж за того человека, — продолжала Лали, — да и жених не очень-то добивался, вскоре женился. Сейчас, когда в Грузии каждый второй недоедает, он разбогател: возит в город яйца, молоко, сыр. Я бы стала его напарником и мы бы управлялись с хозяйством в четыре руки. С практической точки зрения это лучше, чем одной, но я не умираю с голоду. Значит, нет необходимости решать задачу выживания за счет утраты свободы души. Будучи с ним, я не избавилась бы от чувства одиночества.

Ну да, что об этом толковать, — помолчав, продолжала Лали, — лучше расскажу про замечательного редактора, что недавно пришел в наше издательство. Писатели, рукописи которых он редактировал, чуть ли не молятся на него — очень точно чувствует слово, как дегустатор пробует его на вкус и запах. А как говорит! Будто песню поёт! Он любит те же стихи, что и я. Память удивительная — наизусть поэмы читает! Я теплолюбивая, но если бы сказали поехать с ним на Северный полюс и там превратиться в сосульку — секунды бы не раздумывала. Только заглядывается он не на меня, а на девушку, что устроилась к нам после филологического факультета. Одним словом — прошло мое время, — вздохнула Лали.

Она говорила, а я любовалась её красотой, что оставил в наследство темноглазый папа грузин и белокожая мама, любовалась легкостью движений и со вкусом подобранной одеждой. Прояви она решительность в устройстве своей судьбы, всё сложилось бы иначе. И приёмная мать не была бы в накладе.

— Вай мэ! Вы такая грустная, — услышала мои мысли собеседница. — Нет, ничего я не могла изменить в своей жизни. Только сейчас нашла слова, объясняющие прошлые поступки.

Я вспоминала случай, когда и меня чуть было не удочерили. Этого не случилось оттого, что я, подобно Лали, боялась обмануть чьё-либо доверие. Должно быть княжна не сомневалась в рабской привязанности дочери. Вот и я чувствовала бы себя обязанной жизнь положить на несостоявшихся родителей. Хоть они и были учеными историками, что сократило бы долгий путь к гуманитарным наукам, мне следовало оставаться возле своей бабушки, которая не умела писать по-русски, но помнила наше Свя-

ценное писание и внушила мне его наставления. «Не зарывай свой талант в землю», — говорила она. Другими словами — не отказывайся от себя, не подчиняйся обстоятельствам.

В том, что никто не смог бы заменить мою бабушку, меня убедила и другая встреча. Чтобы воскресить впечатления тридцатилетней давности, когда я приехала в Тбилиси первый раз, мы идем с Мананой в библиотеку Грузинской академии наук. Здесь, как и раньше, — тихо, торжественно, всё так же блестит старинный паркет, та же бронзовая люстра позапрошлого века. В открытом доступе — антикварные книги с золотыми обрезками и красочными, не выцветшими за века иллюстрациями. Только в отличие от былых времен, молодежи нет. В большом читальном зале только и сидят далеко друг от друга несколько интеллигентных старичков — должно быть профессора. Смещенные Саакашвили со своих должностей, они ходят сюда в силу привычки. В зале холодно, за огромными окнами затянутое тучами осеннее небо.

— При том, что сейчас здесь совсем мало посетителей, — говорит Манана, — работники библиотеки остались почти в полном составе. Вы были только те, кто умер. Если кого хотят уволить по причине нехватки денег, все остальные делятся своей зарплатой.

Оказалась на прежнем месте и Тамрико — давняя подруга Мананы. Высокая, гибкая с гипнотическим взглядом зеленых глаз она шла нам навстречу, распахнув объятия. Расцеловала Манану, заодно и меня; согласно грузинскому обычаю: «твой друг — мой друг». Тем более, что делились не первый раз. Когда-то, перед защитой диссертации, я делилась с ней своими страхами по поводу заполнения необходимых документов, где должна была указать национальность и отсутствие необходимой в Москве на философском факультете партийности. Тамрико тогда заверила меня, что у них в университете даже ректор беспартийный, а евреи — князья.

За прошедшие годы Тамрико сохранила совершенную грузинскую красоту: всё такая же грациозная с чуть удлинненными распахнутыми глазами олененка с картины Пиросмани. На улице невозможно было не оглянуться на неё и не вздохнуть, что прошла мимо. Двадцать лет было Тамрико, когда она встретилась с Андреем Вознесенским. В двадцать лет грузинка Лидия Циргвава вышла замуж за отчаянно влюбившегося в нее пятидесятилетнего Вертинского. «Как ты похожа на жену Вертинского!» — воскликнул Андрей Вознесенский, увидев её в первый раз. И тут же его поэтическая душа взметнулась к небу пламенем безудержной любви.

«Моя бабушка вышла замуж за Исидора Амикадзе, — рассказывала Тамрико, — в 1914 году дедушка ушел на войну. От него не было никаких вестей и после окончания войны. Бабушка осталась с тремя мальчиками, которые учились в гимназии, один из них стал моим папой. Учитель гимназии Михаил Мирович, сосланный из Киева в Грузию за участие в революции 1905 года, женился на бабушке. Не знаю, пожалел ли он вдову, мать своих учеников, или увлекся ею. Михаил Мирович, был педагогом от Бога,

его уроки литературы и истории были похожи на симфонию. Талантливый, великодушный учитель не вызывал ни у кого ни зависти, ни злобы. Даже вернувшийся через несколько лет родной дедушка Исидор Амикадзе почитал его. «Исидор, — сказала бабушка своему бывшему мужу, — ты по окончании войны объездил все страны, а в Москве ещё не был. Поезжай в Москву, женись, и всё будет хорошо».

Мои самые первые воспоминания, — продолжает свой рассказ Тамрико, — как я обнимаю дедушку Михаила. Он играл со мной, приобщил к книгам, во втором классе уже читала Толстого, Чехова. Училась я в русской школе. Каждое воскресенье дедушка покупал три билета в оперу, я брала кого-нибудь из подруг и мы шли в театр. Дети завидовали мне, я была богата дедушкой. До сих пор не могу вспомнить: было ли то на самом деле, или привиделось во сне: дедушка сидит над большой раскрытой книгой из тряпичной, бежевого цвета старой бумаги. «Что это?» — спросила я. «Книга жизни», — ответил дедушка, встал и закрыл собой книгу. У младших братьев моего отца тоже были дети, но дедушка всегда был только со мной. Может потому, что мой папа погиб на войне в сорок третьем году, маме тогда было только двадцать лет и она снова вышла замуж.

— Сколько же вам лет!?! — удивилась я.

— Родилась в сорок первом, отец ушел на фронт, когда меня ещё не было.

— Вот уж не подумала бы, получается вы уже давно пенсионного возраста!

— Просто молодо выгляжу, все удивляются, — засмеялась Тамрико.

— Значит, у вас с Андреем Вознесенским не было такой сумасшедшей разницы в возрасте, тридцать с лишним лет, как у Вертинского и Лидии Циргвава.

— Нет, нет, Андрей был ненамного старше меня. Наверное, его любовь и в самом деле объяснялась моим сходством с женой Вертинского. Я сравнивала наши фотографии — действительно как одно лицо. А может работала память на генетическом уровне — прадед Андрея был грузином, которого русские, при покорении Кавказа, увезли мальчиком в город Муром. Помимо других языков Андрей знал грузинский, переводил наших поэтов на русский язык. Он не раз приезжал к нам со своим отцом. «Можно, вы мне покажете Тбилиси...», — то ли спросил, то ли попросил он, когда мы первый раз встретились. Я тогда вошла в читальный зал этой самой библиотеки, где мы сейчас сидим, Андрей увидел — встал навстречу и больше не отходил от меня. Я показывала ему город под восторженные восклицания подружек, которых позвала с собой — Андрей уже тогда был известным поэтом. Уехав в Москву, каждый день писал письма — рассказывал о своей любви. У меня толстая пачка его писем. Когда я вскоре оказалась в гостях у родственников в Москве, он пригласил меня в Центральный дом литераторов и на виду у всех провозгласил самой красивой девушкой, обсыпав красными розами Охапка роз, едва помещавшаяся у него в руках, лежала у моих ног. Я готова

была выйти за него замуж, и он уже собирался купить отдельную от отца квартиру. «А как же дедушка?» — спросила я. Андрей ответил: «Мы дедушке будем посылать посылки». «Всего лишь посылки!» — мысленно возмутилась я. Вот если бы сказал, что дедушка будет жить с нами, тогда мы бы отпраздновали, как договаривались, две свадьбы; одну — в Москве, другую — в Тбилиси. Я не могла оставить дедушку. У нас родителей не бросают, старых людей почитают, вместе с молодыми они живут долго. Дедушка меня вырастил, научил любить книги, музыку, живопись, мы с ним одинаково чувствовали, думали. Дедушки давно нет, а я до сих пор мысленно договариваю с ним. С ним, а не с Андреем.

— Вы не хотите опубликовать письма Вознесенского к вам? — спросила я. — Сейчас, когда его уже нет в этом мире, можно.

— Можно. Если я и сделаю это, то только если переживу его вдову. Андрей, когда я вернулась в Тбилиси, женился на женщине грузинского типа старше себя. Наверное, так и должно было случиться — она писательница, а я всего лишь библиотечный работник. Когда-то, по совету дедушки, начинала сочинять сказки для детей, потом бросила. Сейчас жена Андрея публикует воспоминания о нем. Он любил ее так же восторженно, как и меня, о чем писал в своих стихах:

Я любил двух женщин как одну,
Хоть они совсем не близнецы...

Согласно воспоминаниям жены — её тоже задаривал красными розами, не случайно же сочинил стих, из которого сделали песню — «Миллион алых роз». Когда мы с ним расставались, писал мне восторженные письма о своей неумёмной любви, ей тоже писал. Я всегда чувствовала — он любил не конкретно меня, а своё пылкое воображение, мечту.

Тамрико говорит, а мне слышится голос Вознесенского:

Стихи не пишутся, случаются
Как чувства или же закат.
Душа — слепая соучастница
Не написал — случилось так.

Наверное, не забывал Андрей Тамрико, сожалел, что она осталась одна — так и не вышла замуж. Во всяком случае, может быть, он о ней думал, когда писал:

Ты придешь, сядешь в уголке —
Подберу музыку к тебе...
Подберу музыку к тебе,
Чтобы теплее стало на ветру...

И далее неотступно звучит мелодия слов:

Ты меня никогда не забудешь,
Ты меня никогда не увидишь.

.....

Я тебя никогда не забуду.

Я тебя никогда не увижу.

Грустные вышли мы с Мананой из библиотеки, будто встретились с женщиной, счастье которой прошло мимо. Ведь стоило ей только сказать: «дедушка будет жить с нами» и Андрей бы не возражал. Почему она этого не сделала? Может быть, неосознанно сработала гордость красавицы-грузинки? Или возмутилась тем, что жених не понимает того, что для нее само собой разумеется? Вот дедушке ничего не нужно было объяснять — всё понимал без слов. Мне вспомнилась восемнадцатилетняя Ульрика, что была последней любовью восьмидесятилетнего Гёте, та так и не вышла замуж: женихи не выдерживали сравнения с интеллектом мыслителя.

Встреча с Тамрико вернула к размышлениям о том, что никто бы не смог заменить мне мою бабушку. Снова в памяти всплыл давнишний эпизод детства, когда упустила возможность жить с суперобразованными родителями. Теперь понимаю: всё случилось так, как и должно было. Главное, никто и ничто не ограничивало моей свободы, возможности выбирать. Этого не скажешь о Лали и Тамрико. Не реализовалось призвание Лали — не стала она балериной при мачехе-княжне. Не решительность и волевое усилие, а страх быть неблагодарной выстроил ее жизнь. Ведь могла же после десятого класса убежать с любимым мальчиком. В Грузии, когда родители не дают согласия на свадьбу, такое нередко случается. Да и её мать-мачеха тогда не нуждалась в уходе. Вот и забота талантливого дедушки, обстановка всегдашнего интеллектуального комфорта лишила Тамрико инициативы. Слишком хорошо тоже нехорошо.

Моя бабушка внушила мне чувство необходимости найти и реализовать себя, внушила сознание Бога — главного участника и свидетеля жизни. Бабушка передала эстафету своего нереализованного желания — знать. О том, что знание есть высшая цель человеческой жизни, говорил средневековый поэт и философ Шломо ибн Гвириоль; его дух, устремленный за пределы чувственного мира, находит отклик через века. В отличие от ищущего мудрости Сократа, у него был один собеседник — Бог. И кто знает, не чувство ли сиротства у рано лишившегося родителей юноши, не мания ли преследования, появившаяся от постоянной бедности и зависимости от покровителей, способствовали его утверждению, что воля выстраивает нашу жизнь и «всю иерархию бытия». Также в физическом плане природа не одарила Шломо ибн Гвириоля своими щедротами: он, по собственным словам, был низкорослым, уродливым и болезненным человеком. Ко всему прочему раздражительным и неуживчивым. При этом считал, что решимость и волевое усилие дают возможность познать и реализовать себя; рабство — это, когда человек не может воплотить свою сущность. В его написанных библейским языком религиозно-философских поэтических произведениях истина и красота души едины. Не хочется думать

о ранней смерти поэта-философа, которого, согласно легенде, убил завидовавший его славе, мусульманин.

Прошла тысяча лет, и всё так же человек пытается соединить чувство, разум и волю, старается быть верным призванию и справиться с одиночеством. Подобно Шломо ибн Гвиролло мы обращаемся к Всевышнему, тайны которого непостижимы:

Твои два мира, между которыми Ты положил предел:

Первый — для трудов, второй — для воздаяния.

На примере такой подвижнической жизни подтверждаются слова еврейских мудрецов: «Неравенство, существующее в видимом мире, не влияет на отношения между человеком и Богом».

Мы с Мананой по дороге домой заходим на рынок для бедных. Когда-то в Грузии не было столь резкого деления на бедных и богатых, на очень бедных и очень богатых. Рынок, где женщины, не защищенные от холодного ветра, сидят на опрокинутых деревянных ящиках, начинается на подходе к метро. Прямо на асфальте разложен товар: корзины с не первой свежести помидорами, мешки с нестандартными огурцами и каменной твердостью хурмой. Тут же крошечные ларьки с бакалейным товаром, пакетами творога, маргарина. Мне, помнящей роскошь тбилисских базаров и уже привыкшей к красочному изобилию израильских фруктов и овощей, хочется скорее уйти. Манана же, подчиняясь необходимости кормить семью, приценивается к помидорам.

— Почему в метро одна молодежь? Куда девались пожилые люди? — спрашиваю я.

— У них нет денег, чтобы уплатить за проезд. На нашу пенсию не разбежишься, на неё можно купить всего лишь килограмм мяса. Вот мы его и не покупаем, пробавляемся субпродуктами: вымением, селезенкой, ну а печень — непозволительная роскошь.

Я не спрашиваю, почему так много стало в Тбилиси беззубых стариков, и так ясно — у них нет денег на визиты к стоматологу.

— Главное, у нас работы нет, многие мужчины на заработки уезжают за границу, там и оседают, а женщины остаются одни. У нас много незамужних женщин. Моя знакомая адвокат решила поехать к вам в Израиль ухаживать за стариками, так она за несколько дней получила свою месячную зарплату здесь. Однако официально не оформилась, и её за нелегальное проживание посадили в тюрьму. Говорит, что те три недели, которые она провела в вашей тюрьме, были самыми лучшими за последние годы — очень вкусно кормили, бананы давали.

Дома у Мананы холодно, пусто. У детей ещё не кончились лекции в университете, муж на работе. Будучи по специальности ветеринаром, он стал железнодорожным рабочим — шпалы укладывает.

— Так ведь ветеринар — всегда востребованная специальность, — говорю я, — не перевелись же у вас коровы.

— Их стало мало. Хорошо хоть какая работа есть, сам бы не нашел, родственник устроил, — отзывается Манана, растапливая железную круглую печку, которую в России называют буржуйкой.

— А что, центральное отопление не работает в такую холодрыгу?

— Мы уже забыли про него, давно сняли батареи и сдали на металлолом, за них дали немного денег, но всё лучше, чем ничего.

— Хорошо, у тебя частный дом, а что делать тем, кто живет в многоэтажках?

— Они, так же как и мы, трубу печки выводят в окно.

— Скажи, наверное, все евреи покинули Грузию?

— Ещё остались, но их немного. Вот и наш сосед Давид Мошиа-швили улетел к вам. Если в фамилии есть имя, например — Мошиа, и она заканчивается на «швили», значит, это евреи или грузины, которые произошли из евреев. То же Иваношвили, это фамилия нашего будущего премьер-министра. Все, кого я знаю, будут голосовать за него. Иудеи в Грузии всегда почитались: «раз иудей сказал, значит правильно, он знает». Поначалу твои единоверцы селились в центральной части страны, потом разошлись по всей Грузии. Те, кто оказались в крупных городах, построили синагоги. Были и те, кто осел в Кахетии, там земля замечательная, но таких было немного, синагогу они не могли построить и постепенно стали ходить в церковь, то есть стали считаться грузинами. Вот и наш сосед такой грузин из Кахетии, жена его была еврейкой, недавно улетели к сыну в Израиль.

К трем часам пришли дети — высокие, красивые. Как они радуются моим подаркам! Старшая Тамуна смотрится победительницей — решительная, уверенная в себе, она сразу же надела жемчужные серьги и любовается ими перед зеркалом. А Софико — застенчивая, молчаливая — сказала, что золотую цепочку она наденет, когда пойдет на первое свидание. «Но ведь это очень дорогие вещи...», — растерянно заметила Манана. Ей я привезла гранатовые бусы, а нужно было элементарную юбку; у неё только одна юбка, которую она вечером постирала, а утром ещё не просохшую погладила и надела.

Чтобы не смущать гордых грузин большими тратами, сказала, что продала тираж своей только что вышедшей книги и неприлично разбогатела. На самом деле, книги не продаются, я их раздаю, но всё равно, будучи в Израиле на социальном пособии, оказалась миллионершей по сравнению со своим друзьями. Мальчик Вахо — младший, но уже с рыцарской отвагой залез в сад на высокое дерево и сорвал для меня единственную сохранившуюся на самой верхушке грушу. У Вахо — редкий дар воспитывать животных: прилудная собака, что поначалу душила цыплят, теперь охраняет их, а такой же прилудный кот, который ни за что не хотел мириться с появлением собаки, теперь ест с ней из одной миски. И всем хорошо. И мне удивительно, по-родственному, хорошо в этой семье.

Манана справляется с домашними делами быстро, споро, подобно вечному двигателю носится по лестнице с первого этажа, где расположена

кухня, на второй — в столовую. А ночью, когда все разойдется по своим постелям, она засядет писать философский трактат о бессмертии души. Муж — флегматичный человек — сам по себе. Вернувшись с работы, он ужинает и садится у телевизора. Судя по всему, жена-философ ему ни к чему, но что есть, то есть. Для отдохновения время от времени он звонит женщине, в которую когда-то юношей был влюблен. Манана, услышав его воркующий голос, сразу понимает, с кем разговаривает. Её снисходительность — пример для детей — принимать людей такими, какие есть. А о своем женском одиночестве при подобном раскладе молчит. В отличие от Лали и Тамрико, Манана решительная, самостоятельная, если бы не вышла замуж, всё равно обзавелась бы детьми. «У женщин есть преимущество, — говорит она, — мы можем иметь детей независимо от наличия мужчины в доме».

Завершилось мое долгожданное пребывание в Тбилиси. Здесь я когда-то ощутила причастность к своему народу, здесь получила признание своих научных трудов. Ученый совет радовался тому, что человек из Москвы работает в русле их философской школы. Снова и снова оглядываясь на провожавших меня друзей, направляюсь в терминал аэропорта. Спустя полчаса вхожу в самолет и чуть ли не плачу от счастья, услышав ивритскую речь. Туристы из Израиля восторгаются красотами Грузии — историческими памятниками, храмами. Сейчас отреставрированный храм Светицховели в городе Мцхета с продающейся вокруг него мишурой поддельных сувениров — самый главный туристический маршрут. Экскурсоводы говорят, что город, расположенный недалеко от горы Арарат, к которой пристал после потопа ковчег, был основан одним из ближайших потомков Ноя. Когда-то евреи этих мест три раза в день произносили молитву: «Господи, подними знамя изгнанников наших, собери нас вместе со всех четырех концов земли, воссоздай Иерусалим вскоре, в наши же дни, как создание вечное...»

В который раз возвращаюсь к мыслям о цене, что заплатила страна за свою независимость, о надеждах народа на нового премьер-министра. И о жизни отдельного человека, которому нужно справиться с обстоятельствами и реализовать предначертание небес. Думаю о единственной и неповторимой судьбе одиноких людей перед лицом одинокого Бога...

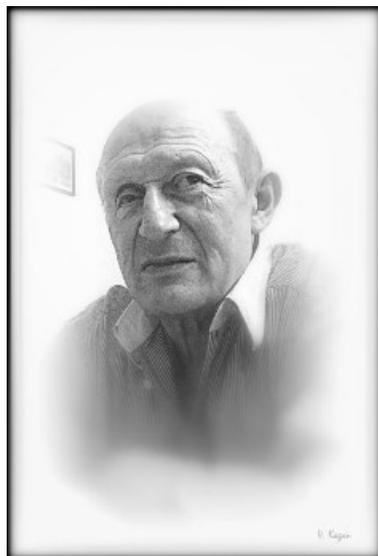

Виктор Каган

РЫЦАРИ ОСОБОГО НАЗНАЧЕНИЯ

Сначала об авторах...^[1]

Елена Вяякуопус — психолог, автор развивающих и реабилитационных методов и программ для взрослых и детей с нарушениями развития. Она организовала множество международных проектов по защите прав инвалидов. Её связанная с этим публицистика публиковалась во многих журналах, за статью «Право на солнце» удостоена премии журнала «Звезда» (2011), а её специально написанные пьесы ставились в петербургских организациях инвалидов.

Александр Мелихов. Фото автора

Александр Мелихов — известный писатель и публицист, заместитель главного редактора журнала «Нева», лауреат литературных премий, одним из главных своих дел считающий помощь по предупреждению самоубийств.

^[1] Елена Вяякуопус — Искры, летящие вверх. 1 изд., СПб.: Звезда, 2012, 128 с.; 2 изд. СПб.: Айсинг, 2013, 160 с. Елена Вяякуопус, Александр Мелихов — Как сохранить радость жизни в трудное время. СПб.: Звезда, 2014, 160 с.

Такой дуэт не может не привлекать. Но дело не только и не столько в этом или моей симпатии к авторам. Дело прежде всего в том, как они подходят к давно интересующим меня и, на мой взгляд, очень важным вопросам.

Так складывалась моя работа, что в ней всегда присутствовали не только те, кто заболел, вылечивался и возвращался в обычную жизнь, но и те, кто навсегда оказывался с краю или за краем, нуждаясь в постоянной помощи и поддержке. Это были дети, взрослые, пожилые и старые люди с физическими расстройствами, психическими нарушениями, особенностями развития — короче говоря, те, кого называют инвалидами. В 1960-ых, когда я начинал работать, помощь им была минимальна, они часто оседали в интернатах, жизнь которых едва ли кто-то описал беспощаднее и лучше Рубена Гальего, домах инвалидов и престарелых — своего рода человеческих свалках типа той, в которой закончил свои дни Варлам Шаламов. Мне пришлось видеть людей с умственной отсталостью, которых родственники держали в буквальном смысле слова на цепи, но говорить и писать об этом было не принято, как и о выброшенных на Валаам умирать инвалидах войны. Обязанности врача по отношению к родственникам пациентов ограничивались сообщением им казённых сведений о том, что надо делать, а как — да как можете. Никакие психотерапевты, психологи, социальные работники и службы для таких людей ещё не снились даже в самых радужных снах. И едва ли кому-то могло прийти в голову писать книги, подобные тем, о которых я собираюсь говорить. С тем, о чём пишут Е. Вяжякуопус и А. Мелихов, у меня связано столько накопившихся за почти полвека работы воспоминаний, размышлений, сомнений, переживаний, что я едва ли удержусь в рамках жанра рецензии. Тем более что в этих книгах боишься потерять самое важное, живущее в словах и между ними, но заявляющее о себе с не слишком свойственной врачам и психологам открытостью, с редким и бесценным умением, оставаясь профессионалом, видеть мир и глазами другого. Надеюсь, это простит достаточно обширное цитирование.

Тысячелетиями на инвалидов смотрели с точки зрения их полезности или бесполезности. Первой ласточкой изменения отношения к ним принято считать работу Р. Hunt. «Критическое положение» в вышедшей в 1966 г. в Лондоне книге «Клеймо: опыт инвалидности». Его глава открывалась словами: *«Вся моя взрослая жизнь прошла в заведениях для таких же, как я, людей с тяжёлыми физическими дефектами. Естественно, этот мой личный опыт лёг в основу излагаемого здесь взгляда на инвалидность. Но наряду с понятной ценностью моего собственного опыта несомненно и то, что ситуация "молодых хронически больных" (как их официально и без особой симпатии называют) подчёркивает, что нарушения вроде наших, часто препятствующие любой попытке нормальной жизни в обществе, фактически вынуждают нас обращать к основным вопросам не только совладания с нарушениями, но и собственно жизни»*. Он показал, что люди с дефектами воспринимались как несчастные, бесполез-

ные, не такие как все, и заключил, что инвалиды сталкиваются с «предубеждениями, выражающимися в дискриминации и угнетении».

Его идеи нашли отклик и в 1976 г. Союз людей с физическими дефектами против сегрегации (UPIAS) развил их и предложил своё определение инвалидности: «Препятствие или ограничение активности, вызванное современным социальным устройством, недостаточно или совсем не уделяющим внимания людям с физическими недостатками и, таким образом, исключаящими их из социальной деятельности». Это определение ещё не включало в себя психических нарушений, вошедших в него позже, но было серьёзным этапом перехода от *медицинской* к *социальной* модели инвалидности, обозначенной так в 1983 г. Mike Oliver — учёным, который и сам был инвалидом. Это важный момент, так как социальная модель предполагает суждение об инвалидности не с точки зрения физиологических и статистических норм, а исходя из опыта самих инвалидов, чья индивидуальная норма выступает как мера отклонения от физиологической и статистической норм. Инвалидность — не прямое последствие имеющихся нарушений, но порождается негативными стереотипами, предубеждениями и связанными с ними искусственными барьерами в жизни. Суммируя данные многих публикаций, М.Г. Муравьёва в статье «Калеки, инвалиды или люди с ограниченными возможностями? Обзор истории инвалидности» (2012) пишет: *«Дуглас Бейнтон, в частности, продемонстрировал, что дискуссии об инвалидности играли значительную и даже решающую роль в подходах к гражданству и формированию американской иммиграционной политики в XIX и XX веках. Американское иммиграционное законодательство сформировало категорию "нежелательных" иммигрантов, куда по медицинским показаниям были включены заразные больные и инвалиды. Таких иммигрантов рассматривали в качестве «угрозы общественному здоровью и государственной казне» и классифицировали по принципу опасности их болезни. Так, между 1903 и 1917 годами лицам «с физическими дефектами, влияющими на их способность зарабатывать себе на жизнь» отказывали в иммиграции, относя их к категории «нежелательных»; сюда включались люди, больные грыжей, хроническим ревматизмом, имевшие физические дефекты, варикозное расширение вен, плохое зрение, "слабую физиологию", находившиеся в немоющем и/или старческом состоянии, а также беременные женщины. С точки зрения Бейнтона, инвалидность использовалась для оправдания и закрепления неравенства не только по отношению к самим людям с ограниченными возможностями, но и другим группам: женщинам, рабам, сексуальным меньшинствам. Ко всем этим группам применялся дискурс "инвалидности" не только физической, но и гражданской, закрепляя тем самым отсутствие у них гражданских и политических прав. Подобную ситуацию можно было наблюдать и в других странах, включая Россию. В России, в частности, в XIX веке дискуссии о нищих калеках постоянно велись не только в контек-*

сте формирования адекватной социальной политики и социальной помощи, но и в аспекте гражданских прав».

Потребовалось время, чтобы в 2006 г. Конвенция ООН о правах инвалидов заключила, что «инвалидность является результатом взаимодействия между имеющими нарушения здоровья людьми и отношенческими и средовыми барьерами, которое мешает их полному и эффективному участию в жизни общества наравне с другими». В 2013 г. генеральный секретарь Совета Европы Турбьёрн Ягланд по случаю учреждённого в 1992-ом г. Международного дня инвалидов говорил о необходимости ускорить переход от медицинского к основанному на соблюдении прав человека подходу: *«Около 15% европейского населения располагают той или иной формой инвалидности. В некоторых странах люди с ограниченными физическими возможностями всё ещё помещаются в специализированные медицинские учреждения против их воли. Некоторые лишаются права голосовать. Другие отделяются от основной части общества, будучи вынужденными посещать специальные сегрегированные школы. Те, кому удаётся найти работу, зачастую трудятся без какой-либо защиты со стороны положений национального трудового законодательства. Жители европейских стран и государства-члены должны обеспечивать право всех европейцев на полное участие в общественной жизни и способствовать активной гражданской и инклюзивной позиции с самого раннего возраста».*

Внимание к проблемам инвалидов обусловлено множеством идущих навстречу друг другу факторов, которые в самом общем виде можно разделить на две группы.

Первая связана с научно-техническим прогрессом. С. Хокинг успешно работает вместо того, чтобы остаться не покидающим постель «овощем» да и то надолго ли. Выросшие и продолжающие развиваться возможности медицины сохраняют жизнь тем, для кого раньше это было невозможно, но они не волшебная палочка и снижающаяся смертность соседствует с увеличением количества людей, чьи возможности оказываются ограниченными. Условия труда и жизни становятся всё менее травматичными, но сама жизнь в мире машин, механизмов, химии и т.п. создаёт новые риски (достаточно вспомнить промышленные катастрофы с радиационными поражениями или нашумевшую в 1950-1960-х гг. историю, когда у матерей, принимавших во время беременности талидомид, родилось от 8000 до 12000 детей с врождёнными уродствами). Так или иначе требующая помощи и поддержки часть человеческой популяции увеличивается, что ложится немалым финансовым бременем на общество. Вместе с тем, изменения производства позволяют работать тем, кто раньше и подумать об этом не мог. Машинист порталного крана на стройке и оператор печатающего мосты или здания 3D принтера — демонстративно различающиеся в этом смысле работы; расшифровывающие электронные карты в военной разведке высокофункциональные аутисты с их особыми способно-

стями, безногие бегуны, которым протезы позволяют бегать чуть ли не быстрее, чем на собственных ногах — ближайšie иллюстрации. «Голова профессора Доуэля» уже не фантазия.

Вторая группа включает социокультурные обстоятельства. В старых, традиционных культурах были свои, исходящие из принятой морали и интересов группы/общества паттерны отношения к таким людям — человек определялся его ролью в группе, а не определял или выбирал эту роль, и судили о нём по тому, справляется ли он с этой ролью и как. Сегодня это вопрос проектирования культуры, которая становится всё более психологической и ориентированной на индивидуальность, что касается и отношения инвалидов к себе, и отношения к ним.

Елена Вяжукопус. Фото автора

В их взаимодействии рождается и новый взгляд на человека вообще и инвалида, в частности. Елена Вяжукопус говорит: *«Недавно на семинаре одна женщина рассказала нам притчу об ангеле, который слетел на Землю, чтобы уничтожить новорожденных детей-инвалидов, поскольку на Земле оставалось слишком мало места для всех людей. Ангел хотел убить всех бесполезных детей, но каждый раз, заглядывая в будущее малыша, видел, что из него получится слепой музыкант, глухой учёный, безногий мыслитель — и не убил ни одного ребёнка. Женщина, рассказавшая притчу, искренне хотела убедить нас в ценности детей-инвалидов. А я вспомнила, как когда-то на консилиуме обсуждалось, нужно ли девочке с синдромом Ретта пройти курс реабилитации в дорогой клинике. Один из врачей заметил: "Стоит ли тратить такие средства на ребёнка, который проживёт всего лет пятнадцать". И в притче, и в замечании врача коренится одна идея — рационального подхода к человеку. На первый взгляд притча красивая, но в глубине она страшная. Человеку даровали жизнь за ту пользу, которую он когда-то принесёт. Поощадили за то, что он когда-то сделает. А как быть с теми, кто ничего никогда не сделает?»*

<...> если оценивать каждого по его делам и убивать малополезных, на свете не останется почти никого. С точки зрения Пол Пота все городские жители паразиты, с точки зрения Ленина — все дворяне. Недавно в Австрии родители из организации Либенсхильфе рассказали нам, что после войны в Вене совсем не было детей-инвалидов. Окончательное решение вопроса об их полезности привело к тому, что до 1960-ых годов просто не для кого было организовывать социальные службы и не на кого было тратить средства. Рациональный подход так утвердился, что даже родители всё время как бы оправдываются, приписывая своему ребёнку чудесные качества: „Он всё понимает, только не говорит“, „Он так умеет любить, как никто“. Он ангел. Родители при всей безусловности своей любви не решаются признаться себе и другим, что самый тяжёлый ребёнок-инвалид достоин любви сам по себе, что главное его достоинство, основная его ценность, в которой он равен каждому из людей, каждому физику и музыканту, в том, что он Человек. Отнимаю у него человеческое достоинство, мы лишаем этого достоинства самих себя».

Всё это сказывается и на терминологии. В русский язык слово *инвалид* пришло в первой половине XVIII в. и обозначало частично или полностью потерявшего бое- и/или работоспособность из-за ранения или болезни, делавших необходимым государственное и/или общественное призрение. Сначала по-своему почётное это звание распространилось как медицинский и социальный термин, а потом и расширило своё содержание, но не отменяет того, что в обыденном сознании само слово *инвалидность* (от лат. *invalidus* — *бессильный, недействительный*) имеет негативную окраску. Обратной стороной социальной защиты оказываются препятствия и ограничения, так или иначе, в большей или меньшей мере, но выводящие инвалидов за скобки так наз. нормальной жизни. Переводя английское *disability* как *инвалидность* и называя обозначаемые словом *handicaped* места для парковки *инвалидными* стоянками, я не совершаю переводческого греха, но смысловой контекст и значения оказываются неодинаковыми, как неодинаковы ассоциации на слова *инвалидная коляска, колясочник* и слова *wheel chair* — кресло на колёсах. Елена Вяжякуопус, обсуждая термин *реабилитация*, добавляет ещё одну грань значения — для меня неожиданную, но исполненную смысла если не лингвистического, то профессионального: «Сейчас многие знают английский язык и поэтому им кажется, что слово *реабилитация* происходит от слова *ability* (способность). То есть, *реабилитировать* — восстановить способности. Но на самом деле это совсем не так. Слово это происходит от слова *хабео* (иметь, обладать правами). Непроизносимая буква "х" со временем потерялась и забылась. *Рехабилитацио* — это возвращение утраченных прав».

Я далёк от мысли, что языковые различия прямо определяют отношение к инвалидам. Да и какая разница — хоть горшком назови, только в печь не сажай. Но есть правда и в словах Виктора Шкловского: «Слово не только формулирует, но и формирует мысль», и в песенке капитана Врун-

геля: «Как вы яхту назовёте, так она и поплывёт». Хотим мы того или нет, *инвалид* — *недействительный*, что-то вроде просроченного или испорченного паспорта или вчерашнего билета на сегодняшний рейс. Закрытая дверь в общую жизнь.

В русском языке термин *люди с ограниченными возможностями* (в английском — *disabled, handicaped* в испанском — *impedido*, во французском — *handicapée*, в украинском — *неспроможність, неможливість*) нередко встречает возражения на том основании, что, мол, ни к чему такая громоздкая конструкция при наличии простого и понятного слова *инвалид*. Но термин *ограничение возможностей* располагает к вопросам о том, какие именно и в каких сферах жизни функциональные возможности ограничены, каковы они в других областях жизни, каков у человека потенциал совладания с ограничениями, какие двери в жизнь открыты. Сегодня часто говорят об *особых* или *необычных людях* с ударением на каждом из этих двух слов. Это предполагает не только использование их потенциала для приспособления к жизни в обществе, но и переход от воздействия на них как «носителей симптомов» к взаимодействию с ними как с людьми, осваивающими жизнь в куда как более трудных условиях, чем обычные люди.

Дело не в установлении единого термина. Для врача *инвалид* это человек с лишившим его трудоспособности заболеванием. В юридическом смысле — человек признанный нетрудоспособным. В социальном — человек, нуждающийся в поддержке и/или попечении в силу состояния его здоровья. Но ничто из перечисленного не может и не должно заслонять того, что он человек, и ограничивать его человеческие права. Слово *инвалид* останется хотя бы уж в силу своей привычности и удобства. Но его содержание и ассоциативное поле значений постепенно меняется в сторону не просто толерантности к инаким, а и в сторону равноправных сотрудничества и со-бытия с ними.

В 1988 г. на выездном цикле в Таллинне я должен был подобрать пациентов для работы с курсантами. В детском отделении психиатрической больницы меня подвели к мальчишке лет восьми, выглядевшему лет на шесть. Родители от него отказались сразу в роддоме, когда оказалось, что он родился без рук — кисти росли прямо из плеч. Вся его маленькая жизнь прошла в детских учреждениях и теперь речь шла о том, чтобы поместить в интернат для умственно-отсталых. Когда подошли к нему, я побоялся протянуть руку для рукопожатия, чтобы не вызвать обиды. Он глядел на меня довольно напряжённо. Выручила деликатная медсестра: «Хочешь открыть дверь?» и протянула ему ключ. Глазёнки радостно блеснули, он ухватил ключ, пробежал к двери, вытянувшись и перекосившись дотянулся ключом до скважины и открыл. Я протянул ему руку: «Ты молодец. Дай пять», мы пожали друг руку и задржились. Задержка развития у него, конечно, была — как ей не быть у так выросшего ребёнка? Ограниченный запас слов, но общение хорошее и на русском, и на эстонском. Бесконечное и живое любопытство к миру, к новому. Эх, его бы в учреждение

типа тех, что существуют для аутичных детей — с маленькими группами, преподавателями, психологами. Но ничего такого не было, в дошкольном учреждении вечно держать нельзя, в больнице — тоже, оставался только интернат для умственно-отсталых, где шансов продвинуться до уровня Ника Вуйчича или Нико Калабрия никаких, а шансы растерять даже то, что умеет, стремятся к 100%.

Навстречу пониманию того, что при драматических, а то и трагических различиях возможностей все люди равны в своём праве на жизнь и достойное её качество идёт понимание того, что интеграция необычных людей в жизнь и в социальном, и экономическом плане обществу и государству выгоднее их предоставления самим себе. Возможности для этого постоянно расширяются — в каждой стране это по-своему, но в общем стремится покрыть существующие потребности в поддержке и интеграции необычных людей в жизнь. Однако действенное осознание этих входящих в культуру новых тенденций, определяющих отношения и взаимодействие людей с ограниченными возможностями с жизнью, даются не сразу и не просто.

Телевизионное ток-шоу в начале 1990-х гг., посвящённое гуманизации отношения к людям с ограниченными ментальными возможностями — оно начинается с объяснения предпочтительности именно этого термина, но в течение всей передачи большой психиатрической начальник пользуется словом *инвалид* и в том, что он говорит, главное место занимают лечение, специнтернаты и т.п. Когда речь заходит об умственной отсталости, в разговор включается выглядящий очень напряжённым молодой человек: «Убивать таких надо при рождении!». Справившись с оторопью, спрашиваю, почему он так думает. И в ответ: «Я сам такой! Я знаю, что это такое — быть вечным уродом! Лучше не жить!» и столько злой боли в этих словах, столько отчаяния...

Вторая половина 1990-х гг. Один из ВУЗ'ов задумал готовить специалистов для спортивной работы с людьми с ограниченными возможностями. Идея показалась мне прекрасной, мы сделали программу для новой кафедры и вот — первая моя лекция. Очень мне мешает непрерывными вопросами один из студентов с узнаваемыми признаками детского церебрального паралича. Вернее, даже не он сам или вопросы — они как раз неплохие, а реакция аудитории на него — такая напряжённо-злая, не мешай! После лекции выхожу из здания — он поджидает, мол, можно с вами поговорить? Можно, говорю, но у меня не слишком много времени, а присесть здесь негде — если вам не слишком трудно (а ходит он из-за перенесенного детского церебрального паралича не ахти как), давайте пойдём вместе и по пути поговорим. Он соглашается. Ему слегка за тридцать. Мы поговорили больше двух часов... Родителей он не знает, всю жизнь по интернатам с биркой дебила. Из последнего вышел в 17 лет, едва умея читать и писать. По счастью его ждала бабушкина каморка в коммуналке. Как мог работал и, сцепив зубы, учился в вечерней школе, которую в конце концов закончил. Сумел устроиться, куда хотел — на, пусть и грошовую

работу, но в помогавшую инвалидам организацию. Услышал об этой кафедре и загорелся, поступил. Понимаю, говорит, что с физикой, химией, математикой будет очень трудно, но буду стараться хоть на троечку — лишь бы закончить институт, а с остальными предметами как-нибудь да справлюсь. Весь светится, говоря о будущей работе. Через неделю перед следующей лекцией захожу на кафедру. Сотрудники в один голос говорят, что этот уродец-инвалид всем мешает и что пора его отчислять. Вероятно, я был излишне резок... Дочитав свои часы, ушёл — не мне, приходящему полуставочнику было бороться с неприемлемыми для меня установками целой кафедры, а участвовать в их реализации не хотел. Больше этого человека, на пределе возможностей создающего себя наперекор всему, я не видел, но хочу надеяться...

Как бы продолжая историю этого молодого человека, Джош Ривс — 18-летний студент одного из английских частных специальных колледжей — пишет в газете «Гардиан»: *«Никто не такой или не такой в этом мире — если вы думаете, что люди в инвалидном кресле не такие, вы тупица. Я ненавижу поребрики и ступеньки — меня угнетает, что я не могу попасть в некоторые места или магазины, которые я люблю. Я рад, что в моём любимом книжном магазине есть пандус. Это дискриминация и она заставляет меня чувствовать себя больным и нежеланным в этом мире. Что я ненавижу больше всего, это когда люди говорят с моими родителями или персоналом вместо меня. Или когда они опускаются на колени и пытаются говорить "на моём уровне". Я говорю им: "Не надо — вы можете повредить спину и выглядите глупо". И ещё — когда люди меня жалеют. Почему? Только потому, что я в коляске и не могу ходить. Перестаньте тратить время на сочувствие мне. Я его не хочу, оно мне не нужно. Я просто хочу быть человеком и жить свою жизнь»*. Он начал компанию «Не называйте меня не таким» и пишет в Фэйсбуке: «Я хожу в школу, чтобы объяснить детям, что никто не является нормальным или ненормальным и то, что мы инвалиды, не значит, что мы не такие».

Для меня в книгах Е. Вяяхуопус и А. Мелихова важна позиция авторов, не принимающих отношений патернализма и манипулятивности, умеющих и желающих видеть мир глазами тех, кому они помогают. *«Советы психолога, — пишет Е. Вяяхуопус, — выслушивают со смешанным чувством удовольствия и раздражения. <...> Приятно, когда кто-то интересуется тобой и объясняет тебе самого тебя. Раздражение происходит из сопротивления окончательности суждения: "Он уверен, что умнее меня — оценил, определил, взвесил, а ведь я через мгновение могу стать другим". Ещё сложнее бывают чувства человека, приводящего к психологу своего ребёнка. Когда моему сыну исполнилось шесть лет, я решила отдать его в школу — на год раньше. По финскому закону для этого нужно было получить разрешение психолога. Так первый раз в жизни я оказалась на месте своих клиентов. За годы работы в интернате и поликлиниках я приняла множество детей и их родителей и написала гору заключений, со-*

ветов и направлений. И вот мне самой пришлось встать рядом с сыном перед строгой дамой ... Помню, довольно долгое время мы провели в молчании <...> Молчание первым прервал, конечно, мой сын:

— Тётя, можно мне взять вон тот паровозик?

— Пожалуйста ... Хм ... Посади кукол в вагон — маму, папу, детей...

— Я лучше дракона посажу, у вас нет дракона? Ничего, привяжем этому зайчику на спину корбочку, и он будет дракон. А мамой и папой он будет в дороге закусывать...

В ледяных глазах мелькнуло торжествующе-осуждающее: "Так-так, вот мы и приоткрыли вашу семейную тайну". В заключении было потом написано: "Ребёнок не может быть рекомендован в школу, так как имеет серьёзные эмоциональные проблемы, связанные с пищеварительно-оральным комплексом".

То ощущение унижения и беспомощности от невозможности противостать совершаемому над тобой насилию, которое я пережила на приёме и позже, читая оскорбительный, хотя и смешной "научный анализ", я испытываю и ... спустя пятнадцать лет. Что же должны чувствовать родители детей-инвалидов, постоянно отдающие их на растерзание препаратом-специалистам?».

Это не о «плохой тёте-специалисте», а о том, что могут на каждом шагу переживать, как и все другие, необычные люди и их семьи. В фокусе внимания в первую очередь не диагнозы, нормы, законы и т.д., а живые переживания живых людей, не по своим воле и выбору оказавшихся в жизни в роли чужаков. Когда-то ко мне обратилась женщина по поводу её трудностей в адаптации усыновлённого из детского дома шестилетнего мальчика. Она рассказывала, как была поражена его поведением — он несколько месяцев задавал вопросы «Что это?» о самых для неё обыденных и привычных вещах. Он очень любил ходить с ней в магазин за покупками. «У меня сердце зашло, — сказала она, — когда недавно после такого похода, перед едой я попросила его положить на стол хлеб, хотя буханка была у него перед глазами. И я вдруг поняла, что для него хлеб это то, что он видел в детдоме — ломти на столе. Он за свою жизнь не видел буханки хлеба! Как мне понять, что ещё для него совершенно незнакомо, чтобы помочь ему войти в жизнь?». Как раз об этом применительно к особым людям пишет Е. Вяяхуопус: «...ты же человек с ограниченными возможностями, а это значит, что у тебя нет возможностей жить, как все. Вот тебе лекарства, учебники и тренажёры. Вот шоколадки, спонсоры прислали, и игрушки. Занимайся, лечись, исправляйся. Когда станешь умнее и здоровее, мы дадим тебе всё, что у нас есть. А пока поживи в стороне, ходи в особый клуб, в особый центр, подготовься к жизни. Начнёшь жить, когда будешь готов. Что, тебе трудно резать настоящий хлеб, хотя тебя год учили, как резать пластмассовый муляж буханки? Не умеешь ходить по щербатому тротуару, хотя пять лет тебя тренировали

на беговой дорожке? Придётся пореабилитироваться ещё годков пятнадцать. А мы тебе ещё лекарств дадим, построим ещё один центр, ещё один монумент нашей доброты и заботы. Человека всю жизнь готовят к тому, что никогда не осуществится. А он и в самом деле не умеет говорить так, как все. Но это не значит, что ему нечего сказать. Прислушайтесь, снимите синие очки гордости — и в зеркале его души вы увидите свою неповторимую, особую и совершенно человеческую душу. Вы услышите, как он говорит: "Нет трагедии в наших болезнях и травмах. Не надо нас реабилитировать и готовить к жизни — дайте нам жить. Мы хотим жить сегодня"». Перебирая собственный опыт работы, в том числе в Центре по лечению аутичных детей и в интернате для душевнобольных в США, где условия жизни по сравнению с российскими просто блестящи, могу подтвердить правоту этих слов.

Мало построить учреждения для людей с ограниченными возможностями. Они нуждаются в том, что учреждения дать не могут. Автор не без иронии приводит разговор с секретарём одной из финских родительских организаций: «...его перебила дама:

— Мир погряз в разврате и скуке. Если бы все люди на земле были умственно отсталыми, не было бы войн. Умственно отсталые люди прекрасны. Они добрее, мудрее и чище нас. <...>

— Вам нужно прийти к нам на вечер. Хотя психологи никогда не смогут понять нас и наши страдания.

— Почему вы страдаете, ведь ваши дети прекраснее и добрее всех? — спросила я.

— Наши дети живут недостойной жизнью. Общество отторгает их. Моя дочь Марта в интернате уже десять лет.

— Почему же вы не возьмёте её домой?

— У меня нет возможности сидеть с ней дома. Я веду большую общественную работу. Государство обязано заботиться о наших детях.

Но как бы хорошо ни заботилось государство, у него есть как свои задачи — обеспечение жизненно необходимой физической и правовой поддержки, так и границы возможностей в смысле финансовых и человеческих ресурсов. Отчасти это компенсируется работой волонтеров, но так или иначе значительная нагрузка ложится на *ближних помощников*, в первую очередь, family carers — членов семьи. Это новый институт, которому не более двадцати лет. Автор рассказывает о европейском опыте: создана Европейская ассоциация ближних помощников — Eurocarers, обеспечивается помощь им со стороны государственных, общественных и религиозных организаций — от материальной поддержки домашнего ухода до обучения ему и прямой помощи, обеспечения дневной занятости инвалидов и т.д.

Ситуация ближних помощников необычайно сложна. В обычной жизни забота о детях и близких — имеющая будущее хоть и хлопотная, но радость. Встреча с их инвалидностью — тяжёлый стресс, меняющий кар-

тину жизни и часто выражающийся как реакция острого горя или утраты. На этом этапе да и потом помощь нужна не только тем, кому они помогают, но и им самим. Начинается другая, нежданная жизнь с сотнями вопросов на каждом шагу: как пережить, что на твоего ребёнка с опаской или брезгливо косятся, отводят от него своих детей, с сожалением или раздражением смотрят на тебя и т.д. — я уж не говорю о вопросах, встающих в уходе за ним и жизни с ним. Грызущее чувство вины — не наследственность ли виновата, не задержались ли или не поторопились с рождением — м.б., годом раньше или позже всё было бы хорошо, не сделали ли что-то, что привело к этому? Рушащиеся надежды. Угроза своим жизненным планам и самореализации. Редущий круг знакомых и т.д. и т.п. — пережившие знают, не пережившим всего не перескажешь. Добавим к этому, что беда, боль любимого человека часто переносятся тяжелее собственных. Это обрушивается лавиной и далеко не всем удаётся с этим справиться так, чтобы не разрушить самому и быть эффективным помощником близкому. Ближний помощник — раненый целитель, которому предстоит справиться со своей раной, причём так справиться, чтобы это поддерживало не только его, но и через него того, о кому ему предстоит заботиться.

Для многих это тяжёлое испытание, приводящее к чувству бессилия, неверия в себя, изоляции — по существу, к переходу в состояние хронической депрессии. Даже у выдержавших его в ходе изменившейся жизни может возникать то, что называется синдромом выгорания и что было впервые описано чуть больше сорока лет на примере социальных работников-волонтеров: эмоциональное истощение, подавленность, постоянное чувство усталости, психосоматические расстройства, ощущения себя чуть ли не роботами с притуплением сочувствия, гневливость. Поэтому время работы волонтеров в телефонных службах доверия (горячие линии — hot lines) ограничивают несколькими годами. Что же говорить о ближних помощниках, чьи переживания и их глубина по понятным причинам больше, чем у работающих сколько-то часов в неделю с чужими людьми, конца работе в обозримом времени не предвидится, а надо не только самим устоять и выстаивать, но и быть эффективными помощниками?

Вот что говорит об этом Е. Вяяхуопус: *«...не секрет, что часто специалисты считают родителей детей-инвалидов слишком заботливыми, живущими в симбиозе со своими детьми. И действительно, многие родители считают, что никто не может ухаживать за их детьми лучше их самих, что только они понимают своего ребёнка, что чужие люди могут его обидеть или напугать. Но разве это не несправедливо в большинстве случаев? ... родители детей-инвалидов чувствуют себя единственной опорой и защитой для ребёнка, а некоторые даже говорят, что хотели бы "пережить своих детей, только бы не оставить их одних, чтобы они не попали в интернат" <...> Иногда родители с гордостью говорят: "Я ни минуты не жил для себя". Но можно ли этим гордиться? ...Ведь, если спасая своего близкого, он сам стал больным, сам теперь нуждается в под-*

держке и уходе, то какой был смысл в его жертве? Реабилитация инвалидов не может быть устроена без реабилитации их родных».

Оглядываясь на много лет работы, не могу не сказать, что ближние помощники напоминают мне кристалл, в котором небольшой внешний вклад может преломляться в целительную поддержку, а большой — ломаться об острые грани. В известном смысле ближний помощник, как и психотерапевт, работает собой — только в гораздо более тяжёлых и сложных условиях. Он сам и мастер, и инструмент — должен и рабочую форму, и инструмент держать в порядке.

Как раз этому и посвящена совместная книга Е. Вяжякуопус и А. Мелихова. Она о группах взаимной поддержки самих инвалидов и ближних помощников. Это не замена профессиональной — медицинской, психологической, педагогической, социальной — помощи, а дополнение в ней. На уровне сегодняшней осведомлённости их можно сравнить с группами Анонимных Алкоголиков (АА) — впервые идея взаимоподдержки алкоголиков возникла в 1840 г. в США, там же оформилась в самостоятельное движение АА в 1935 г., а первые российские группы появились в 1987 г. В начале 1970-х, работая с аутичными детьми, я о них о чём таком слыхом не слыхивал и, как это не мной одним бывало и бывает, случайно изобрёл велосипед. Начал понемногу знакомить родителей моих аутичных пациентов и быстро убедился в том, насколько это важно и полезно для них. Важно не только убедиться в том, что «не мы одни такие», но и делиться своими переживаниями и опытом, который на врачебном приёме мог не находить себе места, устраивать общие встречи вместе с детьми, подменять друг друга в уходе за ними и т.д. Ну, а я был им благодарен, когда они делились со мной сделанными в таких общениях открытиях, которые сам я никогда бы не сделал. Было интересно и приятно протянуть ниточки между этим опытом и тем, о чём пишут Авторы. *«В группе взаимной поддержки, — пишут они, — человек: получает нужные знания по своей проблеме, получает душевную поддержку, поддерживают других, находит новые решения, по-новому смотрит на свою жизнь, по-новому оценивает свои дела, находит новых друзей».*

Мне приходилось и, к сожалению, приходится сталкиваться с тем, что профессионалы считают, будто без них работа таких групп не будет эффективной и берут на себя руководство группами. О том, почему это неверно, говорит приводимая Авторами история: *«... мы побывали в гостях у шведского профессора, известного в мире борца за права инвалидов. Он и сам передвигается в кресле-коляске. Мы приехали к нему с группой молодых инвалидов, которых сопровождали работники общественных организаций, а руководящие работники были людьми без инвалидности. Шведский профессор рассказал нам о группах взаимной поддержки. Он сказал: "В такой группе все участники должны быть инвалиды". Директор общественной организации сказала: "Но ведь это сегрегация! А как же интеграция? Нет, это неправильно. На наших занятиях мы всё делаем вместе"».*

Шведский профессор усмехнулся: "Вот мы сидим с вами уже час. И за этот час ваши ребята не сказали ни слова. Кто говорит тут больше всех? Вы. И так это будет всегда на ваших "занятиях". Кто в вашей организации директор? Кто председатель? Кто преподаватели? Все они — не инвалиды. Это не интеграция, это субординация. Инвалиды на самом последнем месте. Им нужны свои группы и компании, чтобы они могли высказывать своё мнение и принимать собственные решения, без чужой подсказки"». И профессор совершенно прав. Такие группы это совершенно иная по сравнению с профессиональной работой система отношений, которая принципиально меняется, лишаясь самого для себя главного при участии профессионала и превращаясь в другие виды работы. В работе групп взаимной поддержки есть свои подводные камни — они достаточно подробно рассматриваются в книге и могут быть учтены участниками.

В книге приводится двенадцать подробных тематических планов и описаний собраний, созданных на основе ведения авторами таких групп в России, Украине и Финляндии. Этими темами работа, конечно, не исчерпывается. Часть других возможных тем Авторы приводят большой список других тем. Но заранее всё не предусмотреть — группы поддержки работают на долговременной основе, выходя на рождающиеся в их общении новые темы или возвращаясь к уже обсуждавшимся. Читатель найдёт в книге и живые рассказы о живом опыте ближних помощников, и интересные упражнения, и обращения к поэзии, и многое другое, что может быть использовано при создании новых групп.

Близки к этим задачам приводимые в 1-ом издании книги Е. Вяжякупис её короткие сценки для театральной студии детей с ограниченными возможностями. Посильные для постановки поддерживающие аллегории, о прекрасном понимании которых говорят приводимые в книге придуманные детьми варианты концовок.

Пробный камень для литературы о поддержке людей с ограниченными возможностями это обсуждение любви, отношений полов, сексуальности, семьи, возможности иметь детей, сексуального насилия. Чаще всего он застревает на отрывочной статистике, научных данных о сексуальности, умозрительных рассуждениях и невыполнимых советах. Е. Вяжякупис блестяще выдерживает это испытание. За текстом явно стоит знание не понаслышке, а обретенное в тесной и глубокой работе. Это открытый, честный и, что крайне важно, реалистичский разговор, пересказывать который я не вижу смысла прежде всего потому, что он не набор инструкций, а попытка разобраться: «... в целом у меня нет полной ясности по этому вопросу. И возможно, что ясности не может быть ни у кого. Это зона личной ответственности, следовательно, зона риска» — заявление, вызывающее доверие и желание обсудить, а лучшей рекомендации для книги я не знаю.

Очень часто сталкиваюсь со скептическим отношением к теме, мол, инвалидов всё больше и больше — это вырождение, угроза здоровью нации, пустая трата денег, что же с человечеством будет дальше и т.д. и

т.п. При этом не знаю человека, который в расцвете лет и сил написал бы завещание с просьбой в случае получения им инвалидности немедленно подвергнуть его эвтаназии во имя финансовых интересов и здоровья нации. В 1960-х гг. И.В. Давыдовский сформулировал представление о болезни как индивидуальной цене здоровья популяции. С этим согласуется то, о чём говорит Е. Вяжякупис: *«Никакие чистки нации не помогут. Посмотрим на немцев. При всей старательности, с которой они уничтожали своих инвалидов (см., например, Программа умерщвления Т-4. — В.К.) у них сейчас их такое же количество в процентном отношении, что и везде»*. Как ни много мы знаем, это слишком мало, чтобы вмешиваться в неизвестные нам, сложнее переплетённые и взаимодействующие тончайшие механизмы жизни с молотком и зубилом евгеники разных толков. Инвалиды человечеству для чего-то нужны — и в сугубо биологическом смысле, и как, по словам Е. Вяжякупис, *«Рыцари особого назначения, спецназ человечества, дающие каждому, кто приближается к ним, особые возможности делать добро и становиться лучше»*.

Азарий Мессерер

РУССКИЕ КОРНИ ВЕЛИКОГО АМЕРИКАНСКОГО ПИСАТЕЛЯ

Главной литературной вехой нынешнего года, широко отмечаемой в Америке и в других странах, является столетие со дня рождения лауреата Нобелевской премии Сола Беллоу. К юбилейной дате приурочены публикации ряда новых исследований творчества писателя, в том числе фундаментальный труд Зэкари Лидера (Zachary Leader), по мнению которого произведения Сола Беллоу и Уильяма Фолкнера сложили становой хребет американской литературы XX века. Пока что в свет вышел только первый 800-страничный том, охватывающий первую половину жизни Беллоу, вплоть до издания романа «Герцог», принесшего 48-летнему писателю подлинно мировую славу. А поскольку Беллоу умер на девяностом году жизни, то во втором томе, надо полагать, страниц будет никак не меньше.

Сол Беллоу

Мне же, начиная свой очерк, хотелось бы сразу вспомнить один из последних романов Беллоу «Чаще умирают с горя» («More Die Of Heartbreak»), где повествование ведется от лица ... профессора русской литературы. Но хотя фабула романа раскручивается вокруг семейных колли-

зий известного ученого-ботаника, рассказчик по имени Кеннет то и дело подпускает сравнения, замешенные на известных ему в силу профессии русских реалиях. И при этом выказывает глубокие знания не только произведений русских литературных классиков, но и философов, историков и даже советских публицистов. Приводимые им цитаты и в наши дни звучат весьма злободневно. К сожалению, я могу дать их только в обратном переводе с английского, и вот одна из них: «...В эти дни мне приходят на ум неофициальные высказывания одного из сталинских подручных, Пантелеймона Пономаренко. Он толкует, что, дескать, практические задачи руководства страной вываливались на преемников Революции горами нечистот, и чтобы при этом сохранить наивность масс, наши вожди были вынуждены идти на немыслимые преступления, творить жестокости в невиданных дотоле масштабах. Поэтому множество подобных дел пришлось «засекретить», а массам подавать лишь те «открытые» факты, которые способны удержать их в мире иллюзий». Не правда ли, словно вырвано из пропагандистских текстов сегодняшних российских СМИ?

Профессором русской литературы Сол Беллоу сделал своего рассказчика вполне осознанно, так как отлично знал свой материал: в годы молодости и довольно низких гонорарных ставок за первые романы его главным заработком было чтение лекций по американской и мировой литературе в Принстоне и других университетах. В свои курсы, как правило, он включал произведения русских классиков. Любопытно, что для наглядности Беллоу сравнивал советских лидеров с классическими русскими персонажами. Например, отмечал в Хрущеве черты Федора Карамазова. О блистательных лекциях и семинарах Беллоу сохранилось немало восторженных отзывов его студентов и среди них — таких известных писателей, как Филип Рот, например.

Русский, наряду с идишем, был основным языком общения в доме его родителей, проживших большую часть жизни в России. Иное дело, что Сол, самый младший ребенок, родился в канадском Квебеке, недалеко от Монреаля, куда вся семья эмигрировала в 1913-м году. Отец же его Абрам Белоус (уже в Америке писатель изменил фамилию на Беллоу), судя по документам, в свое время бежал из тюрьмы, куда угодил за незаконное проживание в Петербурге — несоблюдение пресловутой «черты оседлости». Как дорогую семейную реликвию хранили его дети и внуки пожелтевшую от времени российскую газету со статьей: «Сбежал еврей!» — то есть, их отец. Общеизвестно, что только мизерное число евреев имели право на законное проживание в столице империи. Одним из таких «привилегированных» был Наум Гордин, брат матери Сола, женившийся на уже немолодой вдове кантониста. Для кантонистов — тех немногих, кто, будучи 12-ти лет от роду насильно крещен и забрит в армию, дожидал до отставки после 25-летней военной службы, — делалось исключение в виде разрешения селиться с семьями за пределами черты оседлости. Он и другой дядя Сола по матери Рафаил разбогатели на привезённых из

Южной Африки бриллиантах, отработав там несколько лет на рудниках. Они-то и собрали 10 тысяч рублей приданого для сестры, когда она выходила замуж за Абрама Белоуса, а затем раздобыли для молодоженов поддельное разрешение на проживание в Петербурге. Мать Беллоу Элишева — дома она звалась Лизой — увлекалась русской литературой, читала детям поэмы Пушкина и Лермонтова.

Отец Сола, как и большинство евреев, учился в хедере в Двинске, и, обладая феноменальной памятью, знал наизусть весь Талмуд. В Петербурге талмудистика в ту пору была, мягко говоря, не в почёте, поэтому Абрам переключился на торговлю и в качестве коммивояжера объездил всю империю, продавая сухие фрукты из Испании и лук из Египта. Он с гордостью говорил, что знает большие русские города лучше собственного дома. Дом его близ Невского проспекта был, надо сказать, и вправду большим, солидным, со слугами, кучером и своим выездом. А всё же прожигали в нём Белоусы, как шутили тогда зажиточные евреи, «на правах швейцарских подданных», то есть, полностью зависимыми от благорасположения швейцаров, которые, если не дать им взятки, могли и донести в полицию о незаконно проживающих. Белоусам принадлежала еще и дача в Финляндии, но её заодно с домом они вынуждены были в одночасье бросить, чтобы с помощью все тех же дядей Сола бежать за границу. И как своевременно — за год до Первой Мировой войны!

Поскольку большинство этапных семейных событий, вместе с образами родных и знакомых, являются в беллетристически измененном виде в многочисленных романах и рассказах Беллоу, было бы удивительным, если бы он ничего не написал о бегстве отца. Побегу из тюрьмы посвящен опубликованный в 1989 году рассказ «Связной Белароса» (The Bellarosa connection). Только что сюжет в нем перенесен из России в фашистскую Италию. Начинается он с того, что еврей по имени Гарри Фонстейн, живущий по поддельным документам, попадает в полицию, где подделку моментально обнаруживают. По договоренности с эсэсовцами, его надлежит депортировать в Освенцим или другой концентрационный лагерь. Из ниоткуда возникает тюремный охранник, от которого заключенный Фонстейн неожиданно узнает, что в назначенный час сможет открыть дверь камеры и, пройдя по длинному коридору налево, Фонстейн должен выйти на улицу, где его будет ждать машина. Осуществлялся побег, как позже выяснилось, на деньги известного бродвейского продюсера Билли Роуза (по рождению Розенберга), стараниями которого многих евреев удалось вывезти из Италии, благо итальянцы, в отличие от прочих европейцев, сочувственно относились к своим евреям и всячески стремились уберечь их от выдачи гитлеровцам.

Сцену побега Беллоу описал весьма подробно: поджидавший беглеца связной вручил ему пальто и шляпу, сообщил, что рапорт о его задержании изъят из полицейского досье, что ему приготовлен гостинич-

ный номер в Генуе, откуда он сможет морем переправиться в Португалию и затем в США.

Именно таким путем, на пароходе «Аскания» переправилась в Новый Свет и семья Белоусов, причем, вспоминала позже старшая дочь Джейн, детям велели весь долгий путь называть отца «дядей», так как по документам он проходил Рафаилом Гординым, 29 лет от роду. Только возраст и был прописан настоящий, тогда как в графе «специальность» значилось «рабочий».

В вышеупомянутом романе профессор русской литературы замечает, что «Россия была страной весьма неприятной, и тем не менее тамошние евреи накрепко привязаны к русской культуре». Сам Беллоу гордился своим русским наследием, в частности тем, что уже в 10 лет прочитал «Войну и мир». Тут надо отметить, что не было бы счастья, да несчастье помогло: мальчик тяжело заболел и долгие 5 месяцев пролежал в больнице, там-то и прочёл впервые многие произведения русских и французских классиков, пристрастившись на всю жизнь к чтению. А потом, уже в старших классах школы, собрал вокруг себя кружок таких же, как он, сыновей еврейских эмигрантов, чтобы в своём «узком кругу» обсуждать не только русскую литературу и поэзию, но и политику. Происходило это в начале тридцатых годов, Америку сотрясала Великая депрессия, а интеллектуальная молодежь сплошь и рядом увлекалась идеями социалистической революции, речами Ленина и Троцкого. Последним Сол особенно восторгался за то, что в перерывах между боями с Колчаком первый красный командарм почитывал в подлиннике французские романы. Французский станет его любовью и, прожив несколько лет во Франции, Беллоу овладеет им в совершенстве, как и рядом других языков. Со своей возлюбленной он совершит путешествие по Мексике, рассчитывая, в частности, встретиться с опальным Троцким, но буквально за день до предполагаемой встречи тот будет убит сталинским агентом Рамоном Меркадером, так что Беллоу увидит его только в морге, с кровавыми подтеками вокруг страшной раны на голове от удара ледорубом.

О несостоявшейся встрече с Троцким Беллоу пишет в блистательном автобиографическом романе «Приключения Оги Марча» («The Adventures of Augie March»), к счастью, недавно переведенном на русский язык. На меня огромное впечатление произвел не только сам роман, написанный словно на одном дыхании, но и рассказ автора о его рождении. В ту пору Сол жил в послевоенном Париже, работая над очередным романом. Это был совсем другой город, нежели Париж 20-х годов, восторженно описанный Хемингуэем в романе «Праздник, который всегда с тобой» (The Movable Feast). Настроение у парижан после позорной фашистской оккупации было хуже некуда, они пытались как-то поднять на ноги развалившуюся экономику и с неподобающим высокомерием третиrowали американцев с их спасительным Планом Маршалла в том смысле, что он фактически спасал Францию и от полного экономического раз-

вала, и от захвата коммунистами. И без того не в восторге от Парижа, он испытывал «writer's block» — писательский ступор, когда ни одна удачная мысль просто не приходит в голову. И он пребывал в депрессии.

До тех пор, пока одним прекрасным утром, прогуливаясь по парижской улице, не обратил внимание на то, как рабочие отмывают тротуары мощной струёй воды из пущенного на полную мощь гидранта. Вода переливалась на солнце всемицветами радуги, и «именно сверкание солнечных лучей на воде вдруг вызвало у меня прилив веселья, — рассказывал Беллоу в интервью Филипу Роту. — Психиатры, возможно, назовут этот феномен «гидротерапией», но в мимолетном состоянии душевного подъема депрессию у меня как рукой сняло. И я сказал себе, а почему бы не бросить все начатое и не засесть за новый роман, писать самопроизвольно и естественно, подобно бегущей из колонки воде...» Тут же пришло решение назвать главного героя Августом, сокращенно Оги, по имени разбитного товарища детских игр, который, сражаясь с ним в шахматы, то и дело вскрикивал: «у меня есть план!». Как-то разом Беллоу вдруг вновь окунулся в свою юность — нашел для романа органичный язык, сделав рассказчиком мальчишку, впечатлительного подростка. Первый абзац возник стремительно, словно вылился из того же гидранта: он начинался со слов: «Я американец, родившийся в Чикаго» (в раннем детстве Сола семья переехала в Чикаго, ставший его родным городом).

Президент Рейган вручает Беллоу Национальную премию по литературе

Тут примечательно, однако, что именно за границей Беллоу испытал мощный импульс написать о родине, по которой скучал. И в этом он не одинок: вспомним, что Гоголь писал «Мертвые души», трясаясь в тангасе по дорогам Италии.

Именно за «Приключения Оги Марча», романа диккенсовского масштаба, Беллоу получил первую из трех своих Национальных премий.

Помимо Нобелевской, он также был удостоен Пулитцеровской и нескольких международных премий — никто из американских писателей не получал столько наград.

В Интернете можно найти массу высказываний Беллоу на самые разные темы, из которых мне особенно нравится одно предельно короткое и явно относящееся к истории написания этого романа: «неожиданные вторжения красоты — в этом и есть сама жизнь». Своим огромным успехом у американской читающей публики роман этот обязан, мне кажется, заложенным в нём выражением американского оптимизма, предприимчивости и динамизма. За оригинальный стиль его высоко оценили и в Европе, в частности, выдающийся английский романист Мартин Эймис написал о нём, что Беллоу «...намеренно отвергает элегантность как ложный посыл, слова у него обрушиваются и с треском сбиваются вместе по собственному выбору, в ими же установленном порядке. (spurning elegance as a false lead, words tumbling and rattling together in the order they choose)».

Теперь о российских влияниях и вливаниях. Еще изучая антропологию в Чикагском университете, Беллоу снял квартиру, напомиравшую ему по описаниям пристанище российской богемы. Уникальной её делал тот факт, что хозяин по имени Перчик некогда служил егерем в охотничьем хозяйстве великого князя Кирилла, потом, спасаясь от японского плена, попал во время русско-японской войны на Камчатку, откуда через всю Сибирь добирался в течение нескольких месяцев домой. Его бесконечные рассказы на русском языке Беллоу слушал с неотрывным вниманием.

В более общем плане, критики неоднократно отмечали у Беллоу влияние Достоевского, особенно на его ранние произведения. А одну сцену он даже позаимствовал у Достоевского: помните, как Дмитрий Карамазов подсматривает через окно из сада за отцом, которого глуже ненавидит и временами хочет убить. Точно так же наблюдает в окно из сада за бывшим другом герой романа «Герцог», сжимая в кармане пистолет, потому что тот увел у него любимую жену с ребенком. Но отказывается от преступления, видя, с какой нежностью тот купает в ванне его малолетнюю дочь. В этом романе протагонист впадает в тяжелую депрессию и борется с ней, сочиняя письма разным известным личностям, как живущим, так и давно умершим, например президенту Эйзенхауэру и философу Фридриху Ницше. Писем он, естественно, не отправляет. Но что примечательно, каждое из них написано в стиле, соответствующем положению и характеру адресата. Сам Беллоу, испытав подобное же потрясение — уход жены к ближайшему другу, сумел побороть наступившую депрессию и отомстить сопернику, написав великолепный роман.

Использование встреченных в жизни лиц и сюжетов тоже характерно, как мы знаем, для русской классической литературы. Взять хотя бы шедевр Чехова «Попрыгунья»: друг писателя художник Левитан легко

узнал себя в герое рассказа и надолго разорвал с автором все отношения. Прототипами нескольких героев Толстого также служили его известные современники. Кстати, именно у Толстого, своего любимейшего русского писателя, Беллоу пытался перенять кое-какие приемы для своего творческого метода: «Я ношу в голове множество проектов одновременно, следя за их медленным созреванием, — пишет он другу в 1980-м году, — и время от времени счастливо разрешаюсь от одного из них. Это как раз тот метод, который предпочитал Толстой». «Того и гляди, — сказал он в шутку писателю Герберту Голду, — стану настолько неуязвимым, что начну писать философские трактаты, подобно Толстому».

Это замечание сделано в загородном доме под Нью-Йорком, который Беллоу называл «маленькой Ясной Поляной». Он жил там со своей второй женой, в которую влюбился, по собственному признанию, отчасти из-за присущей ей «русской мистики». Она и в самом деле была русского происхождения — дочерью довольно преуспевавшего в то время художника Шабасова, и Сол нежно называл ее Сашей. Именно Саша Шабасова сбегала от Сола с его лучшим другом, не подозревая еще, что падет жертвой чисто литературного акта мести — писатель сделает ее персонажем своего романа, о чем она с досадой напишет потом: «Моя фиктивная жизнь в романе сделала меня достоянием широкой публики».

Подобным же образом Беллоу расправлялся и с другими своими женами, за исключением последней, а всего их у него было пять, так что захватывающих дух семейных коллизий у него хватило бы на много романов. От разных жен у писателя родилось четверо детей, причем младшая дочь — когда ему было 84 года. Средний сын Адам стал известным писателем и главным редактором крупнейшего издательства «Даблдэй».

Красивый и необыкновенно остроумный, Сол пленял женщин, но отталкивал своим неуживчивым, трудным характером, унаследованным от отца — вспыльчивым и в высшей степени эмоциональным, независимым и непредсказуемым, не поддающимся никакому давлению извне. Похожими характерами наделены и многие его герои, потому-то и напоминают они классические русские персонажи, и вряд ли удивительно, что четырежды его браки были расторгнуты.

Что до его политического «измерения», то будучи в молодости социалистом марксистского толка, Беллоу в зрелые годы марксизму изменил и сделался либералом с сильным консервативным уклоном. Он с презрением отметал так называемую «политическую корректность» и за это не раз подвергался гонениям в американской прессе. Особенно досталось ему за интервью по поводу так называемого «мультикультуризма» в преподавании, когда он с явным сарказмом спросил у интервьюера: «А есть ли Толстой у зулусов и Пруст у папуасов?»

Окончательное разочарование в марксизме пришло с концом Второй Мировой войны: «С этого времени, — пишет Беллоу, — Советский Союз стал для меня символом деспотизма в самой унылой своей форме».

Крайнее отвращение у него вызвали венгерские события 1956 года — он оказывал помощь беженцам из Венгрии, а впоследствии и эмигрантам из Румынии (четвертая его жена была румынкой — профессором математики и в качестве профессора астрономии предстала перед читателями в романе «Декабрь декана» (Dean's December). Беллоу весьма реалистично описывает полугодное, затравленное существование румынской интеллигенции при диктаторе Чаушеску. Мне многое здесь напомнило условия жизни в Советской России, в которой Беллоу никогда не бывал.

Чем вызвано нежелание Беллоу посетить Россию? Возможно, оно было связано с трагической судьбой его родственников: Те же дяди, Рафаил и Наум Гордины, лишённые всего состояния, умерли в нищете в 1919-м году, а их дети ютились в двух комнатах некогда огромной семейной квартиры, уплотненной десятками жильцов. Один из них, Михаил Гордин, провоевал всю Великую Отечественную войну с фашистами в рядах Советской армии, а потом эмигрировал в Израиль.

Писатель Беллоу не приезжал в СССР в 60-70-е годы прошлого века еще и потому, что его книги долгое время не переводились и на русском языке не издавались, не то что произведения его современников Джона Чивера и Джона Апдайка. Помимо лауреатов Нобелевской премии Фолкнера, Хемингуэя и Стейнбека, чаще всего тогда печатали американских писателей левых, прокоммунистических взглядов. Я помню, что будучи студентом московского Института иностранных языков, неоднократно встречался с английскими и американскими студентами. И перво-наперво спрашивал их об отношении к Джеймсу Олдриджу, чей роман «Дипломат» пользовался в СССР в те годы огромной популярностью. К моему изумлению, никто из них слыхом не слыхал об Олдридже, как оказалось впоследствии, второсортном писателе-коммунисте и большом друге советских писателей. Выслушав отрицательный ответ, я пытался разузнать, кого же в Америке считают лучшим, значительнейшим писателем. Мне называли Генри Джеймса, Джона Дос Пассоса, Уильяма Фолкнера... и Сола Беллоу. Именно в то время я принялся читать романы Беллоу по-английски. Читались они медленно, потому что язык его поразительно богат и метафоричен, а его словарь, наверное, в разы больше словаря Хемингуэя, и это, вероятно, отпугивало переводчиков. Но не менее вероятно, что советских редакторов настораживал не столько стиль и словарный запас Сола Беллоу, сколько факт еврейства многих его персонажей.

Собственно, самоутверждение евреев в качестве американских граждан — одна из главных тем всего творчества Беллоу. При этом, в отличие, скажем, от Пастернака — как выведенных им характеров, так и самого Б.Л. — герои Беллоу вовсе не стесняются своего еврейства, отнюдь не рвутся ассимилироваться и подчас даже бравируют своим знанием идиша. У них и в мыслях нет побуждения креститься, чтобы делать

карьеру и быть «принятыми повсеместно», как поступают в наши дни иные деятели русского искусства и литературы.

Разумеется, среди американских евреев были и такие, кто стремился полностью ассимилироваться, — давление с их стороны Беллоу ощущал весьма остро. И, конечно, не раз и не два он сталкивался с откровенным антисемитизмом, свирепствовавшим в США во времена Великой Депрессии. Однако у него был на сей счет гордый девиз Фридриха Ницше: «презирай презирающих!» По признанию самого писателя, впервые он всерьез задумался над тем, как можно быть одновременно евреем, американцем и американским писателем, в середине тридцатых годов 20-го века. И тогда же решил для себя: чем трусливо пятиться перед проникновением европейской инфекции в Америку, не лучше ли и достойней позиционировать себя тем, кто ты есть? Вольно же таким известным поэтам, как Томас Эллиот и Эзра Паунд, считать тебя еврейским браконьером на их бесценных культурных угодьях (как о том же писал еще до революции А.И. Куприн). Ну и пусть их считают! А у него будет своя идентичность — и в лекции, прочитанной в 1988 году, Беллоу воспроизвёл греческое слово "метеки", которым в Древней Греции метили пораженных в гражданских правах пришельцев из других краёв. Друг Беллоу, британский писатель Энтони Бёрджесс, видел очевидные достоинства у писателей-метеков: обитая на периферии языка и культуры, они не испытывают большого почтения к устоявшимся нормам стиля и грамматики, а апеллируют непосредственно к "духу языка". По мнению Бёрджесса, английский язык с его безбрежной пластикой более благоволит к метекам, чем к расовым пуристам и языковым ортодоксам. К литературным метекам Бёрджесс и сам Беллоу относили ирландца Джойса, поляков Коңрада и Аполлинера, евреев Кафку, Бабея, Манделъштама и Пастернака, индийца Найпола, русского Набокова (Иосиф Бродский к тому времени еще не прославился). Именно они продемонстрировали аудиториям 20-го века глубинную суть и неисчерпаемый потенциал современного им литературного языка.

Беллоу можно считать «первопроходцем» среди американских литераторов еврейского происхождения: за ним и одновременно с ним выступила целая когорта великолепных писателей, таких как Артур Миллер, Норман Мэйлер, Филип Рот, Эдгар Доктороу, Бернард Маламуд, и Джером Сэлинджер, если назвать наиболее именитых. Более того, никому иному, как Солу Беллоу, выполнившему прекрасный перевод романа с идиша на английский, в большой степени обязан своей Нобелевской премией великий еврейский писатель Башевиц Зингер. Сол Беллоу справедливо считает, что, в отличие от Европы, в Америке все американцы, в том числе евреи — пришельцы, но внесшие и вносящие свою огромную долю в её благосостояние. А коли так, то у евреев нет никаких оснований чуждаться своей национальной принадлежности и самосознания.

Книги Беллоу населяют сотни персонажей различных национальностей, профессий, биографий и темпераментов. У каждого из них есть свой неповторимый облик, свои привычки и манеры. Персонажи эти выписаны с тонким юмором, порой граничащим с сарказмом, напоминающим нам Гоголя и Диккенса. В то же время у главных героев всех романов Беллоу мы находим общие, связующие их признаки. Они не скрывают своих недостатков, своих внутренних противоречий; откровенно, выворачивая душу, повествуют о своих переживаниях и мучениях. Для них характерно обостренное чувство чести, глубокое сочувствие к оскорбленным и униженным. Объединительным началом для этих героев, будь то Оги, Герцог, Кеннет или другие рассказчики, является то, что все они — это сам Беллоу. По сути, все его произведения написаны о нем самом, а подробное знакомство с его незаурядной, рискну сказать, гениальной личностью, нам, читателям, конечно же, захватывающе интересно.

Вера Кузьмина

ДЕВОЧКА РИСУЕТ

Стихи

Возвращение. Ненадолго

А рванули, Рай, за старую церковь —
Поволяемся в пахучей польни?
Знаю, выросла, но все-таки Верка,
И глаза все те же — серое в синем.

Облака над нами — белая вата,
То, большое — как пузатая панда...
Знаешь, бабка говорила: когда-то
Здесь тюремщики хлебали баланду.

Здесь? А в церкви — ты не слышала, Райка?
Их гоняли по Вороньже работать,
А потом давали черную пайку,
Вертухаил старый дедушко Зотов.

Твой папашка не дает алиментов,
У пивной все ошивается бочки,
А у матери у Божией ленты
Как у Майки, у завмаговой дочки.

Райка, бабка говорила, что ходит
Бог невидимо по улицам нашим.
Подсказал бы, что помрешь через годик —
Заплатил бы, может, пьяный папаша.

Райка, в церкви, говорят, Бога нету —
Там цемент, горбыль, щелястые доски,
И четыре или пять вагонеток,
А святых-то забелили известкой.

Не известка — так залезть, поглядеть-ко,
Говорят, святые были — как мы же,
Ну не все, а третья часть — малолетки,
Кто в огне и на кресте-то не выжил.

Хорошо лежать в полыни и кашке,
Да пора мне уходить из июля.
Ты смотри, не перепачкай рубашку,
Божья Матерь заругает — грязнуля.

Мне ведь, Райка, сороковник — хренею,
А тебе осталось ровно двенадцать.
Мы обнимемся по-детски — за шею,
Я приду еще...пора расставаться...

Полетела? Ну, счастливой дороги.
Я стою, и перехвачено горло.
Ты спроси там, Рай, у Господа Бога:
Можно сделать, чтобы дети не мерли?

Лето сорок пятого

Шли в сорок пятом по домам солдаты.
Поспать бы... вон хозяйка рубит жердь —
И был ночлег случайным, как когда-то,
Два месяца назад — случайна смерть.

Топила баню, щурилась от дыма.
Две стопки наливала: "Будь здоров...
Война, война, разлучница голима,
Полсотни баб да восемь мужиков,
И те старше лапотной подошвы...
Тебе, служивый, сколько? Пятьдесят?
Родить бы Ваньку — скоро ты уйдешь ведь.
Неуж не пожалеешь, слышь, солдат?"

Слегка тянуло холодом от пола
И запахом соломенной трухи.
В углу закрыл глаза святой Никола:
Ничо я не видал, каки грехи?
Вздыхал огонь, в беленой печке шаял,
В жестянке Ванька мокрый тихо чах.
Страна лежала — сильная, большая,
Со скомканной Европой в головах.

Не кончилась страна: деревни, чащи,
Москва, глаза Ванюшек и Марусь...
Крестили бабы спины уходящих,
А в теплых животах —
Толкалась Русь.

Что-то вроде колыбельной

Зыбаю, позыбаю,
Отец ушел за рыбою.
Мать ушла пеленки мыть,
Дедушко дрова рубить.
Дедушко дрова рубить,
Баушка уху варить
(Колыбельная моего детства)

Никогда не пели мне: баю-баю-баюшки,
Пели: батя ловит рыб, будет рыбий мех.
А окраина всегда на краю, на краешке,
А внизу река и ров, общие для всех.
Никогда не пели: спят рыбки-птички-заечки,
Пели: дед ушел дрова тюкать во дворе.
Батя пьяный на крыльце в полосатой маечке
Отморозил полстопы ночью в ноябре.
А четвертый бабкин дед утонул под Тесаным,
Камень Тесаный высок, сверху пять берез.
На окраине польнь вся покрыта росами,
А в польни дядя Вить, снова не тверез.
Никогда не пели мне: баю-баю-баюшки,
Пели: бабка чистит щук, чтоб кормить семью.
А окраина всегда — на краю, на краешке,
Да по тоненькому льду, да по острию...

Собачий поселок

Потянет к печке в холода,
В дожди — тем паче...
Поселок Красная звезда
Зовут Собачий.

Пусть на куличках у чертей —
Айда со мною,
Спасет от тысячи смертей
Тепло печное,

Спасут картоха и кровать
Времен Хрущева...
Все есть, чтоб жить — не выживать,
Чего еще вам?

Все есть — святые и волхвы,
Соседки-кralи,
Обои редкой синевы —
На базе брали,

Щенок на улице ничей,
В снегу вороны,
И тихий голос у дверей:
"Открой, не трону..."

Девочка рисует

Я читаю сказку: бабка и корыто, рыбка золотая — шавники дугой. В кухне пьяный батя спорит с дядей Витей, будто бы у русских рай совсем другой. Папиросой в шторке батя дырку выжжет, Витя засмеялся: будет нам буза. Мамка пилит батю: пьяница да рыжий, нарисую бате черные глаза. А в раю, наверно, сладкая малина, кормят шоколадом, колой, шаурмой... Мишка тети Танин, жирная скотина, мне кричал недавно: батя мой — не мой, что на самом деле батя — дядя Витя, и шептались бабки кучей на крыльце: "Ох, глаза-те черны... сходства не ищите, нету ни в повадке, ни в самом лице." Мама называет дядю Витю "мачо". Я раскрашу батю с головы до пят... а в раю, наверно, бабки не судачат, и не топят Мишка маленьких котят.

"Провожу Витюху... Не играй у печки. Маме скажешь: пили с дядей Витей морс." А в раю, наверно, теплые крылечки — чтобы пьяный батя ночью не замерз...

Донюшко-доню

Донюшко-доню, беги на кухню,
Там на столе чугунок картошки.
Мячик оставь и не трогай куклу,
Нам же сказали — с собою трошки.

Донюшко-доню, Параску вбили,
Вот и ее сарафанчик синий...
Ладно, уехать успел Василий,
Все поспокойней, кажись, в Хатыни.

Чуешь, командуют: "Юде, топай!"
Пан офицер молодой, да ранний.
Донюшко-доню, сосед наш Степа,
Что молоко куповал — в охране.

Степушка, нет на тебе погонов,
Только повязка, она не в счет ведь.
Степушка, нас-то куда погонят?
Что ты казав — отбивать чечетку?

Чуешь, мой свекор женат на русской —
Степа, какие же мы евреи?
Вот — от Явдохи остались буски,
Жинка износит на белой шее.

Ленту возьми — как подвяжет косы,
Скажет любой: хороша хозяйка...
Степушка, что ты казав? ...по носу,
Не по родне узнаются Хайки...

Донюшко-доню, там кто? Солдаты?
— Мамо, гляди, как шагают ловко!
Мамо, у дядей зачем лопаты?
...Мамо, а можно не быть жидовкой?

Генрих Тумаринсон

КАК НОГИ ССОРЯТСЯ

Стихи для детей

К моим читателям

Этой подборкой «Как ноги ссорятся» я завершаю публикацию стихов для детей.

Меня очень порадовала высокая оценка опубликованных стихов вами, дорогие читатели. Надеюсь, они понравятся и вашим малышам.

Не зря замечательный детский писатель Владимир Орлов сказал о поэзии для детей так: «Детская поэзия — это лестница, по которой маленький читатель должен прийти к большой литературе». Если в этой общероссийской лестнице окажется и моя ступенька — буду по-настоящему счастлив.

Как ноги ссорятся

Мальчик в первый раз катается,
Приручить коньки пытается,
А катание не спорится,
Потому что ноги ссорятся.

Заявила левой правая:
— Покачусь одна на славу я...
— Не могу смотреть без гнева я
На тебя, — сказала левая.
Говорят, конечно, вздор они
И зачем-то едут в стороны.

Дайте срок — придёт умение:
Ноги так дружить научатся,
Что, без всякого сомнения,
Вальс на льду у них получится.

Воздух

Он невидим и неслышим.
Воздух всюду — мы им дышим.
Воздух делается ветром
И становится заметным.

Ветер вдруг приходит в ярость,
Изменяя вмиг картину:
Превращает тряпку в парус,
Надувая парусину.

Этот ветер очень хваткий,
Злой, настойчивый и крепкий,
И взлетают в небо шляпки,
И спешат вдогонку кепки.

Липы просят ветер: «Тише!»
С тумбы сорвана реклама.
И лежит на дальней крыше
Тети Настина панاما.

А когда стихает ветер,
Воздух снова незаметен.
Мы опять его не слышим
И не видим — мы им дышим.

Кузнечик

В траве кузнечик
Радостно стрекочет,
И точно знаю я,
Чего он хочет.

Похожий
На веселого мальчишку,
Он хочет и умеет
Жить вприпрыжку.

Прошка

Легко кормить котёнка Прошку:
Куриную он любит ножку,
Не подпускает маму-кошку,
Пока не вылизет всю плошку.

Когда он молоко лакает,
Язык у Прошки словно ложка,
И взглядом Прошка намекает,
Что надо бы долить немножко.

И от зелёного горошка
Не может отказаться Прошка,
А если на десерт рыбёшка —
Мурлыкает от счастья Прошка.

Все, что дадут, он съест до крошки.
Прекрасный аппетит у Прошки!

Горчица

Если жгучую горчицу
Прямоком отправить в рот,
Горло
Сразу огорчится,
Рот
Тотчас же заорёт.

Нужно
Мясо или пищу
Обмакнуть
Чуть-чуть
В горчицу.
Это в самом деле
Вкусно,
И во рту не будет грустно.

Тяп-ляп

Торопится Потап,
Всё делает тяп-ляп.

Сказал Потапу папа:
— Ты даже не растяпа,
Наверно, ты — **два**тяпа,
А, может быть, **три**тяпа...
Вот ты какой, Потап!

Тапочки

У Потапа
Красивые тапочки.
Их Потап называет
Потапочки.

Встреча

Что может дать бульдог
Потапу?
Бульдог даёт Потапу
Лапу.

Ой

Расшалились малыши —
Веселятся от души.

Прыгают и хрюкают,
Лают и мяукают,
Кверху ноги задирают,
Иногда и пукают.

Если так случается,
Это — не считается...

Эники-Беники

Эники-Беники
Ели вареники.
Мышка у них
Попросила вареник.

Как возмутились
Противные Эники!
Как захихикали
Жадные Беники:
— Ишь, чего хочет...
Вареник — без денег?!

Бродяга

По тундре бродил
Одинокий олень.
Бродил он всю ночь,
А потом и весь день.

Наверное, нравится очень
Ему
По тундре
Подолгу
Бродить одному.

А, может, он бродит
И ночью, и днём,
Чтоб эти стихи
Написал я о нём.

Умница

Петров — мой друг,
И этому я рад.
Нас мамы
Вместе
Водят в детский сад.

Не зря Петрова
Умницей зовут:
Его хоть завтра
В первый класс возьмут.

Таких Петровых
Больше не найти:
Он может
Пять
Отнять
От десяти!

Замок и Ключ

Меня, пожалуйста, не мучь, —
Замку сказал уставший Ключ.
В ответ Замок сказал Ключу:
— Я открываться не хочу.
Ключ на упрянца нажимал —
Замок работать не желал...

Хозяин дверь открыть не смог
И в тот же день сменил замок.
Ключ от Замка теперь ему
Был совершенно ни к чему.

Самовар

На столе
Я, сияя, стою.
Вечерами
Я часто пою,
Этой песенкой
Всем обещаю
Никого
Не оставить
Без чая.

Совет

Не садитесь на ежа.
Сразу вскочите,
Визжа...

Прошипит вдогонку еж:
— Мы такие.
Нас не трожь!

Почему заяц косой

Труслив Зайчишка:
Жизнь его заставила
В лесных прогулках
Взять себе за правило
На каждый куст
Испуганно коситься —
Не прячется ли где-нибудь
Лисица.

Поединок

Муха села
Павлику на лоб.
Он её рукой с размаху —
Хлоп!..

Поединок
Завершился так:
В центре лба у Павлика
Синяк,
Ноет
Покрасневшая рука...
Муха
Нагло смотрит
С потолка.

Знание — сила

Слон-отец
Обучает сынишку —
Двухметрового роста
Слонишку.

Говорит ему:
— Главное, чтобы ты
Понимал,
Как устроены хоботы.

Я тогда
Поделюсь с тобой
Опытom,
Как бревно перетаскивать
Хоботом.

Триста сорок девять!

Сочиняет Катя смело,
Катя — лидер среди вруш.
Говорит она,
Что съела
Триста сорок девять груш.

Ну, конечно, это чушь:
Съесть нельзя
Так много груш.
Столько груш в один присест
Бегемот,
И тот не съест.

Футбол

Вместе с папою я мчусь,
Я в футбол играть учусь...

Пас от папы получу
И ударю,
И ударю,
И ударю по мячу.

Ничего, что я упал,
Но зато я в мяч попал!

Завтра папу обведу
И прицелюсь на ходу,
И в ворота,
И в ворота,
И в ворота попаду!

Необычный бульдог

Один бульдог
Сказал бульдогам,
Что в раннем детстве
Он был догом.

Потрясена
Бульдожья стая:
— Так измениться,
Подрастая!

А я уверен
Лишь в одном:
Под старость
Стал бульдог
Вруном.

Оступилась

Совсем расстроилась Яга:
— Кому теперь нужна я?
Болят нога, болят нога,
Родная, костяная.

Худое времечко пришло:
Никак не влезть на помело.

Пойду к врачу, скажу врачу:
— Быстрее поправиться хочу,
Таблетки пью охотно я.
У Вас я ногу полечу,
Нога пройдёт — и полечу,
Пока погода лётная.

Одуванчик

На одуванчик
Дунул Ванечка,
Он очень сильно
Дунуть смог —
И больше нету
Одуванчика:
Остался
Только стебелёк.

Расстроила пропажа
Ванечку —
Он сразу
Плакать захотел...
И всхлипывает
Одуванчику,
Чтоб тот
Обратно прилетел.

Тихий час

Твёрдо знает сытый сом —
После пищи тянет в сон.

Говорит он: «Скоро лягу.
Скоро лягу под корягу.
Эй, вы там, на берегу!
Спать при шуме не могу.
Погодите, рыбаки,
Не ходите вдоль реки».

Сом добился тишины,
Все проблемы решены.
И, как будто на перину,
Он улёгся прямо в тину.

Повертелся — и сопит.
Значит,
В самом деле, спит.

Будьте сдержаннее, раки,
Прекратите ваши драки.

Я почти уверен, рыбы, —
Чтоб сома не разбудить,
Вы, наверное, смогли бы
И на цыпочках ходить.
А пока умерьте прыть:
Перестаньте, рыбы, плыть.

Сом сопит. Повсюду — тишь,
Лишь колышется камыш.

© Г. Тумаринсон, 2015

Александр Танков

НИНЕВИЯ

Первая стража

Под железными веками Вия
Побелели от боли глаза.
Все проходит. Прощай, Ниневия!
На востоке рыдает гроза.
Фортификационные плещут рулады,
Проверяет посты соловей...
Для раскола, разброда, разлада
Ты рожала своих сыновей.
Тридцать девятое выстроив царство
На помосте кровавых костей,
Знаком равенства рабства и барства
Ты своих помечала детей.
Наградила их волчьим оскалом,
Подмешала свинец в серебро,
Больно била, нечасто ласкала
И учила не помнить добро,
В жизнь кривыми зубами вонзаясь,
Не жалеть ни о чем, ни о ком...
Черной зависти горькую завязь
Мы впитали с твоим молоком.
Материнское черное млеко
Привкус крови оставит во рту...
Поднимите железное веко,
Чтоб увидеть под ним пустоту!

Вторая стража

Ниневия, львиное логово,
Перекресток чумных путей!
Обещавшая многим — многого,
Пожираешь своих детей.
Простучит автоматная очередь,
Скиф натягивает тетиву...

Ниневия, идут твои дочери
На невольничий рынок в Москву.
Там крестьянки стоят по сиклю,
А дворянская дочка — три...
Как Эдип, я глаза свои выколю.
Отворачиваешься? Смотри!
Ниневия, жалеть не поздно ли?
Вместо пажитей — пустыри...
А давно ли у ног твоих ползали
Покоренных держав цари?
А давно ли знамена имперские
Были правды самой правей?
Ордена и кресты наперсные...
Ниневия, город кровей!
Правду вымарав из учебников,
Как ты будешь держать ответ?
Догорают костры кочевников,
Им на смену идет рассвет.

Третья стража

Ассирия, слепая львица!
Рви ночи черный мезозой!
Твоих царей чужие лица
Ночной распаханы грозой.
Твои невидящие очи
Всевидящи. Гром горло драл,
И мертвые составы ночи
Ползли куда-то за Урал.
Там жилы неба нежилого
Слепыми молниями жгли,
Влив олово живого слова
В утробу жадную земли.
Поношенным плащом Шумера
Ты укрывалась от грозы,
Учила грамоте Гомера
И библии ткала азы,
Спартанский выводок растила,
Кормила римского орла,
Но крепость в пропасть обратила
И в барстве рабство обрела.

Четвертая стража

Ниневия... рак души не лечится,
Ненависть растет, как на дрожжах.
Пятая колонна человечества
Гибнет на последних рубежах.
Сквозь поля, засеянные ложью,
Серые зыбучие пески,
В темноту бредут по бездорожью
Жалкие разбитые полки,
В полном беспорядке отступая
На неподготовленный плацдарм,
Слушая, как шепчет ночь слепая —
Мне отмщение, и аз воздам.

Помнишь, Ниневия, — тот, распятый,
Тот, чей невод собирал сердца, —
Тоже был из недобитой, пятой,
Из колонны своего отца!
Тот, который слышал сердце жизни,
Солнечным лучом блестя в листе...
Он незримой присягал отчизне.
Места нет стыду и укоризне.
Правда не бывает в большинстве.

Пятая стража

Певчих птиц порядки строевые
Отошли с боями на восток,
Чтобы у предместий Ниневии
Уронить пунцовый лепесток,
Чтобы распахнуться жаркой песней
Ассирийских проливных ночей,
Чтобы захлебнуться Красной Пресней
Честных сероглазых палачей,
Чтобы, взвившись синими кострами
С кляпом общей истины во рту,
Отыграть свое в античной драме,
Стать бревном в кровавой пилораме
И под жизнью подвести черту.
Чтобы заблудившиеся в детстве

Командиры маршевых колонн
Вышли на театр военных действий,
Как актер выходит на поклон.

Шестая стража

Плачь, Иеремия! Прячь, Исая
Злые звезды о семи лучах!
Полночь ассирийская, косая
Сажень у созвездия в плечах.
Звездной ночью, как паленой водкой,
Наполняй гремящее ведро,
Жизнь свою сверяй с последней сводкой
Ассирийского информбюро.
Сердце бьет во тьму прямой наводкой.
Страх и трепет в утреннем метро.

Мина Полянская

ПОРТРЕТ ЧЕЛОВЕКА В КАПРОНОВОЙ ШЛЯПЕ

Не сотвори себе кумира.
Библейская заповедь

Вот не покидает меня ощущение, что я когда-то видела Калиновку с её «горюхинцами» и энергетическими аномалиями, повлиявшими не только на их сознание, но и на ход Большой истории. Так и стоит у меня перед глазами деревня, утопающая в безбрежном море кольхающихся с серебристой рябью цветов, и как будто вижу дома — для меня по-бредберевски ярко-зелёные и ярко-синие, утопающие в немислимо ярких полевых цветах, сохранившихся только здесь со времен Екатерины Великой. Но, увы, правда жизни выпорхнула на волю подражанием вымыслу, который почему-то радует сочинителей больше, чем обратный процесс.

В деревне Калиновка прошлым летом произошёл бунт, тот самый — бессмысленный и беспощадный.

Я постараюсь придерживаться хронологии эпизодов, чтобы они выстроилось в событийную связь, но вынуждена отступить в прошлое, поскольку нет другого пути.

Я впервые услышала о деревне, пограничной с Украиной — всего десять километров их разделяет — лет пятнадцать тому назад от берлинской моей приятельницы Ольги Л.

Ольга — дальняя родственница Никиты Сергеевича Хрущёва. Настолько дальняя, что не существует для такого родства генеалогического термина. Тем не менее, она на удивление похожа на Хрущёва. К тому же, и родилась она в той же деревне, что и Хрущёв — мать приехала в Калиновку на две недели в гости и там её родила.

Деревня Калиновка Хомутовского района Курской области расположена в зоне Курской магнитной аномалии. В небесах над Калиновкой, как в Бермудском треугольнике, отказывали приборы на борту первых советских самолётов. Ольга полагает, что эта аномалия отразилась на жителях деревни, пронизанных какой-то особенной магнетической энергией. Калиновцы, точно братья и сёстры, похожи друг на друга и все вместе взятые — на Хрущёва. А, кроме того, они сильно смахивают на жителей села Горюхина: *росту среднего, сложения крепкого и мужественного, глаза их серы <...>. Женщины отличаются носами, поднятыми несколько вверх, выпуклыми скулами и дородностью.*

У калиновцев одинаковое выражение глаз, как будто бы и весёлое и даже хитрецей, но всё же... не совсем нормальное, наверное, из-за неуга-

сающей улыбки на устах. Рассказы Ольги о родной деревне вызывали в памяти романтика Э. Т. А. Гофмана с его пристрастием к «животному магнетизму», теории, созданной австрийским врачом Францем Месмером об особой энергии живого, способной гипнотически влиять на психику.

Некалиновские родственники Ольги любили подчеркнуть, что она, мол, родилась в Калиновке, а стало быть — «другая». Например, Ольга не может носить электронных часов, электронные будильники останавливаются при её появлении, а компьютеры, разумеется, тоже замирают.

— — —

Весной 1997 года наш берлинский друг писатель Ф.Г. познакомился с Ольгой и, выслушав странные рассказы о Калиновке, назначил Ольгу, несмотря на её протесты, внучатой племянницей бывшего генерального секретаря, и, таким образом, сама того не подозревая, она оказалась втянутой в очередную литературную игру писателя, поскольку Хрущёв — персонаж главного его романа, детища его. Сам глава государства на страницах романа ни разу не появляется, а остается за кулисами, или смотрит весело из портретной рамы. В домах реабилитированных жертв сталинизма красуются его портреты — «в капровой шляпе и рубашке с широкой улыбкой на жирном крестьянском лице любителя простой и обильной пищи». Личностью Хрущёва буквально пронизан преогромный роман, повсюду о нём говорят — на кухоньках, на вокзалах, в поездах, троллейбусах и трамваях:

— *А анекдот слышали?* — сказала толстуха с янтарными бусами, и ещё не успев рассказать анекдот, она затрясла жирным своим бюстом. — *Хрущёва, значит, возле мавзолея поймали: с раскладушкой туда пробирался... А то ещё один: как найти шахту, где Хрущёв в молодости работал...*

— *Да какой он там шахтёр,* — махнул рукой старичок, — *помещик он... Из помещиков... Хотите коммунизм, говорит... Вот вам коммунизм... Вот вам голодуха...*

Ольга не подозревала ещё, что в глазах Ф.Г. ей доведется нести личную ответственность за поступки и деяния давно ушедшего из жизни генерального секретаря. Время от времени в её берлинской квартире раздавался звонок — на проводе был наш писатель с очередными претензиями по поводу событий более чем тридцатилетней давности: говорил, например, что не простит перестроенного в эпоху «оттепели» Арбата. Узнав о том, что памятник работы Эрнста Неизвестного на могиле Хрущёва на Новодевичьем кладбище разрушается — на нём появилась трещина! — он потребовал, чтобы Ольга восстановила памятник: «Стыдно жалеть каких-нибудь пару тысяч марок, когда разрушаются памятники!»

Рассказы Ольги о Калиновке органично вписывались в созданный писателем противоречивый образ «Любушки-России». Быть может, и в самом деле магнитная аномалия виновна в скудости и убожестве Калиновки? Или же магнитная аномалия — метафора, не поддающаяся объяснению?

В одной повести Ф.Г. в приволжском городке герой случайно заходит в столовую под названием «Блинная». Грязная и прокуренная, она напомнила ему записки некоего серба-путешественника, потрясённого когда-то атмосферой русского трактира, *«где из века в век сидят люди мелкого счастья, лакомы на питьё, где место и посуда свиного гнуснее»*. Однако рассказчика обескураживает не пошлость заведения, а отсутствие логики, аномалия происходящего. В таком притоне должно отталкивать абсолютно всё, в том числе и качество блюд. Однако фирменное блюдо «Блинной» превзошло всякие ожидания. В лучших ресторанах не ел герой таких обжариваемых до румяной корочки блинчиков с тающими во рту фаршем из рубленых варёных яиц, риса и мяса. Рассказчик вопрошает: «Зачем жарили здесь эти блинчики? Зачем их подавали на заплёванные столы или на смрадные вонючие скатёрки. А если и подавали, то отчего не вымыли помещение, не постелили хрустящие белоснежные скатерти, на которых таким блинчикам место? В этих чудесных блинчиках на грязных скатертях была какая-то достоевщина, какой-то гоголевский шарж, какая-то тютчевская невозможность понять Россию».

Здесь явно напрашивается сравнение с противоречивой Калиновкой. С незапамятных времён Горюхино... оговорилась — Калиновка! — *славилась своим плодородием и благодарственным климатом*. Вот, например, Курский чернозём! Он - самый плодородный в мире. Однако это обстоятельство, долженствующее как будто бы и содействовать процветанию и благоденствию, повлияло на калиновцев гораздо меньше, чем магнитная аномалия, сказавшаяся не только на их сознании, но и на ходе истории (стук ботинком во время выступления в ООН, Карибский кризис — курско-бермудский треугольник). Стоят скособоченные деревянные избы, окрашенные в давно выцветшие голубой и зелёный цвета.

А рядом, совсем рядом торжествует неземной красотой заповедная Стрелецкая степь, островок первозданности, которая не запахивалась со времен Екатерины II. Миллионы трав уничтожил человек, а Стрелецкая степь осталась. И до синего горизонта в середине лета рассыпаны крупные, намагниченные полевые цветы всех цветов радуги. И особенно здесь много ромашек, маков, солнечных володушек и волчегодника лилового цвета. И растут цветы у дорог, проникают и в Калиновку (а маки алые — так целыми оазисами!), их там видимо-невидимо у заборов, во дворах, у курятников и свинарников, и куда ни кинь взор, рвется с фантастической энергией из земли ликующая красота.

И можете себе представить такое положение? Рядом с красотой — примитивный быт Калиновки, следствие, на мой взгляд, всё же в первую очередь магнитной аномалии, повлиявшей на исторические процессы. А вот, кстати, ещё одно противоречие, напоминающее о чудесных блинчиках на грязных скатертях в повести нашего писателя: хотя и льётся самогон рекой, а в избах царит нищета, здесь еженедельно, всей деревней направлялись в баню. Личная гигиена соблюдалась и соблюдается неукоснительно.

И свято в нашей деревне оберегалась чистота традиции: мебель и другие предметы в жилищах десятилетия не сдвигались и не снимались со своих мест, на стенах висели фотографии из давно ушедшей, другой жизни и открытки из прошлых времён, а в углу — икона, которая почему-то не убиралась не только в сталинские, но и в Хрущёвские антиклерикальные времена, прославившиеся невиданных масштабов погромами церквей, а на стене — портрет Хрущёва, благодетеля и гордости деревни, посетившего её однажды, что и было запечатлено на обложке журнала «Огонёк»: на центральной площади девочка вручала ему цветы. (Кстати, именно это хорошенькая девочка станет впоследствии главарём — сказывалась порода! — деревенского бунта). И номер засиженного мухами «Огонька» — на обложке Хрущёв, окружённый радостной толпой односельчан, принимающий букет от девочки, — приколотый гвоздём, висел в каждом доме между портретом Хрущёва и семейными фотографиями.

А мы для надвигающегося неизбежного конфликта должны предоставить себе (выдвинуть на передний план своего сознания) два главных предмета декорации обиталищ: икону и портрет погромщика икон. Стало быть, в углу у нас икона, в центре — портрет. В капроновой шляпе. Вы конечно же помните эпохальный лозунг человека на портрете — «коммунизм — это химизация всей страны?» Отсюда и шляпа.

— — —

Нашего писателя уже двенадцать лет не было в живых, когда Ольга вдруг позвонила мне и гневно сообщила, что летом четырнадцатого года в Калиновке произошёл русский бунт против Хрущёва за отдачу в пятьдесят четвёртом году Крымской области Украине. Претензий к девяносто первому, когда Крым уже совсем отъехал, у калиновцев не было, поскольку с девяносто первым пускай себе разбираются жители Буткинского района Уральской области деревни Бутка — гнезда, из которого выпорхнул другой птенец, ставший впоследствии бесшабашным, и тоже, кстати, на удивление весёлым, первым российским президентом. Ольга требовала, чтобы я о деревенском позоре написала. Я отнекивалась, говорила, что достаточно написала (целую главу!) о ней и её деревне в книге о писателе Ф.Г., но Ольга, политически накалённая, как и вся её деревня, породившая некогда вождя-феномена, требовала, чтобы я переписала текст, ибо это — мой долг и моя честь. Как верно заметил один мыслитель, никто не знает целого, «всякая версия состоит из оторванного клочка». Утрата единства мстит, злорадствуя в каждой частности. Полагаю, что мне, частному человеку, не следует расслаблять себя такими фатальными понятиями как «логика истории» и её «закономерности», или же другими утешениями, которые предлагают нам философы истории. Я решила переписать главу о Калиновке, предложить мою версию «оторванного клочка» насколько возможно искренне и даже исповедально. К тому же, я и в самом деле была захвачена историзмом момента, а, кроме того, поскольку я после смерти писателя уделила в книге о нём Калиновке почтительное внимание, то как бы установила с ней метафизическую связь.

— — —

Вот как совершился бунт живых людей с изображением их идола, портретом человека, которого давно уже не было в живых. Калиновцы, охваченные патриотизмом нового времени, всей неделимой этнографической группой дружно сняли со своих обветшалых стен старые портреты Хрущёва, те самые — в *шляпе из капрона* — и толпой, достаточно большой, подчиняющейся уже не законам личности, а законам массы, когда любое слово и движение носило уже не самостоятельный, а публичный смысл, торжественно вынесли эти портреты на площадь, и там предали публичной казни. Калиновцы «с детской резвостью» топтали бывшего односельчанина ногами и костылями, которых немало обнаружилось в деревне. Такие вот дела...

А и в самом деле: отчего бы не ударить, не поставить на колени, не превратить в посмешище, если за это не последует наказания?

Позвольте-с! — ответил мне Салтыков-Щедрин. — *Что мы не можем бунтовать иначе, как показывая кукиш в кармане, — это так. Но это печальное требование времени — и ничего больше. Это скудная форма современного [русского] бунта, которая, однако же, отнюдь не предreshает вопроса о форме и содержании бунтов в будущем*

Да, Михаил Евграфович, финал в этой истории обречён на вечную циклическую повторяемость, поскольку всего лишь на время была убрана заповедь «не сотвори себе кумира» до появления нового кумира (или новый кумир на горизонте уже обозначился?)

— — —

После такого рода протестных выступлений, независимо от того носят ли они в себе элемент массовости и народности, или же они — результат действия кучки злоумышленников, могут возникнуть даже и всеобщие беспорядки, могут запылать даже и пожары, может быть разгромлен магазин, или винно-водочный склад, но мне про такое развитие бунта ничего не известно. А известно только, что затихла-замерла деревня.

И пустынная площадь, заваленная грязными стеклянными осколками, обломками рамок, обрывками бумаг иной раз и с разорванной вдвоевчетверо улыбкой Никиты Сергеевича, разносимой ветром, производила опасное и напряженное впечатление.

Sic transit gloria mundi? Так проходит мирская слава? Жалко и горестно было мне видеть этого некогда воистину эпохально значимого человека, разорванного в клочья на собственной родине.

Ульм 30.08.2015

Елена Матусевич
ЗИМНИЙ ВИЗИТ
Рассказы

Пеликан и альбатрос

— Оно наступит. Они будут там, и вы тоже там будете. Вечером, уже сегодня.

До вечера есть целый день, но он не в силах сделать его другим, отличным от предыдущих. *Встреча* мгновенно лишила его сил, и единственно возможным оставалось делать все как обычно, доверившись своей внешней оболочке. Приветствия у лифта, коллеги, студенты. Студенты спешат, смеются, болтают в дверях. Только теперь он заметил, какой яркий везде свет. Поворот, лестница. Он привык идти наверх, на свой этаж, пешком, для здоровья. И сейчас он поступил также. На него идет сверху курчавый студент. Профессор его знает, узнает. Как тяжелы у него сегодня веки! Студент кивает, проходит, дыхание жизни касается щеки. Это лицо будет в его жизни последним? Или другое? Лестница пуста, но сверху слышны гулкие юные звуки, хохот и топот. Увидеть тех, кто наверху, посмотреть им в лица. Но они не спускаются вниз, а бессмысленно толкуются на верхней площадке.

Профессор идет легко, не замедляя шага и не задыхаясь, как будто ему пропустили под мышками веревки, и теперь тянут, как невесомую маршанетку, вверх. Не будь этих веревок он бы уже упал, рассыпался, распался на заледеневшие от ужаса клочки. Холод овладевает каждой клеткой, и он слышит свое дыхание, как оно звонко бьется о лед. немеют, отторгаются, отчуждаются от тела руки. Вот и его этаж. В глубине коридора телефонный голос толстой секретарши, обычная возня в лаборатории, приоткрытый офис коллеги. Ключи отпирают его дверь, твердое кресло принимает и придает форму телу. Теперь только ждать. Ждать, когда стемнеет, когда медленно, беззвучно, мягко, откроется намертво вставленное, не открывающееся окно, и к нему влетят его птицы. Он уже приготовил две, две, вместо одной, банки консервированного тунца, того самого, что любил его младший сын, когда он был больной, маленький, и ничего другого не ел. Одна, уже открытая банка стояла теперь на мини холодильнике и распространяла рыбный запах. Ничего лучше он не смог придумать в свою защиту. Стихали звуки дня, закрывались двери офисов, постепенно перестал ныть лифт. Остался только он, как всегда, как все эти годы. Только сегодня он сидит спиной к письменному столу, лицом к окну с навсегда впаянными

в бетон рамами. На подоконнике кофейник, чашка, пакетик французского кофе, фильтры, пластиковый стакан с вилками и ложками. Надо бы поднаться, убрать, чтобы это все не слетело от удара...

Он слышал, знает, что это очень большие птицы, с огромным, немислимым размахом черных, острых, режущих воздух крыльев. Почему Альбатрос? Что это значит? Зачем этот визит? Наверное, подобный ужас ощущают недодушенные и поглощаемые живьем жертвы удава. В сущности, это должно случаться, так может быть, почему бы и нет, какая удаву разница? Но профессор отвлекся, а в черном теплом бархате ночи появилось движение. Или ему показалось? Так тихо, что он слышит тиканье часов в кабинете коллеги за стенкой. Вот опять. Над освещенной крышей здания инженерного факультета, где все еще тускло светились несколько офисов, колыхнулась, дернулась пустота. До него донеслись голоса гуляющих студентов, а свежий летний воздух коснулся лица. Окно бесшумно и медленно распахнулось настежь. На подоконнике стоял Пеликан.

Профессор вздрогнул, улыбнулся и подался вперед: старый друг, добрый гость, мудрый утешитель. Обретя силы, он пружинно подскочил к холодильнику и подал, встав на одно колено, птице тунца. Пеликан не двинулся, ослепительно белый профиль на черном ночном фоне, только скошил желтым глазом не на еду, а чуть выше, на переносицу человека.

—Ты раньше любил, сказал человек и смутился.

—Раньше я был твоим единственным гостем.

—Так он все-таки будет? — спросил пленник и снова похолодел.

—Он будет после меня, ответил Пеликан.

Человек положил горстку рыбы на ладонь и протянул руку. Белая птица чуть коснулась руки головой, прижалась, замерла, и только потом сгребла в горловой мешок немного угощения. Через распахнутое окно превеличленно громко был слышен шелест шин с близлежащей улицы, шипение тепловой электростанции и, совсем близко, внизу, разговор пришедших на смену ночных уборщиков. Пеликан повернулся к человеку спиной и привстал на перепончатых желтых лапах.

—Ты еще прилетишь?

—Это зависит от тебя.

Белые крылья закрыли темноту и вспышкой осветили ночь. Почти полная банка консервов упала на пол. Черное теплое дыхание вползло в кабинет. Появились звезды. Профессор поднял банку и встал. Прямо на него, в свете от крыши здания инженерного факультета, летела гигантская, резкая, горизонтальная тень.

Все будет так, как он и представлял себе сегодня, снова и снова, весь день. Колоссальные черные крылья закроют оконный проем: в ярости Альбатрос не сразу найдет способ проникнуть внутрь. Тяжелое дыхание, могучие плечи, загнутый клюв у самого лица. Все так, только хуже. Передача «В мире животных», картинки в интернете, не подготовили его к *Встрече*. Само море ворвалось в сушь ученого кабинета, и соленые брызги косну-

лись седых волос. А шум! Черные крылья бились о книжные полки, сдирали суперобложки, вышибли лампу на потолке и свалили горшки с цветами. Влажная лоснящаяся масса заполнила собой весь кривой бетонный куб, неистовствуя, клокоча и кусая воздух. Наконец Альбатрос выпрямился, подобрал крылья, и застыл, но не на подоконнике, а на письменном столе, заваленном растерзанными им бумагами. Человек, обнаруживший себя спиной в проеме входной двери, тоже был неподвижен. Он был не уверен, что жив, а потому спокоен. Медленно обойдя альбатроса справа, он вынул из холодильника непечатую банку тунца и протянул гостю. Альбатрос взглянул на банку и загоготал, широко раскрыв клюв. Только сейчас человек заметил, что из клюва свисали обрывки свежей, окровавленной плоти. Блестящие зрачки Альбатроса смотрели ему прямо в лицо. К углам агатового мощного клюва прилипли ослепительно белые, нежные перья.

Михаэль

Там должно было быть пусто: Новый год. Пара иностранных студентов и кислая охрана, нормальные люди, которым хочется домой. И этот, потому, что он там всегда. Нашел меня. Нетрудно, когда пусто и когда ищешь:

— Я Вас искал.

Высоченный, в белой рубашке, черном пиджаке, еще прямой, но уже без переднего зуба. В нем все черно-белое: черные глаза и ресницы, белое, меловое лицо, черно-белые, крупно вьющиеся остатки кудряшек. Бывший красавец, бывший адвокат. Даже сейчас старый пиджак выглядит на нем как фрак, а истертый шарф лежит бантом. Что его сломало, я так и не узнаю. Его зовут Михаэль, он библиотечный бомж и сумасшедший.

— Я Вас искал.

— Я была на концерте.

— О! На органном? В Томасе? ^[1] Ах, как жаль, что я не знал, я бы пошел туда с Вами.

Там пахло старинным деревом, елкой и приличной публикой. Кремовый потолок с красной посыпкой, посередине каждого свода саксонские полевые цветы, ромашки, лютики. Даже одуванчиками не побрезговал великий собор. Земное, обычное, местное — на высоте, спасибо за то, что есть. Сахарные готические своды, леденцовые окна, медовый, лоснящийся от благодушия и старости орган. Только здесь возможно, чтобы Бах снаружи, и Бах внутри: новогодний Лейпцигский пирог.

— Пойдёмте?

[1] Томас — Готический собор Святого Фомы в центре Лейпцига, в котором 28 лет прослужил Иоганн Себастьян Бах.

У него всегда чистые руки, такие же тонкие и бледные, как он сам. Он кладет их передо мной на стол лодочкой. В лодочке русское печенье 'Коровка'. Это я научила его покупать в русском магазине, там дешевле.

— Eine Kekse?

Михаэль садится около меня на корточки, гибкий и быстрый бездомный кот. Остатки кудряшек торчат над головой настороженными кисточками.

— Пойдёмте сейчас!

— Это куда?

— На улицу. На площадь. Слышите? Часы бьют. Уже пять минут как Новый год!

— Мне все равно, я поработаю еще.

— Ну же, фрейлейн, пойдёмте! Там салют.

— Я не люблю салют.

— Ну, там музыка, люди, воздух, пойдёмте!

Он тянет меня вниз по стеклянной библиотечной лестнице на площадь, но ему нечем меня искусить. От хлопушек, бенгальских огней и толпы я уже бегу, прикрывая руками глаза, натываясь и перескакивая через уже взорванные или еще кружащиеся, готовые выстрелить, шипящие бутылки из-под фальшивого, бывше-гэдээровского шампанского. Липкие лужи, осколки, конфетти. Кажется, праздник миновал. На границе старого города уже тихо, и я перехожу на шаг. И тут только замечаю, что не одна. Узкие, длинные, когда-то дорогие лакированные ботинки опережают меня на светофоре.

— Мы идем отмечать Новый год, фрейлейн?

— Но Вы оставили в библиотеке куртку.

— Это ничего. Мне не бывает холодно.

Он шагает подпрыгивая, беспрестанно забегая вперед, то складываясь пополам, чтобы заглянуть мне в лицо, то расправляя длинные руки летучей мышью. Он идет со мной всю дорогу, весь мой путь. Расстегнутый ворот рубашки, негреющий, бессмысленно висящий на шее шарф. Он ступает без разбора, и в гулкой пустоте периферийных улиц слышен хруст ледяных корочек луж, в которые Михаэль беззаботно окунает свои тонкие холодные штиблеты. Мой путь лежит через музей, вдоль стены старинного кладбища, где рядом лежат, как лежали они в разбитом здесь после Битвы Народов лазарете, австрийские, прусские, шотландские и французские офицеры, умершие от ран; мимо сомнительных, всегда освещенных и всегда закрытых магазинов; мимо круглосуточного прозрачного фитнес-клуба; мимо розово-витринного 'массажного' центра, со входом со двора, того самого, по легенде, куда однажды, на свою беду, зашел стеснительный Лейпцигский студент Фридрих Ницше. И дальше, мимо арабского кафе Венеция, польского футбольного клуба, нигерийского бистро, и персидской закуской; мимо на вид пустующего дома, из-под на вид заколоченной двери которого вечерами расползаются жир-

ные клубы табачного дыма; мимо ветхого молодежного клуба и свеженького дома престарелых, через трамвайные пути, ко мне. Ко мне, в мой 'плохой,' в мой еще худший район, с тремя 'русскими' магазинами, торгующими молдавскими пряниками, украинским печеньем, польскими яблоками и литовским хлебом, иракским старьевщиком, у которого можно купить все, и украинско-сирийским интернет-кафе, где измученные люди звонят в зоны военных конфликтов из реликтовых телефонных кабинок. На моей улице тихо. Старики и беженцы спят, а молодежь ушла праздновать в центр или, в крайнем случае, в чахлый соседний парк, разбитый между ненужных труб бывшей фабрики бывшего промышленного района бывшей страны.

Мы пришли, и я кладу вторую тарелку, вилку и нож, ставлю вторую рюмку. Придется делиться: салат, хлеб, вино, заботливо приготовленные мной для себя загодя. Хорошо, что он хоть селедку не ест, иначе пить бы мне, не закусывая. Но ему мало и все идет в ход: консервы, остатки риса, сухой бульон и засахаренный мед. Все хорошо, все вкусно. Давайте чай? Давайте.

— Eine Kekse?

'Коровки' у него во всех карманах. "Так удачно, как раз к чаю!" Он уже месяц, как ничего, кроме 'Коровки', не ест. А в 'Коровке' — сплошные витамины! Это он на себе проверил, а он никогда не болеет. И если фрейлейн перейдет на волшебное русское печенье, то она тоже, конечно, но это будет их секрет, на правда ли? Ну, еще они скажут маме фрейлейн, потому что мама у фрейлейн такая добрая дама, накормила его прошлым летом обедом и зашила дырку на штанах. И мальчик, мальчик у них такой хороший, что он готов ловить с ним лягушек сколько угодно, сколько понадобится, в пруду Розенталь или в парке Клары Цеткин. Ему это нетрудно, особенно если фрейлейн или мама фрейлейн угостит его потом супом, и даже без супа, потому что суп ни при чем, а вот мальчик, да.

— Мама, когда мы пойдем ловить лягушек с Михаэлем?

— Не знаю, малыш, Михаэль пропал.

— Я думаю, он умер.

— Это почему?

— Потому что я уехал, а он не умеет ловить лягушек без меня.

Мы пьем чай, я снова и снова ставлю чайник, а он говорит, что однажды бросил и роздал все, чтобы стать францисканцем, или иезуитом, но его нигде не взяли, потому что возраст, и вообще, так, без объяснения причин; что он пишет диссертацию, которая скоро изменит Евросоюз, что его брат в Бундестаге, родители в Северной Вестфалии, а сам он вот-вот выиграет суд с БМВ, получит массу денег и отдаст их мне. Я киваю, он путается, я теряю нить. Он ест, хвалит, греется, пегие ушки-рожки отражаются в окне. Я боюсь, что он никогда не уйдет.

Но вот он встает, потирает руки, раскланивается, размахивая жалкой шапочкой, как мушкетерской шляпой.

— Какой прекрасный был у нас вечер, не правда ли? Я так счастлив! Настоящий Новый год. Благодарю Вас, фрейлейн, я пойду, мне пора, я как раз к завтрашнему успею. Новый год пришелся на воскресенье и, сами изволите видеть, как мне повезло.

Мы входим в коридор. В полумраке белеет его рубашка, черным бантом лежит шарф, и он опять красавец. «Прощайте, увидимся в библиотеке, как всегда». Стук больших легких шагов в подъезде. Четыре часа утра. Я закрываю дверь, сажусь в изнеможении на стул и слышу стук в окно. Первый этаж, вечная история, и я инстинктивно вдавливаюсь в темноту угла.

— Я буду петь Вам славу, фрейлейн, кричит Мефистофель с улицы. Я умею! Вы слышите? Я буду петь Вам славу!

А его голосу вторит далекий новогодний салют.

Босфор

Молчание, параллели согнутых коленей, молодых костей и жил. Молчание тайны или молчание пустоты? Как отличить одно от другого? Эти двое летят с Востока на Запад, и мир против них, и нет им в нем места, и страшно за себя. А потому не вместе, не заодно, а только еще, или уже, рядом. Но так рядом, что не различить, не разнять, не понять, внутри или снаружи, до или после никогда.

Время, которое знает своих, извлекло их из небытия их жизней и разложило на солнышке, полумертвых. Время свернулось и вывернулось в них, раскрыв объятия возможного, заботливо усадив их податливые старые души на самый край, туда, где нет надежды обмануться, где и самый край этот посмотрит в них, как в зеркало. От напрасных усилий, чужих прикосновений и жизней, души их стерлись до блеска и отшлифовались до дыр, и теперь их старинный узор не в силах удержать россыпи их еще непечатого счастья. Живая вода Босфора течет сквозь них напрасно, дразня и изнемогающая.

Из небытия в бытие, так, как будто их и не было никогда, и только теперь они стали. Будто сейчас только они родились, эти двое, старые и счастливые, и обрядились в новые одежды, сшитые из черно-синей траурной пены ненасытного Босфора. Тени, брызги, тени живых и мертвых, здесь их трудно и не нужно различать. И капитан не нужен: стамбульский кораблик знает дорогу сам. Но капитан есть, и сквозь него видно море, огни и этот огромный, немислимый город, где они жили и умерли. Кораблик коснется земли, и протянется канат, и по мосткам сойдут их тени. Тени сядут в такси, и улетят туда, где намертво прикованы их жизни. А живые останутся на корабле, и рассыплются от горя в брызги веков по палубе, и покатаются по ней в синее море, в толщу снова забытой, снова убитой ими памяти.

Зимний визит

Он даже не пошевелился, единственный обитатель моего дома. Даже когда я подвинула его в сторону, чтобы не задеть, и когда пустила душ, он только слегка поворочался, как мы все ворочаемся во сне. Душ зашумел, запенился шампунь, а он только еле заметно покачнулся на деликатно сплетенной ниточке. Свободно свесив ажурные ножки, он висит, крохотным кружевным абажуром, над бездной набранной ванны, всецело доверившись бытию, всецело отдавшись зиме, пустоте, и ожиданию. Он, как и я, просто хочет еще немного пожить, ну, хотя бы до лета. Мы оба висим в паутине жизни, пока можем. Он — маленький, другой и спящий, и я — гигантская тяжелая тень из ниоткуда, совпали в этой точке бытия, но я могла оказаться им, а он мной. Погас свет, закрылась дверь, покачнулась паутинка. Виси, жди, живи сколько сможешь. Или хотя бы до лета.

Виктория Жукова

ПРО РИВКУ

История первая

Лиловый сумрак растекался над рекой. Над оврагом стоял вязкий и влажный туман. Он скрывал все убожество оврага; мертвые деревья были не видны, сыто поблескивал только огромный валун Молчун. Маленькие безымянные валуны намечались лишь размытыми контурами. Туман потрескивал и пованивал. Пузырьки сероводорода, которые лопались на дне небольшого болотца, по слухам обладали лечебными свойствами, как и черная, вязкая грязь, из которой они появлялись. Поэтому около Молчуна стояла грубо срубленная лавка, на которой обычно находилось несколько человек. Разговаривать не разрешалось, двигаться тоже. Так и сидели эти люди в темноте, обмазанные до пояса грязью, впитывая тепло остывающего от дневного зноя Молчуна. Все они приезжали из больших городов: из Ленинграда, и из Москвы. Шепотом передаваемый адрес, длительные сборы, тайна, которая окутывала их поездку, все это не способствовало дружбе, да и полной откровенности между собой.

Было прохладно, регулярно кто-то охая, поднимался, подходил к горячей черной луже и обмазывал себя жидкой теплой кашцей. Процедура эта длилась пятнадцать минут, тут кто-нибудь, близко всматриваясь в циферблат, говорил: «Хватит». Все вставали и шли к реке смывать грязь.

Местное начальство с этим, как оно называло, шаманством боролось. Борьба происходила регулярно. Вначале, перекрывая пение соловьев, раздавался рев мотоцикла. В деревенской тишине он был слышан за много километров. Минут через десять рев раздавался над оврагом. Потом местный участковый милиционер, вторая по значимости после председателя колхоза фигура, крича и ругаясь, предвзя каждый шаг долгим рассматриванием места, куда ступить, спускался в овраг. Когда, наконец, он добирался до скамьи, там, конечно, никого уже не было.

Борьба была неэффективной, но галочка в правлении регулярно появлялась. Все дело в том что, по слухам, сам участковый регулярно сиживал в обмазанном виде, после чего успешно женился, и уже бегал в соседнем поселке его маленький пацаненок.

Приезжих принимала старая Авдотья. Когда ее вызывали в соседнюю деревню в сельсовет и требовали отчета, она заламывала руки и кричала, что это с ее мужем воевавшие, или от них приехавшие. Война закончилась всего ничего, и выглядело это правдиво.

Грязь делала чудеса, но не сама, а с помощью Ривки, невесть как затесавшейся в этот Богом забытый колхоз. Легенды про нее ходили удивительные. Спаслась в войну она чудом, спрыгнув с товарняка и перезимовав в лесах. Там же в лесах было ей пришествие, и осенила ее благодать, даром что нехристь. Дан был ей дар лечения, и еще один дар, маленький, для души. Умела она летать. Но не ведьма она была, нет. Бабы на этом категорически настаивали. Она была фея, но такого понятия в деревне не существовало, а под жесткое определение колдуньи Ривка никак не подходила. И колхоз этот выбрала Ривка по наитию, привлекли ее сюда грязи, которые были тут исстари. Никто из местных никогда не задумывался над их сущностью, и все обходили маленькое болотце стороной.

Иногда пастух приносил в деревню туманную весть, будто видел он на рассвете пролетающую Ривку, но бабы, как ни тарачились в небо, ничего никто не замечал. Ривкины полеты происходили в основном перед приездом ее пациентов, которые, не сговариваясь, прибывали группами из 3-5 человек. И Ривка, чувствуя, что будет последующую неделю занята, оттягивалась, кружа, как птица, над лесами и полями.

Еще одна странность наблюдалась в этом колхозе. Замученные, истерзанные голодухой и войной бабы категорически не желали стареть. Конечно, каждая из них по совету Ривки посидела недельку у Молчуна. И начались в деревне необыкновенные превращения. Та же Авдотья, костлявая старуха, обрыдавшаяся над похоронкой мужа, вдруг потекла, как молодая телочка, морщины постепенно разгладились, глаза стали глубокими и яркими. В правлении поудивлялись, но по документам она оставалась той же Авдотьей, и вопрошающиеся унялись. Потом и другие бабы распрямились и помолодели, так что единственный безрукий инвалид из другой деревни, нанятый обществом пастух, забросил свою семью и плотненько поселился в Шергине, радуясь такой немыслимой удаче. Домишки тоже как будто помолодели, куры занеслись, а утки, прежде подыхавшие от какой-то неизвестной болезни, распушили перья и стали толстеть. Иногда они вставали на крыло, и в деревне делалось темно от летящей тяжелой тучи. Ривка принесла неизвестные ранее в деревне семена, и огороды лопмились от кабачков и баклажан, помидоры обламывали ветки, а огурчики засаливались бочками. Бабы вызнали у Ривки рецепты приготовления на зиму овощей, и заполняли погреба бочками и бочонками. Еще Ривка научила готовить их рыбу-фиш, и бабы стали тягать из омуточков щук. Речка была неширокая, но очень бурная, вся в валунах, оставшихся, видно, от ледникового периода. Говорили, что в ней водилась даже форель.

И вот, в эту ожившую деревню потянулись Ривкины пациенты. Вечером подвесо станции, что была в 70 километрах от деревни, подвозила пациентов прямехонько к дому Авдотьи. Дом, прежде богатый, поповский, стоял в некотором отдалении от остальных домов, на погосте. Авдотья была прислугой у вдовца-священника, дети его давно в деревне не появлялись, неясно было, живы они или сгорели в пожаре войны. И в этот дом

она селила постояльцев. Люди все попадались солидные, не свинячили, вещи не портили, водку не пили, не шумели. Авдотья даже решилась вытянуть из потайного чуланчика парадный кузнецовский сервиз на двенадцать персон, который подавала прежде только на Рождество и на Пасху. Денег Авдотье не давали, но привозили с собой большое количество еды. И сами пугались, и Авдотья могла еще месяц кормиться. Особенно много было красной и черной икры, диковинных консервов, сладостей, потом стали привозить ей мануфактуру, за особые услуги. Иногда ее очень уговаривали заколотить дом и уехать в город, сулили богатую жизнь и спокойную старость. И никому из приезжих и в голову не могло придти, что истинный возраст Авдотьи и есть глубокая старость.

Авдотья была широкая натура. Зимой, когда приезжали к ней соскучившиеся летние постояльцы, а бабы сидели по избам, и только дымок из трубы обозначал жизнь, Авдотья устраивала посиделки. Конечно не на хозяйской половине, и не из кузнецовского фарфора, а у себя во флигельке, на старых выщербленных тарелках, с самогоном и картошкой, которые всегда кто-то приносил, как приносили старый баян. И начинался пир, к картошке прилагались сегодня шпроты, завтра лосось, послезавтра белужий бок, а там и селедочка в винном соусе. Тушенка просто не сходила со стола.

Во главе стола сидела Ривка, залихватски опрокидывала одну рюмку, всегда только одну, и начинала петь. Ей почтительно подыгрывал баянист, и бабы подхватывали припев, при этом никто не понимал ни слова, о чем поет Ривка, но из почтения не спрашивали, уважая чужую тайну. После начинался общий перепляс, и к вечеру, падая в сугробы, бабы распозались. Весну встречали нынче не с сизыми, от беспросыпного голодного перепоя, лицами и пустым курятником, как раньше, а достойно выпускали во двор нетронутых кур и индюшек, доедали икру из баклажан с кашами и макаронами и вытаскивали из погребов посевную картошку, что в прежние годы было просто немислимой роскошью. По весне кровь у сытых баб особенно играла, пастух был нарасхват. И тут как-то все внимательно посмотрели на Ривку и ахнули. Ривка-то оказалась необыкновенной красавицей, за те несколько лет, что прожила она в маленькой кривостенной избушке, Ривка похорошела необычайно, ее словно фарфоровое личико сияло покоем и довольством, черные кудри, которые она прятала под маленькой шапочкой, теперь под ней не помещались и светились серебряным нимбом на солнце. Болезненная худоба исчезла, и когда топили баню, бабы щипали ее за появившуюся попу и интересовались, для кого это она так цветет. По весне Ривка возобновляла полеты, и обнаглевшие бабы выпытывали вечерами у нее, не открылся ли новый магазин на развилке, недалеко от станции, и не отправит ли она письмо на почте, которая была от них километрах в четырнадцать. Ривка только посмеивалась, что никак не утихомиривало жгучего бабьего интереса.

Начальство их не трогало, планы колхоз выполнял, с шаманством устали бороться и махнули на все это рукой, а может, кто из пациентов

отвел от них беду. Словом пятьдесят второй год был в их деревне благополучным. Радио у них давно сломалось, внешние бури их не волновали, и все было бы замечательно, не попади к ним один странный пациент. В отличие от других, молчаливых и скрытных, этот тут же заинтересовался, прописывает ли Авдотья своих постояльцев или нет, выгащил свое удостоверение, из которого следовало, что он заготовитель ягод из ближайшего городка Боровичи. Зовут его Иван Петрович Иванов, и весь он открыт для дознания любого начальства, и ничего ему не стыдно и не страшно. После длительной беседы с Авдотьей, которой он поведал, что женщины давно его не интересуют, и не менее длинной аудиенции у Ривки, Иванов долго курил на краю оврага, что-то обдумывая. Просидев положенные пять дней у Молчуна, Иванов отбыл.

Через несколько дней, в деревню прибыл участковый и, потупя глаза, сообщил Ривке, чтобы она немедленно уезжала, а то плохо придется. Взглянув внимательно на участкового, Ривка вдруг согласилась и начала собираться. К ее избушке стали подтягиваться бабы. Ривка быстро распределила хозяйство: кому кур, кому собаку, отдала грача в корзине, найденного недавно в лесу, со всеми попрощалась и заторопилась в дорогу. Милиционер завел свой мотоцикл, Ривка пристроилась сзади, и на большой скорости они выскочили из деревни. Но проехали всего ничего, у развилки навстречу выехала машина, которую каждый житель района хорошо знал. Это была райкомовская машина.

Опоздал, опоздал благодарный старлей, не удалось вывести ему Ривку с поля боя. Потом он выпутается, обернет все случайным совпадением, но веры ему больше не будет, и скоро переведут его в другую, дальнюю и захудалую деревню. Но даже и в эту, забытую людьми и начальством, деревеньку, где самым обитаемым местом было кладбище, он привнесет Шергинское благополучие и уже через год она начнет возрождаться.

Ривку же пересадили в машину, и почти под конвоем доставили на станцию, где ждал ее не менее почетный эскорт. И тут произошел конфуз, о котором еще долго судачили станционные бабы, продающие вареную картошку и семечки. Подошел поезд, бабы кинулись к вагонам, и тут в группе людей, стоящей поодаль, центром которой была ослепительная красавица, возникла суета, раздались выстрелы, и военные с белыми перекошенными лицами кинулись врассыпную, стреляя в воздух. Поезд остановился, вагоны открыть не разрешили, баб разогнали, и еще час военные бегали вдоль поезда, заглядывая во все закоулки и стреляя в любую проходящую тень. Ухитрились они ранить станционного обходчика и прострелили канистру с керосином у местного механизатора. Дамочка исчезла. Поезд пришлось отпустить, но прочесали его весь, заглядывая в ящики с углем и протыкая мешки с почтой. Потом устроили засаду в домике Ривки и у Молчуна. Закончилось это тем, что один из карауливших, болевший давно уже туберкулезом, почувствовал, что дыхание его выравнивается и кашель отпускает, а второй, с трофической язвой на ноге, на третий день,

решив перебинтовать ногу, язвы не обнаружил. Но не стали они никому рассказывать, решили сберечь это чудо для себя, и долго еще приезжали тайком, привозя своих домочадцев.

Через несколько лет круг лечившихся расширился настолько, что дома Авдотьи стало не хватать для постояльцев. Пришлось тех, кто победнее, селить в овин и на чердак. Авдотья стала брать за постой деньгами, часть из которых с поклоном отдавала в правление. А еще через год про Ривку как-то забылось, и стали поговаривать, что не иначе как умерший священник творит эти чудеса. Начали ходить к нему на могилку, деревню постепенно наполнили бабки-кликуши, потянулись инвалиды, покалеченные войной, в деревне, в которой не знали что такое замок, пошло воровство. Болотце огородили, вырыли купальню, стали приезжать автобусы с паломниками из города, пошли слухи о канонизации покойного.

Местное церковное начальство, у которого были вполне приличные отношения с районной администрацией, решило поставить все на широкую ногу; наполнили баночки и бутылочки и продавали целебную грязь в церковной лавке. Доходы пошли немалые, и однажды к Молчуну приехали военные и стали осматривать его со всех сторон. Потом вырыли огромную яму, подложили взрывчатку, раздался взрыв, от которого у Авдотьи повывлетали стекла, и Молчуна не стало. На следующий день приехали строители, привезли машину дефицитного кирпича и, переждав молебен, споро начали выкладывать стены. «Часовню строят», — разнеслось по деревне. Через месяц веселенькая часовенка ярко блестела маковкой из оврага, а через два выяснилось, что болотце высохло. Грязь растащили, появилась большая неряшливая глиняная яма, которая наполнилась по весне талой водой, и в ней завелись лягушки. Правда, размер их превосходил всякое представление о подобных особях. Церковное начальство отслужило пару молебнов, ничего не помогло, и уже на другой год намного меньше стало паломников, только несколько бабок-кликуш еще несколько лет преданно ждали чуда, никуда не выезжая из деревни, потом и они пропали.

Александр Бабушкин

ПРОСПЕКТ ЭНТУЗИАСТОВ

Рассказы

С КЕМ МНЕ?

— Мам. Да не выметай ты иголки. Все равно нападает... Задираю голову. Ели колоссальные. Мачтовые. Сколько им? Век? Века? Токсовское кладбище огромно и несуразно. Вкривь и вкось по холмам еловым. С могилой Евгения Беляева, олимпийского чемпиона по лыжам, у центрального входа. Входа? Узкая тропка меж геометрического беспредела. И центральный... У каждого здесь свой центральный вход. Для кого от платформы Кавголово через горки и тропки; для кого от платформы Токсово... Кому от горы, через кирху лютеранскую восстановленную (в ее корпусе клуб был при советах, мама на танцы бегала...), вдоль построенного каким-то мудаком от местной власти многоквартирного дома у самой границы кладбища — памятник идиотизму. И ведь кому-то теперь каждый божий день глядя в окно будет чем сердце успокоить — «Этюды оптимизма»...

— Мам. Да хватит уже. И так чисто было...

Она не слушает. Это я неизвестно куда пришел. Гость здесь. А она к маме пришла. Значит... к себе домой. И прибирается — как у себя дома. Ая...

Мама уже очень много лет тому наказала, как отрезала: меня здесь. Отец (дед мой) где-то под Киевом (в 41-ом погиб). Так что разлучены. Маме только с мамой. Одной.

Жена ходит к своим. На новое Кузьмолдовское. Теща с тестем там. Голый песок. Аккуратные могильные камни ровными рядами — как в американских фильмах. Прямо через дорогу для миллионеров отгрохан коттеджный город «Небо». Давно хотел на трассе поставить указатель «С неба на землю». Жаль, денег нет...

Я всегда мечтал, чтоб все вместе. И детям потом проще. Да внуки уже выросли. Они счастливые. Живую прабабушку видят. Дай Бог, чтоб запомнили. У меня ничего этого не было.

Здесь никогда не будет правильного решения. Только разорваться. И что-то главное разорвать. У жены свои могилы. От Питера до Донбасса. У меня только мама. А у мамы — только её мама.

Куда мне?

С кем?

«ВАШ МАГНИТОФОН»

В конце 70-х я ждал этого мгновения так, как, наверное, не ждет ортодоксальный мусульманин встречи с Черным камнем Каабы. Каждую субботу в 23.15 я как штык уже сидел у радиоприемника. Это была передача ленинградского радио «Ваш магнитофон». Нет, не сама передача меня так будоражила. Хотя мало где (кроме перебиваемых глушилками вражеских голосов) можно было услышать хоть что-то из Западной музыки. Я ждал заставки. Ждал грудных виолончельных переборов, ждал мелодии, от которой цепенел. Что это? Кто играл? Странно, но я даже не задавался вопросами. Просто ждал встречи с непостижимым.

Через уйму лет в 90-ом, будучи глубоко и безнадежно женатым, я попал под паровой каток. Влюбленность. Убийственная. Парализующая. Притом, что я любил свою жену губельно. На каком-то клеточном уровне. Это уже и не любовь была, а обмен веществ. И тут... Sturm und Drang. На охоту вышла амазонка. Разведенная. С маленькой дочкой. Филфак.

Уроки французского... Что тут объяснить?

У отчаянья нет союзников. И советчиков нет. Человек гибнет одиноко. Именно тогда (нет, не в первый раз, но сокрушительно однозначно) прибило прозрением — любовь это смерть. Нет в любви никакого триумфа «я». Есть губель этого трепыхающегося «я». Его сокрушительное поражение от силы, которую так пронзительно понял Шопенгауэр. Когда воля парализована смертельной лихорадкой вселенского представления. Когда всё рациональное в человеке буквально кричит об опасности, а всё метафизическое бредит самоубийством.

Потом, через месяцы комы, хлынут стихи. Каких раньше не было. Это будет очень короткий и грустный период (с 1991 по 94 год) практически стоической отстраненности и отрешенности от всего. Какой-то философско-поэтический постфактум. Прощание это будет. Со сказкой. После которого — ни строчки за 17 лет.

А в 90-ом, в самом эпицентре этой трясины меня держала та далекая мелодия из «Вашего магнитофона». Я крутил и крутил её в голове.

В начале нулевых что-то кольнуло. Словно летаргический сон преврался. Буквально за год до смерти отчима вдруг (и это через четверть-то

века!) решил у него, всезнающего, спросить, что это за мелодия? Он попросил хоть как-то изобразить. Наверное, это было чудовищно. Но прошитое тоской безголосое и, напроць лишённое слуха, существо выдавило то, на что отчим, грустно и мудро прищурившись, молниеносно выдал слова-заклинания.

Как же я бежал в музыкальный салон на Малой Морской. Я протянул трясущимися руками листок с магическими символами с такой мольбой в глазах, что благороднейшей красоты музыкальная дама, сверкнув бесовскими искорками, едва не утопила меня ответными токами... Каблучки постучали вдоль рядов стеллажей, и через считанные мгновения я держал в руках квадратик компакт-диска.

Откуда она могла знать? Сейчас в моей коллекции все мыслимые и немислимые варианты исполнения этой вещи. Но мне был дан... нет, даже не аутентичный, звучащий в «Вашем магнитофоне». Мне было дано больше. Голос. Все эти долгие-долгие годы, накрываемый грудным виолончельным, я искал именно этот Голос.

Villa Lobos: Bachianas Brasileiras n.5. ARIA — Anna Moffo

Голос далекого неотпускающего прошлого.

Слёзы мальчишки.

JARVINEN

В конце 80-х мы часто сталкивались с ней на пригородной платформе в ожидании электрички на Ленинград. Она была чуть старше. Мы не дружили. Но общее лыжное прошлое давало пищу для незамысловатых разговоров. Я преподавал в институте. Она... раз за разом делилась своими мечтами свалив из Совка. От безнадёги. Собственно ради этого и пошла в «Интурист». Когда узнал, что уже в Суоми — воспринял как само собой разумеющееся.

В 90-е ее приезды домой были сродни явлению Санта-Клауса в колымскую зону. Но уже тогда это её сверху-вниз перебивалось такими нашими уголовными и бандитскими откровениями, что... Впрочем, люди свои. Посмеялись и обнялись. А в нулевые русские полетели так, что Финляндия тихо сжалась при виде пролетающих косяками «поршей» с северо-западными российскими номерами. Страна тысячи озер иначе, чем экологическим огородом-пригородом Питера и не воспринималась. Да кишки еще евросоюзовские. Но это так — культмассовая забава.

Пять лет назад в 46... вдруг решила родить четвёртого. С нашего берега виделось это крепким подтверждением веры в себя, семью и скандинавскую социалку. Социалка тамошняя — это да.

За последние годы пересеклись пару-тройку раз. На похоронах... (куда она заявила в ситцевом сарафане и высоких расшитых казаках — мода лихих девчонок середины нулевых) да на паре праздников у близких друзей. Что-то меня все эти годы после ее отъезда задевало. Снисходительное высокомерие её? Может быть. Ловил себя на мысли: вроде и знаешь ты нашу жизнь — и не знаешь совсем.

Только сейчас я начинаю понимать — это грустная примета жизни нашего поколения. Неизбежное сравнение судеб оставшихся и уехавших. Детское в этом что-то. Идиотское. Все хотят счастья. И кому оно там за светило, ни в чем перед нами не виноваты. Особенно когда знаешь цену.

А 1 января 2015-го её не стало. Не выдержала страшного инсульта. И хваленая чухонская медицина не спасла. Собиралась на лыжах — трасса прямо у дома. А вышло...

В 70-е в лыжной секции предметом гордости были деревянные финские Jagvnen. Доставались исключительно мастерам. Еще многие годы спустя, когда встречал на пригородных платформах пожилых лыжников с Jagvnen — долго смотрел им вслед. Хорошие были лыжи.

Беги, девочка.

Мы догоним.

DELETE

- умер
- как умер?
- просто умер
- от чего?
- просто умер и всё
- а что осталось?
- ничего не осталось
- может сообщить кому?
- да некому сообщать
- а кто умер-то?
- никто
- тогда и сообщать нечего.

ПРОЗА ЖИЗНИ

По большому счету писание проз — издевательство над собой. Вот именно проз, или как там называется то, что...

Стихи? Тут иное. Строчка прицепится и... Да все читали нобелевку Бродского. Именно так. А про не так — Пастернак Шаламову всё сказал. Исчерпывающе.

Стихи — короткое замыкание. Где ударило — там и хватайся за все, чем успеешь записать и на чем успеешь. А не успел — до следующего раза. Если случится.

А прозы...? Ну это онанизм. Ни дня без строчки — чистой воды мазохизм и мозговредительство. И не надо начинать про дисциплину ума. А уж все эти рулады про стиль, язык и прочие отточности форм... Не, не то. Хоть и выпит залпом Казаков. И куда уж круче? Да, можно и в юродствующем панке планку на небо закинуть. Веня Ерофеев поднял — выше нельзя. Розанов потому что выше. Но это уже дьявольские штучки Бога. Иные миры.

А ушибленному стихами? У него и прозы — недоразумения. Это — ток пошел, а муза на толчке. Вот и забилась рука в конвульсиях писчебумажных. Нацарапалась жизнь. А кому она нужна? Каждому — со своей бы разобраться.

А чужая — шла бы лесом.

Язык — он же меток. Все банальное — проза жизни.

А на небо смотрим.

С грустью.

ПАУК

Вся подтянутая.

Спина — хоть линейку прикладывай. Каблуки — шпильки. Уххх. Но мы ее не любили. Зося. Наша классная. 81-ый. Весна. О чем думается? Да о чем угодно, только не об уроках. В девятом-то классе. А тут:

— ... и вы не можете не согласиться, что добрым и хорошим кроме всего, о чем я сказала раньше, быть еще и выгодно.

Верила ли сама? Хреново ей было. Вялотекущий антисемитизм не одну судьбу сломал. Зосей звали болонку ее сестры. Почему на нее перекинулось — уже и не вспомню. Зато слова о рационализме добра запали. И всю жизнь мучают. Что-то поганое в них. Какая-то неуловимая липкая зараза. ...

По окончании Универа часто к ней заходил. Делился впечатлениями первого опыта преподавания. Ну и тщеславие. У нее школа, у меня ВУЗ. Но этого, мучившего меня вопроса, не касались. И не успели. Умерла она страшно. И одиноко. Что-то тогда дернулось в душе, и довел я ее классы до выпуска. Хоть и не был историком. Да вначале 90-х и пофиг всем было. Преподавай что хочешь. Я и оторвался. О самом сокровенном да с 9-10-тиклассниками. Пожалел на всю жизнь. Бензин да в костер.

Как же меня раньше трясло от ее прямолинейности. С порога в лицо входящему могла такую правду-матку зарядить. Да и за столом праздничным — сколько раз. Любому гостю — такую шпильку. Вот что думает, то и... И тишина. И оглушительно кто-нибудь вилок о тарелку. Сколько раз я мысленно залезал под стол. Сколько раз сквозь землю готов был провалиться. От стыда.

Мама.

Сейчас чай гоняем-курим-смеемся. Над глупостью моей.

Когда теща умерла, представить не мог — как мы все соберемся, что говорить-то будем. Сложным была человеком. Трудным. Сказать, что я ее не любил — ничего не сказать. Но столько лет вместе. А когда на поминках повисла пауза, и надо было срочно первым тостом как-то все это напряженное снимать, вдруг не выдержал и выпалил всё, что долгие эти годы думал:

— А ведь я ей завидовать должен. Да и завидовал. Она прожила жизнь так, как хотела — ни у кого не спрашивая разрешения. И говорила то, что думала. А думала прямо и ясно. Не было в ее жизни двойного дна. И если кто-то из нас за что-то мог ее не любить, ему не надо было это что-то искать. Она ничего не прятала. И это тот урок, который мне еще предстоит усвоить. Если потяну.

— Ты меня любишь? Ну скажи... И всю жизнь молчу. Как партизан на допросе. Выдавить из себя не могу. Всегда казалось и кажется до сих пор: скажу — рухнет всё. А вокруг льется и льется. «Я тебя люблю». Миллиардноголосо. Господи. Кто б еще знал, что это такое. ...

Зато как крепка веревка, связывающая двоих. Где один — смертельно зависим. Гвозди из него делать. На полосы резать.

Он примет. Всё.

А любовь?

Когда научный руководитель в Универе прочел тему диссертации, которую я сам себе придумал — надо было видеть его глаза. Если б я сейчас такую у кого-то обнаружил, у меня б скулы от смеха свело. «Смысл любви в философии XIX-XX вв.». Вот и собрал он, копаясь в моей писанине, все подьёбки на сей амурный счет: от Шопенгауэра, Кькркегора и Ницше, до Вейнингера, Соловьева и Розанова. В конце лечить нас нужно было обоим. Он как-то мудро вырулил. Соскочил. Я ж пер аки танк — и повалился. А потом за три года повалил все свои группы в институте. Шесть семестров шизанутой гештальт-терапии и параноидальной интеллектуальной камасутры. На неокрепшие студенческие мозги. Бедные дети. Простите вы меня.

Наверное, хамство — во спасение. В нулевые репутация безбашенного переговорщика кормила исправно. Тут не было смелости. Только усталость от тотальной менеджерской дрессуры и повального прогиба перед сильными мира. Нет, ногой двери не открывал. Но со старта лепил генеральным, топам и собственникам такую бронепробивную правду, что замы и пехота валили из кабинетов. А всё прокатывало. Хищники любят острое. Если не блефуешь. Я не блефовал. И это работало.

Жаль поздно понял...

Одна из любимых тем лекций в институте — мораль. Наверное, я издевался. Над собой. Студенты — просто попадали под раздачу. Крошка сын к отцу пришел и спросила кроха... А вот муж из командировки... И — тут из маминной из спальни кривоногий и хромой... И все смеются. Всем весело.

Всем не страшно. Еще....

Тук-тук. Это паук. Нет, это не вибрация ниточек паутины, в которую я попал. Это я паук. Это я ловлю вибрацию тех далеких слов про выгодное добро.

ОКНО ВОЗМОЖНОСТЕЙ

... сижу-курю на кухне. А в голове: иду я как бы бутылки сдавать, а тут «мерин» со свистом тормозит шыстисотый и из него типа «как проехать?» — и вдруг искра!... там детали какие-то (лень додумывать), и ...открывается ОКНО возможностей, меня издают стотыщмилльённым тиражом (понятно дело — слава там до неба, розы охапками, денег — оффффшоры лопаются, залы полные) — а я всё черней и черней — и бац, на ремне в замке хранцузскам вешаюсь. А все — он был такой одинокий и бля глубокий, а мы, суки, не разглядели и думали, что он блатной.... И артхаусные литературные иЗследыватели ну давай иЗследывать мой творческой почирк — а я значит такой на небе и мне....? А вот тут уже не придумывается...

эххххх, Саня. помыл бы лучше посуду.

КОНЕЧНАЯ

А надо ли...?

Генис (зараза) прибил своим «Иваном Петровичем».*

Пока поэты 30 лет по каше из себя Бродского выдавливали, прозаики 70 лет литрами выжимали из себя Розанова. А что толку? Листьями опавшими** на 5 поколений вперед всё устлано. С Веней не поспоришь.***

Так надо ли?

И что?
Строить автобиографию**** в удобоваримых текстоидах размером с абзац? Большой объем пророчеством
Брэдбери***** противопоказан.
Онлайн рефлексия накрыла сетевое человечество.
Все дробят на клавиши. Реальный секс в перерывах. Кратких.
Жизнь в перерывах...
Почти полвека назад Владимир Солоухин писал про ледяные вершины человечества.*****
Сюда б его. В нонче.
Вот сюжет.
Столетия писатели крапали до слепоты.
Теперь всё оставшееся время человечество на свой произвольный манер это будет в онлайн заново пересказывать. Когда на нас нападут гуманоиды, они просто хакнут сети, и у мира крыша съедет сама.

*Александр Генис «Иван Петрович умер»

** Василий Розанов «Опавшие листья»

*** Венедикт Ерофеев «Василий Розанов глазами эксцентрика»

**** Филипп Лежён «В защиту автобиографии»

***** Рэй Брэдбери «451 градус по Фаренгейту»

***** Владимир Солоухин «Ледяные вершины человечества»

ПОДВОДНАЯ ЛОДКА

Вдоха нет.
Был выдох. И давно был.
А вдохнуть никак.
И черно в голове после глаз расклеившихся.
Пульсирующая действительность страшной сонно-бредового кошмара на мокрой от вонючего пота подушке.
«Скорей!».
Рука шарит на полу у дивана.
«Не дай бог!»...
«Ну слава те!..., на месте».
Надо перевалиться на бок и отвинтить крышку. Три огромных глотка с полным напряжением нёба (контррвотное) и навзничь на несколько минут.
Горячая волна пошла к желудку — пар полетел в мозг. И ужас фрагмент за фрагментом растворяется в дурманящем мареве.
Такие минуты надо ловить не думая. Коротки и драгоценны они. Тень-человек выплывает в действительность кухни. Первая затяжка сига-

ретой — вершина прихода. Где уж вам, звездам южных ночей... И оргазм отдыхает. Кто летал — знает. Теперь можно и из стакана. Финальные 200. Остается буквально одна-две минуты. На несколько быстрых и глубоких затяжек.

Накрывает стремительно. И авральное погружение в берлогу-комнату — уже почти на ощупь. Чтоб провалится в сокрушительную пустоту героинового беспамьяства.

«Я люблю тебя, жизнь, и надеюсь, что это взаимно».

НЕВИДИМКА

От избы до погоста и рукой подавать не надо. Вон на пригорке. За огородами. Всегда на глазах, как на горизонт смотришь. А значит и в голове спокойно. Так есть. Всегда. Как снег зимой и трава летом. Одно приходит. Другое уступает. Срок вышел, значит. У соседских из девяти трое лишь поднялись. Шесть рядком лежат. Отсель видать. Трое бегают. Слышно далеко. А у нас теленок вот. Да у коровы молока не стало — и зарезали. Лишний рот. Теленок сам и помер. С чего жить-то. А картошка не удалась (мелкая как ягода), и в зиму чуть зубы на полку не положили всей деревней. И так все вокруг прибывает и убывает. На глазах. Не спрячешь. Просто и обыденно. Как рождение и смерть — ни близко, ни далеко.

Всюду. Порядок. Как положено.

А как в город перебрались — и встало все с ног на голову. Дверей больше, чем людей. А люди все чужие. Что откуда берется — загадка. Деньги всё. А за что дают — тайна. Все куда-то бегут, на часы смотрят. А время не идет. Стоит большое. Безвременье. Была соседка-старушка. А уже и нет. Третьего дня как. И то чудо, что сказали. Похода на лестнице. Отошла. Вот и свезли куда-то. Детям банку дали. Пепел. Они и не знают, что с ней делать. Так и сами уйдем — никто не заметит. Как в яму крошечную. И ладно бы пропадем. Не от того сердце болит. А что украдкой. Как нечисть какая. А от мира этого и не убудет. Вон он какой большой, мир-то городской. И не заметит.

ПАРАД ПЛАНЕТ

Какой-то шорох...

Веки расклеились. В проеме дверном белый халат растворился. Ах, да... На стуле у изголовья миниатюрный пластиковый контейнер с разноцветными таблетками. Значит через час капельница. А сейчас. Сейчас должен нарисоваться Толик. Точно. Долговязая фигура тут как тут.

Алики и нарики лежат вместе. Не, палаты разные, но отделение общее. Алики-неофиты в перманентной депрессии. Ветераны — в астрале. А вот нарики (кто не в трубе) — ртуть.

Вот и Толик. Клювом не щелкает.

Вопросов нет. Кто в медицине не играет — сам отдаёт Толику таблетки. Как он в них разбирается? Но через 20 минут уже в дзене. Блаженный. Все дети — святые. Хотя сорокет Толику точно натикал. Живучий. Редкий для них возраст... Значит опытный. Волк. Стаи быстро гаснут. Выживают только одиночки.

Ну поехали. Надо до капельницы успеть. Тромбозные стопы на ощупь инсталлируются в пляжные «адидасы», суставы хрумят, и тень-человек зашаркала в курилку.

Адреса службы «с того света» могут быть любыми. Как и упаковка (от бомжатника до пяти звезд). А вот ведро для хабцов в курилке — неизменно. Даже в люксовых «Кораблях». И доступ в курилку круглосуточный. Спасение душ и борьба за здоровье — разные вещи. Мне всегда по душе были лишь военврачи, спортивные и наркологи. Эти из реальной жизни.

Вот и Нина. Нине, навскидку, 35. Красоты губительной. Глаза — озёра. Но не синие. Такой медсанбАД чёрный... Сутки ни на минуту не отходила. Пока откачивали. Морду потную тряпочкой влажной вытирала. Истерику сопливую заговаривала — ворожеи отдыхают. А как оклемался — в миг подобралась и тихая. Как будто и не было утешительного оргазма. Всю б жизнь оставшуюся ладонь её на черепе лысом чувствовать, с ложечки, с рук её пить, в глазах её молящих зареванных тонуть.

Сейчас мышкой сидит, смолит тоненькую модную сигарку. Взглядами-приветами перекинулись — и то ладно. Слова все ... уже были. Настоящие. А пустые ни к чему.

Нина по алкашке. Из театральных... Дурь не признает. Снов-то и миражей профессиональных хватает. С теми, кто по дури — разве поговорить? Зомби. А пьяному ведь именно поговорить. Надо. Когда выписывалась, телефонами обменялись. Господи, сколько этих номеров за последние 20 лет? Было. И ни один... И я никому. Но ритуал. Трогательный и неизменный. Мы с тобой одной крови.

Уползаю в палату. Три туловища на соседних койках в ауте. Одинаковые треники с пузырями на коленках. Что у Витьки — крановщика, что у Антона — топменеджера айгишной конторы, что у Сёмы — валютного кидальца. У беды один дресс-код. И батареи бутылок с минералкой. На тумбочке у каждого. А вот курево попрянуто. Нарики тырят...

Эх, не довелось красиво. Вспомнил Серегу, дизайнера. Герыч он в Голландии поймал. А спасался на берегу Индийского. Коктейлями гасил. Как начинал рассказывать про крылья до горизонга... «Страх и ненависть в Лас-Вегасе».

Соскочил. Сейчас только по грибы иногда. Ну или косячок под вискарь. Баловство. У него даже кореша по этому делу еще с 90-х до сих пор живы. Одна пара семейная. Выжила. Три квартиры питерских сторчали. Сейчас на Ладоге последнюю, четвертую добивают. В сарае каком-то. Из номенклатурных, видать. Столько хат сторчать, и живые! У нас. Это «роллингов» вся штатовская медицина вытягивает. Он какие профессионально засушенные. Пни старые.

А эти сами. Химфаки — ясли в сравнении с их опытом.

Сколько раз поражался. Даже у аптеки, когда дозывает, мои местные химики, настреляв мелочи, из грошовой фармакологии блицприход на щелчокварганят. Рррраз — и в зрачках точки. И тогда лучше валить. Такая волчара уже о серьезном приходе думает. И такой мозг опасен.

А алики безобидные. В шалмане, что у моей парадной, стаканами не закидываются. Пьянство — тяжелый труд. Сидят сутками — в шашки гоняют — на дне пластиковых стаканчиков дежурные полтинники. Марафонцы. Вон, бывшему тренеру по лыжам уже к 70-ти. Серьёзно. Мои сверстники, которым сейчас полтинник, хуже выглядят... Старая гвардия.

Лежу. Глаза в потолок. Когда ко мне приедут? Вода на исходе. И курева — пара пачек. И кто в этот раз? Только бы доча старшая. Жена? Нет. Только не в эти дни. Потом. Может быть... Когда выкарабкаюсь. С долгами разгребусь. А сейчас — железный занавес. Доча — другое дело. На SOS — она сразу. Зажмурившись в любую яму. И слов ей не надо. Во всё влёт врубается. Опыт. Это сейчас, когда внучка во второй класс пошла, внук заговорил — остыла... Красавица. А когда-то... Вспоминать страшно. Папаня алкаш гибельный, и доча в космосе. Дитя 80-х. Ларьки, общаги, рок-н-ролл. Слава Богу, проскочила. Да и зять не промах, с Серёв. В обнимку и вырвались.

Хорошо бы, доча приехала...

Который уже раз ловлю себя на мысли: мне только здесь хорошо. Только здесь все понты слетают как перхоть.

И все равны. Кружком сидящие у этого ведра, в котором хабцы «Собрания» и «Примы» братья друг дружке на заплеванном дне.

ПРОСПЕКТ ЭНТУЗИАСТОВ

— Нет. Так дело не пойдёт.

Январь 87-го. Профессор ЛГУ смотрит на меня с грустью. Причина грусти в его руках — стопка листов, пафосное и пугающе верхоглядное дацзыбао вместо того, что ведущий специалист страны по истории экономики 20-х годов СССР мог бы счесть за дипломную работу своего ученика.

— Придется вам, молодой человек, почитать источники в другом месте. Идите-ка в Спецхран Публичной библиотеки. Просто так вас туда не пустят. Ну да я напишу письмо. С ним всё устроится.

Я переписывал диплом 7 раз. К лету в спецхране за своего меня приняла даже вековая пыль на стеллажах. На защите я уснул стоя во время выступления (за 5 дней до неё я не сомкнул глаз — переписывал, чтоб профессор допустил к защите). А после... Он подошел ко мне в коридоре и тихим голосом произнёс:

— В нашей стране всего два специалиста по это теме.

— А кто второй?

Кроме него я стоящих специалистов не знал.

— Второй я. А первый... вы.

Журнальный зал Русского фонда спецхрана Публичной библиотеки сыграл злую шутку. Те экономисты 20-х были еще и философами. С Сергея Булгакова и начался мой переход сначала к отцу Сергию Булгакову и русским философам богословам. А там... и расставание с историей экономических учений, уход на философский факультет, а затем и...

Разрыв между читаемым и видимым. Пугающий. Это изводило. продолжает изводить.

Как и всякий человек, у которого руки растут из известного места, я боготворю всё сделанное руками. И всех, кто умеет руками создавать предметный мир. Но еще больше тех, кто всё это придумывает. Я преподавал философию в институте, в котором готовили специалистов по ядерным реакторам, и где любая теория не стоила и гроша ломаного, если за ней не стояло священное «Заработало!» А вот у меня не работало. И разрыв между читаемым словом и реальностью становился катастрофическим.

В конце 80-х хлынул поток ранее запрещенной литературы. Захлебнулись все. Истосковались. Заждались. Пока материалисты претворяли в жизнь «куй железо, пока Горбачев», идеалисты глотали чтиво тоннами. К середине 90-х навалилась пугающая пустота. Выговорился век. А прокуренный, отравленный «Роялем» мозг пух от раздражения. Не то. Вокруг бурлила жизнь. Ларёчная, бандитская, угарная, распальцованная. Смерть стала обыденностью. И физическая, и профессиональная. Но самое грустное — в океане литературы по-прежнему не было правды.

В начале нулевых судьба занесла в издательский холдинг «ОЛМА-Пресс». Жизнь богата на фокусы. Своё назначение на должность завреда отдела художественной литературы я и сейчас вспоминаю как дурной анекдот. Думаю, я внес колоссальный вклад в отечественную словесность тем, что свалил с этого пьедестала через полгода. Другое дело — открывшееся полотно. Батальное и фатальное. Во что превращается пишущий человек на крючке у издательского монстра... Тут даже галереи образов Брейгеля и Босха — весёлые картинки.

Ребенком я смотрел на маму, как на Бога. Как на богов я смотрел на врачей, что вытаскивали меня с того света в 7 лет. Потом на первых школьных учителей, на всех взрослых, кто звался инженером, офицером, капитаном... Но выше всех в моем детском и юношеском сознании стояли писатели. Пантеон богов. Потом этот ряд пополнили ученые. Потом философы. Потом...

А потом случился обвал. Для человека, выбравшего своей профессией слово — убийственный.

Из-за открывшейся лжи, пугающей всезаполняющей серости я ушел из института. Из-за расплзающегося словно опухоль офисного фашизма ушел из трех мега-холдингов, пары гипер-издательств и трех топовых коммуникационных агентств. Но это мелочь в сравнении с навалившимся на пятнадцать лет отвращением к литературе. Любой. Это началось в середине 90-х и растянулось на все нулевые.

Я остался этим маленьким мальчиком, верящим в то, что нужно хорошо учиться, а потом много и долго работать и который всегда помнит, что даже это — лишь на кусок хлеба и право не опускать глаза в пол, когда этот кусок берешь. А вот те, кто творит СЛОВО, кому верят — они за горизонтом. Этот мальчик, этот лысый дед с артрозными и варикозными ногами и перебитым позвоночником, обманут. Его изданная за океаном пи-

санина — ничтожное подобие той великой литературы, в которую он верил. По ночам, долгим грустным ночам, он царапает на бумаге простым карандашом свои ошеломительные в своей наивности антилитературные «откровения» и ловит в сети такие же антилитературные прорывы своих ушибленных временем ровесников — физиков, химиков, врачей, военных, инженеров, ментов... Это похоронный марш энтузиастов. Когда мир встал с ног на голову, к слову пришли те, кто устал читать ложь. И случилось страшное. Стало много правды. Стало мало литературы. Я не рад, а глубоко несчастен от того, что убогим своим языком люди совсем иных профессий и призваний эту правду «литературно» несут. Мы живем в страшном мире. В нём корпорациями рулят наркоманы и бандиты, политикой — артисты и гипнотизеры, глобус на крючке у садистов-сайентологов, которых облизывают бляди и извращенцы всех мастей, а ячейки этой всепроникающей матрицы — этажи офисных муравьев-зомби. Философы подались в рекламу. Филологи и искусствоведы молятся на стопятую ипостась дадаизма. А освоившие техники мимикрии писатели стоят в очередях за премиями и грантами вдоль пищеварительного тракта коммуникационных гомункулов-гигантов. А слово? За смысл, за слово взялись те, кого матрица вышвырнула из профессии. И да, это похоронный марш энтузиастов, дилетантов, детей. Всех, кого обманула литература. Грустный марш против тех, кто воздвиг памятник эстетике пустоты.

Ян Пробштейн

ПРЕКРАСНОЕ ПЛЕНЯЕТ НАВСЕГДА

Джон Китс (1795-1821)

Предисловие и перевод Яна Пробштейна

Строки, вынесенные в заглавие, — начало столь гонимой критиками при его жизни поэмы «Эндимион», — будут вечно пленять. Отрывок из якобы незрелой поэмы «Эндимион» в переводе Бориса Пастернака дает представление и о замечательном этом произведении, и о тонком складе природы самого поэта:

Прекрасное пленяет навсегда
К нему не остываешь. Никогда
Не впасть ему в ничтожество. Все снова
Нас будет влечь к испытанному крову
С готовым ложе и здоровым сном.
И мы затем цветы в гирлянды вьем,
Чтоб привязаться больше к чернозему
Наперекор томленью и надлому
Высоких душ. унынью вопреки
И дикости, загнавшей в тупики
Исканья наши. Да, назло пороку
Луч красоты в одно мгновенье ока
Сгоняет с сердца тучи. Таковы
Луна и солнце, шелесты листвы,
Гурты овечьи, таковы нарциссы
В густой траве, так под прикрытьем мыса
Ручьи защиты ищут от жары.
И точно так рассыпаны дары
Лесной гвоздики на лесной поляне.
И таковы великие преданья
О славных мертвых первых дней земли,
Чтоб мы детьми слыхали иль прочли.

С годами все сильнее завораживает обаяние поэзии того, «чье имя начертали на воде» (единственная строка эпитафии: «Здесь лежит тот, чье имя начертали на воде», написанной им самим, которую Китс попросил выбить на собственном надгробье). В дом Китса, ныне музей Китса-Шелли на Пьяцца ди Спанья в Риме, и на могилу поэта на римском протестантском кладбище стекаются паломники, очарованные его поэзией.

Поэтическим мотивом Китса является «прекрасное, в котором заключена истина, истина, в которой явлена красота», как сказано в предпоследней строке «Оды греческой вазе». «Нет ничего, во что бы я верил больше, чем в святость сердечных привязанностей и истинность воображения. Красота, созданная воображением, не может не быть истиной, не важно, существовала она до того или нет, ибо все наши порывы, думается мне, сродни любви: все они в своих высших проявлениях творят первозданную красоту», — писал он в 1817 г. своему другу Бейли. Красота покоряет пространство и время, так в сонете «По случаю первого чтения Гомера в переводе Чапмена» поэт сравнивает свое потрясение и эстетическое наслаждение от чтения стихов Гомера с чувством, которое испытал Кортес, когда увидев безмерность океана, представил себе просторы неоткрытых земель нового мира.

В отличие от Вордсворта, Кольриджа и Шелли, Китс не писал статей о литературе, но мысли, высказанные им в письмах, настолько оригинальны и глубоки, что Элиот и другие поэты и исследователи литературы относят их к лучшим образцам английской эстетической мысли. Уже к 1818 году, не без влияния романтика старшего поколения, критика и эссеиста Уильяма Хэзлитта, в свою очередь опиравшегося на эстетику Вордсворта и Кольриджа, у Китса, который прилежно посещал лекции Хэзлитта, складывается стройная система взглядов на поэзию. Так же, как Уильям Блейк и Кольридж, животворной силой он считал воображение. Вслед за Шелли он преклонялся перед мощью Духовной красоты, но в отличие от Шелли, не доверял игре ума, ставя превыше его искренность и непосредственность чувств. Китс писал Рейнольдсу, что «поэзия должна быть высокой и ненавязчивой, такой, чтобы проникая в душу, потрясала или изумляла не своими приемами, а внутренней сутью. Как прекрасны притаившиеся цветы! Как поблекла бы их красота, столпись они на оживленной дороге с криками: «Восхищайтесь мною, я фиалка! Боготворите меня, я первоцвет». Довольно быстро охладев к политической борьбе, столь увлекавшей его старшего друга и покровителя, редактора «Экземинера» Ли Ханта, Китс полагал, что высокое искусство должно быть освобождено от «временных одежд», оно определяется красотой, а не выраженными в нем идеями, поэтому он советовал Шелли «умерить свое великодушие и быть больше художником». В письме к издателю своей второй книги Тейлору, Китс изложил свое понимание поэзии: *«Поэзия... должна удивлять не своей необычностью, но чудесными крайностями. Пусть у читателя захватит дух, словно в ней открылись ему его собственные благородные порывы, пусть она прозвучит для него отголоском былого»*. Он выдвинул идею «негативной способности», то есть способности «находить во власти колебаний, фантазий, сомнений, не имея привычки назойливо докапываться до реальности и здравого смысла. К примеру, Кольридж, не желая довольствоваться полужнанием, сведет все к прекрасной самой по себе правдоподобной зарисовке, извлеченной из бездны Таинств. ... У настоящего Поэта чувство Красоты затмевает все прочие

помыслы, вернее отмечает их». (Выделено мной — Я.П.) Высшим же проявлением этой способности Китс считал творчество Шекспира. В связи с этим Китс выдвинул идею отказа от толкования смысла художественного произведения, определив это как «негативная способность», пояснив: «Я имею в виду находиться во власти колебаний, фантазии, сомнений, не имея привычки назойливо докапываться до реальности и здравого смысла». [1]

В поисках совершенства, он обращается к античности. Хотя Китс и не получил классического образования, как Кольридж и Шелли, однако благодаря своему школьному учителю Чарльзу Кларку, он с юности был заворочен античностью, в которой для него и была заключена «красота, воплощенная в истине, а истина — в красоте». «Рожденная мелодия нежна, а нерожденные стократ нежней», — говорит Китс во второй строфе «Оды греческой вазе». «Посему побеждая тленье, пролейте, флейты, неслышные мелодии свои не для чувственного брэнного слуха, а для духа». Описывая фигуры, запечатленные на холодном мраморе греческой вазы, Китс размышляет о том, что хотя юным возлюбленным, стремящимся друг к другу, и не дано слиться в поцелуе, но зато они останутся вечно влюбленными и прекрасными.

Холодная недвижность прекрасной вазы, прославляющей иных богов и другие времена, сродни головокружительным, лишающим рассудка мыслям о холодной пасторали вечности. И все же прекрасная ваза не перестанет дарить утешение смертным в их страданиях, когда на смену одним поколениям придут другие. В утешении — «красота есть истина, а истина — красота» — «вся земная мудрость и все, что нужно знать». Так преодолевается брэнность человеческого бытия. В другой своей великой оде — «К соловью» обращаясь к образу бессмертной птицы, Китс говорит, что той же песне, которую он слышит нынешней ночью, в древности внимали император и его шут, а возможно, и библейская Руфь. Китс называет соловья «лесной дриадой», тем самым утверждая идею божественного происхождения и бессмертия искусства. Борхес в эссе «Соловей Джона Китса» заметил: «Китс, скорее всего неспособный объяснить слово ‘архетип’ за четверть века предвосхитил тезис Шопенгауэра». Эти образы и мысли Китса вдохновили многих поэтов. Стихи «Византия» и «Плавание в Византию» великого современного ирландского поэта Уильяма Батлера Йейтса посвящены той же теме и отчасти навеяны двумя великими одами Китса.

Джон Китс (1795 — 1821)

Кузнечик и сверчок

Поэзия земли не знает тлена:
Когда в истоме знойной смолкнут птицы,
В тени деревьев поспешив укрыться,
Над лугом свежескошенным мгновенно

Кузнечик песнь заводит вдохновенно,
Восторгом лета он спешит упиться,
Он рад всему — устанет петь, блаженно
Разнежась, на травинке затаится.
Поэзия земли всегда живет:
Когда зима морозной немотой
Обступит ночь, трещит сверчок запечный,
Обдав теплом нас, дремлющих, и вот
Нам грезится, что летнею порой
Звенит кузнечик песенкой беспечной.

Гомеру

В невежестве безмерном я застыл,
Все слышу о тебе да о Кикладах,
Как бы на берегу морском без сил
Мечтаю о коралловых громадах.
Ты был незряч, но повелел Зевес —
Была над небом поднята завеса,
И Посейдон морскую глубь разверз,
Пан подарил тебе напевы леса:
Свет воссиял в крошечной темноте,
Явила бездна девственные травы, —
Тройное зреньё в зоркой слепоте,
Ночь для зари грядущей — лишь оправа.
Как древле Артемида, мир объёмля,
Ты небеса узрел, и ад, и землю.

Когда страшусь

Когда страшусь, что путь прервётся мой,
Перо не соберет плодов ума
И книги не возвысятся горой —
Зерно не пересыпят в закрома.

Когда я вижу звёздной ночи лик
Сквозь дымку образов гряды летучей,
Понять не в силах в этот краткий миг,
Каким искусством создает их случай.

Представив, что тебя ни на мгновенье
Я, смертный, не увижу, не смогу
В любви волшебной мысль предать забвенью, —

В раздумьях я стою на берегу
Большого мира, вновь один, и вот
Любовь и Слава гибнут в бездне вод.

Ода греческой вазе

Невеста непорочная молчанья,
Питомица медлительных веков,
Ты летопись лесов, дубрав преданья
Передаешь пленительней стихов.
Какие мифы на твоих боках?
В Аркадии ль то действо иль в Темпее?
О смертных твой рассказ иль о богах?
Куда бегут так девы? Кто шалея,
В экстазе их преследует столь рьяно?
О чем играют флейты и тимпаны?

Рожденные мелодии волшебны,
Волшебней те, что не коснулись слуха,
Пролейте ж, флейты, свой напев целебный,
Божественную музыку для духа.
Прекрасный юноша, в тени дерев
Играть напев свой будешь вновь и вновь.
Стремишься в поцелуе ты напрасно,
Влюбленный, к сей прекраснейшей из дев
Зато пребудет навсегда любовь
И будет на века она прекрасна!

Блаженны ветви! Их листве с весною
Не разлучиться, век не увядая.
Блажен флейтист — извечной новизною
Чарует музыка всегда иная.
Любовь, любовь, ты вечно молода,
И вечно будет длиться счастья миг,
И радость не остынет никогда,
Преодолев навек земные страсти,
Когда в горячке лоб и сух язык,
И сердце разрывается на части.

К каким зеленым алтарям стремится
Жрецом ведомый люд для приношенья?
Куда ведут мычащую телушу,
Гирлянды возложив для украшения?

В честь праздника какого весь народ
Покинул крепость мирную спеша?
В горах ли, у речных, морских ли вод
Безлюдный город погружен в молчанье,
И не вернется ни одна душа,
Чтобы поведать нам об этой тайне.

Античность форм! Изысканность сама,
Ты мрамором одев мужей и дев,
Безмолвьем ледяным сведешь с ума,
Как вечность, и забвенье одолев,
Когда и это сгинет поколение,
Открой другим в их маяте ужасной
Немая пастораль, в страстях земных
Друг смертных, им даруя утешенье:
«В прекрасном правда, истина прекрасна» —
И в этом все земное знание их.

^[1] Из письма Д. и Т. Китсам от 22 декабря 1817 г. //Литературные манифесты западноевропейских романтиков. /Изд-во Московского университета, 1980. С. 351.

Давид Шемокмедели

ТРИ РАССКАЗА

Перевод Владимира Саришвили

Почему зимой плачут птицы?

— Ах ты, непоседа этакая, — приговаривала бабушка, — видишь ведь, всё как есть тебе рассказала, так оставь мне маленькую тайну, надо же унести с собой что-то в мир иной.

— Вечно ты в прорицательницы рядишься. И как эта замухрышка с ума тебя, старую, сводит, — подтрунивала над ней моя тётушка.

Всё, чего я наслышалась о бабушке или прочитала в газетах тех лет ничуть не утолило прихотей моего любопытства. Бабушка была идеалом. Я и вправду едва не сводила её с ума, и чему тут дивиться — во мне не угасало желание всё знать о ней. Её красота не блёкла с годами.

— Эх, бывало, пройдётся она, да осветит всё вокруг... И волосы в косах мне легче было счесть, чем её полковников.

— Не полковников, а *поклонников*, — грозно поправляла тётушка нашу соседку, которую, по причине глубокого склероза, дети не выпускали на улицу без сопровождения. Но красоту моей бабушки она не забыла.

Рассказывали ещё, что, когда бабушке было чуть за тридцать, в неё влюбился шестнадцатилетний мальчишка. И стоял он у подъезда часами, как прикованный, чтобы хоть на миг увидеть её, спускающуюся по лестницам. И не запомнишь, сколько раз на ручке дверей её квартиры, вместе с прикреплённым букетом цветов, видели записку: «Я люблю тебя, Елизавета!»

Когда я открывала альбом бабушкиных фотографий, исчезала связь с внешним миром, и я погружалась в жизнь тогдашнего Тбилиси. И каких только известных, и сегодня превратившихся в легенды личностей вы бы там не увидели, но единственный, о ком она вспоминала с восторгом, был мой дедушка. О их любви я была наслышана и от других, но всегда мне казалось, что она чего-то недоговаривает.

Нет-нет, да и обмолвится при мне — кто бы, сударь ты мой, прошёл мимо такой красоты — известно, мужик — гад похотливый. Не Манучаром единым... До бабушки эти слухи не доходили, или она не обращала на них внимания, сказать не могу.

Не знаю, что во мне пересилило — безграничная близость или чрезмерное нахальство, но однажды я не утерпела и выпалила:

— Очень тебя прошу, не таи, ты изменяла дедушке?

Поначалу она недовольно поморщилась, загадочно усмехнулась, но было видно, что с утра она проснулась в хорошем настроении. Потом словно бы оцепенела, на лице её застыла глубокая грусть.

— Эх ты, копытце чертёнка, ладно, скажу, Ты ведь если приста-нешь, как банный лист, всё равно не отлипнешь. Ты первая, кому я открываю эту тайну. И тихим голосом, как на исповеди, начала свой рассказ:

— Как-то вечером позвонила моя подруга Тинико и говорит — завтра, мол, едем в Барисахо, и Заур с нами едет. Этот Заур жил как крот незрячий, девушкам он не нравился, и мы так и не разобрались — серьёзно она его заметила или так, от нечего делать... Да, так вот, звонит мне, значит, Тинико, и предупреждает: оденься потеплее, там по ночам такая холодрыга — оочечнеешь. И Манучара с собой возьми. Ну, я обрадовалась, давно мечтала вырваться из унылого городского однообразия. И не вспомни она о Манучаре, всё равно забрала бы его с собой. Не только ведь женщиной семейной, но и до замужества, когда он за мной ухаживал, и любовь наша только расцветала, вольной жизни я не видела. С каждым днём к нашей любви добавлялось по искорке, и в сердце места ни на что больше не оставалось. Словом, не буду тебя томить, на другой день, часов в одиннадцать, мы уже были в дороге. Только в автобусе узнали, что едем на день рождения одного знакомого хевсура. Но повод меня не интересовал — главное, я еду в горы, подальше от безликого городского существования... Погода была к нам милостива. В лёгкой белёсой дымке, как в подвенечном платье, вдалеке предстали горы. Бурлящая Арагви и первозданная чистота вершин переполняли душу счастьем. Вот уже третий год мы с Манучаром делили ложе, и пора уж было отдалиться от радостей медового месяца. Но у нас всё было по-другому — чем дальше бежало время, тем сильнее мы стремились друг к другу, тем слаще была наша любовь. Но — никогда я никому этого не говорила — в тот день нас охватила какая-то колдовская, головокружительная страсть. Прояснившееся небо, нежность полевых цветов, надменность горных громад — от всего этого дыхание наше прерывалось, а кровь неслась по жилам кипящим потоком.

Наконец мы добрались до селения. Хозяева встретили нас радушно, мы сразу почувствовали себя среди своих в хевсурских горах. По дороге в автобусе вся компания попивала винцо. Мужчины наклонились, нетвёрдо стоя на ногах, не совладав с нахлынувшим вдохновением, затянули песни, в ход пошли и стихи. Ну не ходить же нам с Манучаром, сросшись, как сиамские близнецы? Останься я хоть на миг одна, тут же вырастал рядом хевсур с кинжалом наголо, знакомиться принимался, а глаза так и бегают. Ну чего скрывать, в сравнении с хевсурскими женщинами одета я была вызывающе.

Раз Манучар встретился со мной взглядом, и тут же я отошла от хевсура. Вот и всё, что было, и до вечера ничего мне больше не запомнилось. Зарезали барана, напекли пирогов, бросили в котёл хинкали, уставили стол искросыпительным джишитаури^[1], и начался пир горой. Манучар не любил таких шумных застолий. Петь не пели, лишь изредка кто-то затягивал хриплую ноту, да тут же и умолкал. Зато наперебой рассказывали горские легенды и страшные истории о лавинах и прочих стихийных

^[1] Джишитаури — некрепкая домашняя водка (*груз.*)

бедствиях. Я слушала всё это вполуха. Сказывалось утомление целого дня — меня разморило и клонило в сон. Хозяйка дома отвела меня в спальню, в конец коридора. Я прилегла. И тотчас же провалилась в сон. Пробудилась от чых-то шагов — ко мне приближалась тень. Мужчина!.. По всему телу пробежала холодная, скользкая, как медуза, дрожь. Я хотела закричать, но зажала рот ладонью. Какая-то незримая сила остановила меня. Спустя секунду-другую он забрался в мою постель. Оробелым воробышком я съежилась на краю кровати. Он овладел мною... На душе было так мерзко, будто меня бросили в темницу и топчут сердце кирзовыми сапогами. Неожиданно к окну подступил мерцающий белый свет луны, и внезапно я поняла, как жестоко ошиблась. Это был не какой-то пьяный сельчанин — это был Манучар. Внезапно словно бы мокрый, насквозь сырой тоннель залился светом, меня будто бы усадили в белое, медленно колеблющееся облако, и такой же белоснежный скакун уносил его вдаль, в бесконечность... Вновь взыграла женская страсть, и я погрузилась в неземное блаженство...

В ту ночь переживания неотступно теснились во мне, заполнили сознание, но я ничем себя не выдала. Мы вернулись в город, побывали на чудесном концерте в филармонии. И Манучар был в отличном настроении. Неожиданно он наклонился ко мне и прошептал:

— Ночь в Барисахо всегда будет для меня сказочным воспоминанием, Елизавета.

Я мгновенно ответила:

— Знал бы ты, сколько страха я натерпелась в ту ночь, как боролась с собой — не говорил бы так.

— Что-о?! — лицо его вытянулось от удивления.

Я поняла, что не надо было этого говорить. Но слово не воробей — вылетит — не поймашь. И я решила выложить всю правду.

— Что... А вот что. В ту ночь, когда ты вошёл в спальню, я думала, что это чужой мужчина. И только в последний момент, когда луна осветила комнату, я поняла, что это — ты.

В мгновение ока он побледнел.

— Но ведь это измена!! Почему ты скрывала всё до сих пор?

— Я не решалась, Манучар. Не хотела ранить тебе сердце.

— Значит, ты отдавалась другому. Почему не закричала, не позвала на помощь?

— Я боялась, Манучар. Авдуг он убил бы тебя. Ты же был безоружен.

— Мы все однажды окажемся на том свете. А тебе разве неизвестно, что мёртвый муж лучше рогатого?!

Соседи по креслам стали обращать на нас внимание.

— Дома обсуждайте семейные дела, будьте любезны! — прошипела из заднего ряда пожилая дама в очках.

Мы молча покинули зал. На улице бесновался ледяной пронизывающий ветер, я его не выношу. Ни слова не вымолвив, подошли к дому. Между нами словно бы встала какая-то не имеющая названия неловкость.

В ту ночь он не входил в спальню.

— Извини, Елизавета, никак не могу прийти в себя, — говорил он, словно бы каялся. Не пришёл он в нашу спальню и на вторую ночь, и так продолжалось все невыносимые две недели, пока мне не сообщили, что он попал в автокатастрофу.

Я застала его в агонии. У меня на руках испустил он дух. Перед смертью на глазах его показались слёзы:

— Я счастлив, что в последние мгновения вижу тебя. Петь он, бедняжка, не умел, но не проходило и дня, чтобы не затянул какую-нибудь нелюбимую мной мелодию на свой лад.

«Я любил тебя и люблю, и желаю, чтобы руки твои мне глаза закрыли».

— Тогда я, дурочка, не понимала, но сейчас думаю, и это облегчает мне душу, что оказавшись рядом с ним в последний час, я исполнила хоть одно его желание. Вот и всё, что могу я тебе поведать, — после этой фразы бабушка и вздохнула тяжело, словно сердце выпускала на волю.

— Какая печальная история, — сказала я. Бабушка резко отвернулась, в ней, разменявшей девятый десяток, оставалась ещё энергия, чтобы скрыть навернувшиеся слёзы.

На другое утро, когда я проснулась, бабушка была уже на ногах. Окна застилала такая белизна, что взглядом заспанных глаз сквозь неё было не проникнуть. Судя по всему, зима не собиралась в обратный путь-дорогу. Вокруг царило завораживающее белое безмолвие, ослепляющее своею яркостью. За ночь подморозило. С деревьев и балконных балясин толстыми чурчхелами^[2] свисали сосульки. Обжигающий холод пронизывал до костей.

Елизавета собиралась на кладбище. Она ходила на могилу Манучара каждое воскресенье. Уложив отборные цветы у надгробной плиты, часами простаивала за оградой, словно окаменев, превратившись в статую. Она надела тёплую куртку, на всякий случай прихватила зонг, которым иногда пользовалась как тростью, и вышла на дорогу, ведущую к кладбищу. За мостом, где дорога устремлялась вверх, вдруг раздался жалостный, шемящий душу пичий щебет. Она с любопытством огляделась вокруг. Над закоченевшей пичкой, застывшей на снегу, на дерево вспорхнула другая, белогрудая. И сидела как привязанная, и не думала улетать. Тишина стояла, как в пустом храме, где по стенам свет изливают одни иконы. Елизавета, не желая спугнуть птиц, стояла не шелохнувшись. Она хорошо понимала, да и понимать тут было нечего — одинокая птица оплакивала погибшую подругу.

Когда в детстве, в студёные, жгучие зимы, я замечала нахохленных пичек, то знала наверняка — они плачут. Но когда я говорила об этом

^[2] Чурчхела — снизка грецких орехов в загустевшем в форме толстой сладкой палочки виноградном соке (*пеламуши*); кахетинское лакомство (*груз*.)

вслух, никто мне не верил — тебе, мол, это кажется. Но и сегодня меня удивляет — почему другие этого не понимают? И теперь, когда я выросла, закончила школу и распрощалась с детством, во мне не иссякает любопытство — разве не удивительно?! Почему же зимой плачут птицы?

История птицы и волка

Заключение медицинской экспертизы оказалось настолько неожиданным, что изумило всех без исключения. После вскрытия тела было установлено, что сердце покойного исчезло. Ну почему же именно с этим несчастным случилось то, чего не бывало от сотворения мира, недоумевала родня, друзья и соседи, и даже падкие на сенсации журналисты. Впрочем, многие не верили: что-то тут нечисто, быть такого не может, чтобы у живого человека вдруг пропало сердце, ну просто стинуло без следа... Служители церкви восприняли это событие как знамение Апокалипсиса, шутники упражнялись в остроумии, врачи не уставали повторять, что столкнулись с новой, неизвестной доселе болезнью. А он лежал посреди своей однокомнатной квартиры, на старой, колченогой и расшатанной тахте, и, если не знать заранее, никто бы, войдя, не подумал, что перед ним лежит мёртвое тело. Складывалось впечатление, что он не умер, а просто скрылся от людей, за что-то на них обидевшись и решив принять обет пожизненного молчания. В дни, предшествующие похоронам, только и говорили о покойном, в мельчайших деталях вспоминая каждую мелочь из общения с ним. Действительно, кем же, человеком какой причудливой судьбы был Гурам Саникидзе, почему же именно на его долю выпало это невообразимое приключение?

В тот год лето выдалось невыносимо знойным. Даже древние старики не могли припомнить ничего подобного. По городу ползли слухи один другого ужаснее, и люди с перепугу просто превратились в комок нервов. Город напоминал бурлящий на огромном костре котёл, в котором, как бульжины мяса, варились люди. Казалось, что Всевышний решил показать человеку ад ещё при земной его жизни. Гурам же был уже в ином мире и, разумеется, его совершенно не волновало, что сограждане задыхаются и тонут в собственном поту.

Даже ведущие специалисты ни на йоту не проникли в тайну исчезновения сердца. В конце концов, прибывший из Канады кардиолог, с помощью новейшей медицинской аппаратуры, установил: «Сердце было съедено». Удивление всё нарастало, потому что на рентгеновских снимках отчётливо были видны очертания человеческих зубов. Интерес к этому феномену рос, как снежный ком, любые, даже самые незначительные сведения из биографии покойного, расхватывались мгновенно и жадно. На его письменном столе было найдено весьма странное произведение, которое на следующий же день было опубликовано в «Литературной газете».

Был у некой Женщины любовник-Птица. Прилетит, бывало, в мгновение ока сомкнёт на ней крылья, подхватит — и устремится они в стремительный полёт... В конце концов, его явления стали столь часты, что Птица и Женщина перенеслись в небеса, а что творилось на земле, и не ведали, да, по правде говоря, Птицу и Женщину это и не интересовало... Как-то раз она подумала: «В городе Волк — любовник всех женщин, с какой это стати я предпочла небо? Если бы жизнь в облаках была слаще земной, разве женщины предпочли бы волков птицам? Долго размышляла она, и как-то вечером заявила Птице:

— Либо ты перевоплотишься в Волка, либо между нами всё кончено...

Растерявшийся и уязвлённый, Птица едва решился спросить:

— А зачем?

— Затем, что Волк — сильный, а мне не нужен любовник-слабак.

— Да, но откуда тебе известно, что волки сильнее птиц? — в недоумении ответил Птица, и этим вопросом вконец разгневал Женщину.

— Как, разве это неясно?

— Но кто из нас быстрее — волки или птицы?

— В полёте? Конечно, птицы! — кто ж видел летающих волков? — изумилась Женщина.

— А если волк ополчится на пищу, сможет ли он настигнуть её и убить?

— Нет, — мгновенно ответила Женщина.

— Так почему же волки сильнее птиц?

Тут и Женщина растерялась. Этот простой на первый взгляд вопрос оставался без ответа. И, после долгой паузы, обрадовавшись, что нашла достойный аргумент, воскликнула:

— Волк настолько могуч, что может сожрать любого человека, а птицам это не под силу...

— Да, это правда, — признал Птица, и вдруг, в единый миг, превратился в Волка.

В смертельном страхе Женщина закричала:

— Неужели ты перегрызёшь мне горло?

— О, нет, любовь моя, как могла ты подумать такое, — он улыбнулся, оскалив белые клыки. — Я не убиваю близких, мне по вкусу только чужое мясо...

И Женщина успокоилась. Шли дни за днями. Женщина уж и позабыла о Птице, да и времени на размышления не оставалось. Волк наваливал груды задранный дичь и добытые разбоем сокровища; дел у Женщины стало невпроворот. Нередко дневные заботы настолько увлекали в кипящий водоворот, что и взглянуть в поднебесье не успевала она. Изю дня в день дом обрастал новыми пристройками. И Женщину это так восхищало, что иных хлопот она и знать не желала. Порой на клыках возвращавшегося домой Волка виднелись

следы крови, а Женщина тщательно и с нежностью отбеливала их. Но по-настоящему досаждало во всём этом одно неудобство — клыки у Волка были настолько огромны, что во время ласк, не по его воле, впивались в тело Женщины. Поначалу боль была почти неощутимой, да женщины и переносят боль легче мужчин. Удивительнее было другое — неприятное, резкое ощущение возникало не в теле, а в сердце. И чем больше времени проходило, тем больше прибывало страданий, тем тяжелее становилось испытание. И вот уже при каждой ласке сердце её пронзала невыносимая боль. И терпению её пришёл конец. И однажды смиренно сказала она:

— От ласк твоих болит у меня сердце.

— Что говоришь ты? — изумился Волк. — Я ласкаю тебя не затем, чтобы сердце твоё болело, а чтоб сладость оно испило...

Скоро Женщина так ослабла от страданий, что даже лучшие лекари и лекарства не помогали ей. Светила искусства врачевания в один голос утверждали, что она не выживет. Когда же начались дни агонии, Птица затосковал по тем временам, когда влетал в её дом, в мгновение ока смыкал на ней крылья, и бросались они в полёт по небесным просторам. И Женщина — чего бы только не отдала она, чтобы вновь испытать те минуты блаженства... Но стоял перед ней бурый облезлый Волк с окровавленными клыками. А того, голубоглазого Птицы не было нигде, он умер или исчез... Женщина пала на колени и молила Всевышнего вернуть ей Птицу.

И внезапно Волк обратился Птицей. От нахлынувшей радости Женщина не знала, что и делать... А потом не выдержала и разрыдалась:

— Что сделал ты со мной? Почему погубил? Зачем скормил ты Волку сердце моё?!

— Нет в том моей вины. Ты сама сделала выбор...

— О, что мне может помочь теперь, что же?!

— Уже поздно...

— Прости меня, — выдохнула Женщина и застыла на крыльях Птицы.

Измена

Я шёл впереди и нутром ощущал, как она семенит, пытаюсь поспеть за мной. На один мой шаг приходилось её два. Я всё пытался натянуть кепку пониже на лоб. Майко вся тряслась. То ли от холода, то ли от страха. Вся улица была погружена в беспросветный, тошнотворный мрак. Царила невыносимая, жуткая тишина, словно ночью на глухом кладбище. Палили: то одиночными выстрелами, то вдруг «заряжали» надолго. Редкие припозднившиеся прохожие передвигались короткими перебежками. Иногда я останавливался, прятал её тщедушное тельце под полою плаща, прикладывал ладонь к её ледяному лбу и спрашивал:

— Тебе страшно?

— Нет, — отвечала она и тут же вымученно улыбалась.

— Тебе холодно?

— Немного.

И снова мы продолжали путь, мечтая, как согреем друг друга в постели. Но, словно издеваясь над нами, дорога никак не кончалась, страх и холод превратили её в катящийся клубок ниток...

Перед моими глазами движущимся кадром, как на видеоплёнке, постоянно маячило:

(Маико вертит ключ в замочной скважине, ещё несколько секунд — и мы в её комнате, я поднимаю её на руки и целую в губы).

— Отпусти меня, — смеётся она, — дай отдышаться.

Я поспешно запираю дверь.

— Сейчас найду спички.

— Не надо. Свечу зажечь? Вскипятим чаю, согреемся...

— Нет, — говорю я. Осторожно беру её на руки и укладываю в постель.

Закончится же когда-нибудь эта улица, и надо будет свернуть налево. Одолеем небольшой подъём, а там — бетонные лестницы. Вспоминаю, как ровно месяц назад пошёл первый снег, а ночью он замёрз и превратился в блестящее ледяное зеркало. Тогда, остановившись перед ступеньками, Маико почему-то очень серьёзно сказала: — Возьми меня под руку, но если ты упадёшь, знай — никогда больше не стану встречаться с тобой. Не знаю, что загадала она в ту минуту, но помню, с каким сердечным трепетом я благополучно достиг последней ступеньки. Я крепко поддерживал её за локоть, и чувствовал, что исполнение загаданного, да и вся её судьба, находятся в эти минуты в моих руках.

Вот и этим вечером мы подошли, наконец, к бетонной лестнице. Рядом, из киоска, какие-то вооружённые автоматами типы выносили бутылки шампанского. Их ждали визгливо смеявшиеся в «Жигулях» девицы. Из магнитофона разносились звуки дешёвой песенки, давно прожужжавшей всем уши.

Не успели мы пройти и нескольких шагов, как погружённый во тьму квартал внезапно вспыхнул электрическим светом.

Ууу! — взорвались дома радостным вошем. Ещё секунда, и город, погружённый во мглу, встрепенулся и ожил, будто воскресший из мёртвых. Жажда жизни вернулась к нему.

Лифт в подъезде, конечно, не работал. Мы почти бегом поднялись по лестнице и... оторопели, заметив свет в дверном «глазке».

Я отлично помню, что утром, выходя, выключила свет, — сказала изумлённая Маико.

Дверь в это время распахнулась, и на пороге появился парень лет 25.

— Гела! — закричала Маико и бросилась в его объятия. — Познакомься. Это мой брат. А это Заза, — представила она меня. — Случайно на улице встретились. Он сказал, что страшно мне будет бродить в такой темноте — и проводил.

— Пожалуйте, — пригласил меня парень.

— Спасибо, но уже поздно, — растерявшись от неожиданности, ответил я. Торопливо попрощался с уже стоящими в прихожей братом и сестрой и устремился вниз по лестнице.

— Слава Богу, минувшей ночью ты что-то писал. А то я уже стала забывать, что ты у нас писатель, — сказала Медико, сунув нос в разбросанные на столе листы и погрузившись в чтение. Я не отводил от неё глаз. Медико всегда с каким-то детским любопытством, с волнением и скрытым чувством гордости читала каждую мою новую рукопись. И была по-настоящему счастлива, когда что-то ей действительно нравилось, а если такового не находилось, печалилась столь же искренне. Теперь же она с необычным интересом вчитывалась в новую рукопись, да так, что потеряла всяческий контакт с внешним миром.

Я видел, как поминутно напрягалось её лицо, и в душе появились дурные предчувствия. Любопытство одолело меня, и глаза невольно скопились на собственные черновики:

«Я шёл впереди, и нутром ощущал, как она семенит, пытаюсь поспеть за мной. На один мой шаг приходилось её два...». Кажется, она что-то поняла. Настроение, и без того плохое, стало теперь хуже некуда. Единственное, что меня выводило из себя в общении с Медико — это её «тибетское ясновидение» — от этой женщины ничего невозможно было скрыть, и — по ниточке — от нерва к нерву — изучила она меня как облупленного. Медико встала, молча, не глядя, сложила рукописи в стопку и прошла в кухню. Я слышал, как она открыла и закрыла кран и принялась чистить картошку. Нет, такого раньше не бывало — всякий раз, по прочтении новой рукописи, она с ходу высказывала своё мнение. А теперь женская интуиция подсказала ей — это не выдуманный рассказ, в его основе лежат реальные события. Проснулась малышка Теона. — Мама-а! — таким слабеньким голосом позвала она, что Медико и не расслышала. Зато захлопал ресницами мой сын Ачико, и детские голоса нарушили воцарившееся в доме неловкое молчание.

— Мне нужно на работу, дело там неотложное, — нашёл я выход из положения. Жена ничего не ответила. Я быстро переоделся и через десять минут уже был на улице. Измученный народ стоял на подступах к станции «Варкетили», в ожидании, когда заработает метро. Разнёсся слух, что сотрудники забастовали. Забастовки тогда были делом обычным и никого удивить не могли. На душе у меня кошки скребли, и никаких сил моих не было оставаться наедине со своими мыслями. Я смешался с толпой, где всюду бушевали жаркие политические диспуты, и с разных сторон раздавались жалобы на житьё-бытьё. Какой-то дядька средних лет наградил собеседника подзатыльником за альтернативные политические высказывания. Милиции нигде, конечно, не оказалось, и разнимать повздоривших пришлось случайным прохожим.

— Совсем с ума посходили, скоро передушат друг друга, — покачала головой старушка, стоявшая рядом со мной.

— Не обойтись здесь без кровопускания, кого прикончить надо, кого — пинком под зад вышвырнуть, и не мешкая. Не решимся на это — хуже будет, — сказал как отрезал мужчина лет 60, у которого на лице стояла печать большого стажа на начальственных должностях.

Спустя несколько минут метро заработало. В открывшиеся двери хлынул мощный людской поток. Я оказался в самой его гуще. Сзади и с боков на меня давило с такою страшной силой, что я начал задыхаться. Не в силах противиться этой могучей волне, от беспомощности возненавидел себя. В памяти замелькали телевизионные кадры похорон Сталина, когда одуревшая, осатаневшая толпа, в припадке фанатизма прижала крайние ряды и размазала людей по кремлёвской стене. От мысли, что я могу быть так же размазанным, душа ушла в пятки. Наконец меня чудом «вынесло» к эскалатору. Так, претерпев сполна все мучения, к полудню появился я на работе. Начальника на месте не было. В такой ситуации, разумеется, и сотрудники все разбежались кто куда. Осталась одна старенькая бухгалтер Александра. Но сейчас мне было явно не до сплетен и пересудов с ней. Я прошёл в свой кабинет и присел на диван. Слегка покалывала голова. И всё-таки, как, каким это загадочным женским чутьём Медико всё раскусила? — не давала мне покоя навязчивая мысль. И чем глубже я вдумывался в эту головоломку, тем больше понимал, что женское чутьё тут ни при чём. Я вспомнил свой роман, который начал писать года три назад, да забросил в самом начале, и о существовании которого уже совсем было позабыл. Хотя тогда я оставил неизменными даже имена прототипов этого незаконченного романа, потому что мне всегда казалось, что ничто так не выражает характер личности, как имя.

Вчерашняя рукопись — продолжение моего заброшенного романа. И, как видно, Медико мгновенно поняла это. Теперь меня уже распирало любопытство — не терпелось вернуться домой и засесть за рукопись.

Я запер кабинет и вскоре вернулся в родную обитель. Сердце захолодело — никто меня не встретил. Медико сложила вещи в чемоданы и ушла. Как помешанный, я схватил телефонную трубку и набрал номер тёщи. В мембране раздался голос жены. Я спросил почти умоляющим голосом:

— Объясни мне, что всё это значит? Почему ты ушла?

— С сегодняшнего дня у тебя нет семьи!..

— Что-о?! Как это?! — голос мой сбился на крик. Но в трубке раздавался только прерывистый зуммер.

С утра голова у меня раскалывалась, будто со страшного похмелья.

— Ты с чего это вдруг всю ночь бредил моим именем? Неужто так меня любишь? — услышал я из смежной комнаты голос Медико. И тут радость осознания того, что всё это был сон, захлестнула меня и привела в

чудесное расположение духа. Сердце от счастья просто рвалось из груди. Я заглянул в спальню. Теона и Ачико мирно спали.

— Алло! — услышал я голос Медико. — Это какая-то женщина. Тебя спрашивает, — обернулась она ко мне.

Я услышал знакомый голос.

— Это с работы звонят, — сказал я очень уверенно и серьёзно.

Открыл дверь и пошёл на свидание с Маико.

Юл Бердичевский

ИЕРУСАЛИМ. ЛЕТО. КИНОФЕСТИВАЛЬ

Наша врождённая привычка к летним каникулам и отпускам в последние десятилетия удачно дополняется привычкой к ежегодным Иерусалимским фестивалям, из которых ярчайшим, на наш взгляд, стал Международный кинофестиваль, уже 32-й.

Живописнейшая окраина квартала Ямин Моше — как известно, первой еврейской застройки вне городских стен — неподалёку от мельницы М. Монтефьоре и напротив башни Давида, где над Брихат-а-султан построен комплекс Синематекис с десятком просмотровых и дискуссионных залов, стал идеальной вечной декорацией для Иерусалимских Международных Кинофестивалей (ИМКФ). Открывался он в этом году в Брихат-а-султан именно по-столичному, президентом Р. Ривлиным, приветствиями министра культуры М. Регев, мэра Иерусалима Н. Барката, директора фестиваля д-ра Ноа Регев, гостя из Голливуда Джона Тортурро, представившего фильм открытия фестиваля «Моя мама» (Италия, реж. Нанни Моретти).

Автор под портретом Лии ван Лир

Впервые ИМКФ проходил без своего создателя и на протяжении всех этих лет бессменного руководителя, лауреата Государственной премии (2004 г.) Лии ван Лир, скончавшейся весной. Последние годы мы

встречались с ней в Суккот, на Хайфских МКФ, и она неизменно приглашала вашего корреспондента в Иерусалим. Случилось так, что это приглашение было использовано лишь после ухода из жизни этого удивительного человека. Пионер израильского кино Лия Гринберг родилась в г. Бельцы в 1924 г. Её отец был расстрелян нацистами вскоре после оккупации, мать погибла в гетто, в Транснистрии. Лию спасло то, что с 1940 г. она поселилась в Палестине, где уже жила её сестра. В 1946 г. она закончила гуманитарный факультет Еврейского университета в Иерусалиме, а в 1948 г. познакомилась с инженером, пилотом и драматургом Вимом ван Лиром, сыном основателя филантропического Фонда ван Лир. Молодая семья сначала жила в Хайфе, где в 1955 г. Лия основала первый израильский кино клуб и занялась коллекционированием фильмов. Вскоре она открыла аналогичные кино клубы в Тель-Авиве и Иерусалиме. Их коллекция фильмов легла в основу организованного в 1960 г. в Хайфе Кинематографического архива Израиля (теперь крупнейшего на Ближнем Востоке) и в 1973 г. — хайфской Синематеки, первой в стране. Ван Лир активно использовали свои собственные средства и связи для всемерной помощи начинающим режиссерам и продюсерам, снимавшим в том числе и яркие короткометражные и документальные фильмы. Переехав в Иерусалим, куда в 1981 г., при поддержке мэра Тедди Коллека, удалось перевести государственный киноархив, Лия создала и тут Синематеку, на базе которой с 1984 г., при поддержке фонда ван Лир, и проходят международные кинофестивали.

Фестивальный городок

На сей раз на церемонии открытия памяти Лии был посвящён специально подготовленный фильм. Удостоившись в 2011 г. почетной премии Берлинского международного кинофестиваля за вклад в развитие кинематографа, Лея отметила, что ее искренняя радость омрачена фактами преследования деятелей кино в Иране и других тоталитарных странах. Прин-

цип независимости искусства кино был в первую очередь положен ею в основу отбора кинолент для представления на суд жюри, гостей, участников и зрителей ИМКФ, последний из которых не стал исключением. В этом году его символом было динамическое киноизображение поднимающегося на дыбы коня, образующее как бы квадригу Аполлона. Возможно, как символ «улёта» мирового кино накануне 120-летия его зарождения? Мне же эта четвёрка показалась едиными в такой упряжке символами видов кино: документального, художественного, телевизионного и анимационного, каждое из которых вполне достойно представлялось на фестивале.

...Когда в годовщину кончины выдающегося кинодокументалиста Герца Франка мы, в Киноклубе «Морешет», посвятили его памяти просмотр фильма-мемуара «Флэшбек», участника Иерусалимского МКФ-25, было известно, что ученица мастера М. Кравченко заканчивает начатую ими совместно и ставшую последней работу. Эта лента — «На пороге страха» — удостоившаяся уже многих премий фестивалей разных стран, на родине, в Иерусалиме, вызвала нешуточный скандал: новый министр культуры и спорта пыталась препятствовать её показу. Но ведь известно: искусство вообще, и киноискусство — в частности, имеет право и даже обязанность затронуть любую тему. В том числе и столь болезненную: последствия убийства Ицхака Рабина как для государства, так и для семьи Игалья Амира. Именно произведением независимого искусства по праву следует считать это своего рода творческое завещание Мастера всем нам. И сегодня особое внимание я бы уделил документальной программе ИМКФ-32, включавшей, к радости ценителей «десятой музы», как интереснейшие новинки, так и забываемую, к великому сожалению, классику жанра. Напомню читателю, что среди тех, кто вот уже более ста лет неутомимо и последовательно превращает кино в Искусство громадный процент составляли и составляют в разных странах наши соплеменники, в том числе — в кино документальном. У моего поколения зрителей на слуху имена Дзиги Вертова, Романа Кармена, Михаила Ромма, Клода Ланцмана. И братьев А и Д. Майзельс, выходцев из СССР (где в 1955 году Альберт снял свой первый фильм «Психиатрия в России»): их ретроспектива украсила программу фестиваля. Именно они стали пионерами «Прямого кино» (“Direct cinema”) в документальном жанре, тождественного французскому «Правдивому кино» (“Cinema verité”) в художественном кино, где повседневная жизнь проявляется в своем первозданном виде — без сценария, постановки или закадрового повествования. Их «Продавец Библий» (1968 г.) был назван классикой американского документального кино, а в 1992 году Библиотека Конгресса отметила фильм «за его историческое, культурное и эстетическое значение». Героями их киноработ были М. Брандо, М. Ростропович, The Beatles, Т. Капоте и Далай Лама. Знаменитый Жан-Люк Годар назвал А. Мэйсельса «лучшим американским кинооператором» и ценители кино 70-90 гг. вполне с этим солидарны.

Лия ван Лир рядом с С.Ф. Бондарчуком в жюри Каннского МКФ — 1983 г.

К числу «живых классиков» кинодокумента, несомненно, относится и Марсель Офюльс, чья 5-часовая лента 1976 г. «Памяти справедливости», показанная в программе «Классика» ИМКФ-32 — о реальных участниках Нюрнбергского процесса — как бы продолжающая 9-часовое кинорасследование «Холокост» К. Ланцмана, буквально потрясает! Настолько актуально и сегодня звучат интервью прокуроров и судей на том процессе — с одной стороны, свидетелей и переживших ужасы гетто и концлагерей — с другой, и, представьте себе, непосредственных исполнителей «окончательного решения...» — с третьей. Например, сделанные в начале 70-х гг. съёмки в неполном ещё тогда музее первого нацистского концлагеря в городке Дахау, теперь практически слившимся со столицей Баварии, большинство жителей которой по сей день утверждают, что с 1934 до 1945 гг. якобы даже не подозревали (!) о таком соседстве... Вот перед нами архивный кинодокумент 1946 г.: показания на процессе молодой дамы-врача, проводившей в концлагере садистские «эксперименты». И — съёмки через четверть века: киногруппа отыскивает в солнечной Баварии виллу, где реальный врач-убийца вполне благополучно поживает, имея практику... педиатра! Или откровения проведшего 20 лет в одиночке тюрьмы Шпандау А. Шпеера — одного из немногих на процессе в Нюрнберге, признавших свою вину. А гросс-адмирал К. Дениц, успевший в мае 45-го три недели побыть преемником фюрера, напротив, даже отсидев своё, в разговоре с М. Офюльсом продолжает утверждать, что был лишь офицером, исполнявшим приказы. Вот съёмки 1945 г.: концерт великого Иегуды Менухина на руинах Берлина, с берлинским филармоническим оркестром, и — беседа с ним 30 лет спустя. Весьма впечатляет и запись встречи автора с семьёй «охотников за нацистами» Сержа и Беаты Кларсфельд, своего рода исповеди, в которой участвуют и их матери — еврейка и немка.

Сын известного режиссера Макса Офюльса (Оппенгеймера), Марсель, сам уже опытный кинематографист, снимая в 1973-75 гг. не смог уклониться от параллелей с актуальными тех времён: Вьетнамской войной, молодёжными бунтами, войной Франции в Алжире — из-за чего рассорился с инвесторами. В частности, категорическое неприятие продюсеров вызвала та часть фильма, где прокурор в Нюрнберге, а к тому времени профессор Гарварда Т. Тейлор, комментировавший в фильме ход процесса, вместе с известной исполнительницей и автором «песен протеста» Джоан Баэз, а также несколькими активистами антивоенного движения посещают (в разгар американских бомбардировок!) Северный Вьетнам. Даже окончательно разорившись в ходе съёмок, заложив свой дом, М. Офюльс смог довести до конца эту работу, в которой, как мне кажется, есть-таки один как бы «чужеродный элемент», но оттеняющий её только усилившуюся актуальность: «красной нитью» фильма (повторимся, снимавшегося в 1973-75 гг.), стала история перехваченного сицилийскими пограничниками, судна с беженцами из Северной Африки. Как будто из сегодняшних теленовостей...

Эмблема ИМКФ-32

Другим сильным впечатлением на ИМКФ-32 стал новый фильм шведского режиссёра Магнуса Герттена «У каждого лица есть имя». В апреле 1945 г. в порт Мальмё прибывает первый паром с почти двумя тысячами выжившими в нацистских лагерях смерти, а прилежный кинооператор снимает этот момент и первые часы возвращения к жизни обессиленных, прошедших через ад детей разных народов. В наши дни киногруппе удастся отыскать в разных странах разных континентов, в том числе и в Израиле, нескольких пассажиров того парома и показать, насколько по-разному, как и где сложилась их жизнь. Незаурядной была и израильская программа кинодокумента. В частности, Первый канал представил короткометражку «Хагига — история израильского кино». Кроме интересней-

ших дебютных лент молодых режиссёров, представлено несколько сильных биографических лент, например, о поэтессе Зельде. Мало кого оставит равнодушным и участница основного конкурса, полнометражная лента Ады Ушпиз, уже показанная на МКФ в Мюнхене, «Vita Aktiva. Романтическая биография Ханны Арендт», тонко анализирующая жизненный путь, работу, борьбу и любовь выдающегося политического мыслителя и борца.

Лично меня порадовал совершенно неполитический фильм Идо Хаара «Принцесс Шоу», история того, как темнокожая санитарка дома престарелых из американской (!) глубинки, не имея близких друзей, находит радость в общении с... YouTube, куда выкладывает клипы со своими песенками акапелла и собственными откровениями, мало надеясь на «ответную реакцию». Затем действие переносится из Нью-Орлеана в... недалёкий от нас кибуц Целим, где бородатый парень по фамилии (имя его в фильме вообще не фигурирует) Кутиман, высокопрофессиональный музыкант и известный аранжировщик, случайно находит в Сети клипы нашей героини. Песня западает ему в душу настолько, что, набросав партитуру, он рассылает её своим друзьям-музыкантам, составляющим оркестр, в разные уголки Израиля и убеждает их совместно эту музыку записать. Дальше «всё просто», история Золушки по-современному: заокеанский голос накладывается на израильскую фонограмму и готовый хит высылается автору и, натурально, выкладывается в Интернет, собирая сотни тысяч *«лайков»* — при первоначальных 80-ти. Неутомимый же Кутиман организует для всё ещё не верящей в такую удачу девушки гастрольный тур «Принцесс Шоу» по нашей стране, прошедший с большим успехом. Вот такая простая история. Героиня ленты, Саманта, прилетела на премьеру фильма на ИМКФ-32 из Америки, и мы имели удовольствие пообщаться не только с авторами. А вот с героиней британской картины «Эмми», участницей Каннского МКФ (реж. А. Кападиа) Эми Уайнхаус уже никогда встретиться не удастся: певица и автор песен погибла на 28-м году жизни... Незабываемое впечатление оставляет работа ветерана кино Фр. Уайзмана «Национальная галерея» об уникальном лондонском музее и новая полнометражная лента датского автора К.Б. Томсена, ближайшего друга её незаурядного героя, «Фассбиндер — любить без требований». Прекрасный портрет нашего выдающегося соплеменника, автора легендарных голливудских лент Сидни Люмета показала Нэнси Буирски (США). Стараюсь здесь рассказать поподробнее именно о документальном кино на ИМКФ потому, что доступ к нему зрителя, даже в эпоху Интернета, довольно труден, а если фильм не куплен на телевидении — то и вообще фильм остаётся достоянием лишь специалистов. В том числе и об этом досадном парадоксе шла речь на специально организованном однодневном международном форуме «Взгляд изнутри, взгляд со стороны».

Можно позавидовать счастливым обладателям абонементов и билетов в иерусалимскую Синаматеку, а также свободного времени — главной ценности будущего общества, как утверждал полтора века назад всем из-

вестный автор «Капитала». В рамках фестиваля они могли увидеть как киноклассику вроде первого полнообъемного цветного британского фильма-оперы «Сказки Гофмана» (1951 г.) на музыку Ж. Оффенбаха, так и лучшее из созданного мировым кино за прошедший год. В том числе — и на самые близкие нам, еврейские темы. Ведь, не говоря о премии «Оскар», почти на каждом МКФ класса «А» такие произведения удостоиваются наград. Так, в Каннах-2015 Гран-при получил молодой венгерский режиссёр Ласло Немец за фильм «Сын Саула», сюжет которого развивается в концлагере, а «Оскар» — скромная, но весьма достойная, чёрно-белая картина польского режиссёра Павла Павликовского «Ида». В Иерусалиме-2015, в фестивальном разделе «Еврейский опыт», показали «Варшавскую герцогиню» (Франция, реж. Жозеф Мордер), «Штисель — 2-й сезон» (Израиль, реж. А. Зингман) и документальные ленты из США, Израиля, Англии, Швеции. Конечно же, вашего корреспондента впечатлили победители Берлинского и Каннского МКФ этого года, соответственно «Клуб» (Чили, реж. П. Лоррайн) о католических священниках, сосланных в дальний рыбацкий посёлок за свои преступления против нравственности и «Тело Селесты» (Италия, реж. Алисия Рорвахер) о взрослении девочки-подростка в провинциальном Реджо ди Калабрия. Запомнятся и живописные ленты «Асасин» (Тайвань, реж. Ху Сяо-Сьен) о событиях в Поднебесной 9 в. н. э. и «Тренкер и Рифеншталь: между правдой и культом» (Австрия, реж. В. Мурнбергер), повествующая о поучительных отношениях реальных «деятелей нацистской культуры». В «Панораме» фестиваля была также причудливая история любви в как бы недалёком будущем, разыгранная звёздами первой величины Рэйчел Вэйз и Колином Фарреллом («Лобстер», реж. Ю. Лантимос), удостоенная приза жюри Канн-2015. и новая лента «Небеса знают что» братьев Бена и Джошуа Сафди, снятая на нью-йоркских улицах по мемуарной книге Ариэль Холмс, исполнившей тут и главную роль. Программа «Мастера», среди прочих картин, включала участницу Венецианского МКФ, новую притчу знаменитого иранца Мохсена Махмальбафа (его сын, начинающий продюсер, был на фестивале) «Президент», историческую ленту итальянца Эрмано Ольми «Зелёные поля зацветут снова» о Первой мировой войне и арт-хаусную трилогию скандинавского мастера Роя Андерсона, заключительная часть которой была удостоена приза «Золотой лев» в Венеции-2014. Американский боевик «600 миль» с нашим звёздным соплеменником Тимом Ротом в главной роли в первом фильме молодого режиссёра Габриэля Рипштейна участвовал в конкурсе дебютов. Что касается обширной программы израильского художественного кино, в том числе особо интересного короткометражного, то лучше и подробнее меня о нём пишут «толстые» газеты, но в немногие выжившие кинотеатры нашего Юга оно попадает довольно редко: тут с блокбастерами не посоревнуешься. Не то что на фестивале. Приятно было нам, редким русскоязычным зрителям ИМКФ-32, то внимание, которого удостоился молодой представитель нашей общины Евгений

Руман, чья камерная психологическая драма «Человек в стене», развивающаяся в сегодняшнем Тель-Авиве, уже была показана в июле на фестивале израильского кино в Москве.

Российское же художественное кино на ИМКФ-32 заняло привычную для него в последние десятилетия нишу «депрессивного» (может, потому что — честного?) и было представлено талантливым, стильным, как бы фантастическим фильмом А. Германа-мл. «Под электрическими облаками», где вновь блеснула Ч. Хаматова — на этот раз в небольшой роли... мальчика-наркомана, и предельно, безнадежно, страшно реалистической лентой Ю. Быкова «Дурак», посвящённой авторами памяти известного представителя этого направления новой русской кинематографии А. Балабанова.

Отметим, что значительное место во всех разделах фестивальной программы заняли киноленты не только из США, что привычно, но и из Германии, чья делегация была, пожалуй, самой представительной, включая в том числе и руководителей кинофестивалей в Мюнхене (Д. Ильин) и Берлине (Д. Косслик), президента европейского кинорынка на Берлиале Беки Пробст. Свой необычный документальный фильм «От Калигари до Гитлера» представлял режиссёр Р. Зюхсланд. Это — история «золотого века» немецкого синемаатографа, его расцвета в Веймарской республике времён Ф. Ланга, Ф.В. Мурнау, фон Штернберга, Кракауэра и других творцов кино как Искусства — с комментариями мастеров наших дней и киноведов из разных стран. Ещё один художественный фильм из ФРГ «Мы молодые, мы сильны» привёз молодой режиссёр Бурхан Курбани (сын афганских политиммигрантов, ребёнком перебравшийся с родителями в Германию) воссоздаёт реальную историю, которую сегодня очень многие немцы предпочли бы забыть — разгром летом 1992 г. г. Росток, на северо-востоке страны, общежития иммигрантов группами местных неонацистов. На мой вопрос, как с его точки зрения, за 20 лет изменилась в этом плане обстановка на востоке Германии, автор дал разочаровывающий ответ: «Изменилась не очень — несмотря на смену поколений».

В качестве «свадебных генералов» в этом празднике кино лично участвовали такие любимцы и баловни международных кинофестивалей, как австриец Ульрих Зайдль, прошедший мастер-класс со своей новой документальной лентой «Режиссёр в работе», и, пожалуй, самый «раскрученный» на Западе израильский автор почти 60-ти (!) фильмов разных видов и жанров, большую часть из которых снимал, живя во Франции последние 25 лет, уроженец Хайфы Амос Гитай. В последнее время он, кстати, работает над фильмом об убийстве Ицхака Рабина, а в рамках фестиваля дал мастер-класс для студентов и начинающих киноработников.

В различных фестивальных конкурсах победителям вручены десятки призов, но для нескольких, особенно — начинающих кинематографистов, призом стало само приглашение на фестиваль, в столицу Святой Земли. Что касается внимания публики, то с учётом кинопоказов в городских кинотеатрах, вечерних сеансов на площади Старого города, в музеефици-

цированной турецкой ж\д станции и др., посещаемость превысила 30 тыс. зрителей. Для сравнения: главный российский кинодеятель Н. Михалков в интервью после Московского МКФ-2015 не без гордости отметил, что количество зрителей перевалило за... 10 тыс. И это в мегаполисе, как известно, превосходящем вдвое по числу жителей всю нашу страну. Закрытие фестиваля проходило в том же комплексе Брихат-а-султан, и весьма неординарно: в сопровождении живой музыки симфонического оркестра классический фильм Ф.-Ф. Копполы «Крёстный отец» шёл под открытым ночным небом Иерусалима.

А спустя три дня после церемонии закрытия ИМКФ-32 неподалёку от комплекса Синематеки, в Институте Яд ва-Шем произошла другая трогательная церемония. Звёздный продюсер Голливуда и бывший актёр Бранко Лустиг передал на хранение статуэтку премии «Оскар», полученную им за работу над фильмом Стивена Спилберга «Список Шиндлера». Бранко, 9-летний еврейский мальчик из Хорватии, чудом выжил, проведя 4 года в концентрационных лагерях Освенцим и Берген-Бельзен вплоть до их освобождения Красной Армией. Кстати, за «Список Шиндлера» он был удостоен и европейского приза «Золотой глобус», а в 2001 г. ещё раз получил те же премии за известный фильм «Гладиатор». Свою жизнь в кино Лустиг начинал на «Ядран-фильме» в Загребе, снимался как актёр в памятной многим в СССР ленте «Козара», а с 1980 г. живёт в США. В 2008 г. Б. Лустиг стал почётным президентом Еврейского кинофестиваля в Загребе, ни один из которых, естественно, не обходится без фильмов из Израиля. Мы же говорим ИМКФ: «До встречи через год!», надеясь на не менее интересную программу.

В заключение, перефразируя классиков, хотелось бы спросить: неужто жители столицы Юга Израиля — лишние на этом празднике жизни? Даже в канун 120-летия кинематографа?

Беэр-Шева

Дина и Сергей Баймухаметовы

ЗЕЛЕНЫЙ МИР

Город Вена: вода, воздух, земля

Растения царствуют на свете. А мы живем их щедростью и милостью. Начиная с основы жизни как таковой — растения дают нам кислород, из которого состоят воздух и вода. Растения поглощают углекислый газ, который непрерывно производит человеческая цивилизация.

Вода

На фотографии не парк с диковинными круглыми прудами, а предприятие по очистке городских сточных вод, прямо говоря — канализации. В черте города.

В ноябре прошлого года «Московская правда» писала, что со времен советской власти (которая не беспокоилась об охране природы) в городах России практически не построено ни одного современного очистного сооружения. То, что осталось, морально устарело и физически изношено. (Данные научно-производственного центра «Промводочистка»: по многим показателям допустимые нормы на сброс превышены в 10 раз. Данные Федеральной службы по надзору в сфере природопользования: более 72 процентов стоков сбрасываются в водные объекты недостаточно очищенными, а 17 процентов — вообще без очистки.)

Иначе говоря, нечистоты сбрасываем в реки.

В том материале приводился пример: после того, как река Дунай, стекаящая с горных отрогов, проходит почти двухмиллионный город Вену, ее воды становятся чище, чем при вхождении в городские пределы.

Наши знакомые, в их числе и специалисты, и чиновники, удивлялись, спрашивали: «Как такое может быть?»

Чтобы выяснить в частности и это, мы и поехали в Вену - по приглашению мэрии, издавна поддерживающей деловые и культурные связи с мэрией Москвы.

На самом деле никакого секрета нет, говорил, знакомя нас с работой большого производственного комплекса, Карл Вёгерер, менеджер по связям с общественностью компании со сложным названием "ЭБС-Вин Хаупклеранлаге".

Почему «компания»? Вроде бы очистка городских стоков - дело сугубо государственное. Однако тут свой сюжет — и очень, очень существенный, но о нем — в конце очерка.

Итак, никакого секрета нет, а есть всем известные технологии. Вначале механическая очистка, отсеиваются крупные фракции — камни, гравий и другие твердые вещества. Потом — биологическая, подобная природным процессам — очистку ведут микроорганизмы. Потом — удаление азота и фосфора, осаждение микроорганизмов. И наконец — обогащение кислородом.

— 80 тысяч вот таких приборчиков аэрации обогащают кислородом, возвращают воду в ее первоначальное состояние — H_2O , — радостно объясняет Карл. — Дунай должен выходить из города таким же чистым, каким

входил в него. У нас народ очень бдительно следит, чтобы природу не загрязняли. А у вас?

Мы ответили, что экология, по опросам социологов, находится на предпоследних местах в перечне проблем, беспокоящих россиян.

И тут Вёгерер произнес, на наш взгляд, очень значимые слова:

— Экология и экономика взаимосвязаны: чем бедней и трудней живет народ, тем меньше ему дела до охраны окружающей среды. Но здесь прямая связь и в другом смысле. Например, мы стремимся к тому, чтобы экология была в то же время успешной экономикой.

Как так? Оказывается, опять же просто. Очищенная вода уходит в Дунай не напрямую, а через турбину. И дает 11 процентов энергии, потребляемой предприятием. Это немало, если учесть, что очистные сооружения расходуют 1 процент всей энергомощи Вены. Но в планах — полное самообеспечение.

— Сейчас мы начали проект стоимостью в 250 миллионов евро, срок окупаемости — 12 лет, - рассказал Карл. — Углубляем котлованы механической очистки, чтобы в специальных контейнерах осаждался ил, который в процессе брожения будет вырабатывать метан. Сжигаем метан — получаем электричество. После запуска установки в 2020 году не только себя обеспечим, но и будем продавать излишки.

Мы вспомнили нашу присказку о бесполезности попыток валять конфетки из отходов жизнедеятельности.

— У нас тоже так говорят! - рассмеялся Карл. — Только немножко по-другому: из дерьма — золото.

Однако, если вспомнить, что «электра» у древних греков — сплав золота и серебра, то так оно и получается буквально.

— А еще, - добавил Карл, — после ввода в строй нашей биоэнергетической установки, которая заменит несколько обычных мощностей, выброс углекислого газа в атмосферу Вены уменьшится на 40 тысяч тонн.

И еще: здесь, на очистных сооружениях городских сточных вод, канализации, проводят экскурсии для взрослых и детей. Детям раздается красочная книжечка-комикс «Капельки Тим и Трикси». Перевод аннотации: «Захватывающие приключения Тима и Трикси, двух маленьких капель воды, на пути с гор в Вену и дальше - в Дунай. Их путешествие научит нас, как лучше защищать окружающую среду. Вперед!».

Если же говорить о воде питьевой, то это тема особая, отдельная. По оценкам Всемирной организации здравоохранения 80 процентов заболеваний в мире так или иначе связано с плохой водой. В Вене все, от мала до велика, пьют одну воду - из-под крана. Говорят: лучше ее нет. Разумеется, и эта чистейшая горная вода, идущая по трубам самотеком, тоже работает — проходит через турбины 15 малых электростанций. Более того, в Австрии есть плавающие электростанции, использующие энергию воды без вмешательства в окружающую среду. Все это — составляющие единого будущего, которое называют «зеленой экономикой».

Воздух

На наш взгляд, символ чистого воздуха Вены — мусоросжигательный завод.

Кстати, построен он по проекту легендарного архитектора Фриденсрайха Хундертвассера.

Тут главное — эффект парадокса. Ведь завод, к тому же мусоросжигательный (само название приводит в содрогание), расположен почти в центре города, в одном из самых дорогих жилых районов. Так что чистота воздуха теперь вроде бы и не подлежит сомнению и обсуждению. Добавим: красивые золотые шары на трубе — не только архитектурное украшение, а еще и фильтры. К тому же и опять же — чистое сжигание мусора дает электроэнергию, обеспечивает горожан теплом, из золы здесь делают шлакобетон.

— У нас изначально, еще при получении разрешения на открытие предприятия, будь то завод или лакокрасочная мастерская, заложены очень жесткие экологические параметры. Без современной безупречной системы очистки воздуха никто не сможет начать свое дело, — говорит Хайнц Тицек, эксперт Венского магистрата по охране окружающей среды. Он — кандидат наук, химик, тема диссертации — защита воздуха от загрязнения. Тринадцать лет назад от теории перешел к практике.

— А далее — контроль, — продолжает Хайнц. — Мы выезжаем на место по любому сигналу от населения (допустим, жалуются на запах лака от мастерской по покраске автомобилей) и разбираемся. Вначале определяем: это разовая, внештатная ситуация — или же фундаментальное нарушение, неправильная работа предприятия вообще. Если первое — юристы определяют меру наказания, обычно это денежный штраф. А мы даем рекомендации, как исправить положение. Если причины фундаментальные, если есть опасность для здоровья людей — закрываем завод. Правда, на моей памяти, с 2002 года, таких случаев не было. Мы непосредственно контролируем малые и средние предприятия. А огромные заводы транснациональных корпораций живут по стандартам Европейского Союза. Там все расписано — от предельно допустимых норм до количества замеров в сутки и соответствующего документирования этих замеров...

Тут мы не удержались, прервали Хайнца. Еще советская пропаганда учила, что буржуазная власть — прислужница крупного капитала, так что какой там контроль... А сейчас видим, как наш московский департамент охраны природы закрывает глаза на все, что только можно. Например, осенью прошлого года Росприроднадзор обнаружил, что в выбросах Московского нефтеперерабатывающего завода (НПЗ) концентрация изопропилбензола превышена в 30 раз, пропанола — в 13 раз. При этом разрешения на выброс загрязняющих веществ в атмосферу у НПЗ нет вообще. Датчиков контроля — тоже нет (!?). Начальник московского департамента природопользования Антон Кульбачевский сообщил: «Изначально была договоренность, что такие датчики установят по завершении реконструкции нефтеперерабатывающего завода... Был долгий диалог с ними, и с 2011 года они эту реконструкцию начали, 15 лет их уговаривали. Это уже большой прорыв...»

То есть всемогущее, грозное наше государство 15 лет (!) робко умоляло НПЗ. И счастливо, что «уговорило»... Нет, не снизить выбросы, а всего лишь поставить датчики. Но - только после завершения реконструкции.

НПЗ принадлежит «Газпромнефти», а «Газпром» — это... Помнится, правящую партию «Наш дом — Россия», предшественницу нынешней правящей партии, в политических и околополитических кругах называли «Наш дом — «Газпром»».

— Если власть закроет глаза на подобное, тогда Европейский Союз возбудит дело уже против государства Австрия, — ответил нам Хайнц Тишек. — Не только транснациональная компания, нарушившая экологические стандарты, но вся страна Австрия будет отвечать перед Европейским сообществом. Воздух не признает границ. Мы все дышим одним воздухом. Воздух — это здоровье людей. На лечение заболеваний, связанных с дыханием, плохим воздухом, Евросоюз тратит 380 миллиардов евро в год. Природоохранные стандарты ЕС — закон. Другое дело, что каждая страна стремится их превзойти - для улучшения здоровья своих граждан. Например, вот сейчас, на 12 часов, — Хайнц повернулся к компьютеру, —

содержание оксида азота на самом большом автобане через Дунай — в 3,4 раза меньше, чем предельно допустимые нормы ЕС. И есть еще то, что мы называем тончайшей, дисперсной пылью. Ее содержание с 1995 года с 40 микрограммов снизилось до 22 микрограммов на кубометр.

Земля

Растения царствуют на свете. А мы живем их щедростью и милостью. Начиная с основы жизни как таковой — растения дают нам кислород, из которого состоят воздух и вода. Растения поглощают углекислый газ, который непрерывно производит человеческая цивилизация.

И если в каком-нибудь мегаполисе каждый метр земли стараются закопать в асфальт и закрыть плиткой, отдают под строительство заповедные зеленые городские территории, зачем-то нещадно скашивают траву в парках и скверах (против чего протестуют ученые, но их не слушают), уменьшая зеленую массу, - летом такой город превращается в раскаленную сковородку.

Живая, зеленая земля поглощает раскаленные солнечные лучи, давая взамен прохладу и воздух. В Вене это понимаешь со всей очевидностью. Не только стандарты ЕС и контроль властей определяют чистоту, качество воздуха. Прежде всего — земля. То, что растет на ней.

На снимке:

вы видите одно из самых древних в Европе и, безусловно, самое «секретное» дерево Австрии. Потому что тысячелетний тис волею обстоятельств оказался на территории Европейского патентного бюро. А это — секретнейшая организация (патенты!). Многие иностранные журналисты хотели посмотреть на тис, но им это не удалось. Для нас руководство

Бюро почему-то сделало исключение. Нас вели подземными коридорами, открывали незаметные в стене двери («Здесь триллер снимать», - пошутили мы.) и, наконец, вывели во двор. К тису. Мы благоговейно постояли в его тысячелетней тени, почти физически ощущая магию и дыхание древности, излучаемые его чешуйчатой, как шкура динозавра, корой.

И еще нам сказали, что после реконструкции территории доступ к древней реликвии будет свободный.

Однако это попутный сюжет. Суть же в том, что дерево благополучно простояло тысячу лет не в заповедном лесу, а в центре большого города, старинной столицы Европы. И за десять бурных веков никто его не тронул. Тоже ведь некий символ. Жители Вены с трепетом относятся к любому зеленому ростку. Не случайно Дом Хундертвассера

стал, как говорится в туристском бытословии, одной из визитных карточек Вены. Не только по архитектурному решению, своеобразию. Точнее, его архитектурное своеобразие в том и состоит, что это «зеленая» архитектура — с террасами и крышами, на которых растут деревья. На одной

из террас — кафе. Где пьют знаменитый венский кофе и ведут беседы в зеленой тени.

«Визитная карточка» — что-то из разряда представительского. На самом деле, не будь Дома Хундертвассера, ничто бы не изменилось, город был бы таким же, какой он есть. Вот фотография, возникшая случайно — из окна квартиры, в которой мы жили. Ничем не примечательный жилой дом, однако увитый плющом доверху.

Из-за деревьев не попали в кадр розы вдоль подъезда. Обыкновенное дело. Как улицы, вдоль которых стоят сплошные ряды тумб с декоративными кустарниками и цветами. Повседневность. Как 400 сортов роз, как 120-150 квадратных метров зеленых насаждений на каждого жителя, 850 больших садов и парков, включая знаменитый Пратер в 6 миллион в квадратных метров.

Но трудно отнести к повседневности, что в Вене (не считая биосферного заповедника Венский лес, окружающего город) — еще два природных заповедника непосредственно на городской территории: Тиргартен Лайнцир (где на воле гуляют сотни диких кабанов, ланей, оленей, муфлонов) и уникальный биосферный заповедник Лобау, где европейская водно-болотная экосистема сохранена в первозданном виде. Внутри города, мегаполиса. Или, точнее: это город находится внутри лесов и парков. В Вене мы часто остряли: города надо строить в деревне — там воздух чище.

Однако посмотрим серьезно, посчитаем.

Здания, сооружения, дороги, промышленные, железнодорожные и прочие площади занимают 32,9% территории.

А парки, пруды, реки, болота, леса, виноградники и другие сельхозугодья (обыкновенные сельхозземли, где выращивают продукты питания и затем продают их здесь же, в Вене) занимают 67,1% городской территории.

Только мы ведь живем при наступлении цивилизации, которая, как танк, сминает все на пути. Ее олицетворяют гигантские концерны, их мощь и влияние общеизвестны. Как удастся сохранить в неприкосновенности зеленые леса в городе? — спросили мы Эрика Валентина, депутата, председателя экологического комитета Венского ландтага.

— У нас генплан. Там четко обозначены территории, запретные для строительства. Чтобы добиться какого-либо изменения в нем, надо получить конституционное большинство в ландтаге — две трети голосов. Это очень трудно при нашей многопартийности, борьбе партий. Да, население каждый год увеличивается на 25 тысяч человек, но мы решаем проблему за счет уплотнения. Мы пересмотрели отношение к высотным зданиям: при талантливой архитектуре они тоже способны украсить город. Например, сейчас строим ДЕРЕВЯННЫЙ (выделено авторами) дом высотой 90 метров — экологически чистый небоскреб. А зеленая зона внутри города расширяется. Наша цель — каждый второй квадратный метр в городе должен быть зеленым. И вообще, все большие и малые мероприятия проводим с «зеленым» уклоном. Так было и с недавним финалом Евровидения. Кстати, я болел за вашу Полину Гагарину — талантище! Думаю, кто-то не голосовал за нее исключительно по нюансам политическим. Уверен: если бы не нынешние напряженные отношения России с Западом, она стала бы не вторым призером, а победительницей Евровидения. Увы...

Эрик Валентин горестно вздохнул. После чего перешел к деньгам.

— Природоохранный бюджет Вены — 700 миллионов евро, — сообщил он.

Мы занялись арифметикой.

Население Москвы — 12,7 миллиона.

Природоохранный бюджет — примерно 110 миллионов евро.

Население Вены — 1,7 миллиона.

Природоохранный бюджет — 700 миллионов евро.

Итого: в Москве — 8,6 евро на человека. В Вене — 412 евро на человека.

В 47 раз больше.

— Но это не отражает реальности. У нас многие предприятия, работающие на экологию, не получают денег из бюджета — сами себя содержат. Ведь бюджет — что корсет. С одной стороны, мы его затягиваем — так диктуют правила и красота, — улыбнулся Эрик Валентин. — С другой, хочется дышать свободней. Поэтому у нас предприятия по уборке мусора, очистке воды, улиц, дорог действуют в формате частных компаний. Владелец — город Вена. Тот же громадный комплекс очистных сооружений, где вы были, — частная компания "ЭБС-Вин Хауптклераплаге". Владелец — город Вена. А размах компании вы уже представляете: только строительство новой системы механической очистки и электростанции — 250 миллионов евро. То есть к бюджетным деньгам надо прибавлять природоохранную деятельность таких предприятий, и выразить ее в точных суммах нет возможности.

Непонимание, или Политическое дело?

Не только тем, кто упомянут в очерке, но и другим собеседникам мы задавали одни те же вопросы.

Можно ли утаить аварию, сброс неочищенных стоков, выброс вредных газов, может ли власть закрыть глаза на грубое нарушение природоохранных норм той или иной очень «авторитетной» компанией, может ли быть так, что город полгода регулярно травят сероводородом, а виновных так и не «удается» обнаружить. (Вспомним: недавно не кто-нибудь, а бывший главный санитарный врач России (!), ныне помощник главы правительства (!) РФ Геннадий Онищенко по радио советовал москвичам уезжать летом из столицы из-за превышения в воздухе сероводорода.)

Нас не понимали. После долгого нашего разъяснения отвечали: это вопросы теоретические, к жизни и практике не относятся, для крупных компаний соблюдение экологических стандартов — часть корпоративной этики, дело чести, в интернете идет непрерывный мониторинг состояния среды, каждый горожанин все видит, и от прессы ничего нельзя скрыть, разразится чудовищный скандал. Соответственно, вознегодует общественность, народ. И тогда одними штрафами не отделаешься. Это — дело политическое. Рухнут карьеры, полетят головы. А политики наши своими головами и креслами дорожат (Смех.)

Качество жизни

Это понятие более широкое, чем материальная обеспеченность (уровень жизни). Оно включает такие факторы, как здоровье, продолжительность жизни, питание, бытовой, психологический комфорт, социальное окружение, удовлетворение культурных, духовных потребностей, свобода деятельности и выбора, досуг, образование, социальное, психологическое, профессиональное самоутверждение и — состояние окружающей среды.

С 2008 года в мире работает международная Комиссия, которую возглавляет лауреат Нобелевской премии по экономике Джозеф Стиглиц. Ее задача — выработать критерии оценки экономической деятельности и социального прогресса. В первом докладе (2009 г.) Комиссия предлагала принять показатель «качества жизни» как основной критерий развития общества - вместо «валового внутреннего продукта» (ВВП).

Крупнейшая международная консалтинговая фирма по управлению персоналом Mercer ежегодно составляет рейтинг городов мира по качеству жизни. И шестой раз подряд признает Вену самым комфортным городом.

— Цивилизация, наука, бизнес — не враги экологии, они — партнеры, — говорит депутат Венского ландтага Эрик Валентин. — Фирма Mercer проводит этот опрос среди топ-менеджеров различных корпораций. Это значит, что они хотят жить в городе, где их 17-летняя дочь может без опаски возвращаться ночью с дискотеки, где хорошие врачи и хорошие школы для их детей, где есть все условия для развития личности, хотят жить в зеленом городе, где чисто и светло, где дышится легко.

Тут мы вздохнули: дети топ-менеджеров российских компаний, как правило, в родных городах не учатся и не лечатся, и сами топ-менеджеры в наших пенатах пребывают недолго.

— Да, — улыбнулся Эрик Валентин, — многие живут у нас в Вене и чувствуют себя хорошо. Владельцы наших бутиков, особенно ювелирных, очень рады их присутствию.

Однако вернемся к тому, с чего начали. Растения не просто царствуют на свете — они являют нам повседневное чудо. Мы выращиваем морковь на дачном участке и не очень задумываемся: из чего? И морковь, и гигантский баобаб вырастают из крошечного семечка. За счет чего? За счет ничего. За счет воды и солнечного света. Человек разумный должен осознавать, ЧТО ему даровано. Для его жизни, пользы и выгоды, которую всякое разумное существо вроде бы не может не понимать.

Москва - Вена - Москва

Авторы благодарят Карин Криспер, представителя ComPress — бюро по международным связям мэрии Вены, переводчиков Кристиана Кодерхольда и Александра Толстых за большую помощь в подготовке материала.

Игорь Ефимов

ЗАКАТ АМЕРИКИ

САРКОМА БЛАГИХ НАМЕРЕНИЙ

(продолжение. Начало в №1/2015 и сл.)

9. В СУДЕ

Я судил людей и знаю точно,
что судить людей совсем несложно —
только погода бывает тошно,
если вспомнишь как-нибудь оплошно.

Борис Слуцкий

За сорок лет жизни в СССР я ни разу не стоял перед судьёй. В судебном зале оказывался только в качестве зрителя на процессах диссидентов — Иосифа Бродского, Владимира Маразмизина, Ефима Славинского. В Америке же мне довелось выступать в качестве ответчика семь раз. Пять раз это было связано с дорожными происшествиями и нарушениями правил — реальными или вымышленными полицией. Так как судьи в Америке крайне редко идут против показаний стражей порядка, все пять раз меня объявили виновным и заставили уплатить штраф.

Два других эпизода были посерьёзнее. В одном финансовый гигант «Форд Мотор Кредит» требовал у меня вернуть им десять тысяч за разбитый автомобиль, которые отказались покрыть жулики-страховальщики. В другом знаменитый художник Михаил Шемякин хотел получить от нас ни много, ни мало десять миллионов долларов за тень, якобы брошенную на его светлый образ в книге, опубликованной издательством Эрмитаж, где в хвалебной статье о нём и его творчестве были допущены две неточности. Не имея денег на адвоката, в обоих случаях я защищал себя сам, что по-английски называется *defendant pro se*. Мне противостояли адвокаты из крупных контор Нью-Йорка и Филадельфии. В обоих случаях судьи решили дело в мою пользу. Адвокатов Шемякина даже наказали штрафом в 12 тысяч за необоснованный иск. После этого может ли в моей душе удержаться какое-то злое предубеждение против американских судей? Да никогда!¹

Другими источниками моих знаний о судебной системе являются фильмы, романы, газетные отчёты, но главным образом — телевизионные документальные фильмы «Из зала суда», которые я с увлечением смотрю чуть не каждый день. И год за годом у меня всё больше укрепляется впечатление, что американская юстиция перешла от защиты прав гражданина

к защите прав преступника. Права жертв остаются где-то на заднем плане, жертвы предстают перед нами в виде сухих цифр статистики. То ли дело преступник! Живой, страдающий, с трудом передвигающий скованные цепью ноги, подбадриваемый возгласами заплаканных родственников из зала, уверяющих присяжных и журналистов в его невинности.

В эпоху Средневековья ключевой фигурой судопроизводства в большинстве европейских стран был Господь Бог. Это Он решал, кому достанется победа в судебном поединке. Он определял, утонет или спасётся брошенная в воду женщина: если утонет — значит ведьма. Признания под пыткой считались наилучшим доказательством вины. Разве не ясно, что невинному Господь даст силы выдержать пытку? Ах, вы сомневаетесь в этом? Так не пора ли проверить силу и искренность вашей христианской веры? После столетия религиозных войн в странах победившего протестантизма произошли коренные перемены судебной практики. Добывание показаний с помощью пыток было запрещено. Появление независимых судов присяжных, в которых простые обыватели могли отстаивать невинность своих сограждан, защищать их от произвола королей, баронов, богатей, всевластных судей, до сих пор окружено заслуженным ореолом, представляется нам апофеозом справедливости и торжеством законности. Оберегать свидетелей и присяжных от давления сильных и власть имущих делалось предметом постоянных усилий юристов в англоязычном мире, утвердилось в виде принципов и обычаев, вызывавших уважение и зависть иностранцев чутких к идее справедливости.

Но всё переменялось с выходом на арену организованной преступности. Бастионы правосудия, строившиеся для защиты от верховной власти, оказалось невозможно быстро перестроить для защиты от удара с тыла. Какой-нибудь Аль Капоне, заливавший кровью улицы Чикаго в 1920-е, мог убрать любого опасного свидетеля нажатием курка, мог запугать любого присяжного и многие годы оставался недостижимым для американского правосудия. (Его удалось упрятать в тюрьму не за уголовщину, а только по гражданскому иску — за неуплату налогов.) Босс Нью-Йоркской мафии Джон Готти (1980-е) получил прозвище «Тефлоновый», потому что все суды над ним проваливались из-за отсутствия свидетелей, согласных дать показания против него, — они слишком хорошо знали, какая расплата ждёт их и их родственников, если бы они решились на это. Осудить его удалось лишь тогда, когда его подручный, Сэм Гравано, согласился дать нужные показания, за что ему были прощены девятнадцать совершённых им убийств и выделено несколько миллионов долларов для начала новой жизни под вымышленным именем (так называемая «программа защиты свидетелей»).

Понятно, что в глазах простого здравомыслящего человека американское правосудие превращалось в фарс. Европейские страны гораздо быстрее прореагировали на изменившуюся обстановку, одна за другой они либо отказывались от судов присяжных, либо сокращали их применение.

Култ свидетельских показаний, который ставил рядового человека на судебном заседании лицом к лицу с матёрым убийцей или безжалостным террористом, имеющим десятки сообщников на воле, был ослаблен, судьям разрешено было принимать письменные показания и не оглашать имена тех, кто решился их дать. Американские же юристы делали вид, что никаких коренных перемен не произошло. По данным 1988 года в Америке было проведено 120 тысяч судов присяжных, а во всём остальном мире — только 15 тысяч.² Отбор присяжных длится неделями, если не месяцами. В новостях сообщили, что отбирать присяжных для суда в Бостоне над террористом Царнаевым вызвано 1200 кандидатов. Это, конечно, объясняет, каким образом могут существовать и зарабатывать на жизнь 800 тысяч американских адвокатов (около 80% от числа адвокатов в мире), но не даёт никаких надежд на то, что американская юстиция пойдёт на реформы чреватые для неё такими серьёзными финансовыми потерями.

В сегодняшнем мире вовсе не нужно быть уголовником, чтобы оказывать эффективное давление на свидетеля. Каждый человек, в своей повседневной борьбе за существование и престиж, уязвим для скрытых и явных угроз, шангажа, раскрытия тайн личной жизни. Нужно обладать очень крепким характером, чтобы выдержать перекрёстный допрос на открытом судебном заседании.

Вся система американского судопроизводства построена на противоборстве двух сторон: обвинения и защиты. Как два боксёра на ринге, они должны подчиняться правилам, за соблюдением которых следят судьи. Цель одна — победа. Истина не только не важна, но часто воспринимается как враг, подлежащий уничтожению или, по меньшей мере, затуманиванию. Соответственно и вся профессиональная подготовка адвокатов и прокуроров нацелена не на отыскание истины, а на опровержение аргументов противника, на дискредитацию и запугивание выставляемых им свидетелей, на затуманивание одних фактов и раздувание важности других. Невозможно представить, чтобы кто-то из этих двоих вдруг объявил: «Да, мой оппонент меня убедил, я признаю свою неправоту». Такое заявление было бы знаком профессиональной непригодности, грозящим утратой престижа, а возможно и дисквалификацией. Разве что в трагикомическом финале фильма «Правосудие для всех», адвокат, роль которого исполняет Ал Пачино, кричит: «Да, лэди и джентльмены, мой подзащитный — насильник и негодяй, делайте с ним что хотите!»

Может ли Америка последовать примеру Европы и уменьшить роль суда присяжных в системе правосудия? Вряд ли. Представим себе кандидата в президенты, который призвал бы к отмене или ограничению этой формы осуществления правосудия. Представим себе, что он выставил бы все исторические и логические аргументы, указал бы на то, что отбор присяжных недопустимо затягивает судопроизводство; что в присяжные адвокат будет стараться отбирать только людей неуверенных в себе или отсталых, неосведомлённых, мнением которых легко манипулировать; что при-

сязный всегда остаётся уязвимым для давления со стороны преступного мира; что страна стала многонациональной и племенная ментальность мусульман, католиков, негров, китайцев, индусов делает вынесение справедливых приговоров таким же невозможным, каким оно всегда было, например, в Сицилии, или — сегодня — в Ираке, Чечне, Дагестане, Ингушетии, в кигайских кварталах американских городов. Против такого кандидата восстали бы не только все юристы страны, которые получают огромные деньги именно за судебную волокиту; не только все полицейские и тюремщики, которым подобные реформы грозили бы безработицей; но и миллионы простых людей, которым приверженность почтенным юридическим традициям даёт сладкую иллюзию разрешимости социальных бед чисто законодательными мерами.

Рационализм, вечно озабоченный поисками причин человеческих поступков и исключаящий свободную волю, не мог оставить в стороне такую важную сферу, как юстиция. Массированное наступление на идею индивидуальной ответственности, о котором говорилось выше в отношении учеников, студентов, учителей, банкиров, продолжается и в судебной сфере. Защитник подсудимого будет объяснять, что данный джентльмен, такой спокойный и приветливый на вид, нанёс тридцать ножевых ранений своей бывшей жене не потому, что он негодяй, заслуживающий электрического стула, а потому, что папа однажды отшлёпал его в детстве, а одноклассники дразнили и обижали. Или потому, что его личность расколота на три, пять, девять частей и ни одна из этих частей не может и не должна нести ответственность за другие.

«Мы допускаем, что люди творят зло, но мы хотим верить, что они делают по причинам, находящимся за пределами их контроля. Это новомодное, широко распространённое отрицание индивидуальной ответственности за поведение является результатом проникновения психологии в американскую судебную систему. Идея свободной воли и морального выбора изгнана полностью».³

Раз преступник совершает злодеяния не по собственной вине, значит нужно придти ему на помощь, излечить его от психологических травм, причинённых в детском или подростковом возрасте. Психотерапия нарушителей закона сделалась гигантским бизнесом, приносящим миллиарды армии психотерапевтов. (Им будет посвящена глава 13 во Второй части.) «Когда О-Джей Симпсон впервые предстал перед судьёй по обвинению в побоях, нанесённых жене, Николь Браун Симпсон, его присудили к прохождению небольшого курса психотерапии, и даже не в кабинете врача, а по телефону. В Коннектикуте полицейский Квинтинiano за убийство своей первой жены был присуждён к трём месяцам психотерапии. Излечившись, он вышел на свободу, женился и вскоре зарезал свою вторую жену».⁴ Никому и в голову не пришло предъявить обвинение психотерапевту или доброму судье.

Тезис «общество виновато» горячо поддерживают многие интеллектуалы. Знаменитый писатель Норман Мейлер был очень увлечён письмами, которые посылал ему из тюрьмы осуждённый убийца Генри Эббот. Они были наполнены ссылками на Маркса и Сартра, мечтами о грядущей революции и подробными описаниями тех сладостных чувств, которые испытываешь, всаживая нож в грудь ближнего своего и поворачивая его там. Играя на новомодных теориях в судебной практике, Мейлер сумел добиться условного освобождения Эббота, опубликовал его письма в виде книги «Во чреве зверя»,² ввёл в литературные круги Нью-Йорка. Пробыв три месяца на воле, Эббот вернулся к своему главному занятию — зарезал молодого официанта. Повод: тот сказал ему, что в их ресторане туалет за буфетом — только для служащих.

В одном из эпизодов телепередач «Из зала суда» рассказали о такой истории: молодая женщина была найдена изнасилованной и зарезанной в своём доме в Денвере, штат Колорадо. Полиция сбилась с ног в поисках преступника. Наконец, техника анализа ДНК улучшилась до такой степени, что следователи смогли выйти на убийцу, который в тот день числился заключённым, сидящим в тюрьме в Пенсильвании.

Как же так?

Оказалось, что за месяц до преступления какой-то судья приказал отправить заключённого для прохождения терапевтического лечения по новейшей методике, применяемой в Денвере. Там в тюремной больнице он вскоре напал на другого пациента. «Э, нет, так у нас себя не ведут, — сказали администраторы. — Мы отправляем вас обратно в Пенсильванскую тюрьму». И отправили. Но не в цепях и в фургоне, а просто купили ему билет на автобус. Выпустили утром, а автобус отходил только в пять дня. Чтобы не скучать, преступник зашёл в первый дом с открытой дверью, совершил своё чёрное дело и уехал досиживать свой срок в надежде, что прочное алиби ему обеспечено.

Время от времени сердобольные судьи объявляют, что в такой-то тюрьме переполненность превысила гуманные нормы, и отдают приказ выпустить значительную часть заключённых. Конечно, вместе с курильщиками марихуаны выпускают и настоящих убийц, которые тут же возобновляют свои подвиги. Но вера американца в то, что законом можно исправить любое общественное зло, исцелить любую социальную болезнь остаётся непоколебленной. Поэтому любой политик, который посмел бы завести речь об отмене невыполнимых законов и правил, моментально утратил бы поддержку своих избирателей.

Изначально суды были созданы для того, чтобы карать преступников, восстанавливать справедливость, мирить поссорившихся. Но в последние десятилетия они с увлечением занялись новым делом: благотворительностью за чужой счёт. Примеры можно приводить тысячами, один красочнее другого. Старушка облилась горячим кофе в Мак-Дональдсе — мы высудим у богатой фирмы несколько сотен тысяч «за нанесённое уве-

чье». Бедолага в нью-йоркском метро пытался покончить с собой, бросившись под поезд, но выжил, только потерял ногу; за такое несчастье с метрополитена можно затребовать и миллион — чтобы его машинисты учились тормозить мгновенно. Пьяный водитель врезался в стоящую на обочина «тойоту», автомобиль вспыхнул, пассажиры обгорели; с водителя взять нечего, но мы будем судить «Тойоту» за то, что разместила бензобак сзади. А если перенесёт вперёд, будем судить за все аварии, в которых бак вспыхнул при ударе о столб или стену.

Но главный простор раскрывается в обнаружении причудливых связей между любимыми болезнями и наличием каких-то химикалий в окружающей среде. «Можно объявить виновниками химические испарения из фанеры и телефонной пластмассы, мебели и продуктов питания. Ведь они вызывают аллергические симптомы, воспалительные процессы чреватые артритом или колитом, нервные расстройства, головные боли, депрессию, головокружение и массу других недугов». ² Всегда можно найти «учёных экспертов», которые за приличный гонорар найдут вам причинную связь между ушибом колена в цеху и начавшимся десять лет спустя раком. Плати, завод!

Зато бессмысленные формулы приговоров типа «два пожизненных срока в тюрьме» или «пожизненно плюс сорок лет» сделались общепринятой нормой. Видимо, скоро начнут добавлять энное число столетий горения в аду.

Василий Розанов внёс в свои «Опавшие листья» такую запись: «Цивилизации гибнут от извращения основных добродетелей, на которых всё тесто взросло... В Греции это был ум, в Риме — воля, “господствую”... Европейская цивилизация гибнет от сострадательности...». ² Продолжая этот ряд можно сказать, что СССР развалился от доведённой до парадокса идеи равенства, и предсказать, что американской цивилизации грозит гибель от идолоизации ЗАКОНА.

Роль президента в Американской истории гораздо более заметна, чем роль Председателя верховного суда. Между тем Верховные судьи порой оставляют гораздо более глубокий след, вносят более серьёзные и необратимые перемены. Президент Дуайт Эйзенхауэр был 34-ым президентом США, а назначенный им Эрл Уоррен — только 14-м Верховным судьёй. И за 16 лет своего пребывания на этом посту, он сотряс всю систему американского правосудия, изменив её незаметно и непоправимо.

Ещё находясь на посту губернатора Калифорнии, Эрл Уоррен принимал активное участие в интернировании 112 тысяч японцев, две трети из которых были американскими гражданами (1942). Конечно, это не было проделано с такой жесткостью, как, например, высылка татар из Крыма или чеченцев с Кавказа. Но в американской истории эта акция не имела прецедентов. Тысячи ни в чём не провинившихся людей были выброшены из своих домов, лишены имущества и отправлены в заключение на неопределённое время. И далее, в проводимых им судебных реформах, судья Уоррен многократно от-

давал предпочтение достижению прагматических целей ценой попрания принципов справедливости и уважения к правам американских граждан.

Насильственная десегрегация, насильственная транспортиция школьников на автобусах в дальние районы ради искусственного — и невыполнимого — перемешивания рас, были ещё одним примером уверенности законопоклонника в универсальности законодательного топора. И принятое под руководством Уоррена в 1966 году «правило Миранды», обязывающее полицейских при аресте извещать подозреваемого о его правах, тоже обернулось ни чем иным как расширением сферы свобод для преступного мира, открыло огромные возможности для уголовников всех сортов ускользать от правосудия. (Об этом подробнее в главе 11.)

Не случайно президент Джонсон выбрал судью Уоррена в качестве главы комиссии, расследовавшей убийство Джона Кеннеди, и поставил перед ним задачу: объявить Освальда убийцей-одиночкой, отмести все данные и улики, указывавшие на наличие заговора. Заперевшись с судьёй наедине в Овальном кабинете, президент сознался ему, что ЦРУ подсылало несколько раз убийц к Кастро, что тот перехватил их и, скорее всего, спасая себя, нанёс опережающий ответный удар, наняв мафию для убийства в Далласе. «Если это выплывет на свет, американцы потребуют вторжения на Кубу, и мы можем оказаться втянутыми в термоядерную войну, которой с трудом избежали год назад и в которой погибнут десятки миллионов», объяснял Джонсон.⁸

И Уоррен вял его призывам. В течение десяти месяцев он трудился на совесть, уводя расследование прочь от опасной правды. В марте 1964 года Джек Руби получил смертный приговор за убийство Освальда. Он был напуган, искал путей спасения. Комиссия Уоррена приехала в Даллас, чтобы взять у него показания. «Да, я готов рассказать правду, — говорил Руби. — Только увезите меня отсюда. Здесь моя жизнь в опасности». В стенограмме его допроса эта просьба повторяется шесть раз. Он умолял членов Комиссии забрать его в Вашингтон и каждый раз получал отказ. Судья Уоррен даже намекал ему, что он *не хочет слушать*.

— Если вам кажется, что вопросы задаваемые мною, могут в какой-то мере оказаться опасными для вас, я хочу, чтобы вы чувствовали себя вправе немедленно заявить, что интервью окончено.²

Верховный суд в США есть последний арбитр, изрекающий правила жизни для американцев. Его решения становятся прецедентом, которым обязаны руководствоваться все остальные судьи в стране. Конечно, эти решения влияют и на описанное во Вступлении противоборство между идеей свободы и идеей справедливости. И в июне 2012 года Верховный суд вынес решение, наносящее тяжелейший удар идее свободы.

Во всех странах и во все времена последним прибежищем свободы был рынок. Именно там один человек свободно назначает цену на предлагаемый им товар или услугу, а другой свободно покупает или отказывается купить предлагаемое. Недаром в английском языке слова «ярмарка», «справедливый» и «красивый» обозначаются одним и тем же словом: *fair*. Если власть *прика-*

зывает кому-то из подданных «покупать» тот или иной товар, это всегда замаскированное налогообложение или откровенный грабёж, как например «добровольное» подписывание на государственные займы в Сталинской России.

В Америке впервые этот трюк был проделан в 1965 году, при президенте Джонсоне. Тогда был издан закон, обязывающий предпринимателей «покупать» медицинскую страховку для своих работников. Это надругательство над свободой и здравым смыслом прошло почти незамеченным в гуле антивоенных волнений, сексуальной революции, расовых бунтов. Да и кому станет жалко предпринимателей? Пусть раскошелятся!

Во второй части книги, в главе 14, будет подробно описан страшный ихтиозавр по имени Медицинское страхование в США, выросший из маленького яйца за последние 50 лет. Как и следовало ожидать, страховой бизнес, имея перед собой покупателя с деньгами, которому некуда было деваться, только повышал и повышал расценки. Как и следовало ожидать, миллионы американцев, не достигшие пенсионного возраста и не имевшие работы, оставались без медицинского обслуживания. Как и следовало ожидать, вопли сострадания наполняли политические дебаты, и в марте 2010 года отлились в закон с красивым названием «Защита пациента» (Patient Protection and Affordable Care Act). Если отбросить красивую словесную шелуху, суть закона была проста: каждый взрослый американец обязан иметь медицинскую страховку. Если не купишь, заплатишь штраф. Если ты не хочешь лечиться, всё равно плати. Хочется спросить мудрых законодателей: «А если и штраф не уплатит? Пойдёт в тюрьму?».

Закон, нацеленный, казалось бы, на помощь самым неимущим, взваливал на них новый налог, закамуфлированный под рыночное решение проблемы. В народе к нему прилипло название *Obama-care*, что было бы уместно перевести на русский как «Обама-кара».

Несмотря на потоки демагогии и словесного трюкачества, изливающиеся в поддержку этого закона, нашлись в сегодняшней Америке миллионы людей, которые воспротивились очередному грабительскому трюку. Протесты, петиции, демонстрации, судебные иски, речи, статьи кипели два года и вынудили, наконец, Верховный суд изречь своё слово.

28-го июня 2012 года большинством пять судей против четырёх было вынесено решение: акт «Защита пациента» не содержит нарушения конституции.¹⁰

Члены Верховного суда назначаются пожизненно. Нам предстоит жить под властью этих людей ещё долго-долго.

Примечания:

1. Подробнее об этом можно прочесть во втором томе моих мемуаров «Связь времён. В Новом свете» (Москва: Захаров, 2012), т. 2, стр. 193-199 и 244-255.
2. Encyclopedia Britannica, v. 22, p. 486.

3. Hagen, Margaret A. *Whores of the Court. The Fraud of Psychiatric Testimony and the Rape of American Justice* (New York: Regan Books, 1997), pp. 305-306.
4. Там же, стр. 7.
5. Abbott, Henry Jack. *In the Belly of the Beast*. New York: Vintage Books Edition, 1982, 1991.
6. Huber, Peter W. *Galileo's Revenge. Junk Science in the Courtroom*. (New York: Basic Books, 1991), p. 93.
7. Розанов Васлий. Избранное (Мюнхен: Нейманис, 1970), стр. 176.
8. Moscovit, Andrei. *Did Castro Kill Kennedy?* (Washington: Cuban American National Foundation, 1996), p. 310.
9. Ibid., p. 87.
10. wikipedia.org/wiki/Patient_Protection_and_Affordable_Care_Act.

10. В АРМИИ

Генерал! Наши карты — дерьмо. Я пас.
Север вовсе не здесь, но в Полярном Круге...
На таком расстоянии любой приказ
превращается рацией в буги-вуги.

Иосиф Бродский

В хронике последних пятидесяти лет едва ли можно найти год, когда бы американские солдаты не гибли в какой-нибудь горячей точке планеты. Вьетнам, Иран, Ливан, Панама, Гренада, Сомали, Кувейт, Балканы, Афганистан, Ирак, Ливия... Арлингтонское кладбище в Вашингтоне всё растёт, а гробы с телами погибших всё летят и летят через океан. Их встречают с почестями, родственникам вручают свёрнутый флаг, говорят, что их сын, брат, муж, отец геройски погиб, защищая свою страну.

Пока существовала могучая «империя зла», мировой коммунизм, любые военные действия казались оправданными. Сегодня всё стало сложнее. Простому американцу нелегко понять, какую угрозу представляет для него серб, отбивающийся от албанцев в Косово, или афганский крестьянин, с трудом выживающий в своих суровых горах, или иракские шииты и сунниты, продолжающие резать и взрывать друг друга, как они это делали веками.

Официальная пропаганда даёт такое объяснение: заморские войны необходимы для достижения мира во всём мире. А мир может быть достигнут только тогда, когда все народы учредят у себя наилучшую форму правления — свободную рыночную демократию. Войны затевают злые тираны и диктаторы. А демократиям незачем воевать друг с другом, они умеют договариваться полюбовно. Поэтому мы должны всеми силами содейство-

вать свержению тиранов: Батисты на Кубе (1959), Трухильо в Доминиканской республике (1961), чилийского Альенде (1973), никарагуанского Сомозы (1979), гренадского Бишопы (1983), гаитянского Бэби Дока (1986), панамского Норьеги (1989), сербского Милосовича (1999), иракского Саддама Хусейна (2003), ливийского Каддафи (2011).

Американские военные базы рассыпаны по всему свету. Согласно докладу Министерства обороны, в 2009 году Америка имела 716 баз в 38 странах. Аналитики считают, что сюда не включены шпионские центры, которые довели бы число до тысячи. Кроме контингентов в Ираке и Афганистане, 28 тысяч дислоцированы в Южной Корее, 35 тысяч в Японии, 50 тысяч в Германии.¹ В 2014 году, в связи с конфликтом на Украине, началось наращивание войск в Польше, Литве, Латвии, Эстонии. Американские авианосцы, крейсера, подводные лодки бороздят все моря и океаны, бомбардировщики и истребители патрулируют небеса, вездесущие беспилотные дроны расстреливают врагов Америки на земле, как куропаток.

Спрашивается: почему же народы Третьего мира упорно отказываются от демократического правления и возвращаются под ярмо коммунистического или исламского деспотизма? Почему, например, демократия выжила на Тайване и в Южной Корее, а Южный Вьетнам и Камбоджа были проиграны коммунистам?

Ответ приоткрылся мне, когда в первый же год жизни в Америке я познакомился с ветераном Вьетнамской войны, Кеном Н. Его история врезалась мне в память надолго.

Рассказ Кена Н.

В боях я почти не участвовал, служил механиком по ремонту вертолётов. И подружился там с вьетнамцем по имени Сай Ди Мин. Звал его просто Сай. Есть в этом народе особое очарование, недаром столько наших солдат женились на вьетнамках. А мой Сай был такой отзывчивый — чистый камертон. Хотя простой парень, из крестьян. Дружили мы с ним и работали бок о бок почти год. И вдруг однажды утром появляется он печальный-печальный и говорит: «Пришёл проститься с тобой, Кен, не мог уйти просто так». — «Уйти? Куда? Что случилось?» — «Должен вступить в армию красных». — «Как?! Ты же вьетконговцев так ненавидишь!» — «Ничего не могу поделать. Они вербуют так, что вернуться нельзя». И тут он мне рассказал страшную историю, которые случались там тысячу раз, в каждой южновьетнамской деревне, и о которых наши телевизоры и газеты и радио ничего и никогда нам не сообщали.

«...Они пришли в мою деревню две недели назад. Пятеро вооружённых. Выстроили всех на площади. Мужчин — в один ряд, женщин и детей — в другой. Сначала пошли вдоль ряда мужчин. “Кто староста?” — “Я”. Бах, бах! Староста лежит на земле. Следующему в ряду: “Теперь ты будешь староста. Отвечаешь за остальных головой”. Идут дальше. “Запи-

сываешься во вьетконг?» — “У меня жена, трое детей, старуха-мать...” Бах-бах! Следующему: “Записываешься во Вьетконг?” Ну кто тут посмеет сказать “нет”?

Потом со списками, взятыми из сельской конторы, идут вдоль ряда женщин. “Имя? Фамилия? Так, у тебя муж — сын — брат — предатель, служит американским агрессорам. Передай ему: если через месяц не вступит во вьетконг — и ты, и все твои дети мертвы”. Вот так они пополняют свои ряды. Как я могу не подчиниться, обречь на смерть свою жену и маленького сына? Вошли в деревню пятеро, вышел отряд в тридцать человек. Да нас ещё — вынужденных перебежчиков — добавится столько же».

...Выслушал я рассказ Сая, всему сразу поверил. И понял: «Нет, нам их не победить». Сай и такие, как он, способны на любовь, способны на жалость. А враги их вырвались из плена любви и стали сильнее. Ты можешь засыпать их бомбами, залить напалмом — им никого не жалко. Ни чужих, ни своих. Американцы говорят: «Сражайтесь на нашей стороне, и у вас будет свобода и процветание». Вьетконговцы говорят: «Вступайте в наши ряды, а то всадим пулю вашему ребёнку в голову». За кем пойдёт бедный вьетнамец? Ясно, за кем. Поэтому красные там непобедимы.

Южным вьетнамцам противостоял враг совершенно безжалостный, а американские союзники постоянно хватали их за руки, требовали «соблюдения прав человека» во внутренней политике, выполнения условий зыбких перемирий. Полковник Оливер Норт с горечью вспоминает, что в 1968 году ему и его солдатам запрещалось входить в так называемую «демилитаризованную зону» или пересекать границу с соседним Лаосом. Диверсионные группы северных вьетнамцев, конечно, не считались с этими тонкостями, совершали свои нападения и исчезали за запретной для американцев чертой. Морским пехотинцам также было запрещено первым стрелять по приближающимся диверсантам — только отвечать огнём на огонь.²

С какого-то момента американцам пришлось прибегать к тактике, использовавшейся англичанами в войне с бурами в начале 20-го века. Так называемое «умиротворение» состояло в том, что жителей деревни перевозили в огороженные поселения, дома сжигали, скот и зерно уничтожали. «К 1968 году такой операции подверглись 70% деревень в провинции Кванг Нгай», — свидетельствует генерал Колин Пауэлл.³

Высоколобые стратеги и тактики, сидевшие в Пентагоне, понятия не имели о том, что такое война в джунглях с невидимым противником. Зато их суперрациональные умы могли утолять свою страсть к регламентированию, составляя подробные списки того, что американский солдат обязан иметь в своём рюкзаке, отправляясь в очередной патрульный дозор. Сапёрная лопатка, гамак, надувной матрас, пончо, 15 обойм к винтовке М-16, шесть ручных гранат, четыре фляжки с водой, полдюжины банок консервов, миномётный снаряд, мешок с пластиковой взрывчаткой, лекарства, санитарный па-

кет и ещё десятки других полезных предметов, включая нитки с иголками, рыболовные крючки, лезвия для бритвы и т.д. Общий вес достигал 80 фунтов. И с этим грузом солдат должен был продираться сквозь заросли и лианы, а потом вступать в бой с неожиданно нападавшим врагом.⁴

Впрочем, настоящие бои, когда можно было увидеть противника и открыть по нему огонь, случались редко. «Враг был везде и нигде, но, казалось, имел неиссякаемый приток подкреплений. Американские пехотинцы много раз проявляли отвагу в случившихся стычках, однако им редко доводилось увидеть нападавших на них вьетконговцев. Они несли потери, в основном, от огня снайперов и подложенных мин».⁵

Если у вьетконговцев не хватало противопехотных мин, присылаемых из СССР, они устанавливали на тропинках в джунглях нехитрые западни-ловушки: в вырытой ямке вколачивали стальной заточенный штырь и маскировали его сверху ветками и травой. Именно таким штырём был ранен в 1963 году лейтенант Колин Пауэлл — будущий начальник объединённых штабов Американских вооружённых сил. Думается, именно вес его рюкзака сыграл свою роль в том, что штырь пробил подошву сапога и ступню насквозь.⁶

Похоже, оснащение американского пехотинца осталось без изменений и 50 лет спустя. Когда в хронике показывают солдат, идущих по иракской пустыне или в афганских горах, они так же сгибаются под тяжестью огромных заплечных мешков. Но ещё тяжелее на них давят правила ведения боя, за нарушение которых можно легко попасть под трибунал. Как и во Вьетнаме, любой афганский пастух или иракский крестьянин может внезапно извлечь из-под халата «калашников» и открыть огонь. Ты же должен прилагать все усилия к тому, чтобы твои ответные пули не попали в мирных жителей.

Вьетнамская война оставила в народном сознании тяжёлые воспоминания, считается тёмным пятном и позорным поражением США. Однако она предстанет в другом свете, если смотреть на неё как на этап сорокалетней войны с мировым коммунизмом (1950-1990). С 1963 по 1973 год вся военная помощь Москвы поглощалась исключительно Ханоем, не было излишка, который позволил бы расширить коммунистический блок в других точках планеты. Но как только было заключено перемирие с Северным Вьетнамом в начале 1973 года, всё пошло по-другому.

Уже осенью того же года советские ракеты земля-воздух, переброшенные в Египет, сбивали израильские самолёты над Синаем во время войны Судного дня.

1975 год. Красные кхмеры захватывают власть в Камбодже, начинается террор Пол Пота. Корпус в 25 тысяч кубинских солдат прибывает в Анголу и принимает участие в гражданской войне, поддерживая про-коммунистические силы вплоть до 1991 года.

1976. Палестинцы начинают гражданскую войну в Ливане, сирийцы на советских танках входят в Бейрут.

1977. В Эфиопии марксист-ленинец Менгисту Хайли Мериам с помощью советского оружия и 15-тысячного корпуса кубинцев ведёт красный террор и войны с соседями.

1978. В зону советского и кубинского влияния попадает Южный Йемен.

1979. В Никарагуа сандинисты, свергнув диктатора Сомозу, начинают получать потоки оружия из СССР и Кубы. Советы вторгаются в Афганистан.

1980 год. Коммунистические повстанцы в Эл Сальвадоре получают советское оружие через Никарагуа и начинают гражданскую войну. В Перу под красным знаменем с серпом и молотом начинает действовать движение «Сияющий путь».

1981. Марксистский лидер Гренады Морис Бишоп с помощью кубинцев начинает строить новый аэропорт, в котором могли бы приземляться тяжёлые транспортные самолёты.

Поэтому Вьетнамскую войну можно оценивать и как некие Фермопилы, в которых американская армия успешно удерживала коммунистическую экспансию в течение десятилет.

Вот уже полвека американские политики взваливают на армию непосильное требование «гуманно обращаться с противником». В 1983 году часовой у американских казарм в Бейруте не имел права открыть огонь по неизвестному грузовику, мчавшемуся к воротам казарм, что стоило жизни 230 американских и французских солдат. И в Сомали в 1993 году в уличных боях с местными повстанцами американцам было запрещено использовать артиллерию. И в 2000 в порту Адена (Йемен) если бы моряки эсминца «Коль» встретили огнём неизвестную моторку, приближающуюся к кораблю, они могли бы пойти под суд за нарушение «правил ведения боя».

Рациональный ум может создать эсминец, авианосец, баллистическую ракету, атомную бомбу. Но он не может вписать в свою картину мира то, что противостоит ему сегодня: иррационального война-самоубийцу. Чем вы можете пригрозить, чем вы можете испугать человека, обвязавшегося взрывчаткой и входящего в вашу церковь, синагогу, школу, посольство, парламент? Чтобы победить озверевшего, его противнику придётся опуститься на тот же уровень, то есть применять средства несовместимые с идеалами справедливости и гуманизма. Отсюда и возникла тупиковая ситуация, в которой оказались сегодня вооружённые силы США.

Впервые им довелось столкнуться с армией самоубийц летом 1945 года. Сотни японских пилотов-камикадзе нанесли тяжёлые потери амери-

канскому флоту. В случае высадки на территорию Японии живыми бомбами сделались бы мирные жители, включая женщин и стариков, как это происходит сегодня в Афганистане, Ираке, Нигерии, Йемене, Иерусалиме. Атомная бомбардировка Хиросимы и Нагасаки, конечно, и была тем зверским актом, который спас жизни сотен тысяч американских солдат. Но сегодня такое решение было бы немислимым.

После развала советского блока в 1991 году расклад военных сил в мире изменился в корне. Исчезла угроза термоядерной войны между двумя супер-державами. Исчезли стимулы к тому, чтобы вести себя сдержанно и осмотрительно в международных конфликтах. Соблазн поспешных силовых решений всё нарастал и в 1999 году разразился грубейшим нарушением международного права: бомбёжками Сербии.

Объединенные силы Запада заявили независимому государству, что они считают прогресс демократии в нем недостаточным. Они потребовали от Югославии проведения референдума в Косове. Учитывая тот факт, что 90% населения этой области были этническими албанцами, референдум означал отделение Косова от Югославии. То есть от страны потребовали просто так отдать пятую часть своей территории. Требование мало чем отличалось от требований Гитлера к Чехословакии в отношении судетских немцев. Даже если бы на месте Милошевича был какой-нибудь гуманный и разумный лидер, он не мог бы принять подобный ультиматум. Не Милошевич развязал в очередной раз вековую вражду, не он зажег пожар. Зажгли его страстные поклонники демократии, вооруженные новейшими бомбами, ракетами, авианосцами, истребителями.

Зверские бомбежки беззащитной Югославии не могли достигнуть ни одной из тех целей, которые якобы ставил перед собой демократический Запад. Они не могли остановить резню, начатую сербскими националистами на территории Косова. Они не могли лишить власти «злодея» Милошевича. Они не могли способствовать демократизации Югославии. И главное, они не могли создать независимое демократическое государство на территории Косова, ибо албанцы, живущие на этой территории, не имеют никакого опыта политического самоуправления, не имеют независимой хозяйственно-экономической структуры, не имеют уверенности в том, что полные ненависти сербы не вернуться в эти края немедленно после ухода войск ООН.

Единственный результат этой беспрецедентной агрессии против независимого государства, ничем не нарушившего нормы международного права, сводится к тому, что немедленно подняли головы радикалы-сепаратисты во всем мире. Бомбы еще падали на Белград, когда возобновили военные действия против индонезийских войск сепаратисты Восточного Тимора. Застопорился мирный процесс в Северной Ирландии. И возможно, не без оглядки на Косово снова подняли голову борцы за самостоятельную Чечню. «Посмотрите, чего добились албанцы! Могущественный Запад бомбит их вековых врагов. Нельзя упускать такой момент!»

Международное право — детище XX века. Это еще младенец в колыбели. И бомбежки Югославии нанесли ему тяжелейшую рану. Борясь с «варварством», гуманный Запад загнал себя в моральный и политический тупик. Что мы будем теперь делать с курдами Турции, тамилами Шри-Ланки, сикхами Индии, индейцами Мексики, палестинцами Израиля? Бомбить Анкару, Коломбо, Дели, Мехико, Иерусалим?

Вот уже почти тридцать лет против Америки ведётся необъявленная война. Её солдат взрывают в Ливане и в Германии, убивают в Сомали и в Саудовской Аравии. Её посольства взлетают на воздух в Кении и Танзании. Её военный корабль торпедируют в Йеменском порту, и вдовы погибших моряков не знают, как объяснить детям, кто убил их отцов. Наконец, враг наносит удар по Манхэттену, и в огне гибнет больше американцев, чем их погибло 60 лет назад в Перл Харборе.

Но враг по-прежнему объявляется неизвестным и невидимым. При этом миллионы людей в разных странах мира маршируют по улицам своих городов, скандируя «Смерть Америке!». Они не кричат «смерть Франции» или «Испании» или «Швеции». Нет, именно Америка является объектом их открытой ненависти. В газетах этих городов прославляются «герои», погибшие в борьбе против Америки, новых бойцов призывают отдать свои жизни в священной войне, идёт сбор денег на военные нужды.

Американские политики сегодня готовы на словах признать, что страна находится в состоянии войны, но — с большими оговорками. Ведь война — это то, что может происходить только между государствами. И мы будем вести её с соблюдением всех пунктов Гаагской конвенции. А если перед нами нет враждебного государства, войны быть не может. Нападения на наших граждан, гибель наших солдат мы будем по-прежнему называть преступлениями отдельных фанатиков и экстремистских группировок. И на деньги налогоплательщиков будем разыскивать преступников по всему свету. А потом судить их с соблюдением всех норм нашего судопроизводства. А потом содержать в наших тюрьмах. И ждать, когда следующая группа террористов захватит гражданский самолёт и потребует освобождения заключённых «героев». Не отпустите? Тогда мы врезаемся в атомный реактор. Предпочтительно — в тот, что расположен поближе к населённым пунктам.

Трагедия 11-го сентября потрясла всю страну. Но вряд ли вы найдёте хоть одного американца, чьи взгляды изменились при виде рушащихся небоскрёбов Торгового центра. Каждый только укрепился в своих политических пристрастиях. И эти пристрастия, при всём их многообразии, распадаются на две основные группы: «миротворцев» и «оборонцев».

В 1938 году британский премьер-министр Чемберлен вернулся из Мюнхена, размахивая листком бумаги, подписанным самим Гитлером.

— Я привёз вам мир! — объявил он, сходя по трапу самолёта.

И Англия ликовала. «Миротворец» Чемберлен опять победил «оборонца» Черчилля. Как и большинство сегодняшних американцев, большин-

ство тогдашних англичан верило, что война — такое ужасное дело, что она должна быть одинаково ненавистна всем людям. Что боевые действия начнутся только там, где какой-то народ был угнетаем, притеснён, ограблен, обижен, оскорблён. «Если мы отдадим Гитлеру чешские Судеты (жалко нам что ли?), у него просто не останется *разумных* поводов начинать войну», — повторяли сторонники Чемберлена вслед за своим лидером.

Та же логика доминирует в чемберленовских умах и сегодня.

«Если израильтяне позволят палестинцам образовать независимое государство на Западном берегу, а македонцы дадут равные права албанскому меньшинству, а британцы уступят ирландским католикам Белфаст, а мексиканцы перестанут притеснять индейцев чиаппу, цейлонцы — тамилы, индонезийцы — восточных тиморцев, а Испания, Россия, Грузия, Турция согласятся на создание независимой Басконии, Чечни, Абхазии, Курдистана, на земле очень скоро воцарится абсолютный мир», — убеждают нас сегодня «миротворцы». И гибель тысяч соотечественников под развалами Торгового центра для них — лишь новое подтверждение их правоты. «Вот что вы натворили своей близорукой и жестокой политикой! — говорят они своим политическим противникам. — Не слушались нас — теперь расхлёбывайте эту кровавую кашу. И ждите повторения!»

Тот факт, что в любом народе, в любом человеческом сообществе вы можете найти людей, способных наслаждаться самовластьем, насилием, подавлением ближнего, к рассмотрению не принимается. И то, что это решительное меньшинство, сплочённое единодушием общей страсти, легко захватывает власть над миролюбивым большинством, разумному и благонамеренному человеку каждый раз представляется случайностью, отклонением от некой «нормы», которую он так уютно лелеял в своих мечтах. Когда «оборонцы» (если им разрешают открыть рот) пытаются напомнить своим идейным противникам все кровавые примеры недавнего прошлого — от мафии, берущей под свой контроль профсоюз, до большевиков и нацистов, захватывающих верховную власть в государстве, — «миротворцы» в ответ уверенно перечисляют очередные «ошибки» правителей, которые, дескать, и привели к этим печальным явлениям. «Слушались бы нас — и ничего подобного бы не случилось!»

Когда умелый янки из Хартфорда, что в штате Коннектикут, оказался в государстве короля Артура, он научил тамошних жителей множеству полезных вещей: ездить на велосипеде, изготавливать ружья и пистолеты, посылать телеграммы, говорить по телефону. И лишь одну сугубо американскую вещь он не пытался навязать им: демократический способ правления. Видимо, чувствовал, что ни рыцари, ни сам король Артур, ни злой чародей Мерлин, ни добрый поваренок Кларенс не смогут оценить по достоинству это политическое устройство.

Сто лет спустя всё изменилось.

Демократию будут навязывать народам, не знающим ещё колеса. Если какой-то американский политический деятель посмеет вслух сказать,

что не всякий народ и не на каждом этапе своего развития способен ввести такой сложный способ правления, его политическая карьера будет кончена. Демократия — это святое. Это венец творения. Гегель думал, что история нашла свое блистательное завершение в прусской монархии 19-го века. Сегодня его последователь, философ Фрэнсис Фукуяма, объяснил нам, что история закончилась демократией. Нет нужды искать дальше. Идеальное политическое устройство найдено. Каждый народ может взять его и винтить у себя, как электрическую лампочку. А то, что кровавые политические раздоры продолжают бушевать в десятках государств, объявлявших себя демократическими, это случайные отголоски прошлого, происки злых властолюбцев, результат невежества и неосведомленности.

21-й век начался с того, что американской армии было поручено построить демократию в Афганистане и Ираке. Взятие Кабула и Багдада, свержение злых талибов и кровавого Саддама Хусейна считались достаточной предпосылкой для этого святого дела. Советники, знавшие эти страны и их многоплеменное население, предупреждали, что стихия хаоса и насилий выплеснется неудержимо, — их не хотели слушать. Когда президенту Бушу-младшему сказали, что в Ираке наверняка начнётся гражданская война между шиитами и суннитами, он спросил: «А кто это такие?».⁷

Американские лидеры не хотели замечать простого факта: не было такой нации — иракцы. Была свирепая диктатура Саддама Хусейна, который во главе партии Баас сумел воспользоваться вакуумом власти, возникшим после свержения монархии (1958) и серии военных переворотов, и зверскими методами подчинить своему контролю самые разные этнические и религиозные группы: шиитов, суннитов, курдов, туркменов, христиан. Когда американцы свергли его (2003), вакуум власти возник снова. Какое-то время население ждало, чтобы победители взяли на себя роль правителей и обеспечили социальный порядок в стране.

Увы, этого не произошло. Профессора американских генералов в военных академиях учили их, что после свержения тиранов демократия в стране устанавливается сама собой с такой же неизбежностью, с какой груша падает тяжёлым концом вниз. Командование даже не выставило охрану у важнейших научных и культурных центров в Багдаде и других городах. Немедленно начался повальный грабёж художественных сокровищ Национального музея, библиотек, государственных архивов. Была также разграблена лаборатория, в которой хранились образцы опаснейших бактерий: чумы, холеры, вирусов полио и СПИДа. В течение лета 2003 кто-то вывез из подземных складов десятки тонн взрывчатых веществ RDX и HMX.⁸

Вторжения американских войск в мусульманские страны, естественно, порождают волну «мстителей», не связанных напрямую с террористическими организациями. Так как мусульманам не запрещается служить в американской армии, они оказываются в непосредственной близости к «врагам», не подозревающим об опасности.

5 ноября, 2009 года, в Форте Худ (Техас) майор Нидал Малик Хасан, числившийся психиатром в дислоцированной там военной части, с криком «Аллах Велик!», открыл огонь по своим «пациентам», убив 13 и ранив 29 военнослужащих. И этот случай был далеко не одиночным. Спрашивается, «почему командование форта не уволило майора Хассана, чьи радикальные взгляды были хорошо известны? Оказывается, иметь в своих рядах мусульманина-психиатра казалось вышестоящим важным свидетельством того, что и они следуют государственной политике введения мультикультурализма».⁹

Кровавые уроки не идут американским лидерам впрок. При президенте Обаме объектами крестоносцев демократии стали ливийский тиран Каддафи и сирийский диктатор Асад. Сенатор Маккейн призывал бомбить Дамаск, приземлялся в Триполи, где тряс руки мусульманским джихадистам, называл их героями, сражающимися за свободу. С помощью американских и британских бомбардировок Каддафи был свергнут и убит, страна, как и положено, погрузилась в гражданскую войну.

От рук «героических борцов за свободу» вскоре погиб американский посол в Ливии. Из-под кровавого тумана стали долетать известия об убийствах работников Красного креста, о взрывах нефтехранилищ, о гибели в волнах Средиземного моря сотен беглецов, пытающихся спастись от власти «героев». Но сенатору Маккейну было не до них: он уже был в Киеве, на Майдане, жал руки «героям», свергающим «тирана» Януковича (между прочим, демократически избранного президента). Конечно, с теми же последствиями для Украины, что и в Югославии, Афганистане, Ираке, Ливии: кровавый хаос, беззаконие, гражданская война, распад страны.

В книге Боба Вудворда «Войны Обамы» подробно описаны совещания, которые новоизбранный президент проводил со своими советниками и министрами летом 2009 года. Положение в Афганистане всем внушало уныние. Атаки террористов продолжаются. Часто в них участвуют люди, одетые в форму афганской армии. Полиция бездействует, половина полицейских — неграмотны. Являются на службу только за зарплатой. Огромные территории в провинции находятся под контролем талибов, которые получают сотни миллионов долларов от продажи выращиваемого там опиумного мака. Военные просили увеличить контингент американских войск в стране, Обама, обещавший в предвыборной кампании сокращение военного присутствия, упирался.

В какой-то момент участники совещания попытались сформулировать цели, которые Америка преследует в Афганистане. Согласились, что необходимо помогать экономическому развитию страны, улучшать образование и здравоохранение. Не допустить к власти талибан, искоренять коррупцию и аль-кайду. А может быть, следует найти замену многолетнему президенту Карзаю, часто проявляющему равнодушие к ценностям демократического катехизиса? И только министр обороны, Роберт Гейтс, осторожно предложил:

— А может быть, нам пора убрать из списка наших целей установление демократии во всех странах?

Наступила неловкая пауза — будто он сказал какую-то непристойность или испортил воздух. И вскоре все вернулись к вопросам, поддающимся привычно-рациональному вычислению: 40 тысяч? А может быть, хватит и двадцати? Или хотя бы тридцати?¹⁰

Борцы за демократию во всём мире любят приводить примеры успешного перехода к парламентскому правлению таких традиционно монархических стран, как Германия, Италия, Япония. Но они забывают, что уже в 19-ом веке все три управлялись не силой, а *законами*, выпускаемыми кабинетами министров за подписью монарха. У этих народов был накоплен огромный опыт жизни в *правовом* государстве. После Второй мировой войны победители смогли опереться на этот опыт и построить демократическую структуру, используя в качестве верховной власти оккупационные войска.

Ни в Афганистане, ни в Ираке, ни в Газе такого опыта не было. Мало того: победители отказались взять на себя роль *капитана корабля*. Если вы уклоняетесь от этой роли, вы неизбежно получите вакуум власти, который вскоре заполнит аль-кайда, талибы, хамас или ИГИЛ — Исламское государство Ирака и Леванта. Но принять эту простую истину идолопоклонник демократии не согласится никогда. Ведь это получилось бы, по сути, правление военной хунты! А отсюда один шаг и до возвращения колониализма! Нет уж, мы лучше будем вооружать нашу армию новейшими ракетами и дронами, которые, как молнии Юпитера, смогут поражать с неба всех новоявленных Аттил, Чингисханов, Тамерланов, Бин Ладенов.

Войны в Корее и Вьетнаме велись для достижения благой цели: сдерживать распространение коммунистического деспотизма в мире. Но эта цель была достижима, и после десятилетий борьбы поставленная задача была успешно выполнена.

Войны в Косово, Афганистане, Ираке тоже велись из благих намерений: учредить в этих странах демократический способ правления. Но эта цель была недостижима, ибо народы этих стран не имели никакого опыта жизни под властью *права*. Дальнозоркие предупреждали об этом близоруких многократно, красноречиво, убедительно — но тщетно.

(продолжение следует)

Примечания:

1. Buchanan, Patrick J. *Suicide of a Superpower. Will America Survive to 2025?* (New York: St. Martin Press, 2011), pp. 377, 375.
2. North, Oliver. *Under Fire. An American Story* (New York: Harper Collins, 1991), p. 98.
3. Powell, Colin, & Persico, Joseph. *My American Journey* (New York: Random House, 1995), p. 89.

4. Oliver North, op. cit., pp. 94-95.
5. Powell, op. cit., p. 75.
6. Ibid, p, 63.
7. Galbraith, Peter W. *The End of Iraq. How American Incompetence Created a War Without End* (New York: Simon & Schuster, 2006), p. 83.
8. Там же, стр. 102, 104.
9. Buchanan, op. cit., p. 269.
10. Woodward, Bob. *Obama's Wars* (New York: Simon & Schuster, 2010), p. 158.

Журнал «Семь искусств» № 9 (66) /2015 — Ганновер:
Семь искусств. 2015. — 356 с., 19,1 а.л.

© Евгений Беркович (составление и редактирование)
Компьютерная верстка: Марина Жукова

Семь искусств
Ганновер 2015

Семь свободных искусств - основа воспитания, которое надлежит давать не для практической пользы, но потому, что оно достойно свободнорожденного человека и само по себе прекрасно.

Аристотель. "Политика"

